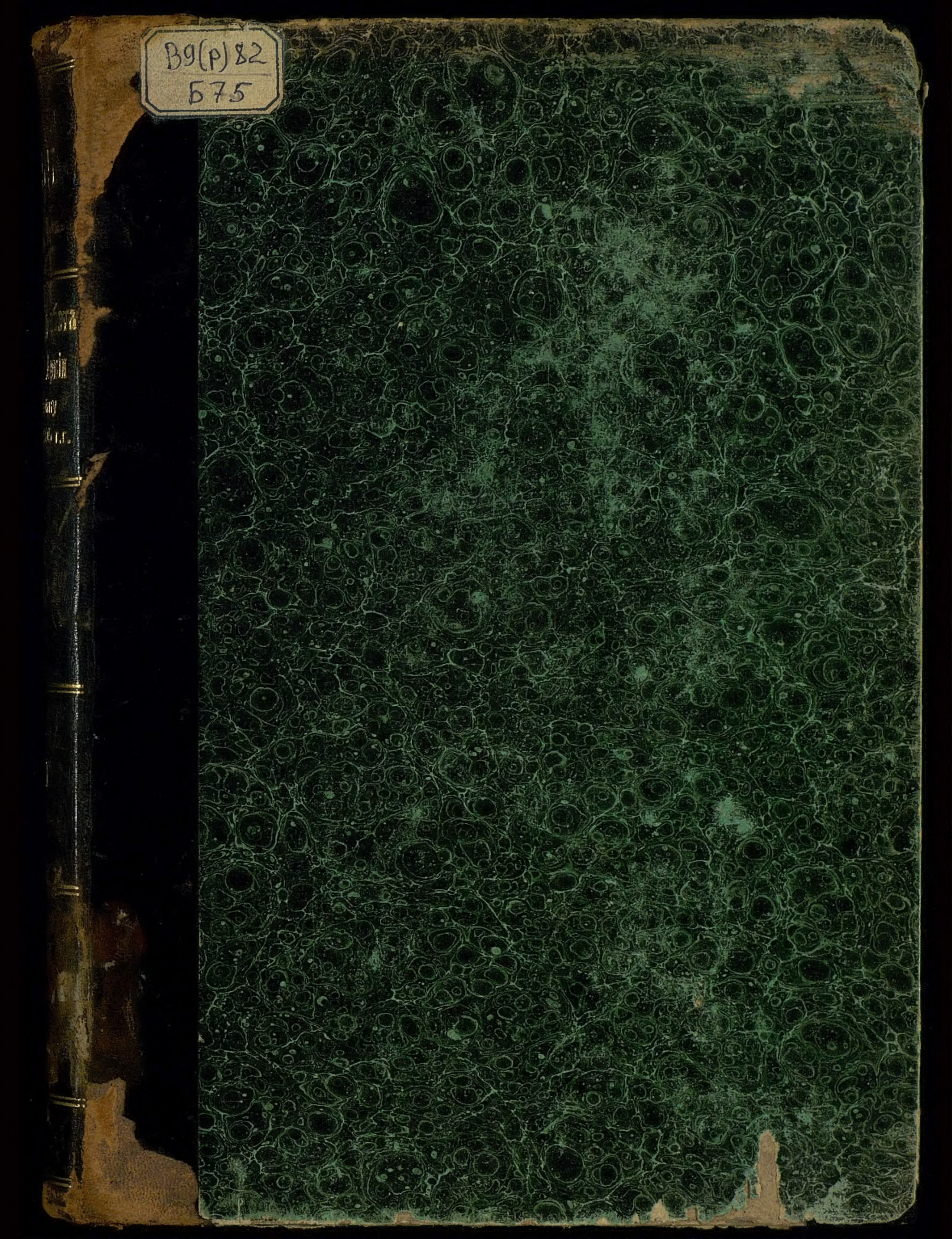
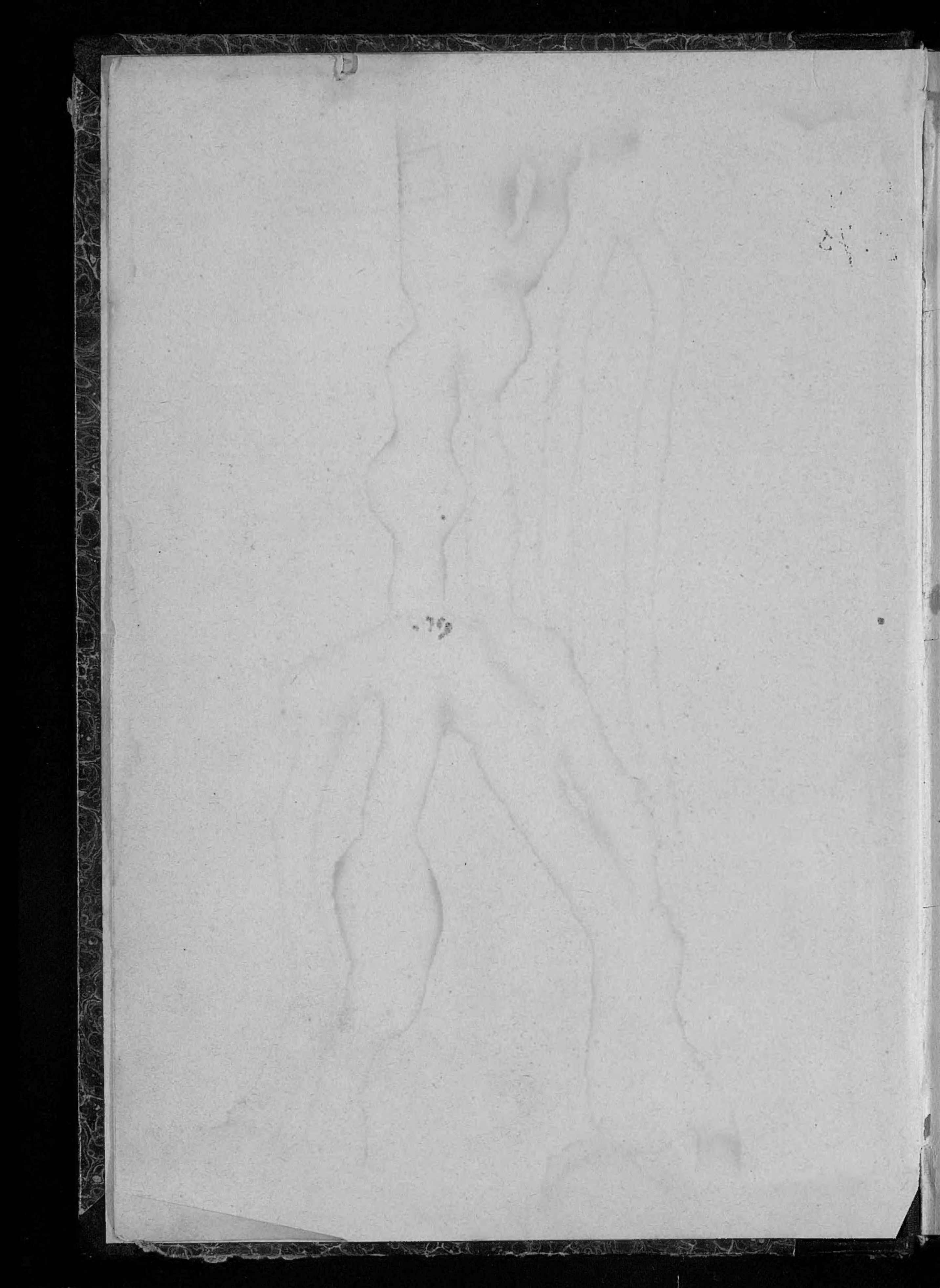




ИЗДАНІЕ КНЯЗЯ АБАМЕЛЕКЪ-ЛАЗАРЕВА.

Боевая работа Русской Арміи

въ войну 1904—1905 г.г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

2 л. прил.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Родникъ“, Невскій просп., №
1912.

Оглавленіе.

Картографическія приложенія.

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

---

1) Русско-Японская война 1904-1905 г.г. Работа военно-исторической Комиссіи по описанію Русско-Японской войны. СПБ. 1910 г.

2) Русско-Японская война въ сообщеніяхъ Академіи Генеральнаго Штаба. СПБ. 1906 и 1907 г.г.

3) Записки ген. Куропаткина о Русско-Японской войнѣ. Итоги войны. Изданіе 2-е. Berlin 1911 г.

4) Е. И. Мартыновъ. Воспоминанія о Японской войнѣ Плоцкъ. 1910 г.

5) Сипигусъ. Потревоженныя раны. Варшава. 1909 г.

6) М. Грулевъ. Въ Штабахъ и на поляхъ Дальняго Востока. СПБ. 1908 и 1909 г.г.

7) Д. Парскій. Причины нашихъ неудачъ въ войнѣ съ Японіей. СПБ. 1906 г.

8) М. Грудзинскій. Альма и Тюренченъ. Омскъ. 1907 г.

9) А. Н. Виноградскій. Русско-Японская война 1904-1905 г.г. СПБ. 1908, 1909, 1911 и 1912 г.г.

10) А. Свѣчинъ. Въ Восточномъ отрядѣ. Варшава 1908 г.

Отъ издателя.

Къ началу настоящаго года я издалъ книгу: „Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну съ Японіей 1904—5 г.г.“, чтобы на основаніи свидѣтельствъ и сочиненій иностранцевъ выяснить вопросъ показала ли себя современная наша армія достойной славы прежнихъ нашихъ армій.

Хотя иностранцы скорѣе намъ враждебны, чѣмъ безпристрастны, тѣмъ не менѣе всѣ изъ нихъ, свидѣтельствовавшіе и писавшіе о нашей арміи, приходятъ къ выводу, что русская армія показала и въ прошлую войну тѣ же удивительныя качества мужества и выносливости, которыми наша армія отличалась въ прошлыхъ побѣдоносныхъ войнахъ и что если тѣмъ не менѣе мы потерпѣли неудачи и заключили безславный миръ, то отъ ряда другихъ причинъ.

Послѣ изученія иностранныхъ источниковъ я просилъ составителя перваго моего изданія изучить съ тою же цѣлью Русскіе источники, какъ оффиціальные, такъ и неоффиціальные, составленные участниками войны, начиная съ трудовъ одного изъ нашихъ главнокомандующихъ.

Велика была задача справиться съ огромною массою русскихъ источниковъ, изложить, въ формѣ понятной для неспеціалиста военнаго дѣла, выводы вытекающіе изъ русскихъ источниковъ, выяснить хотя нѣкоторыя изъ многихъ причинъ, вызвавшихъ наши неудачи, но все же вытекаетъ, какъ изъ иностранныхъ, такъ и изъ русскихъ источниковъ, что войска наши, начиная съ рядового до самыхъ высокихъ чиновъ команднаго

состава, проявили чудеса личнаго мужества, безпримѣрной выносливости къ потерямъ и лишеніямъ продолжительной кампаніи.

Вмѣстѣ со многими изъ славныхъ участниковъ прошлой кампаніи выражаю я полную увѣренность, что даже послѣ всѣхъ нашихъ неудачъ, если бы мы продолжали войну, то мы окончили бы ее со славою.

Также и въ будущихъ войнахъ, при достаточной продолжительности кампаніи, при русской доблести и неисчерпаемыхъ рессурсахъ нашей огромной страны, успѣхъ нашъ безспоренъ.

Наша война съ Японіей привлекла вниманіе всего міра. Представители всѣхъ регулярныхъ армій земного шара присутствовали при развитіи кровавой драмы въ горахъ и равнинахъ Манчжуріи. Большинство этихъ безпристрастныхъ свидѣтелей обогатило военную литературу своего отечества правдивымъ описаніемъ событій, совершившихся на ихъ глазахъ. Мы воспользовались сказаніями иностранцевъ о нашей арміи съ тѣмъ, чтобы установить правильную оцѣнку личнаго состава арміи, т.-е. офицеровъ и солдатъ [1]).

Единогласно свидѣтельствуютъ иностранцы о нашей доблести, упорствѣ, беззавѣтной храбрости, но на этой оцѣнкѣ остановиться нельзя; надо всесторонне ознакомиться съ боевой работой арміи, использовавъ всѣ, заслуживающіе вниманія, отечественные источники.

Только тогда предъ взоромъ непредубѣжденнаго читателя развернется во всю ширь и глубь, картина великаго подвига русскаго человѣка въ далекой Манчжуріи, гдѣ шла упорная, кровавая борьба за интересы, недоступные его пониманію.

Безропотно несъ русскій человѣкъ свою жизнь на алтарь отечества. Не принялъ богъ войны кровавой жертвы, и побѣда склонилась на сторону нашего доблестнаго врага.

Кто въ этомъ виноватъ? Вотъ вопросъ, на который отвѣтитъ въ свое время исторія, а мы, живые свидѣтели нашей боевой неудачи, должны помочь историку изслѣдовать причины пережитаго несчастья.

---

[1]) См. изданіе кн. Абамелекъ-Лазарева: Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну съ Японіей 1904—1905 г.г. СПБ. 1912 г.

Главнымъ орудіемъ борьбы всегда былъ и будетъ человѣкъ. Вотъ съ нимъ-то, съ этимъ борцомъ, и надо познакомиться возможно ближе и полнѣе. Тогда только, убѣдившись въ неизмѣнности боевой доблести русской арміи, русское общество можетъ спокойно смотрѣть на тучи, заволакивающія политическій горизонтъ. Пусть судьбѣ угодно будетъ вновь послать на нашу долю бурю боевую. Насъ не устрашатъ ея громы, нашъ строевой офицеръ и солдатъ вновь поразятъ міръ геройствомъ, отнюдь не уступающимъ подвигамъ предковъ.

А. Н. А.

ГЛАВА I.

Общее положеніе на Дальнемъ Востокѣ передъ войной; ея неизбѣжность.

Борьба Россіи съ Японіей была неизбѣжна. Существенные интересы обѣихъ сторонъ должны были неминуемо привести ихъ къ столкновенію.

„Утвердивъ свое вліяніе въ Кореѣ и фактически уничтоживъ ея независимость, Японія появлялась у самыхъ границъ Южно-Уссурійскаго края и въ то же время угрожала свободѣ плаванія черезъ Корейскій проливъ. Занявъ же южную Манчжурію, она могла устроить здѣсь прочную базу для операцій противъ Амурскаго края, получала возможность производить постоянное давленіе на Китай, могла вести отсюда наступленіе противъ насъ въ союзѣ съ Китаемъ и была въ состояніи парализовать все великое изначеніе нашей Сибирской желѣзной дороги, какъ международнаго пути къ Тихому океану. Очевидно, что взамѣнъ безсильной Кореи и громаднаго, но безмопоіцнаго Китая Россіи было невыгодно имѣть у своихъ границъ новаго сухопутнаго сосѣда, уже доказавшаго всю свою относительную силу и несомнѣнную энергію. Такого сосѣда необходимо было устранить хотя бы на то время, пока положеніе русскихъ людей на берегахъ Тихаго океана еще не было упрочено“ [1]).

„Настойчивое сопротивленіе, оказанное намъ Японіею уже не по Корейскому, а по Манчжурскому вопросу, отчетливо указывало на то, что оба вопроса слились, въ сущности, въ одинъ, что теперь и Манчжурія включена Японіей въ кругъ ея наиболѣе жизненныхъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ Поднимая, кромѣ Корейскаго, еще и Манчжурскій вопросъ, Японія съ одной стороны создавала себѣ при новыхъ переговорахъ съ Россіей широкое поле для мнимыхъ уступокъ, а съ другой стороны обезпечивала себѣ и помощь тѣхъ государствъ,

---

[1]) Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Работа военно-исторической комиссіи по описанію Русско-Японской войны. Т. I, стр. 3—4.

которыя были заинтересованы въ этой области, какъ въ извѣстномъ рынкѣ" [1]).

Русское правительство считало, что Манчжурскій вопросъ касается только Россіи и Китая, какъ двухъ „независимыхъ и самостоятельныхъ государствъ, не обязанныхъ давать другимъ отчета въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и обязательствахъ". Отсюда выяснилось „одно изъ главнѣйшихъ противорѣчій, существовавшихъ во взглядахъ русскаго и японскаго правительствъ,—противорѣчій, сохранившихъ свою силу и въ періодъ послѣднихъ переговоровъ между Петербургомъ и Токіо" [2]).

Англо-японскій союзъ, положилъ начало новому порядку вещей на Дальнемъ Востокѣ. Въ лицѣ Англіи, Японія получила крупную поддержку, позволявшую ей еще настойчивѣе добиваться осуществленія всѣхъ намѣченныхъ ею цѣлей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „въ лицѣ Японіи Англія нашла на Дальнемъ Востокѣ такого союзника, интересы котораго не только вполнѣ совпадали съ ея собственными интересами, но который, кромѣ того, могъ выставить сухопутную армію, болѣе солидную, чѣмъ ея армія, а морскія силы болѣе значительныя, чѣмъ силы русской Тихоокеанской эскадры. Въ свою очередь Японія получила два недостававшихъ ей для новой борьбы на Азіатскомъ материкѣ фактора,—возможность добыть деньги и нравственную поддержку, способную перейти въ болѣе существенную матеріальную помощь" [3]).

Поводомъ къ войнѣ послужилъ вопросъ о пресловутой лѣсной концессіи въ Сѣверной Кореѣ. „Концессія включала важные въ военномъ отношеніи горные проходы. Держатель концессіи получилъ право строить тамъ дороги, проводить телеграфъ, возводить зданія, содержать пароходы и проч., такъ что становился на весь 20-лѣтній концессіонный срокъ фактическимъ хозяиномъ Сѣверной Кореи".

„Въ этихъ видахъ, въ Петербургѣ было рѣшено эту концессію купить, во-1-хъ, ради того крупнаго военно-политическаго значенія, которое она могла получить, а во-2-хъ, и въ виду опасности, грозившей русскимъ интересамъ въ случаѣ, если бы права концессіи попали въ руки англичанъ или японцевъ" [4]).

---

[1]) Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Работа военно-исторической комиссіи по описанію Русско-Японской войны. Т. I, стр. 19.

[2]) Р.-Яп. война. Раб. В.-Ист. К., т. I, стр. 20.

[3]) Тамъ же, стр. 22.

[4]) Тамъ же, стр. 25.

Государственная важность вопроса вынудила отправить на средства Кабинета въ Сѣверную Корею специальную экспедицію, которая „принесла свѣдѣнія, что весь раіонъ Тумени и Ялу можетъ легко сдѣлаться источникомъ крупныхъ богатствъ и, слѣдовательно, подспорьемъ въ громадныхъ расходахъ, неизбѣжно требуемыхъ нашимъ новымъ положеніемъ на Дальнемъ Востокѣ“ [1]).

Прежде, чѣмъ приступить къ эксплоатаціи лѣсовъ, „необходимо было установить самый бдительный надзоръ за рубкою и сплавомъ лѣса по рѣкѣ. Съ этою цѣлью, около 10 марта на р. Ялу была отправлена партія лѣсной охранной стражи, имѣвшая въ своемъ составѣ уволенныхъ въ запасъ сибирскихъ стрѣлковъ. Кромѣ того, необходимость устройства лѣсопильнаго завода и складовъ заставила агентовъ ялуцзянской компаніи обосноваться у самаго устья р. Ялу, въ мѣстечкѣ Іонампо. Появленіе нашей лѣсной стражи на берегахъ р. Ялу и начавшіяся здѣсь работы въ связи съ несостоявшимся 26 марта выводомъ русскихъ войскъ изъ Мукденской провинціи казались новымъ проявленіемъ активной дѣятельности русскихъ людей по отношенію къ Кореѣ и окончательнымъ рѣшеніемъ судьбы, ожидавшей Манчжурію. Все это, въ свою очередь, не могло не вызвать замѣтной тревоги и въ Японіи и въ Китаѣ и вызвало со стороны Англіи, Америки и той же Японіи серьезное противодѣйствіе русскимъ планамъ“ [2]).

Попытка Японіи придти къ соглашенію съ нами, осенью 1902 г., не удалась такъ же, какъ и переговоры Маркиза Ито, веденные въ Петербургѣ въ концѣ 1901 г. Въ первой половинѣ 1903 г. „заявленія японцевъ проявились съ особой опредѣленностью. Хотя японскія предложенія по своей формѣ и имѣли видъ дружественнаго соглашенія, но въ дѣйствительности они являлись требованіемъ, опиравшимся на почти законченныя приготовленія къ войнѣ, т.-е. имѣли смыслъ простого ультиматума, оставлявшаго намъ выборъ между окончательнымъ разрывомъ и подписаніемъ предложенныхъ Японіею принципіальныхъ условій“ [3]).

Еще при передачѣ первоначальныхъ предложеній японцевъ въ Петербургъ, нашъ военный агентъ въ Японіи замѣтилъ усп-

---

[1]) В.-И. К., т. 1, стр. 34.
[2]) Тамъ же, стр. 26.
[3]) Тамъ же, стр. 29.

ленную дѣятельность японскаго главнаго штаба, о чемъ онъ и донесъ. А вслѣдъ за тѣмъ и Намѣстникъ телеграфировалъ военному министру, что „военныя приговленія Японіи продолжаются съ усиленною энергіею, въ виду чего, и принимая во вниманіе общую политическую обстановку, дающую основаніе ожидать со стороны Японіи рѣшительныхъ дѣйствій, представляется крайне необходимымъ быть освѣдомленнымъ, въ какомъ положеніи находится вопросъ объ усиленіи нашего военнаго положенія на Дальнемъ Востокѣ“ [1]).

Учрежденіе намѣстничества, „оставленіе русскихъ войскъ въ Манчжуріи на неопредѣленное время, совершившаяся лѣтомъ 1903 г., хотя бы и въ слабой формѣ, перевозка на Дальній Востокъ подкрѣпленій изъ Европейской Россіи, усилившаяся дѣятельность концессіи на Ялу, обратное занятіе Мукдена,—вызывали подозрительность и негодованіе японцевъ, а съ другой стороны—доходившія до насъ еще съ августа мѣсяца извѣстія о принимаемыхъ Японіею мѣрахъ къ мобилизаціи арміи и флота приводили насъ къ необходимости „теперь же, безотлагательно, безъ потери малѣйшей минуты готовиться къ борьбѣ. А между тѣмъ, любой актъ этой подготовки только усиливалъ подозрительность будущаго врага и общую остроту всей обстановки, говоря иначе, отдалялъ возможность желательнаго соглашенія и наоборотъ приближалъ время разрыва“ [2]).

Въ конечномъ результатѣ, послѣднія предложенія русскаго правительства дѣлали японцамъ новыя уступки, а изъ Японіи неизмѣнно приходили донесенія о приготовленіяхъ нашего противника къ кровавой борьбѣ.

„20 и 22 января были получены въ Портъ-Артурѣ депеши изъ Хабаровска, въ которыхъ командующій войсками округа извѣщалъ Намѣстника о поспѣшномъ выѣздѣ японцевъ изъ Хабаровска и Никольска-Уссурійскаго во Владивостокъ, а оттуда на родину. Японцы, проживавшіе въ Хабаровскѣ, получили отъ своихъ агентовъ изъ Владивостока извѣстіе объ объявленіи Японіей войны Россіи. Коммерческій агентъ Японіи изъ Владивостока сообщалъ объ обострившихся отношеніяхъ между Японіей и Россіей во всѣ города Пріамурскаго округа, а также въ Благовѣщенскъ, Читу и Иркутскъ. Онъ совѣтовалъ выѣзжать.

---

1) Раб. В.-Ист. К., т. I, стр. 42.
2) Тамъ же, стр. 46.

О небходимости выѣхать и о томъ, что скоро будетъ объявлена война, собщали японцамъ и многія частныя депеши. Во Владивостокъ пришелъ особый пароходъ для отвоза японцевъ на родину. Съ 15 января отъ нашего военнаго агента въ Японіи начали поступать самыя отрывочныя депеши“ [1])

Положеніе вещей на Дальнемъ Востокѣ становилось все болѣе угрожающимъ. „22-го января, въ 4 час. 25 мин. пополудни, въ Токіо получена телеграмма изъ Чифу; въ ней Японскій консулъ сообщалъ, что „всѣ крупныя суда Портъ-Артурской эскадры, за исключеніемъ одного, находящагося въ ремонтѣ, вышли изъ порта и направились по неизвѣстному назначенію“. По словамъ Nagao Ariga, профессора международнаго права въ высшей военно-морской школѣ въ Токіо, Японія боялась быть застигнутою врасплохъ. Русская эскадра, свободная въ своихъ операціяхъ, могла только мѣшать ея планамъ и ея расчетамъ. Необходимо было сейчасъ же принять тѣ или иныя мѣры“.

„Вечеромъ 22 января (4 февраля), какъ только было получено въ Токіо извѣстіе о выходѣ Портъ-Артурской эскадры въ море, сейчасъ же состоялось, подъ предсѣдательствомъ императора, чрезвычайное совѣщаніе, рѣшившее безотлагательно начать войну съ Россіей [2])“.

Несмотря на то, что разрывъ совершился, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ не терялъ надежды на возобновленіе переговоровъ. Допускалось, что японцы высадятся въ южной Кореѣ, но это не отрѣзывало путей къ мирному соглашенію.

„Японцы думали иначе. Они рѣшили не молча высаживаться, а внезапно напасть. При этомъ объектомъ для нападенія была избрана русская эскадра. Пока она оставалась нетронутою и свободною, всѣ операціи японцевъ на материкѣ находились подъ постояннымъ страхомъ перерыва сообщеній между арміею и ея базою, а самая армія—предъ страшнымъ призракомъ голода и неимѣнія боевыхъ припасовъ. Необходимо было или захватить, или блокировать эту эскадру, или же, что казалось еще болѣе надежнымъ—нанести ей насколько возможно тяжелыя и неизлѣчимыя раны. Японцы считали, что передъ этою великою и насущною для нихъ цѣлью всѣ средства одинаково законны“ [3]).

---

[1]) Раб. В.-Ист. К., т. I, стр. 78;
[2]) Тамъ же, стр. 75.
[3]) Тамъ же, стр. 79.

Дѣйствіями японской эскадры въ ночь съ 26 на 27 января, „господство на морѣ, по крайней мѣрѣ, на первые мѣсяцы борьбы, было обезпечено за Японіей. Высадка ея войскъ становилась теперь возможною не только въ южной или средней Кореѣ, но и много сѣвернѣе, даже на побережьѣ самой Манчжуріи“ [1]).

Начавшаяся война не была нами подготовлена въ политическомъ отношеніи. „Мы имѣли за собою сочувствіе многихъ народовъ, но этимъ все и ограничивалось. Отношенія же къ намъ государствъ, имѣвшихъ для данной борьбы наибольшее значеніе, т.-е. отношеніе Англіи, Германіи и Китая оставались или враждебными или маловыясненными. Въ результатѣ мы не имѣли твердой увѣренности ни за свой тылъ въ Европѣ, ни за свой правый флангъ (а отчасти и тылъ) на самомъ театрѣ борьбы. Никакихъ союзниковъ на случай вооруженнаго столкновенія съ Японіею подготовлено не было, никакой помощи отъ политики стратегія не получила“.

„Россія начинала борьбу безъ союзниковъ, а Японія—опираясь на два государства, владѣвшія сильнѣйшими въ мірѣ эскадрами и богатѣйшими запасами золота. Получалась знакомая страница изъ русской исторіи—одиночество русскаго человѣка въ его борьбѣ съ внѣшними врагами, наличіе противъ него хотя и скрытыхъ, но безусловно сгруппированныхъ враждебныхъ силъ“.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1904-05 г.г. повторилась еще и другая страница изъ той же исторіи. Съ нами произошло на Дальнемъ Востокѣ то же самое, что уже случилось здѣсь съ русскими людьми во второй половинѣ XVII столѣтія, когда русскимъ, слишкомъ быстро выдвинувшимся впередъ, безъ обезпеченія надлежащей базы, пришлось уступить Китаю, пришлось очистить Албазинъ и по Нерчинскому трактату на цѣлыхъ полтора столѣтія отказаться отъ дальнѣйшаго движенія на Амуръ и Китай“ [2]).

Вотъ какъ представляется обстановка, предшествовавшая войнѣ, авторамъ работы военно-исторической комиссіи. Необходимымъ дополненіемъ къ этому историческому труду послужатъ свидѣтельства участниковъ войны, начиная съ бывшаго главнокомандующаго, неутомимо работавшаго надъ изслѣдованіемъ причинъ неудачъ, постигшихъ нашу армію. Глубокой скорбью

---

[1]) Раб. В.-Ист. Ком., т. I, стр. 80.

[2]) Тамъ же, стр. 83—84.

вѣетъ отъ этихъ правдивыхъ словъ и было бы грѣшно не прислушаться къ нимъ.

„Подъ вліяніемъ оскорбленнаго народнаго самолюбія, пишетъ ген.-ад. Куропаткинъ, обыкновенно спѣшно ищутся причины и виновники неудачи. Одни ищутъ объясненія ея въ причинахъ общаго характера, другіе—въ причинахъ частнаго характера. Одни обвиняютъ систему, режимъ, другіе—отдѣльныхъ лицъ. Партіи, недовольныя правительственною властью, быстро пользуются случаемъ, дабы неудачи войны обратить въ орудіе противъ правительства.

„Такъ и у насъ, противоправительственная партія работала во вредъ правительству не только послѣ войны но и во время самой войны, затрудняя дѣятельность арміи. Для этой партіи пораженіе нашей арміи было желательно, ибо давало надежду на подрывъ престижа правительства и на смуту. Поэтому и девизъ этой партіи выражался слѣдующимъ образомъ: чѣмъ хуже тѣмъ лучше. Прокламаціи въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ распространялись среди войскъ, особенно запасныхъ, и призывали ихъ не къ побѣдѣ, а къ пораженію. Газеты, журналы, въ лицѣ своихъ сотрудниковъ, даже не принадлежавшихъ къ вышеуказанной партіи, работали для ея успѣха, заливая грязью армію и ея представителей. Нѣкоторые корреспонденты съ театра войны, плохо освѣдомленные о нашихъ дѣйствіяхъ и еще хуже объ японскихъ, часто на основаніи не видѣннаго, а только слышаннаго, изъ источниковъ недостаточно компетентныхъ, увеличивали смуту въ умахъ, раздувая значеніе той или другой изъ нашихъ неудачъ. Даже многіе офицеры арміи, писавшіе съ театра военныхъ дѣйствій, старались отличиться спѣшною критикою, излагая часто совершенно невѣрно фактическую сторону описываемыхъ ими событій и придавая своимъ описаніямъ безотрадный или плаксивый тонъ. Извѣстій съ боевыхъ линій и правдивыхъ извѣстій о дѣйствіяхъ тѣхъ многочисленныхъ героевъ, которые цѣлые мѣсяцы стоя лицомъ къ лицу съ противникомъ и мужественно, не теряя вѣры въ побѣду, боролись съ нимъ, поступало мало. Герои,—солдаты, скромные младшіе офицеры, командиры ротъ, сотенъ, батарей, полковъ, не писали, да и времени писать не имѣли о своихъ трудахъ и подвигахъ, а изучать и наблюдать эти труды и подвиги, раздѣляя съ передовыми войсками и опасности, рѣшались лишь немногіе изъ корреспондентовъ. Надо прибавить, что между корреспондентами были люди

очень храбрые и искренно желавшіе принести пользу, но отсутствіе даже элементарной подготовки къ пониманію сложнаго военнаго дѣла дѣлало ихъ усилія малопроизводительными. Лучше другихъ могли судить и давать правильную оцѣнку видѣннаго читающей публикѣ, состоявшіе при нашей арміи иностранные военные агенты. Многіе изъ нихъ, весьма удачно выбранные, братски раздѣляли съ нашими войсками всѣ труды и опасности, полюбили наши войска и взаимно пріобрѣли любовь и уваженіе нашихъ войскъ. Но ихъ отчеты долго останутся намъ неизвѣстными. Изъ нашихъ корреспондентовъ нѣкоторые предпочитали, проживая въ тылу и наблюдая изнанку войны, писать скорбныя для всей читающей Россіи извѣстія съ тыла— о пьянствѣ, кутежахъ, распущенности, напримѣръ, въ Харбинѣ, давая публикѣ совершенно одностороннее представленіе о жизни арміи. Въ результатѣ, вмѣсто того, чтобы при первыхъ нашихъ неудачахъ явиться источникомъ для подъема патріотизма, самопожертвованія, вмѣсто того, чтобы, по мѣрѣ роста трудностей войны, взывать о новыхъ усиліяхъ съ нашей стороны, ободрять ослабѣвшихъ, призывать на борьбу всѣхъ лучшихъ сыновъ родины, помогать правительству комплектовать убывающіе ряды арміи, помогать приливу въ армію матеріальныхъ и духовныхъ силъ,—наша печать во время войны въ значительной степени играла въ руку враговъ нашихъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, вселяя въ массахъ населенія ненависть къ войнѣ, угнетая еще на родинѣ духъ отправлявшихся на войну, подрывая всемѣрно вѣру у солдатъ въ офицерскій составъ арміи, подрывая авторитетъ начальствующихъ лицъ. Таковыми дѣйствіями нація не призывалась къ подъему силъ, чтобы выйти, наконецъ, побѣдоносно изъ всѣхъ затрудненій, а, напротивъ того, посылаемыя въ армію укомплектованія и войсковыя части двигались на войну, неся съ собою, вмѣстѣ съ прокламаціями, зародыши новыхъ неудачъ [1])“.

Совсѣмъ кстати вспоминаетъ г.-ад. Куропаткинъ „неоднократно слышанное выраженіе, что въ борьбѣ нѣмцевъ съ французами побѣдилъ школьный (нѣмецкій) учитель. Это фигуральное выраженіе правильнѣе перевести другимъ: побѣдилъ французовъ не нѣмецкій солдатъ, а нѣмецкій народъ, дружно слившійся съ

[1]) Записки ген. Куропаткина о русско-японской войнѣ. Изданіе 2-е. Berlin. 1911 г., стр. 12—13.

арміею и отдавшій на службу арміи своихъ сыновъ и всѣ свои культурныя силы—духовныя и матеріальныя“ [1]).

Обращаясь къ дѣятельности нашего военнаго вѣдомства, нельзя не подчеркнуть, что къ его задачамъ „въ послѣднихъ годахъ минувшаго и въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія прибавилась огромной трудности задача—закрѣпить за Россіею быстро и неожиданно для военнаго вѣдомства сдѣланный нами шагъ по выходу къ берегамъ Тихаго океана“.

„Очевидно, что выполненіе всѣхъ задачъ по охранѣ 17000 вер. границъ и поддержаніе военныхъ силъ Россіи на такой высотѣ, чтобы мы могли дать отпоръ не только каждому изъ 9 государствъ, соприкасающихся съ Россіею, но и коалиціи ихъ, требовало и отпуска соотвѣтствующихъ трудности задачи денежныхъ средствъ“ [2]).

Знакомство же съ нашей военной исторіей 19 вѣка приводитъ къ совсѣмъ не лестнымъ выводамъ о качествахъ командного состава арміи.

„Въ послѣднія войны, веденныя Россіею,—говоритъ А. Н. Куропаткинъ,—въ 1853—1855 и 1877—1878 г.г., съ особою ясностью оказалось, что, съ усложнившеюся обстановкою войны, нашъ командный составъ во многихъ случаяхъ оказывался не на должной высотѣ. Младшіе офицеры, въ предѣлахъ своей дѣятельности были храбры, распорядительны, но не достаточно свѣдущи: начальники частей, давая иногда отрадныя исключенія, не были достаточно подготовлены къ наилучшему использованію боевой способности ввѣренныхъ имъ частей. Но наиболѣе слабымъ оказался генеральскій составъ: бригадные, дивизіонные и корпусные командиры. За исключеніемъ нѣсколькихъ блестящихъ именъ, большинство не было подготовлено къ распоряженію въ бою войсками всѣхъ родовъ оружія, не умѣли установить связи между частями входившими въ составъ ввѣренныхъ имъ силъ, и не умѣли поддержать связь по фронту съ сосѣдями. Чувство взаимной выручки не было сильно развито. Бездѣйствіе, съ оговоркою „не получалъ приказаній“, когда били сосѣдей, не было рѣдкимъ явленіемъ. Особенно неумѣло вели наступательный бой. Въ общемъ, тактическая подготовка войскъ нашихъ въ войны Крымскую и

[1]) Записки ген. Куропаткина о русско-японской войнѣ. Итоги войны. Изданіе 2-е. Berlin. 1911 г.

[2]) Тамъ же, стр. 97.

Турецкую въ 1877 — 1878 г.г. была совершенно недостаточная Мы не умѣли съ малыми потерями достигать хорошихъ результатовъ. При атакахъ мы ходили почти колоннами и несли тяжкія потери. Вспомогательными родами оружія: конницею, артиллеріею, саперами распоряжались неумѣло и часто забывали ими воспользоваться.

„Но у насъ была и сильная сторона: мы не боялись умирать и лишь просили указать намъ для того точно мѣсто“ [1]).

Прочтя это признаніе бывшаго военнаго министра, естественно задать вопросъ: какія же мѣры были приняты для подготовки командного состава, отвѣчающаго требованіямъ современной войны и боя? Не буду торопиться отвѣтомъ на этотъ вопросъ чрезвычайной важности. Пусть предлагаемое изслѣдованіе удовлетворитъ за меня подобной любознательности читателя.

Во всякомъ случаѣ, „выдвиженіе наше первоначально въ Манчжуріи, а затѣмъ къ берегамъ Тихаго Океана, явилось для военнаго вѣдомства совершенно неожиданнымъ, а потому и не подготовленнымъ. При этихъ условіяхъ, обѣщаніе не присоединять Манчжурію къ нашимъ предѣламъ было вполнѣ необходимо, и таковое вызывалось не только желаніемъ не нарушить добрыхъ отношеній къ Китаю, но и сознаніемъ нашей боевой неготовности на Дальнемъ Востокѣ“ [2]).

Трудно не согласиться съ мнѣніемъ бывшаго главнокомандующаго о роли, которую суждено играть нашему флоту. „Исторія войнъ 18 и 19 столѣтій указывала, — говоритъ А. Н. Куропаткинъ,—что главная тяжесть вооруженной борьбы Россіи для достиженія ею занятыхъ нынѣ границъ легла на сухопутную армію. Послѣ Петра Великаго роль русскаго флота во всѣхъ веденныхъ нами войнахъ была незначительна. Въ двѣ послѣднихъ большихъ войны прошлаго столѣтія мы особенно нуждались въ содѣйствіи флота, но матеріальная отсталость обратила нашихъ моряковъ подъ Севастополемъ въ сухопутныя войска, а въ войну 1877—1878 г.г. мы боролись съ турками, не имѣя флота на Черномъ морѣ“.

„Россія, несомнѣнно, сухопутная держава. Поэтому малое участіе флота нашего въ войнахъ 18 и 19 столѣтій не было слу-

---

[1]) Записки ген. Куропаткина о русско-японской войнѣ. Итоги войны. Изданіе 2-ое. Berlin. 1911 г., стр. 102.

[2]) Записки ген. Куропаткина, стр. 106.

чайнымъ дѣломъ, а исторически естественнымъ. Расходуй мы въ 18 и 19 столѣтіяхъ много суммъ на флотъ, мы только могли бы ухудшить свое положеніе. Значительныя средства, обращенныя на нашу сухопутную армію, дали ей возможность одержать побѣды. Уроки исторіи учили насъ итти по тому же пути, по которому шли наши предки, и главную силу Россіи видѣть въ ея сухопутной арміи, расходуя на нее и большую часть суммъ изъ удѣляемыхъ нашею родиною на военныя нужды“.

„Между тѣмъ, переходъ къ активной политикѣ на Дальнемъ Востокѣ вызвалъ необходимость въ производствѣ огромныхъ расходовъ на развитіе нашего флота, что отразилось въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія отпускомъ недостаточныхъ совершенно денежныхъ средствъ на усиленіе боевой готовности нашей сухопутной арміи. Результатъ получился тревожный“ [1]).

Характеристика нашей подготовки къ войнѣ съ Японіей въ значительной степени восполняется объясненіями бывшаго военнаго министра относительно денежныхъ средствъ, которыми располагало министерство въ пятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ какъ вообще, такъ и въ частности для подготовки Дальне-Восточнаго театра военныхъ дѣйствій.

„По распоряженію моего предмѣстника ген. Ванновскаго, пишетъ А. Н. Куропаткинъ, къ началу 1898 г. были составлены общія соображенія о всѣхъ потребностяхъ военнаго вѣдомства, причемъ оказалось, что для ихъ удовлетворенія необходимо было бы въ теченіе пяти лѣтъ ассигновать въ дополненіе къ предѣльному бюджету еще 565.000.000 руб.“

„Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что проектированныя ген. Ванновскимъ мѣропріятія вовсе не исчерпывали нашихъ даже главнѣйшихъ нуждъ. Принимались въ расчетъ только такія мѣропріятія, неотложность которыхъ представлялась очевидною, или мѣропріятія давно уже утвержденныя, но за недостаткомъ денежныхъ средствъ не осуществленныя“.

„Министръ финансовъ, которому было предъявлено требованіе объ отпускѣ 455 мил. рублей въ пятилѣтіе 1899—1903 годовъ сверхъ предѣльнаго бюджета, высказался о невозможности по финансовымъ средствамъ страны произвести такой отпускъ. Послѣ долгой борьбы онъ призналъ возможнымъ отпустить

---

1) Записки ген. Куропаткина, стр. 107—108.

вмѣсто 455 мил. руб. лишь 160 мил. руб.; эта сумма и была утверждена".

„Такимъ образомъ, мы приступили къ работѣ по военному вѣдомству въ пятилѣтіе 1899—1903 г.г., не получивъ на наши важныя нужды около 300 мил. руб. въ пять лѣтъ или съ недочетомъ по 60 мил. руб. ежегодно. Очевидно, что такое рѣшеніе вопроса о военныхъ нуждахъ неизбѣжно должно было имѣть послѣдствіемъ еще большую отсталость нашу сравнительно съ сосѣдями, ибо мы вынуждены были пріостановиться со многими мѣропріятіями по усиленію нашего положенія, какъ не западной границѣ, такъ и въ азіатскихъ округахъ".

„Независимо настоятельности расходовъ по увеличенію нашей боевой готовности на всѣхъ границахъ, требовались весьма значительные расходы по улучшенію содержанія арміи по мирному ея составу.

„Прежде всего для улучшенія командного состава требовалось на столько улучшить положеніе офицерскаго состава, чтобы наиболѣе энергичные и способные люди искали военной службы, а не покидали ряды арміи для службы по всѣмъ вѣдомствамъ. Улучшеніе офицерскаго состава зависитъ во многомъ отъ воспитанія и обученія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ".

„Требовалось ихъ улучшеніе и увеличеніе числомъ, дабы возможно большее число офицеровъ получали общее образованіе и по программамъ среднихъ учебныхъ заведеній.

„Нашъ солдатъ въ мирное время, по производимымъ на него расходамъ, поставленъ былъ въ несравненно худшія условія, чѣмъ въ другихъ арміяхъ, какъ въ отношеніи денежнаго довольствія, такъ и въ отношеніи пищи, одежды, жилища.

„Расходы по улучшенію быта нижнихъ чиновъ требовались очень большіе. Конскій составъ въ арміи былъ недостаточно хорошъ, особенно въ казачьихъ полкахъ и обозахъ.

„Здѣсь перечислены лишь главнѣйшія изъ нуждъ, а ихъ очень много" [1]).

„По плану 1899 г. мы должны были въ ближайшіе годы довести составъ войскъ, выставляемыхъ на Дальнемъ Востокѣ изъ округовъ Пріамурскаго, Сибирскаго и Квантуна, до 48 стрѣлковыхъ, 48 резервныхъ батальоновъ, 57 эскадроновъ и сотенъ 236 орудій, $3^{3}/_{4}$ саперн. батальоновъ, сведенныхъ въ три корпуса.

---

[1]) Записки ген. Куропаткина, стр. 119—121.

Сравнительно съ нѣсколькими батальонами, которыми мы располагали въ Сибири и Пріамурскомъ округѣ еще въ самое недавнее время, силы эти представляются весьма большими, и сформированіе ихъ на далекой окраинѣ требовало весьма большихъ жертвъ и усилій. Въ зависимости частью отъ отпущенныхъ средствъ, а также отъ мѣстныхъ условій, сформированіе такой силы требовало нѣсколькихъ лѣтъ. Силы эти, при быстромъ сборѣ ихъ, могли составить надежный авангардъ, подъ прикрытіемъ котораго и должно было производиться сосредоточеніе подкрѣпленій изъ Европейской Россіи. Отъ быстроты подвоза этихъ подкрѣпленій зависѣла во многомъ участь первой кампаніи, а между тѣмъ еще въ 1900 г. Сибирская дорога была слаба, а Восточно-Китайская еще не закончена постройкою".

„При тревожной отсталости нашей готовности на западной границѣ и необходимости огромныхъ денежныхъ средствъ на усиленіе нашего тамъ положенія, военное вѣдомство, жертвуя интересами на западѣ, создало со времени японско-китайской войны въ почти беззащитномъ до того Пріамурскомъ краѣ армію, развернутую изъ нѣсколькихъ стрѣлковыхъ и линейныхъ батальоновъ въ четыре Сибирскихъ корпуса и двѣ дивизіи внѣ корпусной организаціи. Армія эта и приняла на себя первые удары японскихъ войскъ. Спѣшно сформированныя въ періодъ 1895—1903 г.г. войска Дальняго Востока, тѣмъ не менѣе, благодаря принятымъ мѣрамъ, дабы вновь формируемыя части получили должную устойчивость, удачно подобранному начальственному персоналу и сильному составу въ мирное время, во всѣхъ бояхъ съ японцами составили наши отборныя войска, во многихъ случаяхъ явившія геройскіе подвиги".

„Изъ всеподданнѣйшаго отчета о мѣропріятіяхъ военнаго министерства, выполненныхъ только въ пятилѣтіе 1898—1902 г.г., видно, что изъ суммы, отпущенной за это время на постройки и перестройки всѣхъ нашихъ крѣпостей, четвертая часть была израсходована на Владивостокъ и Портъ-Артуръ.

„Изъ всѣхъ сухопутныхъ и приморскихъ крѣпостей Россіи только по Кронштадту израсходована за означенный періодъ сумма больше, чѣмъ по Портъ-Артуру.

„1900 г., когда вспыхнуло возстаніе въ Манчжуріи и была разрушена желѣзная дорога, очень тяжело отразился на работахъ по усиленію нашего положенія на Дальнемъ Востокѣ. Связь съ Россіею на нѣкоторое время была потеряна. Крѣпостныя

работы въ Портъ-Артурѣ были надолго пріостановлены распоряженіемъ адмирала Алексѣева. Безъ этой пріостановки, готовность въ 1904 году Портъ-Артура къ оборонѣ была бы бо́льшая".

„Сколько же неосновательныхъ упрековъ сдѣлано военному вѣдомству за недостаточную силу укрѣпленій Портъ-Артура. Между тѣмъ и по созданію этой крѣпости военному вѣдомству пришлось преодолѣть огромныя трудности и располагать весьма недостаточнымъ временемъ" [1]).

„Для производства обширныхъ крѣпостныхъ работъ, мы располагали только тремя годами—1901, 1902 и 1903. Въ этотъ короткій срокъ сдѣлано очень много, если принять во вниманіе, что значительную часть работъ приходилось вести въ скалистомъ грунтѣ".

„И при всѣхъ этихъ трудностяхъ, мы создали крѣпость настолько сильную, что береговое ея вооруженіе держало весь японскій флотъ на почтительномъ разстояніи, а сухопутная оборона выдержала сильное боевое испытаніе, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ: противникъ былъ многочисленъ, имѣлъ техническія силы и средства для разрушенія нашихъ преградъ. Пользуясь готовою базою въ г. Дальнемъ, онъ подвезъ огромныя береговыя орудія. Флотъ нашъ оказалъ намъ главное содѣйствіе не на морѣ, а, какъ и въ Севастополѣ, на сухомъ пути, и при всѣхъ этихъ условіяхъ, выведя изъ строя противника силы вдвое большія силъ гарнизона, Портъ-Артуръ палъ только почти черезъ годъ послѣ открытія военныхъ дѣйствій и то преждевременно".

„Повторимъ, что при тѣхъ денежныхъ средствахъ, кои отпускались военному вѣдомству, и при тѣхъ короткихъ срокахъ времени, которые находились въ распоряженіи военнаго вѣдомства, мы выполнили большую и отвѣтственную работу, дабы беззащитный еще въ 1895 г. отъ нападенія японцевъ Пріамурскій край сдѣлать въ 1903 г. настолько сильнымъ, что военныя дѣйствія даже не коснулись нашей территоріи (не считая Сахлина), несмотря на крайнія усилія вооруженнаго японскаго народа и несмотря на то, что флотъ нашъ былъ уничтоженъ".

„Военное вѣдомство, при содѣйствіи другихъ вѣдомствъ, выполнило успѣшно колоссальную задачу. За нѣсколько лѣтъ до войны никто изъ военныхъ авторитетовъ не допустилъ бы

---

[1]) Записки ген. Куропаткина, стр. 124—129.

возможности при одноколейной слабой желѣзнодорожной линіи собрать въ 8000 верстахъ отъ источниковъ комплектованія и снабженія милліонную армію. Чудо совершилось, но уже было поздно. Внутреннія дѣла Россіи, въ коихъ военное вѣдомство не могло быть отвѣтственно, послужили причиною прекращенія войны въ то время, когда, въ сущности, рѣшительныя военныя дѣйствія только должны были начаться“ [1]).

„Существуетъ мнѣніе, что ограничься мы на Дальнемъ Востокѣ только проведеніемъ черезъ Манчжурію сѣверной магистрали, и войны съ Японіей не было бы. Что лишь занятіе Портъ-Артура, Мукдена и особенно дѣятельность въ Кореѣ послужили поводомъ къ войнѣ. По мнѣнію другихъ лицъ, магистраль черезъ Манчжурію надлежитъ разсматривать даже не какъ первое звено въ цѣпи нашихъ активныхъ предпріятій на Дальнемъ Востокѣ, а какъ базу всѣхъ предпріятій. При этомъ высказывается мнѣніе, что проведи мы желѣзную дорогу въ своихъ владѣніяхъ по р. Амуру, не возникло бы даже и мысли занимать южную часть Манчжуріи и Квантунъ.

„Въ дѣйствительности, сѣверная магистраль, проходящая по Манчжуріи, не могла не нарушить наши 200-лѣтнія отношенія къ Китаю, но я лично убѣжденъ, что, ограничься мы только этимъ предпріятіемъ, Японія изъ-за Сѣверной Манчжуріи не начала бы войну съ Россіею.

„Во всякомъ случаѣ, магистраль, проведенная черезъ Манчжурію, не отвѣчала интересамъ военнаго вѣдомства и была построена вопреки мнѣнію представителя военнаго вѣдомства на Дальнемъ Востокѣ генерала Духовскаго“ [2]).

22 марта 1902 г. мы заключили съ Китаемъ договоръ, обязавшись вывести войска изъ Манчжуріи и назначивъ для этого особые сроки.

„Военное вѣдомство вполнѣ сочувствовало этой мѣрѣ и энергично готовилось къ приведенію ея въ исполненіе. Для войскъ, выводимыхъ изъ Манчжуріи въ Пріамурскій край, спѣшно возводились на линіи Хабаровскъ — Владивостокъ казарменныя помѣщенія. Планъ перевозки войскъ былъ составленъ, утвержденъ, и перевозка уже началась. Былъ очищенъ и г. Мукденъ. И вдругъ все это неожиданно было пріостановлено распоряже-

---

[1]) Записки генерала Куропаткина, стр. 130—135.
[2]) Тамъ же, стр. 144—151.

ніемъ начальника Квантунской области по причинамъ, которыя до сихъ поръ недостаточно выяснены".

„Очищенный уже нами Мукденъ былъ снова занятъ. Мы занимали также Инкоу. Предпріятіе на Ялу въ Кореѣ получило особое значеніе. Для поддержанія нашихъ начинаній въ Сѣверной Кореѣ, начальникъ Квантунской области выдвинулъ въ Фынхуанченъ конный отрядъ съ орудіями. Такимъ образомъ, вмѣсто очищенія Южной Манчжуріи, мы заняли въ ней даже такіе пункты, которые ранѣе не занимались, какъ Фынхуанченъ, и, главное, допустили дѣятельность въ Кореѣ предпріятій, которымъ главные ихъ дѣятели, вопреки указаніямъ изъ Петербурга, стремились придать военно-политическій характеръ".

„Такой неожиданный оборотъ дѣлъ встревожилъ не только Китай, но и Японію. Можно съ основаніемъ утверждать, что пріостановка очищенія Мукденской провинціи отъ нашихъ войскъ составляетъ событіе огромной важности. Пока мы твердо намѣревались очистить всю Манчжурію отъ нашихъ войскъ, ограничившись охраной желѣзной дороги пограничною стражею и небольшимъ резервомъ въ Харбинѣ и, въ особенности, при рѣшимости нашей не забираться со своими предпріятіями въ Корею, опасность разрыва съ Японіею была мало вѣроятна. Напротивъ того, оставленіе нашихъ войскъ, вопреки соглашеніямъ съ Китаемъ, въ Южной Манчжуріи и вторженіе наше съ лѣснымъ предпріятіемъ въ Сѣверную Корею приближали насъ въ тревожной степени къ разрыву съ Японіей. Повидимому, неопредѣленность нашихъ намѣреній на Дальнемъ Востокѣ возбудила тревогу не только Китая и Японіи, но даже Англіи, Америки и другихъ державъ" [1]).

„Будущему историку будутъ открыты всѣ документы, дабы изъ нихъ онъ могъ составить заключеніе о томъ, почему воля Русскаго Монарха избѣжать войны съ Японіею не была приведена въ исполненіе Его главными сотрудниками? Нынѣ безусловно можно утверждать лишь одно: Государь и Россія не хотѣли войны, и тѣмъ не менѣе намъ не удалось ея избѣжать".

„Причина неудачи переговоровъ кроется, повидимому, въ нашемъ невѣдѣніи о готовности Японіи къ войнѣ и рѣшимости ея поддержать свои требованія вооруженною силою. Мы не были готовы къ войнѣ, но рѣшали, что войны не должны до-

---

[1]) Записки ген. Куропаткина, стр. 136.

пустить, и хотя ставили требованія, но вовсе не были намѣрены защищать ихъ силою оружія. Прибавимъ, что эти требованія были слишкомъ малозначущи для Россіи, чтобы изъ-за нихъ воевать".

„Мы все думали, что вопросъ о войнѣ и мирѣ зависитъ отъ насъ, и проглядѣли упорную рѣшимость Японіи силою защищать свои требованія, имѣвшія жизненное значеніе для этой страны, надѣясь при этомъ на нашу военную неготовность".

„Такимъ образомъ, переговоры велись по существу не въ равныхъ условіяхъ. Но и по формѣ, веденіе переговоровъ, отданное въ руки Алексѣева, во многомъ ухудшало наше положеніе. Явилась обидная для самолюбія Японіи инстанція, и при неопытности Алексѣева въ веденіи дипломатическихъ переговоровъ и отсутствіи соотвѣтственнаго личнаго при немъ персонала затрудняла и обостряла дѣло веденія переговоровъ".

„Въ то же время ген.-ад. Алексѣевъ ошибочно полагалъ, что при веденіи переговоровъ надо проявлять твердость, неуступчивость, что уступка ведетъ за собою новыя уступки и въ результатѣ политика уступокъ скорѣе насъ приведетъ къ разрыву съ Японіею, нежели твердая политика" [1]).

Покуда люди, такъ или иначе вліявшіе на ходъ государственнаго корабля пререкались, преслѣдуя свои личныя цѣли, и, незамѣтно для самихъ себя, довели Россію до бѣдственной войны, русское общество, въ особенности народъ, оставались удивительно равнодушны къ совершавшимся событіямъ.

„Народныя массы въ мѣстностяхъ, не подвергшихся мобилизаціи, — пишетъ Е. И. Мартыновъ, — оставались совершенно безучастными. Война была слишкомъ далека и непонятна для нихъ. Только въ тѣхъ немногихъ уѣздахъ, гдѣ происходилъ призывъ запасныхъ, стоялъ, какъ мнѣ передавали, сплошной вой бабъ и разыгрывались раздирающія сцены, что было вполнѣ естественно при отсутствіи какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ для обезпеченія семействъ, лишившихся своихъ кормильцевъ".

„Въ широкихъ кругахъ русскаго образованнаго общества господствовало полнѣйшее равнодушіе къ войнѣ. За исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ, интересы коихъ были затронуты, все остальное продолжало спокойно заниматься своими дѣлами, интересуясь завязавшейся на Востокѣ грандіозной борьбой едва ли

---

[1]) Записки генерала Куропаткина, стр. 183.

2*

не меньше, чѣмъ въ свое время войною буровъ съ англичанами“ [1]).

Мы не отличались въ 1904 году воинственными наклонностями. Напротивъ, „въ Россіи уже давно, въ семьѣ, въ школѣ, въ литературѣ и въ прессѣ шла широкая пропаганда противъ самаго принципа войны. Вооруженная борьба между государствами выставлялась пережиткомъ варварства, явленіемъ безсмысленнымъ и преступнымъ; военные подвиги не только не вызывали уваженія, но даже осмѣивались; военная профессія разсматривалась, какъ нѣчто низменное, недостойное настоящаго интеллигента“.

„Такимъ образомъ, русскому обществу со всѣхъ сторонъ систематически прививали отвращеніе къ войнѣ. Получалось нѣчто нелѣпое: съ одной стороны, тратили огромныя средства на вооруженныя силы государства, а съ другой — убивали въ народѣ тотъ военный духъ, безъ коего эти силы не имѣютъ никакой цѣны. Забыты были слова Петра Великаго: „отъ презрѣнія къ войнѣ общая погибель слѣдовать будетъ“.

„Если рядовая русская интеллигенція относилась къ возникшей войнѣ безразлично, то въ такъ называемыхъ передовыхъ кружкахъ ея господствовало злорадно-выжидательное настроеніе“ [2]).

Въ результатѣ,—говоритъ Сипигусъ,—„свой душевный разладъ общество обратило на армію. Въ лицѣ ея представителей и руководителей, общество пригласило армію сѣсть на скамью подсудимыхъ. Свою безпомощность въ вопросѣ уясненія истинной причины колоссальной бѣды оно выразило въ обвиненіи порядка и режима, но позабыло прежде всего отождествить, сроднить себя съ арміей, чтобы вмѣстѣ съ ней получить возмездіе за преступленіе, совершенное по законамъ наслѣдственности, въ безуміи, подобномъ тому, которое слѣдуетъ за непокаянными грѣхами молодости“ [3]).

Неизбѣжность борьбы съ Японіей явилась, по мнѣнію Сипигуса, съ тѣхъ поръ, какъ мы лишили ее плодовъ побѣды, одержанной надъ Китаемъ. „Занятіе Квантуна въ смыслѣ обостренія отношеній между Японіей и Россіей создало особое положе-

---

[1]) Е. И. Мартыновъ. Воспоминанія объ японской войнѣ, стр. 2.
[2]) Тамъ же, стр. 3—4.
[3]) Сипигусъ. Потревоженныя раны, стр. 5.

ніе, въ которомъ Японія почувствовала себя глубоко оскорбленной въ національномъ самолюбіи и не скрывала ни своей ненависти, ни своего страстнаго желанія отомстить, вернуть захваченное. Года за 4—3 до войны, группа японскихъ патріотовъ обратилась къ Русскому Императору съ открытымъ письмомъ, иллюстрировавшимъ ихъ душевное состояніе по поводу результатовъ Японо-Китайской войны, плодами которой воспользовалась Россія, начавшая агрессивную политику. Такая политика, по словамъ японскихъ патріотовъ, не можетъ измѣнить законовъ природы, законовъ жизни, какъ не могъ Хубилай, предпринимая свой знаменитый морской походъ къ берегамъ Японіи,— уменьшить глубину моря на одинъ дюймъ. „Мы питаемся желчью, спимъ на соломѣ, стараемся небо пронзить своей злобой"—писали они. Для Китая дѣйствія Россіи породили исключительно счастливое стеченіе обстоятельствъ, въ силу которыхъ историческій врагъ поручался заботамъ и хлопотамъ сосѣда, повидимому, только и желавшаго этого" [1]).

„Неизбѣжность войны 1904—905 г.г. сознавалась прежде всего на мѣстѣ, гдѣ общество, почти не освѣдомленное о ходѣ дипломатическихъ переговоровъ Россіи съ Японіей, послѣ оккупаціи Портъ-Артура, ожидало войны, готовилось къ ней и чувствовало ее раньше, чѣмъ она въ дѣйствительности началась".

„Въ ней могли сомнѣваться всѣ, но только не населеніе Дальняго Востока, желѣзнодорожной полосы и Квантунской области. Если говорить вообще о неподготовленности къ ней, то таковая менѣе всего имѣла мѣсто въ дѣйствіяхъ лицъ и учрежденій, которымъ предстояло попасть подъ первый оборотъ колеса пущенной въ ходъ машины" [2]).

„Непосредственно послѣ окончанія японско-китайской войны", говоритъ М. Грулевъ, „уже было очевидно для каждаго здравомыслящаго наблюдателя, что мы пускаемся въ опасную игру, которая къ добру насъ не приведетъ" [3]).

Чего же мы хотѣли такимъ путемъ достигнуть? „Лучше той границы, которая у насъ была тогда въ Пріамурскомъ краѣ, и придумать трудно. Дѣйствительно, на всемъ протяженіи

---

[1]) Сипигусъ, стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 10.

[3]) М. Грулевъ. „Въ Штабахъ и на поляхъ Дальняго Востока", ч. 1, стр. 3.

водной линіи, отъ Аргуни почти до Великаго океана, мы имѣли естественный рубежъ, на которомъ и въ силу трактатовъ съ Китаемъ, и благодаря фактическому положенію вещей мы были абсолютными и безконтрольными хозяевами. Несмотря на то, что, согласно Айгунскому договору, право судоходства по Амуру одинаково принадлежало и Россіи, и Китаю,—въ дѣйствительности же ни одна китайская джонка не могла проникнуть въ воды Амура безъ нашего согласія. Даже всемогущій Ли-Хунъ-Чжанъ вынужденъ былъ въ 1889 г. обратиться съ унизительной челобитной къ бывшему тогда Пріамурскому генералъ-губернатору барону А. Н. Корфу—разрѣшить провозъ по Амуру выписанныхъ имъ изъ Америки машинъ для эксплоатаціи принадлежащихъ ему Желтугинскихъ золотыхъ пріисковъ. И эти машины годъ съ лишкомъ валялись на пристани въ Николаевскѣ, пока это разрѣшеніе было дано."

„Мало того. Наши прибрежные амурскіе и уссурійскіе казаки съ одинаковой свободой пользовались всѣми земельными угодьями какъ на нашемъ, такъ и китайскомъ берегу Амура: благодаря давности пользованія казаки смотрѣли какъ на свою собственность на луга и лѣса китайскіе и все вообще для нихъ пригодное на правомъ берегу Амура. И китайцы не могли фактически этому препятствовать, если бы и хотѣли, потому что вся прилегающая къ Амуру часть Манчжуріи населена чрезвычайно рѣдко и естественныя богатства страны, лишенныя всякаго хозяйскаго присмотра, были совершенно доступны для посторонняго пользованія. Всего сподручнѣе это было нашимъ сосѣднимъ казакамъ, которые безпрепятственно и пользовались выгодами своего положенія".

„Рядомъ съ такими выгодами экономическаго положенія не менѣе благопріятствовали намъ и условія стратегическаго преобладанія на Дальнемъ Востокѣ. Достаточно сказать, что на всемъ огромномъ протяженіи нашей границы съ Китаемъ, длиною въ три слишкомъ тысячи верстъ, мы довольствовались всего шестнадцатью батальонами, стрѣлковыми и линейными, и небольшимъ числомъ кавалеріи и артиллеріи, которые признавались вполнѣ обезпечивающими наше положеніе на этой окраинѣ. Даже нѣкоторыя части Забайкальскаго казачьяго войска считалось возможнымъ уступить для службы министерства внутреннихъ дѣлъ, въ виду того, что—„нашимъ границамъ здѣсь ниоткуда не угрожаетъ опасность внѣшняго вторженія,"—

какъ гласилъ документъ Главнаго Штаба 1889 года по вопросу о реорганизацiи Прiамурскихъ казачьихъ войскъ“ [1]).

„Мы не могли заблуждаться такъ глубоко, чтобы воспротивиться утвержденiю Японiи на азiатскомъ материкѣ изъ опасенiя фантастическаго торговаго соперничества. Остаются, въ такомъ случаѣ, соображенiя военно-политическаго характера: нежеланiе имѣть на материкѣ своимъ сосѣдомъ въ лицѣ Японiи противника дѣятельнаго и энергичнаго, вмѣсто неподвижнаго и слабаго Китая“.

„Но отрѣзанная отъ моря Манчжурiя никогда и никоимъ образомъ не могла сдѣлаться объектомъ вожделѣнiй островной Японiи. Это не требуетъ никакихъ поясненiй и, во всякомъ случаѣ, подтверждается планомъ и ходомъ японско-китайской войны, во время которой японцы не обнаружили и малѣйшей попытки утвердиться хотя бы въ ближайшей, наиболѣе заселенной и плодородной Мукденской провинцiи, а устремились раньше всего, какъ и слѣдовало ожидать, въ прибрежную часть Квантуна“.

„При такихъ условiяхъ, появленiе Японiи на материкѣ Азiи не только не угрожало нашему положенiю на побережьѣ Тихаго океана, а напротивъ—должно было встрѣтить поддержку и поощренiе съ нашей стороны, если не смотрѣть на всю Поднебесную имперiю, какъ на нераздѣльное наслѣдство Россiи, только благодаря слабости Китая и охватывающаго положенiя нашихъ границъ“ [2]).

Вопросъ о прiобрѣтенiи нами незамерзающаго порта могъ разрѣшиться гораздо проще. „Когда народилось желанiе“, продолжаетъ М. Грулевъ, примкнуть Восточно-Китайскую желѣзную дорогу къ незамерзающему порту на тихоокеанскомъ побережьѣ, то явилась дилемма: стремиться ли къ прiобрѣтенiю такого пункта въ сопредѣльной съ нами Кореѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нашими владѣнiями, или искать этотъ пунктъ еще южнѣе, въ предѣлахъ Китая. По мнѣнiю прiамурскаго генералъ-губернатора, покойнаго Е. М. Духовскаго представлялось необходимымъ войти въ мирное соглашенiе съ Японiей и добиться съ ея стороны согласiя на уступку Россiи порта Лазарева (Гензанъ) на восточномъ берегу Корейскаго полуострова, въ 500 верстахъ къ

---

[1]) М. Грулевъ. стр. 3—5.
[2]) Тамъ же, стр. 8—9.

югу отъ Владивостока, который и сдѣлать конечнымъ пунктомъ великой Сибирской желѣзной дороги“ [1]).

Какъ извѣстно, о подобномъ рѣшеніи дѣла въ Петербургѣ не хотѣли и думать. Офиціальныя объясненія обѣими сторонами причинъ войны наглядно указываютъ, „что съ самаго начала и до конца переговоровъ оба правительства стояли на разныхъ полюсахъ и соглашенія быть не могло: русское правительство устраняло всякое вмѣшательство Японіи въ дѣла Манчжуріи, стремясь въ то же время сохранить за собою старую позицію въ Кореѣ; съ другой стороны, японское правительство отстраняло Россію отъ Кореи, домогаясь права вмѣшательства въ хозяйничанье Россіи въ Манчжуріи. Это непримиримое противорѣчіе интересовъ Россіи и Японіи явилось естественнымъ послѣдствіемъ нашей политики на Дальнемъ Востокѣ въ послѣднія 10—15 лѣтъ“.

„26 января, въ 9 часовъ вечера, адмиралъ Алексѣевъ телеграфировалъ въ Петербургъ: „Въ Артурѣ все благополучно“, а черезъ полчаса нападеніемъ японскихъ миноносцевъ на нашу эскадру началась война“ [2])...

М. Грулевъ, ч. I, стр. 31.

[2]) Тамъ же, стр. 68—69.

ГЛАВА II.

Подготовка къ войнѣ; планы военныхъ дѣйствій обѣихъ сторонъ; ихъ силы и средства.

Въ 1898 г. войскамъ Пріамурскаго округа приходилось брать на себя охрану строившагося желѣзнодорожнаго пути и поддержаніе связи съ войсками Квантунской области, а въ случаѣ надобности—и оказать имъ поддержку. Кромѣ этихъ новыхъ задачъ, на войскахъ округа оставалась обязанность сохранить за нами Владивостокъ и прикрыть раіонъ средней Сунгари. Тогда же создалось основаніе разсчитывать, что въ случаѣ войны къ Японіи примкнетъ Англія, а потому вопросъ о господствѣ нашего флота сразу разрѣшался не въ нашу пользу.

„Оцѣнивая всю только что изложенную обстановку, генералъ Гродековъ еще въ 1898 г. остановился на мысли, что войскамъ ввѣреннаго ему округа должна быть поставлена задача, „исключительно оборонительнаго характера, состоящая въ сосредоточеніи всѣхъ силъ къ угрожаемымъ пунктамъ, дабы затянуть оборону ихъ до крайняго предѣла, замедлить развитіе успѣховъ непріятельскаго оружія до прибытія главныхъ резервовъ, направляемыхъ изъ Россіи“ [1]).

Въ концѣ 1899 г. прошелъ слухъ, что Россія хочетъ силой занять участокъ земли у корейской гавани Мозампо, и Японія взялась за оружіе; ея приготовленія оказались не особенно серьезными, „но они, во всякомъ случаѣ, наглядно показали, что миръ на Дальнемъ Востокѣ далеко не проченъ и, что совершенно достаточно ничтожнаго повода, чтобы разгорѣлась и самая война“.

„Озабоченный усиленіемъ нашей боевой готовности, въ виду полной возможности самыхъ непредвидѣнныхъ осложненій, командующій войсками округа г.-л. Гродековъ, выступивъ съ цѣлымъ рядомъ желательныхъ мѣропріятій, не могъ не коснуться и того плана борьбы, который являлся, по его мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразнымъ въ случаѣ войны съ Японіей. Со-

---

[1]) Работа В.-Ист. К., т. I, стр. 177.

ставленная имъ по этому поводу весною 1900 г. записка намѣчала, между прочимъ, вѣроятный планъ дѣйствій нашего противника, говорила о наступленіи въ Корею и вновь выясняла необходимость сосредоточенія нашихъ войскъ въ раіонѣ Средней Сунгари" [1]).

Въ 1900 г. успѣхъ развертыванія нами стотысячной арміи внесъ большую дозу оптимизма въ позднѣйшія соображенія и разсчеты наши, что, къ сожалѣнію, впослѣдствіи совсѣмъ не оправдались. Въ концѣ 1900 г. подъ вліяніемъ слуховъ о русско-китайскомъ соглашеніи Японія начала волноваться. „Къ веснѣ 1901 г. возбужденіе усилилось, агитація въ печати приняла широкіе размѣры, въ общественныхъ и военныхъ сферахъ Японіи открыто обсуждалась неизбѣжность войны съ Россіею. Въ то же время Японія усиленно домогалась преобладанія въ Пекинѣ и настраивала Китай во враждебномъ намъ смыслѣ. Становилось несомнѣннымъ, что въ рѣшеніи „Манчжурскаго вопроса Японія будетъ дѣйствовать заодно съ Поднебесной имперіей. Очевидно, что и Россіи было необходимо теперь же подготовиться къ вооруженному столкновенію съ этими державами Дальняго Востока. Такая готовность была особенно необходима потому, что, какъ показали событія 1894 и 1900 годовъ, война въ этихъ краяхъ могла возникнуть почти внезапно" [2]).

Въ этихъ видахъ, въ 1901 г. былъ выработанъ планъ войны; его особенностями являются:

„1) Переносъ раіона сосредоточенія центральнаго или Манчжурскаго корпуса отъ Сунгари къ югу—къ линіи Мукденъ-Ляоянъ-Хайченъ.

„2) Окончательное торжество мнѣнія, что войска Южно-Уссурійскаго корпуса не должны быть пришиты къ оборонѣ раіоновъ у Владивостока, а могутъ быть двинуты въ Манчжурію.

„3) Болѣе опредѣленно высказанное предположеніе, что главнѣйшій ударъ японскихъ силъ будетъ направленъ на Южную Манчжурію.

„4) Сосредоточеніе нашей эскадры къ Портъ-Артуру.

„и 5) Рѣшеніе отправить на Дальній Востокъ, въ подкрѣпленіе находившимся тамъ войскамъ, два корпуса и 4 резервныхъ дивизіи изъ состава войскъ Европейской Россіи".

---

[1]) М. Грулевъ, ч. 1, стр. 189.
[2]) Работа В.-Ист. Ком. т. I, стр. 192.

„Главныя черты плана, принятаго въ 1901 году, остались и въ томъ планѣ, который былъ выработанъ штабомъ Пріамурскаго военнаго округа весною 1903 года“ [1]).

Главнѣйшій вопросъ, явившійся при составленіи новаго плана, состоялъ во взаимномъ соотношеніи враждующихъ эскадръ.

„Такъ какъ, по категорическому заявленію к.-ад. Витгефта, пріобрѣтеніе японцами господства на морѣ признавалось немыслимымъ, то, слѣдовательно, высадка японцевъ на материкъ возможна была только въ ближайшемъ разстояніи отъ японскихъ острововъ, т.-е. въ Фузанѣ, или въ лучшемъ для японцевъ случаѣ, въ Гензанѣ или Цинампо. По окончаніи высадки японцы могли избрать предметомъ для своихъ дѣйствій крѣпость Портъ-Артуръ только въ томъ случаѣ, если бы сосредоточеніе нашихъ войскъ происходило въ такомъ удаленіи отъ ихъ операціоннаго направленія, что имъ можно было бы разсчитывать покончить съ крѣпостью раньше, чѣмъ сюда подойдутъ наши главныя силы. Въ противномъ случаѣ японцы должны были направить свой главный ударъ на нашу сосредоточивающуюся армію“ [2]).

Генералъ Куропаткинъ не соглашался съ планомъ войны, выработаннымъ Намѣстникомъ, но ему пришлось стать фактическимъ исполнителемъ этого плана. Взгляды военнаго министра на возможную борьбу съ Японіей наглядно выразились въ его всеподданнѣйшей запискѣ отъ 24 марта 1903 г.

„Нынѣ, какъ и два года тому назадъ“, пишетъ г.-ад. Куропаткинъ, „мы должны держаться противъ Японіи оборонительнаго способа дѣйствій. Хотя мы и выдвигаемъ свои войска на линію Мукденъ—Ляоянъ—Хайченъ, но отстоять Южную Манчжурію въ первый періодъ войны, если туда вторгнется вся японская армія, не можемъ. Мы должны, какъ и два года тому назадъ, готовиться, что Портъ-Артуръ будетъ отрѣзанъ на довольно продолжительное время и, не допуская наши войска до частнаго пораженія, должны отступать по направленію къ Харбину до тѣхъ поръ, пока прибывшими съ тыла подкрѣпленіями не будемъ усилены настолько, что получимъ возможность, перейдя въ наступленіе, разгромить японцевъ“.

„Мы можемъ быть значительно спокойнѣе за исходъ войны, чѣмъ два года тому назадъ“, добавляетъ ген. Куропаткинъ

---

[1]) Работы В.-Ист. К., т. I, стр. 196.

[2]) Тамъ же, стр. 234.

„ибо флотъ нашъ сильнѣе японскаго, а подкрѣпленія будутъ прибывать несравненно быстрѣе, что дастъ намъ возможность перейти быстрѣе въ наступленіе“.

„Обдумывая возможно болѣе выгодный для насъ способъ дѣйствій противъ японскихъ войскъ, ген. Куропаткинъ приходилъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„Намъ необходимо прежде всего воспользоваться своимъ превосходствомъ въ конницѣ. „Уничтоживъ, обезсиливъ японскую конницу, надо замотать, истомить пѣхоту. Тревогами по ночамъ сдѣлать ее нервною. Послѣ этого и послѣ лишеній въ продовольственномъ отношеніи, въ японскую армію будетъ внесено нравственное и матеріальное разстройство, которымъ и надо воспользоваться для рѣшительныхъ ударовъ. Японская армія— это все же южане. Они будутъ пылки въ атакѣ и упорны днемъ въ оборонѣ. Но усталые, утомленные и потерпѣвшіе нѣсколько пораженій, они склонны будутъ къ паникѣ въ ночныхъ дѣйствіяхъ; этимъ и надо воспользоваться, нападая на нихъ ночью нашими отборными частями и съ отборными начальниками“.

„Очень важно, чтобы наши войска не понесли въ началѣ кампаніи частныхъ пораженій. Это подняло бы духъ японской арміи и всего японскаго народа на большую высоту“ [1]).

„Изъ остальныхъ мнѣній, имѣющихъ соотношеніе къ будущему плану войны, особенно интересно мнѣніе объ оборонѣ р. Ялу. Нынѣ тоже невыгодно, пишетъ генер. Куропаткинъ, „собираться намъ на линіи р. Ялу въ Манчжуріи, особенно если и на морѣ мы не будемъ имѣть превосходства въ силахъ. Рѣка Ялу отдѣлена отъ желѣзной дороги 200 верстами. Выставить слабый авангардъ нельзя, ибо рискованно. Выставить корпусъ войскъ трудно по мѣстнымъ условіямъ и можетъ оказаться невыгоднымъ, ибо корпусъ этотъ будетъ атакованъ японцами въ превосходныхъ силахъ ранѣе подхода къ намъ подкрѣпленій и вынужденъ будетъ къ отступленію по странѣ, объятой, вѣроятно, возстаніемъ, безъ возможности получить поддержку по линіи желѣзной дороги, ибо желѣзная дорога, вѣроятно, мѣстами будетъ разрушена“.

„Конецъ борьбы рисуется генералу Куропаткину безусловно побѣднымъ, такъ какъ авторъ говоритъ о вторженіи нашихъ войска на японскіе острова“ [2])...

---

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 249—250.

[2]) Тамъ же, стр. 258.

Далекъ отъ мысли входить въ обсужденіе достоинствъ и недостатковъ плановъ Намѣстника и Куропаткина. Читателю легко видѣть насколько оба плана дѣйствій несходны между собою по существу. А въ этомъ скрывалась большая бѣда, потому что Куропаткину пришлось вести войну, осуществляя чужой, навязанный ему планъ дѣйствій. Этимъ, какъ извѣстно, былъ нарушенъ одинъ изъ основныхъ принциповъ военнаго искусства, которое всегда жестоко наказываетъ такихъ нарушителей.

Мы не обладаемъ документами, которые могли бы съ точностью опредѣлить планъ военныхъ дѣйствій, составленный японцами. Во всякомъ случаѣ, ихъ предположенія основывались на точномъ разсчетѣ. Скорѣе всего можно судить о планѣ нашихъ противниковъ по тѣмъ операціямъ, которыя они выполнили. „Если же считать, что фактически исполненный японцами планъ и былъ тотъ, который былъ ими задуманъ и разработанъ еще до войны, то легко замѣтить его полнѣйшее сходство съ планомъ 1894—1895 г.г.“ [1]).

14 февраля, по открытіи уже военныхъ дѣйствій, намѣстнику были даны особыя указанія, въ которыхъ говорилось: „Открытіе военныхъ дѣйствій японцами застало наши войска, предназначенныя для борьбы съ ними, немобилизованными и расположенными въ пунктахъ квартированія на обширномъ пространствѣ въ Пріамурскомъ округѣ и Манчжуріи“.

„При данной обстановкѣ, первою задачею для насъ ставилась необходимость обезпечить сосредоточеніе войскъ, какъ находящихся въ предѣлахъ намѣстничества, такъ и направляемыхъ сюда изъ Европейской Россіи. А для этого, въ свою очередь, было необходимо удержать въ своей власти, во-первыхъ, Китайскую Восточную желѣзную дорогу, служившую единственнымъ путемъ для подвоза къ войскамъ Дальняго Востока подкрѣпленій и запасовъ, а во-вторыхъ—Харбинъ, съ потерею котораго прерывалась связь Имперіи съ Пріамурскимъ округомъ и съ войсками, оборонявшими Приморскую область.

„Для охраны Китайской Восточной желѣзной дороги необходимо было держать противника въ возможно большемъ отъ нея удаленіи. Но такія операціи, до полнаго сосредоточенія силъ, достаточныхъ для перехода къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій, требовали извѣстной осмотрительности: необходимо было

---

[1]) Работы В.-И. К., т. I, стр. 258.

не упускать ни одного случая къ ослабленію непріятеля, но въ то же время было необходимо не дать врагу возможности разбить насъ по частямъ".

„Второю, по своей важности, задачею являлось назначеніе достаточныхъ силъ для обороны Портъ-Артура, съ судьбою котораго была связана и судьба стоявшей на его рейдѣ Тихоокеанской эскадры".

„Наконецъ, третьею задачею являлась организація силъ для обороны Владивостока, для охраны побережья и путей отъ него вглубь территоріи отъ возможныхъ покушеній противника".

„По сосредоточеніи достаточныхъ силъ на Манчжурскомъ театрѣ, надлежало перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, „стремясь нанести противнику серьезное пораженіе и, по возможности, отрѣзать его отъ сообщеній съ его боевыми и транспортными судами" [1]).

Одновременно и г.-ад. Куропаткинъ подалъ записку, въ которой подробно останавливался на дѣйствіяхъ по сосредоточеніи арміи. Судьба не судила этимъ предположеніямъ воплотиться въ реальныя формы, а потому намъ нѣтъ надобности знакомиться съ этимъ трудомъ бывшаго военнаго министра. Однако, трудъ этотъ возымѣлъ свое дѣйствіе, такъ какъ его автору, рисовавшему самыя радужныя перспективы, и было вручено командованіе Манчжурской арміей.

Для этого выбора, конечно, были и другія причины. „Главнѣйшіе органы русской печати, эти уста общественнаго мнѣнія, все и всѣ указывали на ген.-ад. Куропаткина, какъ на лучшаго вождя для формируемой арміи. 3 февраля ему приказано было готовиться къ отъѣзду въ Манчжурскую армію, 5 февраля онъ былъ назначенъ командующимъ этою арміею" [2]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію силъ и средствъ воюющихъ сторонъ, любопытно привести краткую историческую справку о нашихъ взглядахъ на оборону Дальняго Востока. Такъ, въ 1885 г. высказывалось, что „всего болѣе слѣдуетъ уповать на стойкость нашихъ войскъ, которымъ выпадаетъ славная доля показать міру, что русскій духъ и русская отвага равносильны какъ въ сердцѣ Россіи, такъ и на далекомъ востокѣ—Азіи". Но такъ какъ, несмотря на эти заявленія, нѣкоторая помощь отдаленному Востоку

---

[1]) Работы В.-Ист. К., т. I, стр. 275.
[2]) Тамъ же, стр. 276.

все же не могла быть отложена, то 2 іюня 1886 года военнымъ министромъ и было испрошено Высочайшее соизволеніе довести до военнаго состава какъ войска Приморской области, такъ и два линейныхъ батальона, которые находились въ Амурской и Забайкальской областяхъ“ [1]).

Однако, намѣченныя мѣропріятія не могли немедленно осуществиться, потому что министръ финансовъ заявилъ, что „онъ положительно не находитъ возможнымъ отпустить сумму, просимую военнымъ вѣдомствомъ“. Съ 1887 г., въ теченіе пяти лѣтъ, все намѣченное было выполнено.

„Но самые размѣры этихъ мѣропріятій были невелики, отпущенныя средства были ничтожны. Въ результатѣ, хотя численность войскъ и была увеличена, но отсутствіе тыловыхъ учрежденій — парковъ, госпиталей и транспортовъ, отсутствіе войскового обоза дѣлали немыслимыми какія-либо активныя операціи и этихъ, болѣе многочисленныхъ войскъ въ то же время слабость Владивостока, какъ крѣпости, не только отнимала отъ насъ единственный опорный пунктъ, но и приковывала къ Владивостоку крупную часть нашихъ полевыхъ войскъ; наконецъ, отсутствіе военной флотиліи на Амурѣ, необходимой для обезпеченія нашихъ предѣловъ и для „успѣха сосредоточенія войскъ и запасовъ изъ Забайкалья на главный Южно-Уссурійскій театръ, и крайне слабая численность казачьей конницы, столь необходимой для достиженія быстрыхъ стратегическихъ результатовъ, представляли собою не менѣе слабыя стороны нашихъ вооруженныхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ. Всѣ эти недочеты сейчасъ же и обнаружились, когда на берегахъ Тихаго океана разыгрались извѣстныя событія 1894—1895 г.г.“

„Какъ только вспыхнула японо - китайская война, стало очевиднымъ, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ военныхъ дѣйствій могутъ быть затронуты и наши государственные интересы. Настала необходимость принятія заблаговременныхъ мѣръ“.

„Между тѣмъ, военныя силы, которыми мы располагали въ эти дни въ Пріамурскомъ краѣ, уже въ самомъ началѣ японо-китайскаго столкновенія оказались недостаточными“ [2]).

„Въ общемъ обнаружилось воочію, „насколько мы еще слабы во всѣхъ отношеніяхъ на той окраинѣ, гдѣ того и гляди мо-

---

[1]) Работы В.-Ист. К., т. I, стр. 280.

[2]) Тамъ же, стр. 283.

гутъ разыграться крупные историческіе вопросы“... „...Событія этого года, съ нашею мобилизаціею включительно, дали хорошій урокъ“, пишетъ пріамурскій генералъ - губернаторъ генералъ Духовской.“

„Работы впереди было еще очень много.“

„Въ эти дни на Дальнемъ Востокѣ въ самой активной роли выступила воинственная, притязательная, прекрасно вооруженная Японія съ ея 40 - милліоннымъ населеніемъ, благоустроенною арміею и сильнымъ флотомъ, Японія, которая, закончивъ побѣдоносную войну, сейчасъ же приступила къ новому улучшенію и расширенію своихъ вооруженныхъ силъ. У насъ тогда же признали, что эти мѣры направлены прежде всего и главнымъ образомъ противъ Россіи. „Десятый парламентъ окончательно и рѣшительно санкціонировалъ грандіозный проектъ усиленія военнаго могущества страны, принятый въ минувшемъ году девятымъ парламентомъ и направленный, главнымъ образомъ, противъ нашихъ интересовъ въ этой части Азіи“, писалъ въ 1897 году полковникъ Янжулъ. „Не прекращавшіяся съ 1896 г. усиленныя японскія вооруженія могли быть направлены только противъ Россіи“, говорилось затѣмъ и въ „Обзорѣ“, изданномъ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: „одно созданіе Японіею арміи, численностью далеко превосходившей естественныя потребности островного государства, могло служить подтвержденіемъ того, что Японія готовится къ военнымъ предпріятіямъ на материкѣ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ“ [1]).

Новая обстановка должна была вызвать измѣненіе отношеній Петербурга къ „забытому и никого не интересовавшему краю“. До сихъ поръ мы держались на Дальнемъ Востокѣ обаяніемъ Россіи, теперь требовалась и наличность вооруженныхъ силъ.

„Если Россія должна на Дальнемъ Востокѣ играть первостепенную роль и не хочетъ уступить свое мѣсто Японіи“, писалъ въ 1896 г. Великій Князь Александръ Михайловичъ, „то пора и намъ принять мѣры, чтобы къ 1903 году быть готовыми ко всякимъ случайностямъ“ [2]).

Въ общемъ же, за пятилѣтіе даннаго предѣльнаго бюджета, кончившееся въ 1898 г., проявлена была энергичная работа

---

[1]) Работы В.-Ист. К., т. I, стр. 286—287.

[2]) Тамъ же.

какъ по усиленію нашихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ, такъ и по ихъ реорганизаціи, соотвѣтственно новой обстановкѣ и новымъ потребностямъ". И все-таки „надежды на то, чтобы мы могли, наконецъ, догнать Японію, повидимому, исчезали. По крайней мѣрѣ открывшіяся въ концѣ 1898 г. совѣщанія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Сольскаго должны были оставить военному министерству мало упованій на успѣхъ его дальнѣйшихъ проектовъ. На одномъ изъ засѣданій совѣщанія рѣзко обнаружился его основной взглядъ на вопросъ усиленія пріамурскихъ и квантунскихъ войскъ.

„Главная охрана Портъ-Артура съ тѣхъ поръ, какъ на немъ былъ поднятъ русскій флагъ", говорилось на совѣщаніи, „заключается, конечно, не въ тѣхъ войсковыхъ частяхъ и артиллерійскихъ орудіяхъ, которыя тамъ будутъ сосредоточены, а въ сознаніи всѣхъ націй въ томъ, что за этимъ пунктомъ стоитъ вся Россія и непреклонно заявленная воля Его Императорскаго Величества". Финансовыя соображенія начали одерживать верхъ. Главнымъ образомъ, подъ ихъ вліяніемъ всѣ мѣропріятія были растянуты на нѣсколько лѣтъ" [1]).

А тѣмъ временемъ наступили тревожные дни 1900 года „Японія и Китай подняли вопросъ о Манчжуріи. Нарождалась возможность тѣснаго соглашенія между ними при полномъ сочувствіи этому соглашенію со стороны Англіи и Америки. Вмѣстѣ съ тѣмъ надвигалась и вѣроятность вооруженнаго столкновенія съ Японіей. Въ ея общественныхъ сферахъ и среди ея военныхъ открыто обсуждалась неизбѣжность войны съ нами въ самомъ близкомъ будущемъ" [2]).

Тѣмъ не менѣе, въ 1902 году увеличеніе нашихъ силъ на берегахъ Тихаго Океана шло такъ же медленно, какъ и въ предыдущіе годы. „Наступилъ 1903 г. На Дальнемъ Востокѣ назрѣвали событія міровой важности. Они подготовлялись не только огромными вооруженіями японской арміи и флота, но и весьма тщательно обдуманными политическими комбинаціями и союзами".

„Между тѣмъ, наше стратегическое положеніе (въ случаѣ войны съ Японіей) къ веснѣ 1903 г. не только не улучшилось, но, по мнѣнію ген.-ад. Алексѣева, стало даже значительно хуже, чѣмъ оно было весною 1902 года" [3]).

---

[1]) Раб. В.-И. К., т. I., стр. 308.
[2]) Тамъ же, стр. 317.
[3]) Тамъ же, стр. 321—322.

„4-го мая будущему Намѣстнику ген.-ад. Алексѣеву было предписано въ минимальный срокъ и не останавливаясь передъ нужными расходами поставить нашу боевую готовность на Дальнемъ Востокѣ въ полное равновѣсіе съ нашими политико-экономическими задачами“ [1]).

„Предполагалось, что если мы увеличимъ гарнизонъ Владивостока съ 6 до 12 батальоновъ крѣпостной пѣхоты и возложимъ оборону Южно-Уссурійскаго края на дружины изъ мѣстнаго населенія, то получимъ возможность сосредоточить въ Южной-Манчжуріи уже всѣ полевыя войска Пріамурскаго военнаго округа и будемъ имѣть здѣсь активную силу въ 62 баталіона.

„Силы эти“, говорилось въ журналѣ совѣщанія, „могутъ быть признаны достаточными, чтобы удержаться въ Южной Манчжуріи до прибытія подкрѣпленій изъ Сибири и Европейской Россіи“ [2]).

„Возвратившійся же съ портъ-артурскихъ совѣщаній въ Петербургъ военный министръ считалъ, повидимому, наше военное положеніе на Дальнемъ Востокѣ вполнѣ благопріятнымъ“ [3]).

Покуда въ Петербургѣ шли споры да раздоры, на Дальнемъ Востокѣ событія неумолимо вели къ неизбѣжной развязкѣ.

„4 января 1904 года отъ Намѣстника пришла новая тревожная депеша. Въ ней говорилось, что боевая готовность японской арміи продолжаетъ усиливаться, что японцами „съ поспѣшностью“ дѣлаются всѣ приготовленія къ образованію въ Кореѣ базы для наступательныхъ операцій, что они усиливаютъ здѣсь свои войска, что они могутъ предупредить насъ на р. Ялу и занять эту важную оборонительную линію задолго до нашихъ силъ, могущихъ подойти сюда, и то въ слабомъ составѣ, не ранѣе 4 недѣль. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Намѣстникъ предлагалъ теперь же привести въ боевую готовность нѣкоторыя войсковыя части и выдвинуть ихъ къ сторонѣ Корейской границы въ раіонѣ Сю-янь—Фынъ-хуанъ-чэнъ—Да-гу-шань. Эта депеша не только вызвала полное согласіе центральнаго управленія на предло-

---

1) В.-Ист. К., т. I., стр. 323.
2) Тамъ же, стр. 326.
3) Тамъ же, стр. 329.

женныя Намѣстникомъ мѣры, но побудила военное министерство и на дальнѣйшее усиленіе дальневосточныхъ войскъ“ [1]).

„20 января Намѣстникъ обратился въ Петербургъ съ просьбою разрѣшить ему теперь же принять самыя рѣшительныя мѣры для усиленія боевой готовности ввѣренныхъ ему войскъ. Такое усиленіе являлось въ его глазахъ необходимымъ не только въ цѣляхъ самообороны, но и какъ послѣднее средство, способное отвратить войну, такъ какъ оно могло внушить Японіи опасенія за благополучный для нея исходъ столкновенія. Подъ этими мѣрами ген.-ад. Алексѣевъ разумѣлъ не присылку подкрѣпленій изъ Европейской Россіи, а объявленіе теперь же мобилизаціи всѣхъ войскъ Дальняго Востока.

„24 января военный министръ отвѣтилъ Намѣстнику, что немедленное объявленіе мобилизаціи въ Сибири нежелательно“.

„На слѣдующій день послѣ отправки телеграммы, 25 января, объявленіе мобилизаціи было все же передано въ руки намѣстника, но попрежнему поставлено въ зависимость „отъ хода переговоровъ съ Японіею и образа дѣйствій собранныхъ японцами и приведенныхъ въ боевую готовность вооруженныхъ силъ“, т.-е. не разрѣшено къ немедленному исполненію, какъ о томъ просилъ Намѣстникъ“ [2]).

Какъ ни медленно возрастали наши силы на Дальнемъ Востокѣ, все же кое-что было сдѣлано. За время съ 1894 г. по 1904 г. войска наши на этой окраинѣ увеличились на 64 бат., 4 эск., 80 ор. и 2½ парка, а казачьи силы возросли на 16 сот. и 14 ор.

„Эта цифра должна была значительно увеличиться, если бы къ войскамъ Дальняго Востока присоединились тѣ крупныя пополненія, которыя предназначались къ отправкѣ сюда въ началѣ 1904 года. Къ сожалѣнію, эти пополненія дошли до мѣста назначенія уже послѣ начала военныхъ дѣйствій“ [3]).

Что же касается Японіи, то „вполнѣ опредѣленное стремленіе ея добиться со стороны Россіи существенныхъ уступокъ какъ по Корейскому, такъ и по Манчжурскому вопросамъ, неудачный, въ глазахъ японцевъ, исходъ всѣхъ предыдущихъ переговоровъ Японіи съ Россіею, полная вѣроятность давно предвидѣнной и

---

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 347.
[2]) Тамъ же, стр. 353—357.
[3]) Тамъ же, стр. 380.

намѣченной японцами борьбы, заставили Японію уже съ весны 1903 года приступить къ послѣднимъ приготовленіямъ. „По словамъ людей, давно живущихъ въ Японіи и бывшихъ свидѣтелями не одного тревожнаго момента, никогда еще не замѣчалось столь основательной подготовки, даже въ періоды весьма сильнаго возбужденія страны", писалъ нашъ военный агентъ: „...нынѣшнее серьезное отношеніе къ дѣлу какъ бы указываетъ на то, что, повидимому, въ Японіи потеряна увѣренность, что все можетъ окончиться благополучно, какъ кончалось уже много разъ раньше, и японцы готовятся на худшее" [1]).

Наша оцѣнка японской арміи „страдала несомнѣнно, крупными и серьезными пробѣлами. При опредѣленіи матеріальныхъ силъ японцевъ, мы проглядѣли нѣкоторыя формированія, явившіяся для насъ потомъ какъ бы неожиданными, и неправильно опредѣлили размѣръ и предѣлъ тѣхъ силъ, которыя могла выставить Японія, а при опредѣленіи моральныхъ сторонъ японской арміи, отдавая иногда должное этой молодой арміи, мы, однако, совершенно не сумѣли оцѣнить тотъ духъ, которымъ она была воодушевлена. А между тѣмъ, этотъ духъ умножалъ и увеличивалъ ея силы въ минуту, когда послѣднія были недостаточны, и совершенно покрывалъ и дѣлалъ незамѣтными ея недочеты въ то время, когда тѣ же недостатки въ иной, менѣе одушевленной и воинственной арміи, не замедлили бы сейчасъ же проявить свое пагубное и вредное вліяніе".

„Поступившія за послѣднее время донесенія и особенно опросы плѣнныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые отвѣчаютъ весьма охотно",—пишетъ генеральнаго штаба подполк. Линда въ сводкѣ № 11, „позволяютъ развѣдывательному отдѣленію вновь съ убѣжденіемъ подтвердить, что установленная организація японскихъ дивизій, кавалерійскихъ бригадъ, полевой артиллеріи совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла... Нѣсколько иначе стоитъ вопросъ о резервныхъ войскахъ".

„Дѣйствительно, мы, повидимому, не успѣли или не сумѣли собрать свѣдѣній о подготовкѣ въ японской арміи ея резервныхъ или территоріальныхъ войскъ".

„Никакихъ поправокъ отъ нашего военнаго агента въ Японіи не поступало и имѣвшіяся свѣдѣнія считались, повидимому, непреложными. Въ результатѣ, на резервныя или территоріальныя

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 391.

войска смотрѣли у насъ какъ на такія, которыя, во-1-хъ, будутъ готовы сравнительно не скоро, а во-2-хъ—и послѣ своего сформированія уйдутъ отчасти на выполненіе вспомогательныхъ услугъ для полевой арміи (на охрану ея тыла), а отчасти и на оборону страны. Въ виду этого, въ нашихъ расчетахъ самое число тѣхъ полевыхъ дивизій, которыя могли быть высажены японцами въ первые мѣсяцы борьбы, понижалось на 3 или на 2. При томъ значеніи, которое имѣлъ для насъ въ первые дни борьбы, при малочисленности нашихъ „головныхъ частей", каждый лишній батальонъ японцевъ, несомнѣнно, что и предполагаемое нами оставленіе противникомъ 2 или 3 дивизій въ самой Японіи должно было сыграть не послѣднюю роль въ нашихъ расчетахъ и надеждахъ. Между тѣмъ, сформированіе резервныхъ войскъ на случай войны было уже подготовлено, они увеличили постоянную армію почти на двѣ трети ея состава и большею частью не въ тылу и не на японскихъ островахъ, а въ той же линіи, гдѣ была и полевая" [1]).

„Поспѣшность, съ которою приходилось формировать резервныя войска, дабы подкрѣпить ими полевыя съ самаго начала борьбы, не могла, конечно, не отразиться на организаціи резервныхъ войскъ. Въ результатѣ составъ ихъ оказался неоднороднымъ; появилось много сводныхъ частей, для резервной артиллеріи не хватило скорострѣльныхъ орудій и взамѣнъ ихъ пришлось въ началѣ войны вооружить ее старыми мѣдными орудіями, стрѣлявшими чугунными снарядами, а потомъ орудіями, отбитыми на боевыхъ поляхъ" [2]).

„Только черезъ двѣ недѣли по объявленіи войны явилась, наконецъ, нѣкоторая поправка къ нашимъ прежнимъ расчетамъ и свѣдѣніямъ. „Японцы предполагаютъ высадить на Ляодунѣ всѣ свои тринадцать дивизій, т.-е. около 170 бат.", сообщаетъ генералъ Линевичъ генералу Куропаткину 10 февраля 1904 г.: „японцы формируютъ свои войска территоріальныя, часть которыхъ также перебросятъ на материкъ, гдѣ будутъ, вѣроятно, имѣть 250 бат. Вообще, мы должны быть готовы встрѣтить огромную японскую армію". 29 мая въ нашемъ главномъ штабѣ уже опредѣленно говорятъ о появленіи въ Манчжуріи японскихъ резервныхъ войскъ. „Безспорнымъ представляется", пишетъ гене-

---

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 393.
[2]) Тамъ же, стр. 411.

ралъ Фроловъ въ своемъ докладѣ военному министру, „что въ I японской арміи маршала Куроки резервныя бригады соотвѣтствующихъ по номеру полевыхъ дивизій дѣйствительно находятся въ составѣ арміи“.

„Вторая ошибка, допущенная нами, сводилась къ неправильному подсчету тѣхъ силъ, которыя вообще могла выставить Японія для борьбы съ нами, и на невѣрной оцѣнкѣ того напряженія, которое она могла выдержать“ [1]).

„По мнѣнію бывшаго военнаго министра, наибольшее напряженіе Японіи въ 1903 г. опредѣлялось всего 210 тыс. и только въ 1910 г., и то при извѣстныхъ условіяхъ, мы могли ожидать, что будемъ имѣть дѣло уже съ 350 или 400-тысячною японскою арміею“...

„Мнѣніе русскаго военнаго министра о силахъ Японіи еще отчетливѣе видно изъ небольшого замѣчанія, сдѣланнаго имъ по поводу цифры, приведенной Н. Д. Богуславскимъ... Авторъ незадолго передъ тѣмъ вышедшаго въ свѣтъ новаго труда „Японія“—Богуславскій считалъ, что наша воинственная сосѣдка на Дальнемъ Востокѣ „въ состояніи направить въ 4—6-недѣльный срокъ къ любому пункту Азіатскаго побережья слишкомъ 200.000 чел.“, т.-е. такія силы, „для борьбы съ которыми будущему противнику Японіи приходится расчитывать не на численный перевѣсъ, а на боевой опытъ и духъ своихъ войскъ“. „Это нѣсколько преувеличено“, пишетъ генералъ Куропаткинъ“ [2]).

„Въ дѣйствительности же напряженіе, выдержанное Японіею, проявилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

„Ко времени мобилизаціи были использованы для состава постоянной арміи 525 тыс. (люди уже находившіеся подъ знаменами, запасъ и рекрутскій резервъ 1-го класса), во время самой войны къ этой цифрѣ присоединилось еще 230 тыс., прошедшихъ 4-мѣсячное обученіе, всего 755 тыс. Затѣмъ, изъ новобранцевъ, призванныхъ въ 1904 и 1905 г.г., — 70 тыс. ушло на сформированіе новыхъ $3^1/_2$ полевыхъ дивизій (13-я, 14-я, 15-я и бригада генер. Оку), на сформированіе первыхъ резервныхъ частей ушло 300 тыс., на сформированіе дополнительныхъ 6 резервныхъ пѣхотныхъ бригадъ (№№ 13—18) было призвано еще

1) В.-И. К., т. I, стр. 413.
2) Тамъ же, стр. 417.

60 тыс. Такимъ образомъ, для цѣлей войны было использовано 1.185.000 человѣкъ. Кромѣ того, было призвано, но осталось не использовано, еще 1.542.000 чел., т.-е. всѣхъ призванныхъ къ борьбѣ, находившихся еще до борьбы въ составѣ арміи и оказавшихся физически годными къ военной службѣ, было 2.727 тыс. человѣкъ. При этомъ, изъ числа использованныхъ 1.185 тыс. было обучено: ко времени мобилизаціи 885 тыс. и обученныхъ во время войны (въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ) 300 тыс. Если даже отбросить общій итогъ числа физически годныхъ людей (т.-е. 2.727 тыс.), какъ полученный путемъ теоретическаго подсчета, то все же одна цифра „использованныхъ для войны“ — 1.185 т. говоритъ сама за себя и вмѣстѣ съ цифрами въ 755 т. для постоянной арміи и 300 тыс. для территоріальныхъ войскъ, т.-е. для вооруженныхъ силъ, выдвинутыхъ въ первые же мѣсяцы войны, совершенно уничтожаетъ тѣ подсчеты, которые были сдѣланы у насъ и за-границей и оффиціальными изданіями и отдѣльными лицами“.

„Уже въ первый же мѣсяцъ, когда открылись военныя дѣйствія на сушѣ, а именно—въ концѣ апрѣля 1904 г., выяснилось, что японцы имѣютъ въ своемъ распоряженіи четыре арміи общею силою въ 206 т. человѣкъ при 720 орудіяхъ, что изъ 13 дивизій они временно оставили въ Японіи только 7-ю, что одновременно съ полевыми войсками сформированы и двинуты на материкъ и резервныя войска, на первое время въ числѣ 72 бат., 12 эск., 13 батар., 3 инжен. и 3 обозн. бат.“

„Сомнѣніе въ правильности цифръ, приведенныхъ въ нашемъ Сборникѣ, повидимому, начало закрадываться еще въ концѣ 1902 г., когда были получены свѣдѣнія кап. 2-го ранга Русина. По крайней мѣрѣ, изъ рапорта подполк. Самойлова отъ 11 мая 1903 г. видно, что такое сомнѣніе было. „Я полагалъ бы“, пишетъ нашъ военный агентъ, „пока оставить свѣдѣнія о штатномъ составѣ арміи въ томъ видѣ, какъ они напечатаны въ Сборникѣ, ибо до сихъ поръ не получено какихъ-либо данныхъ, которыя опровергали бы нѣкоторыя изъ цифръ, слѣдовательно, пока нѣтъ основанія предполагать, что помѣщенныя въ Сборникѣ числовыя данныя ошибочны. Все, что касается численнаго состава арміи въ Японіи, составляетъ большой секретъ, и достать какія-либо свѣдѣнія можно только случайно. Свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ иностранными агентами, хотя и разнящіяся отъ нашихъ, не могутъ считаться достовѣрными“.

Въ общемъ, напряженіе, сдѣланное обѣими сторонами, можетъ быть опредѣлено слѣдующими цифрами. Если принять постоянную армію и ея резервъ за 100%, то окажется, что Японія выставила не только всѣ эти 100%, но сверхъ того—еще около 50%; при этомъ, по свѣдѣніямъ имѣвшимся до войны, Японія должна была выставить 0,9% своего 45-милліоннаго населенія, а выставила въ дѣйствительности, не считая пополненія потерь, около 1,8%. Въ то же время Россія двинула для борьбы всего около 33%, т.-е. 1/3 своей постоянной арміи и не болѣе 0,5% своего 140-милліоннаго населенія.

Въ общемъ, „напряженіе, сдѣланное Японіей въ борьбѣ съ Россіей, отъ 4 до 5 разъ превосходило собою напряженіе, достигнутое ея противникомъ. Этотъ выводъ пріобрѣтаетъ особое значеніе по сравненію съ другими условіями той же борьбы, т.-е. съ настроеніемъ народныхъ массъ, съ духомъ обѣихъ армій и съ тѣмъ моментомъ внутренняго развитія обѣихъ странъ, когда состоялась между ними кровавая встрѣча“ [1]).

Такова была оцѣнка численности силъ противника. Не лучше обстояло дѣло по части познанія внутреннихъ качествъ будущаго врага.

„Съ отъѣздомъ ген. Янжула изъ Японіи и съ назначеніемъ на его мѣсто генеральнаго штаба подполковника Ванновскаго, (Глѣба) оцѣнка японской арміи рѣзко измѣняется въ сторону, хотя, быть-можетъ, и обидную для самолюбія нашего будущаго противника, но зато благопріятную для его главнѣйшихъ интересовъ“.

„Японская армія,—пишетъ новый военный агентъ въ одной изъ своихъ записокъ, составленныхъ, однако, въ бытность его въ Петербургѣ,—далеко еще не вышла изъ состоянія внутренняго неустройства, которое неизбѣжно должна переживать всякая армія, организованная на совершенно чуждыхъ ея народной культурѣ основаніяхъ, усвоенныхъ съ чисто японской слѣпой аккуратностью и почти исключительно по формѣ, а отнюдь не по существу, какъ, впрочемъ, это замѣчается во всѣхъ прочихъ отрасляхъ современной японской жизни“.

„Вотъ почему, если, съ одной стороны, японская армія уже давно не азіатская орда, а аккуратно, педантично организованное по европейскому шаблону, болѣе или менѣе хорошо воору-

---

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 417—430.

женное войско, то съ другой—это вовсе не настоящая европейская армія, создавшаяся исторически, согласно выработаннымъ собственной культурой принципамъ".

„Пройдутъ десятки, можетъ-быть, сотни лѣтъ, пока японская армія усвоитъ себѣ нравственныя основанія, на которыхъ зиждется устройство всякаго европейскаго войска, и ей станетъ по плечу тягаться на равныхъ основаніяхъ хотя бы съ одной изъ самыхъ слабыхъ европейскихъ державъ. И это, конечно, въ томъ случаѣ, если страна выдержитъ тотъ внутренній разладъ, который происходитъ отъ слишкомъ быстраго наплыва чуждыхъ ея культурѣ, исторической жизни идей".

„На этой запискѣ бывшій тогда военнымъ министромъ ген.-ад. Куропаткинъ надписалъ: „Читалъ. Увлеченій нашихъ бывшихъ военныхъ агентовъ японскою арміею уже нѣтъ. Взглядъ трезвый" [1]).

Отзывъ нашего военнаго агента, присутствовавшаго на маневрахъ, весьма неблагопріятенъ относительно боевой подготовки японцевъ, но особенно суровый отзывъ объ арміи нашего противника далъ ген. Ивановъ (нач. штаба I Спб. к.), находившійся вмѣстѣ съ военнымъ агентомъ на тѣхъ же маневрахъ у Сендая.

„Организація японской арміи,—пишетъ ген. Ивановъ,—подвергшаяся послѣдней ломкѣ на основаніи закона 1899 г., еще не окрѣпла и не закончена. Въ пѣхотѣ не хватаетъ четырехъ батальоновъ, въ кавалеріи шести эскадроновъ, въ артиллеріи двухъ батарей. Кромѣ сего, вопросъ объ организаціи полкового и дивизіоннаго обоза стоитъ открытымъ".

„Въ кампаніяхъ 1894—1895 и 1900 годовъ, несмотря на то, что китайцы не воспрепятствовали японцамъ высаживаться и базироваться на суда, они все-таки свои операціи развивали по берегу заливовъ, бухтъ и по теченію рѣкъ. При подобномъ веденіи наступательныхъ операцій японскіе „кули" подвозили съ базы въ шаландахъ продовольственные и боевые запасы и затѣмъ разносили ихъ по войскамъ... Думаю, что не всѣ противники японцевъ будутъ такъ покладисты, какъ были китайцы въ упомянутой кампаніи. Поэтому неразрѣшенные еще въ организаціонномъ смыслѣ вопросы о полковомъ и дивизіонномъ обозѣ дѣлаютъ японскую армію неспособной къ серьезнымъ наступательнымъ операціямъ".

---

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 430.

„Перевооруженіе артиллеріи по финансовымъ недочетамъ можетъ затянуться еще надолго... Новое японское ружье, которымъ вооружена пѣхота, по своимъ баллистическимъ качествамъ слѣдуетъ причислить къ разряду хорошаго огнестрѣльнаго оружія, хотя оно для японца тяжело и велико. Но если вся японская пѣхота подготовлена къ стрѣльбѣ такъ же, какъ полки 2-й и 8-й дивизій и воспитанники военной школы, то въ подобныхъ неумѣлыхъ рукахъ и отличныя ружья будутъ дѣйствовать хуже плохихъ".

„Японца выучили дѣлать ружейные пріемы, равняться на мѣстѣ и кое-какъ въ движеніи, молчать въ строю и все это онъ продѣлываетъ со свойственнымъ ему по природѣ терпѣніемъ, стараніемъ, послушаніемъ и вниманіемъ. Вслѣдствіе этого, по наружному виду пѣхотныя части слѣдуетъ аттестовать обученными. Но обученность эта коснулась только тѣхъ отдѣловъ, которые видитъ глазъ; тамъ же, гдѣ въ обученіе необходимо вложить умъ, сердце, знаніе и пониманіе важнаго дѣла, тамъ замѣчается обратное. Въ послѣднемъ, конечно, виноватъ не солдатъ".

„Не могу я винить солдата за то,...что онъ не подготовленъ владѣть своимъ оружіемъ, что онъ не примѣняется къ мѣстности, пренебрегаетъ мѣстными предметами, перебѣгаетъ толпой, отступаетъ бѣгомъ, стрѣляетъ зря по цѣлымъ часамъ изъ двухъ, трехъ и четырехъ-шереножной массы. Не могу я винить солдата за то, что онъ не умѣетъ ѣздить верхомъ на большой лошади, не соотвѣтствующей его росту и силѣ, при скверной сѣдловкѣ, заставляющей болѣе заботиться о заживленіи потертой спины, чѣмъ объ усовершенствованіи въ верховой ѣздѣ. Не могу я винить солдата за то, что артиллерія задерживаетъ и безъ того медленное движеніе пѣхоты, выѣзжаетъ шагомъ на позицію; дѣлаютъ первый выстрѣлъ батареи наступающаго, а батареи обороняющагося упускаютъ цѣлый рядъ прекрасныхъ цѣлей".

„Не могу я винить солдата за то, что при расположеніи отрядовъ по квартирамъ примѣняются несоотвѣтствующія мѣры охраненія съ одноверстнымъ растояніемъ между линіей аванпостовъ и авангардомъ и этимъ послѣднимъ и главными силами.

„Не могу я винить солдата за то, что японскій боевой порядокъ обладаетъ капитальными недостатками, подверженъ прорыву, охвату и возможности быть разбитымъ по частямъ; за то, что солдатъ благодаря „нашей новой тактикѣ" выпускаетъ безсмысленно по 120 патроновъ. Не могу винить солдата за то, что

я присутствовалъ не на маневрахъ двухъ дивизій, а при исполненіи маневреннаго вздора частицами дивизіи; за то, что маневрировавшіе военноначальники не умѣютъ отличать главное отъ второстепеннаго; поэтому въ приказахъ ихъ зачастую встрѣчались мелочи, а главнаго никогда не было".

„Не могу также винить и начальниковъ маневрировавшихъ дивизій за то, что у нихъ нѣтъ еще знаній, умѣнія и пониманія военнаго дѣла. Но зато они съ большимъ самомнѣніемъ, нахальствомъ и со своеобразной логикой".

„Никто не станетъ отрицать, что достоинство арміи измѣряется не солдатиками, удовлетворительно сдѣлавшими ружейные пріемы и прошедшими церемоніальнымъ маршемъ, а разумными твореніями какъ дома, такъ и въ полѣ ея начальниковъ".

„Относительно работы японскихъ начальниковъ въ полѣ слѣдуетъ замѣтить, что японская регулярная армія существуетъ всего 29 лѣтъ и въ этотъ промежутокъ времени не было у нихъ серьезныхъ боевыхъ учителей".

„Только въ сказкахъ говорится, что тяпъ да ляпъ и вышелъ корабль, сто разъ тяпнулъ—сто кораблей вышло. Такъ и японцы: два раза побѣдили китайцевъ и вообразили, что у нихъ есть армія, съ которой они могутъ перевернуть весь міръ. Въ Японіи есть японцы, сбросившіе на время ученій, маневровъ и войнъ киримоны и неумѣло надѣвшіе военные мундиры".

„Побѣды, одержанныя ими надъ китайцами, развили въ нихъ ослѣпленіе, страшное самомнѣніе и нахальство, дошедшее даже до того, что они изобрѣли „нашу новую тактику", не понимая и не зная настоящей техники, и полѣзли учителями военнаго дѣла въ Китай".

„Пока у японцевъ не будетъ серьезныхъ боевыхъ учителей, они со своей новой тактикой не уйдутъ далеко въ военномъ отношеніи" [1]).

Несмотря на все легкомысліе, съ которымъ мы относились къ грядущимъ событіямъ, все же „въ Петербургѣ отнеслись къ отчетамъ генерала Иванова и полковника Ванновскаго съ нѣкоторою осторожностью и съ извѣстными поправками. „Въ подлинномъ отчетѣ генерала Иванова", пишетъ начальнику Главнаго Штаба генералъ-квартирмейстеръ генералъ-маіоръ Жилинскій 17 мая 1902 года, „всюду замѣчается со стороны состави-

---

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 431—440.

теля явное предубѣжденіе противъ японской арміи, ироническое и даже презрительное отношеніе къ японскимъ войскамъ, которыя онъ какъ бы умышленно старается представить въ карикатурномъ видѣ“ [1]).

„Нѣтъ сомнѣнія“, говоритъ генералъ Жилинскій по поводу отчета генерала Иванова, — „что японская армія во всѣхъ отношеніяхъ еще весьма далека отъ совершенства и никоимъ образомъ не можетъ быть сравниваема съ главнѣйшими европейскими арміями и особенно съ нашею. Тѣмъ не менѣе, казалось бы, что при нынѣшнемъ положеніи на Дальнемъ Востокѣ желательно болѣе безпристрастное, безъ всякихъ предвзятыхъ идей, отношеніе въ дѣлѣ оцѣнки боевыхъ качествъ и боевой подготовки нашего вѣроятнаго противника“.

„Такимъ образомъ, генералъ Жилинскій, смягчая отзывы генер. Иванова и полк. Ванновскаго, даетъ какъ бы и свою собственную оцѣнку японской арміи. Отзывъ генерала Жилинскаго долженъ быть особенно интересенъ и цѣненъ потому, что названное лицо занимало въ тѣ дни постъ генералъ-квартирмейстера, т.-е. стояло непосредственнымъ образомъ во главѣ того учрежденія, которое должно было создавать планы борьбы съ враждебными государствами и, несомнѣнно, должно было класть въ числѣ основъ для подобныхъ плановъ и данныя по всесторонней оцѣнкѣ армій этихъ государствъ“ [2]).

Ошибочность взглядовъ на качества японской арміи не оставалась неизмѣнной. Мы еще имѣли почти годъ времени для внесенія существенныхъ поправокъ въ данныя о цѣнности вооруженныхъ силъ врага.

„Взглядъ на японскую армію, принадлежавшій ближайшимъ наблюдателямъ за ея работою, еще разъ измѣнился, когда постъ военнаго агента въ Токіо занялъ генеральнаго штаба подполк. Самойловъ“.

„Оцѣнивая маневры 1903 г., т.-е. первые маневры, на которыхъ ему пришлось присутствовать въ качествѣ военнаго агента, подполк. Самойловъ пишетъ слѣдующее:

„...Общее заключеніе, на основаніи того, что удалось видѣть (въ общемъ благодаря способу показыванія—очень немного)—то, что японская армія сдѣлала большіе успѣхи, является серьез-

---

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 431—440.

[2]) Тамъ же, стр. 441.

нымъ противникомъ, съ которымъ надо считаться одинъ на одинъ; тѣ же ошибки, которыя были сдѣланы на маневрахъ и, можетъ-быть, будутъ повторены на войнѣ, пусть покроютъ тѣ ошибки, которыя возможны и съ нашей стороны".

„Дѣлая теперь, такъ сказать, практическiе выводы на случай войны съ Японiей,—должно указать: большую подвижность армiи, громадную и хорошо обученную артиллерiю (говорю на основанiи опыта войны 1900 г.), значительный % горной артиллерiи (у насъ на Дальнемъ Востокѣ всего 2 батареи), отсутствiе конной артиллерiи, неумѣнiе пользоваться конницей, хотя и обученной, въ особенности для развѣдывательной службы; чувствительность ко всякимъ неожиданностямъ и случайностямъ, по всей вѣроятности, слабую сторожевую службу и непривычку къ ночнымъ маршамъ и дѣйствiямъ; такую же, какъ и у насъ, нелюбовь войскъ къ фортификацiи и, наконецъ, доказанное на дѣлѣ мужество и умѣнiе умирать на полѣ сраженiя".

„Что касается невыносливости японскихъ войскъ, то позволю себѣ сказать, что невыносливость эта условная, происходящая отъ перегрузки солдата; къ холоду японцы приспособляться еще не научились, но научатся, какъ научились „всему другому"...

„...Почти такое же мнѣнiе вынесли и другiе изъ иностранныхъ офицеровъ, приглашенныхъ на маневры, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать по этому поводу".

„Въ нынѣшнемъ году", пишетъ подполк. Самойловъ со словъ одного свѣдущаго лица о результатахъ обученiя 4-й дивизiи, „достигнуты лучшiе результаты, чѣмъ въ прошломъ; это объясняется тѣмъ, что занятiя съ каждымъ родомъ оружiя велись продолжительное время отдѣльно; пѣхота упражнялась въ совершенiи большихъ переходовъ, достигнуты отличные успѣхи въ стрѣльбѣ, особенно лежа, что наиболѣе практично при нынѣшнихъ условiяхъ веденiя войны. Отведено надлежащее мѣсто совмѣстнымъ ученiямъ съ боевой стрѣльбой пѣхоты и артиллерiи" [1]).

„Посѣтившiй Японiю лѣтомъ 1903 г. бывшiй тогда военнымъ министромъ ген.-ад. Куропаткинъ занялъ по сдѣланной имъ оцѣнкѣ японской армiи среднее мѣсто между ея поклонниками и тѣми, кто видѣлъ въ этой армiи почти однѣ отрицательныя и темныя стороны".

---

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 448.

„Въ общемъ, войска японскія произвели на меня впечатлѣніе надежныхъ войскъ“, пишетъ генер. Куропаткинъ въ своемъ „Отчетѣ“: „нижніе чины имѣютъ военное самолюбіе. Слабѣе стоятъ вопросы офицерскій, унтеръ-офицерскій и конскій... Я безъ ложнаго стыда могу признать, что видѣнные мною японскіе выдающіеся генералы не хуже нашихъ, японскую же военную силу вообще осторожнѣе признать по ея достоинствамъ равною европейскимъ. При оборонѣ нашъ батальонъ можетъ противиться двумъ батальонамъ японскимъ; но при наступленіи и намъ надо разсчитывать на двойныя противъ японцевъ силы...“

„Вооруженныя силы японцевъ“, пишетъ военный министръ въ заключеніе къ своему „Отчету“, „находятся на довольно высокой степени развитія и представляютъ противника, съ которымъ на Дальнемъ Востокѣ приходится серьезно считаться. Не могу, однако, не остановиться и на отрицательной сторонѣ скороспѣлой культуры японскаго народа и, главное, японской арміи, именно: на отсутствіи религіознаго чувства. Въ военныхъ школахъ никакого религіознаго образованія и воспитанія не даютъ; храмовъ при школахъ не имѣется; будущіе офицеры Всевышнему не молятся ни въ горѣ ни въ радостяхъ. То же явленіе наблюдается и въ арміи. Въ этомъ и заключается большая слабость японской арміи. Безъ религіи и безъ вѣры въ Промыселъ Божій выдержать тяжелыя испытанія войны, вынести тяжкія потери и лишенія могутъ лишь отдѣльныя лица, но не массы. Вмѣсто религіи въ школахъ преподается высшая мораль: любовь къ родинѣ, императору и уваженіе къ семьѣ“ [1]).

Ошибаясь въ оцѣнкѣ боевыхъ качествъ японской арміи, мы внесли еще болѣе грубую ошибку въ опредѣленіе ея моральной стоимости. Какъ самое яркое осуществленіе государственной идеи, продолжаетъ нашъ военный „агентъ, армія пользовалась въ Японіи громадною популярностью. Весь народъ относился къ ней съ глубокимъ довѣріемъ, любилъ свою армію и гордился ея замѣтными успѣхами. „Нѣтъ цвѣтка краше вишни, нѣтъ человѣка краше военнаго“, говорила японская пословица. Въ войсковые ряды рвалась вся японская молодежь. Призывъ молодого японца въ солдаты справлялся въ его семьѣ, какъ праздникъ. Были случаи, когда матери убивали себя только изъ-за того, что ихъ сыновья оказывались по слабости здоровья не-

---

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 451.

принятыми въ ряды арміи. На маневры и другія занятія войскъ стекались народныя массы. Это—не одно любопытство, но и живой интересъ ко всему, что касалось арміи. Встрѣчи и проводы войскъ по деревнямъ носили характеръ правильно и заранѣе устроенныхъ. Все населеніе выходило къ войскамъ и провожало ихъ до слѣдующей деревни. Иногда для встрѣчи выводили мальчиковъ и дѣвочекъ деревенскихъ школъ и выстраивали ихъ въ двѣ шеренги вдоль самой дороги.—Всюду въ раіонѣ маневровъ 1903 г. „обычныя занятія были прекращены, народъ жилъ какъ бы одною жизнью съ войсками и принималъ самое дѣятельное участіе въ маневрахъ. Внимательно слѣдя за дѣйствіями сторонъ, цѣлыя деревни сопровождали наступающихъ и вмѣстѣ съ ними шли въ атаку. Это былъ какъ быкакой-то національный праздникъ, а не обыкновенные войсковые маневры".—Отличія, пріобрѣтаемыя на войнѣ, считались лучшею оцѣнкою и для успѣховъ въ гражданской жизни; Въ память павшихъ въ бою воздвигались храмы, вся нація два раза въ годъ облекалась въ глубокій трауръ, семьямъ убитыхъ даже много лѣтъ послѣ печальнаго событія оказывались особыя почести.

Такимъ образомъ, вся жизнь и дѣятельность японскаго солдата протекали подъ пристальнымъ взоромъ остального народа. Между тѣмъ, народная масса и общественное мнѣніе именно въ Японіи и пріобрѣтали особенную силу, такъ какъ въ этой странѣ, по религіозно-историческимъ причинамъ, личное „я" давно исчезло въ идеѣ общей божественности народа и „всякій индивидуализмъ былъ тщательно изгнанъ". Находясь въ толпѣ и подъ ея надзоромъ, японецъ-воинъ терялъ послѣдніе проблески личности и способенъ былъ на все, что ни потребовало бы отъ него такъ называемое общественное мнѣніе. Такимъ образомъ, помимо преемственно заимствованныхъ изъ народныхъ нѣдръ добродѣтелей солдата, на японцѣ-воинѣ сказывалось могучее вліяніе народной массы, столь живо интересовавшейся военнымъ міромъ".

„Обычно присущее японской націи воодушевленіе поддерживалось яснымъ сознаніемъ тѣхъ задачъ, которыя предстояли Японіи на политической аренѣ Дальняго Востока. „Мы должны воевать съ Россіей изъ-за принципа", говорилъ одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Японіи,—графъ Окума. „Намъ необходимо перебраться на материкъ. Наши земледѣльцы сѣютъ хлѣбъ на скалахъ. У насъ нѣтъ земли, гдѣ мы могли бы

работать. Намъ необходимо бороться не на жизнь, а на смерть дабы обезпечить кусокъ хлѣба нашимъ дѣтямъ и внукамъ“ „Взоры народа“, говорилъ генер. Кусуное, „устремлены на Манчжурію и народъ готовъ воевать“.

„То же воодушевленіе, несомнѣнно, поддерживалось и силою враждебнаго чувства къ Россіи и къ ея начинаніямъ на Дальнемъ Востокѣ. „Занятіе вами Портъ-Артура проложило глубокую борозду между Россіей и Японіей“,—говорилъ японскій посланникъ въ Лондонѣ,—виконтъ Хаями.—Оно же, это занятіе, породило въ японцахъ и несомнѣнную жажду мщенія. Злоба японцевъ была такъ велика, что, по ихъ собственному выраженію, „они спали на хворостѣ, питались желчью и хотѣли небо пронзить своей ненавистью“.

„Россія рисовалась японцамъ то въ видѣ акулы, то въ роли голоднаго тигра. Почти со временъ Симоносекскаго договора часть японской печати, воинствующія партія, вновь сформированныя политическія общества и отдѣльные противники Россіи изъ среды государственныхъ дѣятелей усиленно поддерживали въ народѣ враждебное чувство противъ Россіи и напоминали о необходимости вступить съ нами въ кровавую борьбу. Временами затихая, эта агитація возобновлялась потомъ вновь едва ли не съ большею энергіею. Кромѣ источниковъ чисто домашняго происхожденія, она питалась еще и тѣми явленіями изъ русской дѣятельности, которыя, по мнѣнію Японіи, нарушали ея самые живые интересы на Дальнемъ Востокѣ. Въ такія минуты вызванный печатью и воинствующей партіей взрывъ народнаго негодованія давалъ какъ бы новый толчокъ къ усиленной подготовкѣ и японскихъ вооруженныхъ силъ и японскихъ народныхъ массъ. Въ результатѣ война съ Россіею не явилась нежданною для японскаго народа. Наоборотъ, его, этотъ народъ, готовили къ ней уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, готовили не только матеріально или технически, но и духовно“ [1]).

А у насъ, какъ извѣстно, происходило нѣчто совершенно не похожее на то, что творилось въ Японіи. Нельзя пройти мимо этихъ явленій, нельзя не изучить ихъ тѣмъ, кто хочетъ получить всесторонніе выводы относительно работы нашей родной арміи.

---

[1]) В.-И. К., т. I., стр 457.

„Совсѣмъ не тѣ явленія наблюдались въ Россіи... „У насъ война съ самаго начала была непопулярна“, пишетъ генер. Бильдерлингъ въ своей статьѣ—„Чувство долга и любви къ отечеству“: „мы не желали ея, не предвидѣли и потому не были подготовлены. Солдаты, наскоро посаженные въ вагоны, послѣ 30-тидневнаго пути высаженные въ Манчжуріи, не знали, въ какой странѣ, противъ кого и за что они дерутся; даже большинство офицеровъ и старшихъ начальниковъ шло неохотно, по обязанности, и вся армія чувствовала, какъ равнодушно относится къ ней страна; чувствовала, что страна не живетъ съ ней одной общей жизнью и что она—отрѣзанный отъ народа ломоть, брошенный за 9.000 вер. на произволъ судьбы“.

„Причинъ же, почему страна оказалась такою равнодушною и кромѣ этого равнодушія ничего не могла влить въ свою армію,—было немало“.

„Въ то время, когда въ Японіи всѣ мысли народа сводились къ грядущей борьбѣ, когда потухавшее временами воинственное чувство искусно зажигалось вновь горячимъ призывомъ національныхъ партій и японской печати, когда народныя массы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отдавали послѣдніе гроши на созданіе могущественной арміи и сильнаго флота,—въ эти же самые дни въ Россіи шла усиленная проповѣдь космополитизма, убивающаго чувство любви къ родному краю, и проповѣдь разоруженія, убивающаго готовность къ борьбѣ, интересъ и любовь къ военному дѣлу“ [1]).

„Борьба же противъ новой проповѣди, подтачивавшей военное дѣло и военную доблесть, почти не велась. „Мало того“,—пишетъ И. Е. Мартыновъ, „когда я захотѣлъ издать переводъ брошюры германскаго профессора Штейнгеля, доказывавшей невозможность разоруженія, то и это мнѣ было запрещено“. И вотъ послѣ такой подготовки, занявшей собою нѣсколько лѣтъ передъ самой войною, когда вспыхнула эта война, „появился спросъ и на мужественнаго солдата, и на самоотверженнаго офицера и на тѣ военныя доблести, которыя только-что оплевывались“...

„Въ то время, когда въ Японіи весь народъ, отъ члена верховнаго тайнаго совѣта вплоть до послѣдняго носильщика, от-

[1]) В.-И. К., т. I., стр. 460.

лично понималъ и смыслъ и самую цѣль войны съ Россіей, когда чувство мщенія и непріязни къ русскому человѣку накоплялось здѣсь цѣлыми годами, когда о грядущей войнѣ съ Россіей говорили всѣ и всюду,—у насъ всѣ предпріятія на Дальнемъ Востокѣ явились для всѣхъ полною неожиданностью, смыслъ ихъ понимался лишь очень немногими, а то, что составляло, за исключеніемъ нѣкоторыхъ наслоеній, исторически необходимую для Россіи задачу, рисовалось, какъ простая авантюра...

„...Въ результатѣ, въ минуты, когда потребовалось общее единеніе, между властью и народною массою легла трудно устранимая пропасть. Все, что могло выяснить смыслъ предстоящаго столкновенія, цѣли и намѣренія правительства, ходъ дальневосточныхъ событій и встрѣчаемое нами противодѣйствіе иныхъ державъ, или усиленно отмѣчалось или же появлялось въ формѣ сообщеній, гдѣ обстановка рисовалась съ точки зрѣнія общаго благополучія и гдѣ ни разу не упоминалось объ опасности, способной вызвать подъемъ національнаго чувства и сплотить народныя силы вокругъ правительственнаго стяга. Стремленіе къ миру и боязнь затронуть Японію дошли за послѣдніе мѣсяцы передъ войной до того, что лекціи въ Обществѣ ревнителей военныхъ знаній, предназначенныя для ознакомленія слушателей съ разнообразными сторонами японскаго военнаго быта, стратегіи и тактики, вызвали нѣкоторое безпокойство и всѣмъ лекторамъ было прислано предписаніе военнаго министра „не брядать оружіемъ“.

„Такимъ образомъ, ни о какой подготовкѣ къ войнѣ не только народныхъ массъ, но и спеціально военныхъ людей, не было и рѣчи. Японіи не знали и ею даже не интересовались“.

„Въ то время, когда въ Японіи всѣ слои общества, весь народъ и правительство слились въ одномъ стремленіи одержать побѣду надъ могучимъ противникомъ, въ Россіи та же война встрѣтила или горячихъ противниковъ или коварныхъ сторонниковъ“ [1]).

Приведенный очеркъ сравнительнаго положенія воюющихъ сторонъ и состоянія ихъ вооруженныхъ силъ передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій неминуемо приводитъ къ нижеслѣдующему заключенію.

„Къ боевому столкновенію съ Японіей Россія оказалась неподготовленною ни въ политическомъ ни въ военномъ отно-

---

1] В.-И. К., т. I., стр. 461.

шеніи. „Мы къ войнѣ не готовы", писалъ русскій военный агентъ въ Японіи нашему же военному агенту въ Сеулѣ, и это мнѣніе раздѣлялось цѣлымъ рядомъ лицъ, въ томъ числѣ и Намѣстникомъ и военнымъ министромъ".

„Союзы не были подготовлены", писалъ впослѣдствіи ген.-ад. Куропаткинъ, „масса населенія не только не была расположена къ войнѣ, но даже была озлоблена противъ нея.. Запасные собирались безъ одушевленія и частью съ уныніемъ. Сибирская желѣзная дорога на Забайкальскомъ участкѣ и Восточно-Китайская дорога могли въ началѣ войны пропускать только по три слабыхъ поѣзда... Резервныя войска были подготовлены недостаточно... Запасныхъ войскъ подготовлено къ формированію слишкомъ мало. Не менѣе важнымъ пробѣломъ въ организаціи нашихъ войскъ было полное отсутствіе войскъ сообщенія: этапныхъ, желѣзнодорожныхъ и проч. Запасы техническіе, телеграфные, воздухоплавательные, переносныя желѣзныя дороги были несовершенны и недостаточны. Крѣпостная и осадная артиллерія была устарѣвшихъ образцовъ. Мы не имѣли горной артиллеріи, полевыхъ мортиръ новаго типа, пулеметовъ, минъ, запасовъ проволоки, шанцеваго инструмента и пр. Война застала насъ въ періодъ формированія: девять В.-С. стр. бригадъ еще не сформировались окончательно. Третьи баталіоны еще не прибыли, налицо въ Манчжуріи находилось лишь незначительное число войскъ, весьма разбросанныхъ. Квантунъ не былъ достаточно обезпеченъ ни въ инженерномъ, ни въ артиллерійскомъ, ни въ интендантскомъ отношеніяхъ. Манчжурія вовсе не была подготовлена нами, какъ театръ военныхъ дѣйствій".

„Если указанная неготовность сознавалась, если необходимость быть готовыми къ борьбѣ на Дальнемъ Востокѣ особенно рельефно сказалась съ весны 1903 г., послѣдовательно можно было ожидать, что эта подготовка и притомъ въ самыхъ размѣрахъ и съ особою энергіею сейчасъ же начнется. Между тѣмъ даже сравнительно скромныя формированія, рѣшенныя на портъ-артурскихъ совѣщаніяхъ, получали, какъ выразился самъ Намѣстникъ, „довольно медлительное исполненіе".

„Причины подобнаго явленія лежали въ слѣдующемъ: во 1-хъ, въ сознаніи, что усиленныя приготовленія Россіи къ вѣроятной борьбѣ лишь обострятъ взаимныя отношенія сторонъ и заставятъ Японію, главнымъ образомъ разсчитывая на нашу неготовность, приступить къ такимъ враждебнымъ по отношенію

4*

къ намъ актамъ (напр. занятіе Кореи), которые вынудятъ насъ открыть военныя дѣйствія, говоря иначе—не позволятъ намъ осуществить наше искреннее стремленіе къ миру; во 2-хъ,—въ сознаніи, что вопросъ о мирѣ или войнѣ лежитъ всецѣло въ рукахъ Россіи, которая въ случаѣ особо-напряженнаго положенія дѣлъ, якобы, всегда можетъ извѣстными уступками отдалить возможность кроваваго столкновенія съ Японіей, т.-е. въ сознаніи, которое въ свою очередь, зависѣло отъ неправильной оцѣнки нашего врага, имѣвшаго предъ собою совершенно ясныя для себя цѣли и не проявившаго въ дѣйствительности ни малѣйшаго желанія выпустить изъ своихъ рукъ всѣ преимущества инициативы; въ 3-хъ, въ сознаніи, что хотя „мы и не готовы къ войнѣ", но что все же уже осуществленныя и вновь намѣченныя мѣропріятія по усиленію нашего положенія на Дальнемъ Востокѣ вполнѣ достаточны—если не для всей борьбы, то для встрѣчи первыхъ боевыхъ ударовъ, въ сознаніи, которое очевидно покоилось на той же неправильной оцѣнкѣ врага и стояло въ тѣсной связи съ причиною, указанною ниже; въ 4-хъ,—въ ассигнованіи недостаточныхъ финансовыхъ средствъ на нашу подготовку на Дальнемъ Востокѣ, что являлось слѣдствіемъ: а) принципіальныхъ взглядовъ особаго совѣщанія, рѣшавшаго вопросы объ этихъ ассигнованіяхъ и двухъ главныхъ причастныхъ къ указанному дѣлу лицъ, т.-е. министра финансовъ и военнаго министра; б) предпочтенія, оказаннаго усиленію нашего положенія на западной границѣ, гдѣ, по мнѣнію военнаго министра, должны были разрѣшаться главнѣйшіе для Россіи вопросы ея политическаго бытія, тогда какъ на Дальнемъ Востокѣ дѣло шло лишь о второстепенныхъ, в) боязни военнаго вѣдомства расходовать и безъ того небольшія, намѣченныя для Дальняго Востока суммы непроизводительно, т.-е. какъ разъ передъ тѣмъ, когда всѣ переговоры съ Японіей привели бы къ вполнѣ мирному и достаточно прочному соглашенію, и г) отчасти той же неправильной оцѣнки нашего врага, о которой уже говорилось.

Большинство перечисленныхъ недочетовъ покоилось, такимъ образомъ, на этой послѣдней причинѣ. Были неправильно оцѣнены, во-1-хъ, моральныя силы противника, не разъ покрывавшія крупныя, присущія ему погрѣшности; во 2-хъ—его матеріальныя силы, между прочимъ и степень того напряженія, которое онъ могъ выдержать; въ-3-хъ, его расчеты на успѣхъ при этой видимой несоразмѣрности, существовавшей между всѣми силами и средствами

обѣихъ имперій, и въ-4-хъ,—несомнѣнное стремленіе вліятельнѣйшей въ Японіи партіи къ войнѣ, какъ къ средству, вполнѣ отвѣчавшему данному моменту и единственно способному разрѣшить въ пользу Японіи спорные вопросы Дальняго Востока".

„Неправильная же оцѣнка врага привела кромѣ того и къ тому, что хотя начавшіяся въ японіи вооруженія и были сочтены у насъ за приготовленія, направленныя исключительно противъ Россіи, но самая какъ бы отвѣтная подготовка русскихъ силъ къ ожидаемой борьбѣ шла вяло и медленно. Въ результатѣ весь громадный періодъ этой подготовки, считая послѣднюю съ момента японо-китайской войны, распался, въ сущности, на три частныхъ періода: а) первый—съ 1894 г. по маѣ 1903 г., когда было уже опредѣленно рѣшено поставить наши вооруженныя силы на Дальнемъ Востокѣ въ полное соотвѣтствіе съ предстоящими Россіи задачами; б) второй—съ мая по декабрь 1903 г., когда наши мѣропріятія на Дальнемъ Востокѣ, получивъ сравнительно обширные размѣры, носили, однако, на себѣ по прежнему характеръ „медлительнаго" исполненія, и, наконецъ, въ третій періодъ, занявшій собою лишь январь 1904 г., когда тѣ же приготовленія шли съ полною энергію, не несомнѣнно уже запоздали" [1]).

Послушаемъ же ген. Куропаткина, вспоминающаго о пережитомъ въ своихъ запискахъ. Вотъ что онъ говоритъ:

„Сухопутная армія, выставленная Россіею на Дальнемъ Востокѣ въ 1904—1905 г.г. въ срокъ, который былъ ей предоставленъ для борьбы съ Японіею, не могла побѣдить японцевъ".

„Мы не оцѣнили матеріальныхъ и особенно духовныхъ силъ Японіи и отнеслись къ борьбѣ съ нею недостаточно серьезно".

„Въ цифровыхъ отношеніяхъ сухопутное и морское вѣдомства не проглядѣли созданія и роста большой сухопутной и морской силы въ Японіи, ибо въ нашихъ отчетахъ отмѣчались постройка каждаго военнаго судна, сформированіе каждой новой дивизіи пѣхоты, но мы давали слишкомъ малую оцѣнку этимъ начинаніямъ Японіи и не признавали возможнымъ измѣрять боевую стоимость этихъ силъ на европейскій образецъ".

„Въ Главномъ Штабѣ ежегодно исправлялись и печатались подробныя свѣдѣнія объ организаціи и численности японской

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 750—752.

арміи, а также дѣлалась оцѣнка тактической подготовки и мобилизаціонной готовности этой арміи“.

Въ означенныхъ свѣдѣніяхъ вовсе не упоминалось о резервныхъ войскахъ. Между тѣмъ, сформированіе ихъ въ случаѣ войны было подготовлено, и резервныя войска по числу выставленныхъ баталіоновъ увеличили постоянную армію почти на двѣ трети ея состава“ [1]).

„Въ запискѣ по оперативной части Главнаго Штаба, продолжаетъ г.-ад. Куропаткинъ, представленной мнѣ начальникомъ Главнаго Штаба 30 января 1904 г., значилось, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, японцы назначаютъ для борьбы изъ 13 своихъ полевыхъ дивизій 11, оставляя двѣ въ Японіи“. Въ этой запискѣ о резервныхъ войскахъ тоже не упоминалось“.

„Изъ изложеннаго видно, насколько лица, коимъ ввѣрено было изученіе на мѣстѣ японскихъ войскъ, недостаточно внимательно отнеслись къ своимъ обязанностямъ. Въ особенности ошибочными оказались ихъ выводы относительно неудовлетворительности японской артиллеріи и подготовки къ боевому командованію высшихъ начальниковъ“.

„Мы были довольно хорошо ознакомлены съ матеріальною стороною японской вооруженной силы. Но мы проглядѣли и невѣрно оцѣнили моральную стоимость этой силы. Мы проглядѣли, въ какомъ патріотическомъ, воинственномъ направленіи много лѣтъ велось воспитаніе японскаго народа, проглядѣли постановку школьнаго дѣла въ Японіи, гдѣ вмѣстѣ съ горячей любовью къ родинѣ съ малыхъ лѣтъ подготовлялись даже въ начальныхъ школахъ будущіе воины. Проглядѣли, съ какою гордостью служили японцы въ своей арміи и съ какимъ глубокимъ довѣріемъ и уваженіемъ относился народъ японскій къ ней. Проглядѣли желѣзную дисциплину въ этой арміи. Проглядѣли роль самураевъ-офицеровъ въ арміи. Мы совершенно не оцѣнили значенія того возбужденія противъ насъ, какое явилось послѣ лишенія японцевъ результатовъ ихъ побѣдъ надъ Китаемъ. Не оцѣнили, что вопросъ корейскій былъ жизненнымъ вопросомъ для японцевъ. Не оцѣнили, что партія молодой Японіи давно настаивала на войнѣ съ Россіею и только сдерживалась благоразумнымъ правительствомъ. Съ началомъ войны мы прозрѣли, но было уже поздно. Въ то время, когда у насъ война съ Японіею

---

[1]) Записки ген. Куропаткина, стр. 189—195.

была не только не популярна, но непонятна для русскаго народа, вся Японія какъ одинъ человѣкъ, откликнулась высокимъ патріотическимъ порывомъ на призывъ подъ знамена ея сыновъ. Были случаи, что матери убивали себя, когда ихъ сыновья оказывались по слабости здоровья не принятыми въ ряды арміи. Сотни охотниковъ являлись идти на вѣрную смерть, на самыя отчаянныя предпріятія. Офицеры и нижніе чины, уходя на войну, исполняли надъ собою обрядъ погребенія, знаменуя этимъ намѣреніе умереть за родину. Въ первое время войны, попавшись въ плѣнъ, японскіе офицеры лишали себя жизни. Въ армію рвалась вся молодежь. Самыя знатныя семьи стремились принести родинѣ пользу своею службою, службою своихъ дѣтей или средствами. Были полки, которые съ крикомъ „банзай" доходили до нашихъ препятствій, прорывали ихъ, заполняли трупами волчьи ямы и по трупамъ товарищей врывались въ наши укрѣпленія. Весь народъ вмѣстѣ съ войскомъ, сознавалъ важность веденной Японіей войны, сознавалъ значеніе совершавшихся событій и не жалѣлъ жертвъ для достиженія побѣды. Силу Японіи составляло полное единеніе народа съ арміею и правительствомъ. Это единеніе и дало побѣду японцамъ. Мы вели борьбу только арміею, ослабляемою при этомъ настроеніемъ народа, противъ всего вооруженнаго японскаго народа" [1]).

„Унтеръ-офицерскій составъ, вслѣдствіе большаго развитія и образованія японскаго простолюдина, сравнительно съ нашимъ, былъ выше нашего. Многіе японскіе унтеръ-офицеры могли съ полнымъ успѣхомъ нести офицерскія обязанности".

„Корпусъ японскихъ офицеровъ проявилъ на войнѣ выдающуюся храбрость, распорядительность, упорство и знаніе. Авторитетъ офицеровъ въ японской арміи весьма высокъ. Офицеры даже высшихъ ранговъ вели на войнѣ суровый образъ жизни".

„Но главное, что послужило къ успѣху японскихъ войскъ,— это ихъ высокій нравственный духъ, готовность на всѣ жертвы для достиженія побѣды и упорство, съ которымъ всѣ чины арміи, отъ солдата до главнокомандующаго, добивались побѣды. Во многихъ случаяхъ положеніе японскихъ войскъ было настолько тяжелымъ, что требовались чрезвычайныя усилія воли

[1]) Записки ген. Куропаткина, стр. 196—201.

чтобы держаться или подвигаться впередъ. Японскіе офицеры находили въ себѣ силу требовать, казалось бы, невозможныхъ усилій, не останавливаясь передъ разстрѣломъ отступавшихъ, а японскій солдатъ собиралъ послѣднія физическія и духовныя силы и этимъ послѣднимъ усиліемъ часто вырывалъ у насъ побѣду. Несомнѣнно одно: не будь вся японская армія патріотично настроена, не чувствуй армія дружной поддержки всей націи, не сознавай армія во всѣхъ чинахъ ея огромной важности начатой борьбы, такія усилія, даже сдѣланныя японскими вождями, не оказались бы результатными. Приказаніе идти впередъ было бы отдаваемо, но войска, не поддержанныя родиною, не нашли бы въ себѣ силъ къ подвигу, который представлялся имъ свыше ихъ силъ“ [1]).

Рѣшающую роль въ смыслѣ возможности надѣяться на успѣхи грядущихъ боевыхъ дѣйствій, сыгралъ выборъ командующаго арміи. Теперь, говоритъ М. Грулевъ, всѣмъ видно, что выборъ Куропаткина былъ неудаченъ, „что будучи отличнымъ администраторомъ, талантливымъ начальникомъ штаба и добросовѣстнымъ труженикомъ вообще—генералъ-адъютантъ Куропаткинъ оказался, по свойствамъ характера, ниже своей задачи, какъ главнокомандующій. Но—надо правду сказать, въ то время, когда послѣдовало это назначеніе, во всей Россіи, какъ у военныхъ такъ и невоенныхъ, при извѣстіи о назначеніи Куропаткина командующимъ дѣйствующей арміи,—у всѣхъ вырвалось горячее одобреніе этому назначенію. Дѣйствительно, это—бывшій начальникъ штаба М. Д. Скобелева, озаренный непотухшими лучами боевой славы безвременно погибшаго народнаго героя;—самъ извѣстный и личною храбростью, и боевымъ опытомъ, и въ военной литературѣ и административными способностями,—наконецъ, 6 лѣтъ стоитъ уже во главѣ всего вѣдомства, въ должности военнаго министра, велъ всѣ приготовленія къ войнѣ какъ на Дальнемъ Востокѣ, такъ и внутри страны;—знаетъ всѣ сокровенныя пружины, вызвавшія событія послѣднихъ лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ—да, кому же больше и командовать войсками на этой войнѣ!“

„Мы всѣ, люди военные съ лѣваго фланга, стоящіе вдали отъ всякихъ министровъ, слышали про генералъ-адъютанта Куропаткина какъ про талантливаго начальника штаба Скобелева,

---

[1]) Записки ген. Куропаткина, стр. 212.

вышедшаго изъ нѣдръ глубокой армейщины на самое верхотурье военной іерархіи, только благодаря его личнымъ качествамъ; поэтому, въ арміи назначеніе его командующимъ войсками на войнѣ было встрѣчено также всеобщимъ одобреніемъ. Но теперь оказывается, что приближенные и друзья бывшаго главнокомандующаго, хорошо знавшіе нерѣшительность его характера, не ждали отъ этого назначенія ничего хорошаго;—по крайней мѣрѣ— послѣ первыхъ же шаговъ генералъ-адъютанта Куропаткина на театрѣ войны въ новой роли. Но мѣнять главнокомандующаго при неудачномъ оборотѣ войны такъ же трудно, какъ мѣнять докторовъ при обостреніи болѣзни“ [1]).

Характеренъ также разсказъ Е. И. Мартынова о нашихъ отношеніяхъ къ будущему противнику, которымъ мы попросту пренебрегали.

„Правда, послѣ Пекинскаго похода стали изрѣдка проскальзывать въ печати и благопріятные отзывы объ японцахъ, принадлежавшіе дальновиднымъ людямъ; но высшее начальство усмотрѣло въ этомъ опасность для духа русской арміи, и вскорѣ заскрипѣли послушныя перья, выставлявшія японскія войска въ неблагопріятномъ и даже комическомъ видѣ“.

„Желая передъ отправленіемъ въ Манчжурію получить нѣкоторыя свѣдѣнія о противникѣ, я обратился въ военно-ученый комитетъ Главнаго Штаба, гдѣ мнѣ дали соотвѣтствующую часть „Сборника новѣйшихъ свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ иностранныхъ государствъ“.

„Эта небольшая желтая книжка заканчивалась общими выводами относительно дѣйствій крупныхъ отрядовъ, при чемъ изъ приведенныхъ въ ней четырнадцати пунктовъ впослѣдствіи подтвердился лишь одинъ (относительно преслѣдованія); всѣ же остальные оказались ложными“.

„Напримѣръ, наши наблюдатели приписывали японцамъ: 1) „отсутствіе сознанія необходимости довести бой до штыкового удара“; 2) „стремленіе избѣгать закрытой и особенно горной мѣстности“ и 3) „стремленіе атаковать въ лобъ, не прибѣгая къ обходамъ“. Между тѣмъ, война показала какъ разъ обратное: японскія атаки отличались необычайнымъ упорствомъ; японцы особенно искусно дѣйствовали въ горахъ; во всѣхъ сраженіяхъ главный ударъ они наносили посредствомъ обхода“ [1]).

[1]) М. Грулевъ, ч. 1, стр. 112—114.

[2]) Тамъ же, стр. 4—5.

Наша изумительная небрежность въ дѣлѣ изученія и оцѣнки противника поражаетъ и Сипигуса, который въ своихъ „Потревоженныхъ ранахъ“, говоритъ: „Начиная войну съ Японіей, русская армія не знала своего противника, въ которомъ не подозрѣвала встрѣтить желтаго сфинкса, живущаго гдѣ-то очень далеко, еще дальше сказочной страны Амура,—народца, извѣстнаго на школьной скамьѣ въ качествѣ населенія острововъ Кіу-Сіу, Ниппонъ и Мацъ-Май. Знали, что это маленькая страна, исторія которой не представляетъ интереса и жизнь которой даже въ послѣднюю четверть минувшаго вѣка какъ бы не заслуживаетъ пока вниманія. Для Россіи война съ Японіей оказалась совершенно неожиданной. Это былъ врагъ, о которомъ Россія не слыхала раньше, его не приходилось ни презирать ни страшиться; съ нимъ нужно было прежде всего познакомиться по новѣйшимъ изданіямъ учебника географіи и заглянуть въ энциклопедическій словарь. Академія Генеральнаго Штаба,—имѣя цѣлый штатъ профессоровъ, мучившихъ офицеровъ зубрежомъ малопригодныхъ свѣдѣній, въ родѣ такихъ, напримѣръ, почему и какъ сержанты были отброшены въ сраженіи при Бовинѣ,—(потому что они были „выбиты изъ сѣделъ“) не обмолвились ни словомъ, даже въ эпоху перваго знакомства русской арміи съ Японіей, дравшейся бокъ-о-бокъ во время боксеркаго возстанія,—о томъ, что изъ себя представляютъ вооруженныя силы японіи, какъ протекла исторія послѣднихъ ея дней и чего можно ожидать отъ японской арміи, которая родилась изъ народа, надѣленнаго особымъ цикломъ вѣрованій, традицій, понятій, имѣющаго свою отличную отъ другихъ націй этику и историческую физіономію. Но теченіе было общее. Небольшая горсточка русскаго населенія сталкивалась съ японцами, но тѣ, замкнутые, не чуждые уступчивости, тихіе, и нѣсколько заискивающіе, готовы были поступиться многимъ внѣшнимъ, чтобы жить въ дружбѣ съ тѣмъ, котораго считаютъ уже врагомъ, готовы были иногда переносить презрѣніе, чтобы, обволакиваясь имъ, скрывать свойства сильнаго, хищнаго, изворотливаго и приспособляющагося звѣря“ [1].

„Какъ бы ни велики были ошибки Россіи, происходившія отъ ея неподготовленности, непривычнаго азарта и неосмотрительности, трудно сказать, каковы были бы результаты столкно-

1) Сапигустъ, стр. 33—34.

венія Японіи съ иной европейской державой, напримѣръ Франціей, Австріей. Такъ легко какъ, какъ въ 1866 и 70 г.г., Германія не увѣнчалась бы лаврами... Многое изъ несчастья Россіи приходится на долю случая, поставившаго ее въ первую очередь для потасовки съ народомъ, который, напрактиковавшись въ междоусобной войнѣ, вплоть до Сатцумскаго возстанія, вдругъ захотѣлъ почесать руки на комъ-нибудь другомъ".

„Оцѣнка боевого матеріала Японской арміи была сдѣлана русскимъ обществомъ съ тѣмъ легкомысліемъ, которое извинительно лишь для среды, не пріобщенной къ просвѣщенію, хотя бы въ самой малой степени. Не имѣя подъ рукой никакихъ серьезныхъ данныхъ для этой оцѣнки,—попробовали ее сдѣлать слишкомъ элементарно и отнесли къ маленькому росту японца, свидѣтельствующему будто бы о безсиліи, объ отсутствіи выносливости, большой воспріимчивости къ непривычной зимней температурѣ, о неспособности вообще быть хорошимъ солдатомъ".

„Современный бой, длящійся недѣлями, требуетъ имѣть при себѣ винтовку, сотню другую патроновъ и маленькую лопату, это какихъ-нибудь 20-25 фунтовъ, которые странно сопоставлять съ вершками въ ростѣ и набирать контингентъ новобранцевъ не по усилію, производимому молодымъ человѣкомъ, а по мѣрочкѣ. Примѣнивъ эту мѣрочку къ японской арміи, мы рѣшили, что она никуда не годна; „какъ противникъ, не „входитъ въ оцѣнку". Армія, воспитанная на вершкахъ и на штыковомъ ударѣ, какъ главномъ дѣятелѣ всякаго боя, въ массѣ и примѣняетъ такіе способы распознаванія силъ будущаго противника" 1).

Незнаніе противника, пренебреженіе къ его силамъ матеріальнымъ и въ особенности духовнымъ,—вотъ причины, которыми можно объяснить укомплектованіе манчжурской арміи стариками-запасными, совершенно не соотвѣтствовавшими требованіямъ современнаго боя.

„Воодушевленіе, порывъ, мгновенная воспріимчивость, легкомысленная расцѣнка жизни, столь свойственная молодому возрасту, не находила корней въ массѣ болѣе почтеннаго возраста, имѣвшей сыновей, уже почти готовыхъ стать въ ряды арміи. Резенерство свойственное людямъ болѣе зрѣлаго возраста, съ успѣхомъ проникло въ армію, гдѣ молодое поколѣніе составляло весьма незначительную часть. Непопулярная война не

---

1) Сипигусъ, стр. 37—39.

могла вызвать тѣхъ настроенiй, которыя вообще необходимы въ бою“ [1]).

„Если, продолжаетъ тотъ же авторъ, „установить непреложность факта, что контингентъ призывного возраста населенія Россіи, состоящаго на дѣйствительной службѣ, выражался едва ли третью и во всякомъ случаѣ не больше половины общей численности Манчжурской арміи, то противъ Японіи мы выставили вооруженныя силы въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствующія сопротивленію. Это была, кромѣ того, армія не современная. При низкомъ уровнѣ развитія нашего солдата, даже состоящаго на дѣйствительной службѣ, его все-таки успѣваютъ научить стрѣлять, ходить подъ огнемъ, приближаться къ противнику и атаковать въ такихъ формахъ строя, какія разрѣшаетъ современный огонь пушечный и ружейный. Запасные, призванные по мобилизаціи, принадлежали, главнымъ образомъ, къ арміи конца восьмидесятыхъ, чачала девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія и воспитались въ принципахъ тактики однозаряднаго ружья, дымнаго пороха, нескорострѣльной артиллеріи и т. д.“.

„Широкое индивидуальное развитіе, требуемое военнымъ искусствомъ отъ каждаго бойца, трудно было найти въ массѣ Манчжурской арміи, гдѣ нерѣдко рота, лишившись офицера, пытавшагося управлять огнемъ „по уставу“, даже не стрѣляла, лежа отдыхала и не уходила, т.-е. бездѣйствовала въ самой преступной для современнаго боя формѣ. Если подумать о томъ, что эта армія, не имѣя настоящаго, потеряла всякое представленіе о прошломъ въ вопросѣ своей подготовки, хотя бы архаической, то легко примириться съ общимъ выводомъ участниковъ войны, что нашему солдату недоставало самодѣятельности, самосознанія въ бою, инициативы, не хватало того, что отъ корней волосъ до конца ногтей пронизало японскаго бойца“ [2]).

Главнокомандующій былъ избранникомъ народа и, „нѣтъ ничего удивительнаго, что надежды русскаго народа,—столь вѣрившаго въ главнокомандующаго,—не оправдались. Построенное исключительно на памяти и восторженномъ преклоненіи передъ обаяніемъ личности его славнаго учителя, это довѣріе во мно-

---

1) Сипигусъ, стр. 45—46.
2) Тамъ же, стр. 47—48.

гомъ, что приближало ученика къ учителю, оказалось далеко не пошатнувшимся".

„Колоссальная энергія, работоспособность, высокое образованіе и умъ, рѣдкая выдержка, личная храбрость,—громадный итогъ личныхъ достоинствъ, какъ человѣка, выдвигали во всякомъ случаѣ, Алексѣя Николаевича Куропаткина въ качествѣ перваго на постъ главнокомандующаго арміей современнаго строя".

„Народъ не обманулся въ своемъ чувствѣ,—онъ зналъ, что главнокомандующій постарается сдѣлать все, что только онъ въ силахъ сдѣлать, и, имѣя передъ собой одну цѣль, побѣду Россіи, единственную цѣль въ эти моменты жизни, онъ ей отдаетъ эту жизнь. Народная масса, конечно, не сознавала разницы въ той обстановкѣ, въ какой находился ея любимецъ—Скобелевъ и въ какой очутился его сподвижникъ" [1]).

Нельзя не прислушаться съ полнымъ вниманіемъ къ характеристикѣ нашей арміи передъ войной, данной Сипигусомъ. Глубоко вѣрны также его взгляды на требованія современной войны и боя. Жутко становится за армію, не желающую слѣдить за эволюціей военнаго дѣла, военнаго искусства. Подвиги самоотверженной, безумной храбрости спасутъ такую армію отъ погрома, но не дадутъ ей побѣды.

„Армія, къ счастью, освобожденная въ теченіе тридцати лѣтъ отъ кровавой распри съ однимъ изъ многочисленныхъ сосѣдей,—въ то же время не пожелала воспользоваться даровыми уроками, которыхъ, однако, было не такъ мало. Сербо-Болгарская война, Греко-Турецкая, Итальяно-Абиссинская, Японо-Китайская, Испано-Американская, наконецъ, Трансвальская".

„Данныя этой послѣдней войны, самыя цѣнныя, оказались для насъ изложенными въ сухихъ докладахъ военныхъ агентовъ. Они испытали ту же участь, какъ и многое другое, даже несравненно болѣе доступное усвоенію, затерявшись въ архивахъ".

„Русская армія несомнѣнно имѣла возможность безъ особенныхъ затрудненій финансоваго и дипломатическаго характера въ теченіе всѣхъ этихъ международныхъ споровъ подготовить, по крайней мѣрѣ половину офицеровъ Генеральнаго Штаба, которые къ началу нашего собственнаго экзамена доросли бы до должностей отвѣтственныхъ начальниковъ и непосредственныхъ

---

[1]) Сипигусъ, стр. 56

руководителей боемъ. По тѣмъ или другимъ причинамъ, очень печальнымъ въ результатѣ, мы этого не сдѣлали".

„Весь командный составъ Манчжурской арміи оказался или совершенно не испытавшимъ боя, или знакомымъ съ устарѣлыми формами его" [1]).

„Новыя формы боя требуютъ новыхъ людей. Ихъ прежде всего можетъ вчернѣ предложить нація, если она богата индивидуальными характерами, затѣмъ школа, воспитывающая, развивающая подобные характеры" [2]).

„Въ теченіе всей войны армія удивлялась, открывая въ своемъ врагѣ такіе пріемы, которые являлись или совершенно неожиданными для нея, или даже, болѣе этого, казались откровеніемъ въ военномъ дѣлѣ...

„Но это новое и чудесное, которому всецѣло наша армія приписывала превосходство военной системы Японіи, и наше относительное невѣжество въ военномъ дѣлѣ, оказывалось давно извѣстными истинами, заключенными въ большинствѣ случаевъ въ оболочку забвенія. Мы съ своей стороны только постарались хорошо, съ большимъ усердіемъ забыть эти старыя истины".

„Пока прояснялся туманъ и сквозь клочки его начали медленно выступать знакомые абрисы, пока мы очень неохотно просыпались и отрезвлялись отъ мертваго сна—армія успѣла получить столько ударовъ, что ихъ въ другомъ случаѣ совершенно было бы достаточно, чтобы, не очнувшись, перейти въ сонъ вѣчности. Къ удивленію всѣхъ, мы оказались болѣе живучими и успѣли проснуться".

Разница между русской арміей и японской оказалась такая же, какъ между бывшимъ студентомъ, нѣсколько лѣтъ какъ окончившимъ университетъ и слушающимъ въ настоящее время курсъ. Все было извѣстно, но сколько усилій нужно употребить, чтобы собрать обрывки знаній и сдѣлать изъ нихъ какое-нибудь употребленіе" [3]).

„Вся минувшая кампанія представляетъ собой рѣзкій упрекъ арміи въ томъ, что она даже не воспользовалась своимъ собственнымъ кровавымъ опытомъ; успѣла все позабыть и ничему не научиться".

---

[1]) Сипигусъ, стр. 59.
[2]) Тамъ же, стр. 60.
[3]) Тамъ же, стр. 71.

Перечислять рядъ ошибокъ тактическаго свойства, это значитъ излагать краткій конспектъ элементарнаго учебника тактики" [1]).

„Основы военнаго дѣла въ томъ видѣ, какъ онѣ когда-то были преподаны нашей арміи, тотъ багажъ знаній, какой она носила при себѣ, не желая развернуть и не интересуясь полюбопытствовать, что въ этомъ багажѣ уложено, необходимо было приноровить, во-первыхъ, къ чуждымъ условіямъ театра войны, во-вторыхъ, къ новымъ формамъ боя, о которыхъ армія хоть и много слышала, но съ которыми она должна была впервые столкнуться" [2]).

„Но корень всѣхъ золъ, основное начало его таилось въ природѣ арміи, въ ея потребности имѣть указку обо всемъ, относительно всего. Неспособность совмѣстить какое-нибудь указаніе тактики съ новой формой боевой жизни скорѣй всего являлось лѣнивымъ нежеланіемъ подумать и боязнью держать отвѣтъ" [3]).

Изслѣдуя причины нашихъ неудачъ въ войнѣ съ Японіей, Д. Парскій находитъ несправедливымъ всю вину сваливать исключительно на главнокомандующаго. „Я далеко не раздѣлялъ, пишетъ Д. Парскій, способа дѣйствій нашего высшаго управленія арміями, о чемъ не разъ говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Быть можетъ, даже главную изъ причинъ нашихъ пораженій надо отнести на его долю, но это еще далеко не исчерпываетъ всего: трудно допустить, чтобы одинъ человѣкъ, хотя бы и въ такомъ исключительно рѣшающемъ положеніи, какъ Главнокомандующій, могъ бы являться единственнымъ отвѣтчикомъ за неудачную войну".

„Много писали, и отдѣльно и вмѣстѣ, о неготовности нашей къ войнѣ вообще, маломъ развитіи солдата и недостаточномъ образованіи офицеровъ, о Генеральномъ Штабѣ, готовы были видѣть причины пораженій чуть ли не въ отсутствіи картъ, пулеметовъ въ пѣхотѣ, гранатъ въ артиллеріи, технической отсталости вообще и т. д. И все это было до нѣкоторой степени справедливо, но многое преувеличено авторами статей, особенно корреспондентами а многое со степени частнаго зна-

---

[1]) Сипигусъ, стр. 72.
[2]) Тамъ же, стр. 73.
[3]) Тамъ же, стр. 74—76.

ченія возводилось чуть не въ основную причину всѣхъ неудачъ".

„Вполнѣ понятно, что русское общество, не ожидавшее такихъ быстрыхъ и рѣшительныхъ успѣховъ непріятеля въ Манчжуріи, искало объясненій ихъ, съ одной стороны, въ достоинствахъ японской арміи, ея подготовкѣ и управленіи, а съ другой— въ недостаткахъ нашей арміи и военнаго вѣдомства вообще. Будучи мало знакомымъ даже со своими войсками, получая отрывочныя и часто невѣрныя свѣдѣнія о происходившемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и совершенно уже не зная ничего объ японцахъ,—печать наша принялась усердно расхваливать непріятеля и безъ всякаго разбора чернить собственную армію; хватались за всякую частность, самый мелкій случай, иногда и завѣдомо ложный [1]).

Тепломъ и правдой дышитъ характеристика нашего солдата-простолюдина, который въ умѣлыхъ рукахъ легко превращается въ героя, не останавливающагося передъ легендарными подвигами. „Качества нашего простолюдина", говоритъ Д. Парскій, общеизвѣстны: выносливость, нетребовательность, смѣтливость, простота взгляда на жизнь и смерть, сознаніе долга—съ одной стороны; забитость, отсутствіе развитія и образованія, склонность разсчитывать на „авось", изрядная доза лѣни и халатности при случаѣ—съ другой. Всѣ эти качества, конечно, цѣликомъ вошли въ солдата".

„Что касается до нашего служебнаго режима мирнаго времени, то нельзя сказать, чтобы онъ былъ направленъ къ развитію сильныхъ природныхъ свойствъ солдата и уменьшенію отрицательныхъ. Правда, выносливостью, нетребовательностью и готовностью служить нашъ солдатъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ обладаетъ, являясь на службу, но нельзя не сознаться, что забитость его, несомнѣнно, увеличивалась грубостью служебнаго режима, развитіе достигалось въ очень небольшой степени, а всякое проявленіе самостоятельности встрѣчало суровое осужденіе. Такимъ образомъ, свойства нашего солдата, представлявшаго отличный матеріалъ, далеко не использовывались службой, а прививаемая ему дисциплина носила характеръ исключительно слѣпого исполненія приказанія".

---

[1]) Д. Парскій. „Причины нашихъ неудачъ въ войнѣ съ Японіей", стр. 12.

„Въ общемъ, все-таки получается солдатъ хорошій, но годный преимущественно въ дѣйствіяхъ совокупныхъ, на виду и поводу начальства, и терявшійся въ большинствѣ случаевъ, когда былъ предоставляемъ самому себѣ“.

„Какимъ же показалъ себя нашъ солдатъ на войнѣ? Можно ли про него сказать, что онъ плохо дрался, былъ недисциплинированъ и недостаточно преданъ долгу? Отнюдь нѣтъ: онъ проявилъ свои сильныя стороны и здѣсь, несмотря на чуждость ему интереса войны, самой Манчжуріи и на всѣ пораженія. Конечно, постоянныя неудачи, отступленія и безпорядокъ въ управленіи не могли не отразиться на духѣ арміи, но, принявъ во вниманіе обстановку (напримѣръ, Мукденскіе бои), надо удивляться, что духъ этотъ не былъ подорванъ въ гораздо большей степени. Смѣло можно сказать, что врядъ ли другая армія, при условіяхъ двухнедѣльнаго боя, окончившагося чуть не окруженіемъ и огромными потерями, могла бы уйти сравнительно благополучно, сохранивъ почти всю свою артиллерію. Въ этомъ нельзя не видѣть огромной упругости духа русскаго человѣка, нигдѣ не измѣнявшей ему до конца въ теченіе войны и быстро возрождавшейся при малѣйшихъ благопріятныхъ условіяхъ. И съ этой точки зрѣнія за армію становится обидно—при всѣхъ крупныхъ недочетахъ ея веденія и образованія, она показала себя на дѣлѣ гораздо ниже того, нежели заслуживала. Въ общемъ я сказалъ бы, что и въ послѣдней войнѣ наши войска показали себя такими же, какими они были подъ Севастополемъ и Шипкой, и только крайне неблагопріятныя обстоятельства помѣшали имъ проявить себя во всю“.

„Я повторяю, что солдатскій составъ арміи, при всѣхъ недостаткахъ его подготовки, былъ отличнымъ и если показалъ себя хуже, чѣмъ того стоилъ, то не по своей винѣ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ былъ направляемъ, какъ слѣдуетъ, онъ всегда бралъ верхъ надъ японцемъ; стоитъ только вспомнить многіе эпизоды разныхъ боевъ изъ обороны Артура, на Шахэ и даже подъ Мукденомъ. Въ послѣднемъ, напримѣръ, все свелось къ общей неудачѣ и самое имя его стало позорнымъ въ нашей военной исторіи, а вѣдь многія части, по справедливости, могли бы гордиться своими геройскими частными успѣхами, правда, мало кому извѣстными, но составившими блестящія страницы ихъ боевой жизни. Эти части брали въ штыки японскіе пушки, пулеметы и плѣнныхъ, видѣли и бѣгство не-

побѣдимаго непріятеля. Развѣ не характернымъ, напримѣръ, является дѣло поручика Зарайскаго полка Степаненко 23-го февраля у деревни Шандіаза (подъ Мукденомъ), съ 60-ью молодцами-охотниками обратившаго въ бѣгство 400—500 японцевъ и захватившаго 85 плѣнныхъ? А сколько было другихъ!"

„Слѣдовательно, и въ послѣдней войнѣ дѣло было не за солдатомъ, въ которомъ жива была боевая доблесть его предковъ. И мы много на нее разсчитывали, представляя ее чуть ли не нашей природной привилегіей, кстати и не кстати о ней говорили, но пальцемъ не шевельнули, чтобы поддержать это драгоцѣнное качество".

„Подобно солдату, заслуживалъ большихъ упрековъ и нашъ младшій строевой офицерскій составъ".

„Были и здѣсь недочеты: недостаточность тактической подготовки и знакомства со свойствами дальнобойнаго и скорострѣльнаго оружія, слабость свѣдѣній о совокупныхъ дѣйствіяхъ войскъ разныхъ родовъ, пренебреженіе мѣстности прикрытіями— все это было замѣчено еще въ мирное время. Съ другой стороны, огромный процентъ выбывшихъ изъ строя и большое число отдѣльныхъ эпизодовъ молодецкихъ дѣлъ малаго масштаба показываютъ, что нашъ офицеръ былъ храбръ и смѣтливъ и врядъ ли уступалъ въ этомъ отношеніи японскому" [1]).

„Какъ и по отношенію къ солдату, разумѣется, мирный режимъ службы не прошелъ безслѣднымъ и для офицера: нѣкоторая забитость, преимущественно въ пѣхотѣ, недостатокъ инициативы, вызываемой систематическимъ ея глушеніемъ, часто безпросвѣтность службы, въ смыслѣ отсутствія надеждъ на повышеніе даже выдающихся, какая-то общая нивеллировка, слабость поощрительныхъ мѣръ — все это вело къ тому, что изъ арміи уходило много молодыхъ способныхъ офицеровъ, а въ большинствѣ глохнулъ интересъ къ дѣлу, результатомъ чего являлись опущенность, апатія и равнодушіе. Конечно, на самомъ молодомъ составѣ это сказывалось меньше, такъ какъ онъ былъ свѣжѣе и воспріимчивѣе, но онъ оказался и лучшимъ".

„За всѣмъ тѣмъ, нашъ офицерскій составъ, примѣрно до ротнаго и батарейнаго командировъ включительно, не показалъ себя плохо на войнѣ и врядъ ли уступалъ японскому".

---

[1]) Д. Парскій, стр. 14—16.

„Гораздо слабѣе былъ старшій составъ—штабъ-офицеры и генералы, командиры бригадъ и начальники дивизій. Это было и понятно, такъ какъ они дольше подвергались вліянію служебнаго режима, а между тѣмъ, предъявлявшіяся къ нимъ требованія были гораздо серьезнѣе".

„Этотъ составъ былъ неодинаковъ: онъ комплектовался какъ офицерами, вышедшими изъ общей линіи полевыхъ войскъ, такъ и изъ гвардіи и Генеральнаго Штаба" [1]).

Что касается высшаго командпаго состава, т.-е. командировъ корпусовъ и командующихъ арміями, то, по мнѣнію Д. Парскаго, „эта категорія была и есть слабѣйшая въ нашей арміи; во-первыхъ, потому, что на эти должности, какъ и вообще, назначаются далеко не лучшіе люди, — протекція и связи сказываются здѣсь въ гораздо большей степени; во-вторыхъ,—предъявляемыя къ этимъ степенямъ службы требованія становятся уже настолько серьезными, что среди обыденнаго круга нашихъ начальствующихъ лицъ является очень немного людей, удовлетворяющихъ тому счастливому сочетанію ума, характера и образованія, какое необходимо руководителю крупныхъ соединеній всѣхъ родовъ оружія" [2]).

„Несомнѣнно, что съ такими руководителями войскъ и ближайшими помощниками, главнокомандующему нашему трудно было управлять арміями 400.000-й численности и уже по этому одному несправедливо было бы видѣть въ немъ одномъ причину нашихъ пораженій" [3]).

---

[1]) Д. Парскій, стр. 16—18.
[2]) Тамъ же, стр. 19.
[3]) Тамъ же, стр. 20.

ГЛАВА III.

Обстановка на театрѣ войны.—Начало военныхъ дѣйствій.—Тюренченъ.

Положеніе наше въ Манчжуріи, по открытіи военныхъ дѣйствій было незавидно. „Наличныя въ предѣлахъ намѣстничества военныя силы были весьма слабы, а подкрѣпленія къ нимъ могли прибывать лишь капля по каплѣ“.

„Неудачи нашего флота въ первые же дни войны крайне осложнили задачу сухопутной арміи.

„Угрожающая неопредѣленность роли Китая въ нашей распрѣ съ Японіей заставляла на театрѣ войны оглядываться и на западъ.

„Полное, можно сказать, отсутствіе свѣдѣній о противникѣ еще болѣе осложняло и безъ того трудную задачу руководителей нашей арміи“ [1]).

Въ мирное время у насъ не была организована тайная развѣдка въ Японіи и Кореѣ. Въ штабѣ Пріамурскаго округа вопросъ этотъ былъ разработанъ еще въ 1902 г., но ходатайство объ учрежденіи тайныхъ агентовъ было отклонено Главнымъ Штабомъ. Организовать же тайную развѣдку въ короткое время, сразу по объявленіи войны, не представлялось возможнымъ. Не удивительно, что въ половинѣ марта планъ будущихъ дѣйствій противника былъ для насъ полнѣйшей загадкой.

„Тотчасъ по открытіи военныхъ дѣйствій обнаружилось нѣкоторое несогласіе во взглядахъ на предстоявшія намъ задачи между Намѣстникомъ—главнокомандующимъ съ одной стороны и командующими Манчжурской арміей—постояннымъ г.-ад. Куропаткинымъ и временнымъ ген.-лейтенантомъ Линевичемъ—съ другой.

Разногласія эти сводились, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Въ то время, какъ г.-ад. Куропаткинъ и г.-л. Линевичъ совѣтовали заблаговременно усилить гарнизонъ Портъ-Артура

---

[1]) В.-И К., т. II, ч. I, стр. 32—33.

за счетъ Манчжурской арміи, дабы не безпокоиться за него въ будущемъ и не быть вынужденными предпринимать впослѣдствіи рискованныя операціи для его выручки,—г.-ад. Алексѣевъ полагалъ для обороны Квантунской области ограничиться, и то лишь уступая настояніямъ г.-ад. Куропаткина и г.-л. Линевича, 20 батальонами, дальше чего, по его мнѣнію, идти было нельзя безъ ущерба нашему положенію въ Южной Манчжуріи.

2) Г.-ад. Куропаткинъ и г.-л. Линевичъ первоначально на первомъ мѣстѣ ставили необходимость полнаго сосредоточенія всѣхъ силъ Манчжурской арміи, допуская для обезпеченія его даже отнесеніе раіона къ Тѣлину. Г.-ад. Алексѣевъ, наоборотъ, не усматривалъ опасности въ допущенной разброскѣ силъ и считалъ, что „политическая необходимость удержанія Южной Манчжуріи побуждаетъ истощить всѣ средства, прежде чѣмъ приступить къ очищенію занятыхъ пунктовъ", т.-е. Инкоу, Кайчжоу, Сюнечэна, Шахедзы и Фынхуанчена. Впрочемъ, разногласія по этому вопросу нѣсколько смягчились, съ одной стороны, признаніемъ г.-ад. Куропаткинымъ и г.-л. Линевичемъ необходимости обороны побережья Инкоу — Кайчжоу — Сюнечэнъ, а съ другой—признаніемъ г.-ад. Алексѣевымъ лишь демонстративной роли нашего авангарда на р. Ялу".

3) Г.-ад. Алексѣевъ не считалъ „до извѣстной степени утраченное господство нашего флота настолько существеннымъ, чтобы явилась необходимость въ измѣненіи плана сосредоточенія", онъ вѣрилъ, что одно присутствіе нашего флота въ Портъ-Артурѣ является серьезной угрозой по отношенію къ попыткамъ противника произвести высадку на берегахъ Ляодунскаго полуострова.—Этотъ оптимистическій взглядъ не раздѣлялся сухопутными начальниками—г.-ад. Куропаткинымъ и г.-л. Линевичемъ".

Въ соотвѣтствіи съ планомъ стратегическаго развертыванія и перепиской между Намѣстникомъ, г.-ад. Куропаткинымъ и г.-л. Линевичемъ о планахъ нашихъ дѣйствій, группировка Манчжурской арміи въ общихъ чертахъ опредѣлилась слѣдующимъ образомъ: главныя силы—въ окрестностяхъ Ляояна, южный авангардъ для обороны побережья Инкоу—Кайчжоу—Сюнэченъ съ резервомъ—въ Хайченѣ и выдвинутый къ р. Ялу восточный авангардъ съ передовымъ коннымъ отрядомъ г.-м. Мищенко—въ Кореѣ" [1]).

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. I, стр. 59.

„Къ 15 марта, благодаря значительному усиленію войскъ южнаго авангарда, наше положеніе на побережьѣ Инкоу—Сюнечэнъ можно было считать болѣе или менѣе упроченнымъ“.

„Слабой стороной оставалась лишь плохая освѣдомленность о томъ, что дѣлалось за р. Ляохэ. Свѣдѣнія тайныхъ агентовъ отличались сбивчивостью и противорѣчивостью; войсковыя развѣдки Ляохэйскаго отряда были стѣснены запрещеніемъ перехода черезъ линію желѣзной дороги; кромѣ того, заставы и посты этого отряда стояли въ разныхъ пунктахъ на р. Ляохэ въ довольно значительномъ удаленіи отъ желѣзной дороги. Но выдвиженіе линіи нашихъ заставъ за р. Ляохэ ближе къ желѣзной дорогѣ Намѣстникъ, не желая чѣмъ бы то ни было вызывать Китай къ преждевременному нарушенію нейтралитета, находилъ возможнымъ только въ случаѣ дѣйствительной угрозы со стороны китайцевъ“.

„При такихъ условіяхъ, дѣятельность слабаго Ляохэйскаго отряда разбросаннаго кордономъ на 150—200 верстъ, не давала да и не могла дать плодотворныхъ результатовъ“ [1]).

Частямъ, назначеннымъ на сформированіе Восточнаго отряда пришлось, выступивъ изъ Ляояна, совершить въ суровое время года (начало февраля) форсированный переходъ въ горной странѣ, по плохо разработанной дорогѣ; встрѣчались и продовольственныя затрудненія, благодаря полной необорудованности этапной линіи.

„Очень яркую картину состоянія этого коммуникаціоннаго пути въ началѣ февраля даетъ донесеніе ген. штаба подполк. Мадритова 6 февраля г.-м. Кондратовичу:

„Здѣсь по дорогѣ очень неутѣшительныя вещи; видно, что важный путь Фынхуанчэнъ-Ляоянъ совершенно не подготовленъ для передвиженія войскъ и обозовъ, а тѣмъ болѣе для эвакуаціи раненыхъ и больныхъ изъ Фынхуачэна; жители прямо заявляли въ разговорѣ со мной: почему имъ жителямъ, не укажутъ пунктовъ, гдѣ бы они могли собрать солому, быковъ, что войска русскія, останавливаясь иногда въ маленькихъ селеніяхъ требуютъ поставки сѣна, соломы, быковъ; жители не могутъ удовлетворить ихъ немедленно“.

„Я лично полагаю, продолжаетъ подполк. Мадритовъ, что, при всемъ расположеніи жителей къ русскимъ, подобная наша

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. I., стр. 66.

бездѣятельность въ этомъ направленіи приведетъ къ тому, что жители уйдутъ съ этого тракта и угонятъ весь скотъ и лошадей; въ Фынхунчэнѣ такой же самый безпорядокъ; являются квартирьеры отъ частей; никто имъ не можетъ указать, гдѣ расположиться, гдѣ достать все необходимое; каждый обращается къ китайскимъ властямъ, и, конечно, эти послѣднія теряютъ голову, видя, что у насъ такой безпорядокъ".

„Отчего не назначить какъ можно скорѣй этапнаго коменданта; кстати—и со мной пріѣхалъ командированный военный комиссаръ кап. Гаганидзе; такъ, напримѣръ, онъ могъ бы устроить и подготовить все для прибытія воинскихъ частей и госпиталей.

„Затѣмъ, весьма неблагопріятное впечатлѣніе на жителей произвелъ поспѣшный вывозъ всякаго хлама казачьяго полка изъ Фынхуанчэна въ Ляоянъ; разбитыя кровати, стулья и ватные полушубки—все это вывозилось, затрудняя въ дорогѣ китайцевъ-возчиковъ, которые безъ этого хлама могли бы скорѣе вернуться въ Ляоянъ, дабы подвезти въ Фынхуанчэнъ продовольствіе и фуражъ, коихъ здѣсь очень мало".

„Настроеніе начальствующихъ лицъ—китайцевъ довольно миролюбивое, хотя, вопреки Вашему мнѣнію, именно слѣдовало мнѣ пріѣхать сюда, или кому-нибудь другому, дабы выяснить имъ ихъ положеніе; послѣднія событія поставили ихъ втупикъ. Почтовые посты теперь выставлены до полдороги отъ Ляояна въ Фынхуанчэнъ; завтра выходитъ отрядъ для выставленія постовъ до Фынхуанчена; организую развѣдку на Хуанжэньсянъ, который тоже будетъ соединенъ съ Ляояномъ летучей почтой" [1]).

11 и 12 марта генералъ Мищенко получилъ, главнымъ образомъ, отъ американскаго миссіонера первыя болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія о противникѣ. „Выяснилось, что въ первыхъ числахъ марта между Анчжю и Пеньяномъ было собрано 17.000 японскихъ войскъ, что г.-м. Мищенко считалъ вполнѣ правдоподобнымъ". Дѣйствительно, тамъ была сосредоточена 12-я японская дивизія. „Это свѣдѣніе, ставшее извѣстнымъ черезъ Сеульскую газету и американскаго миссіонера, было первое за все время похода, вносившее нѣкоторое понятіе о составѣ силъ противника; высадка у Гензана японскаго десанта подтверждалась, но сила его оставалась неизвѣстной, наконецъ, на побережьѣ

[1]) В.-И. К., т. II, ч. I., стр. 67.

между устьемъ р. Ялу и Сенченомъ все было спокойно; 10 марта до 10.000 японцевъ переправились черезъ Чинчангонъ у Анчжю, при чемъ небольшая часть пошла на сѣверъ; въ Касанѣ было до 300—600 японцевъ, въ Тайченѣ—до 1.000 чел." [1]).

16 марта ген. Мищенко отошелъ къ Сенчену „и, въ виду „достовѣрныхъ" свѣдѣній о занятіи Кусена японскимъ отрядомъ до 400 чел. конницы и пѣхоты съ 5 орудіями, гдѣ на самомъ дѣлѣ никого не было, рѣшилъ отступить къ Ялу" [2]).

„Итакъ, къ 20 марта закончился походъ въ Корею коннаго отряда г.-м. Мищенко. Какъ видно было, этотъ отрядъ, пользуясь исключительно свѣдѣніями, добывавшимися отъ лазутчиковъ и опросомъ мѣстныхъ жителей,—не могъ дать сколько-нибудь цѣнныхъ по достовѣрности свѣдѣній ни о силахъ, ни о группировкѣ японскихъ войскъ въ Кореѣ. Но тѣмъ не менѣе нахожденіе отряда въ предѣлахъ Кореи до 100 верстъ впереди Ялу давало возможность фактически устанавливать постепенное и, къ нашему благополучію, весьма медленное продвиганіе хотя бы передовыхъ частей противника и тѣмъ обезпечивало спокойствіе за нашъ выдвинутый къ Ялу Восточный отрядъ" [3]).

Со второй половины марта свѣдѣнія о противникѣ продолжали носить характеръ загадочности и недостовѣрности.

„15 апрѣля г.-ад. Куропаткинъ телеграфировалъ военному министру: „Мы все еще въ неизвѣстности, гдѣ 2-я японская армія; по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, можно предполагать, что часть 2-й арміи высадилась въ Кореѣ; крайне желательно выяснить это достовѣрно. Не представляется ли возможнымъ, жертвуя большими суммами денегъ, выполнить это черезъ нашихъ военныхъ агентовъ болѣе положительнымъ образомъ, чѣмъ нынѣ. По агентскимъ депешамъ, Японія приступила къ мобилизаціи 3-й арміи, при чемъ признано, что всѣ дивизіи японской арміи формируютъ одновременно и соотвѣтствующихъ нумеровъ резервныя бригады; если это правда, то мы будемъ имѣть противъ себя на 78 баталіоновъ болѣе, чѣмъ разсчитывали" [4]).

Вотъ лишь когда впервые стали безпокоиться объ японскихъ резервныхъ бригадахъ.

---

[1]) В. И.-К., т. II, ч. I. стр. 86.
[2]) Тамъ же, стр. 87.
[3]) Тамъ же, стр. 87
[4]) Тамъ же, стр. 99—100.

„Съ пріѣздомъ г.-ад. Куропаткина предположенія о нашихъ первоначальныхъ дѣйствіяхъ въ общихъ чертахъ не измѣнялись и выражались во всеподданнѣйшемъ письмѣ его 28 марта въ слѣдующихъ словахъ:

„Роль Восточнаго отряда, въ виду несоразмѣрности силъ, заключается лишь въ демонстративной оборонѣ р. Ялу. Мы приготовились встрѣтить высадку японцевъ въ Инкоу или въ Кайчжоу и на Квантунѣ, но высадка японскихъ войскъ по берегу Корейскаго залива отъ р. Ялу до Бицзыво и на Ляодунскомъ заливѣ западнѣе р. Ляохэ со стороны нашихъ сухопутныхъ силъ сопротивленія не встрѣтитъ или сопротивленіе будетъ оказано слишкомъ незначительными силами“ [1]).

„Послѣ вторичнаго несчастья, постигшаго нашъ флотъ въ Артурѣ 31 марта, онъ, сохранивъ только 2 неповрежденныхъ броненосца, не въ состояніи былъ въ скоромъ времени хоть сколько-нибудь облегчить положеніе сухопутной арміи, хотя бы въ смыслѣ разсѣянія полной неопредѣленности обстановки путемъ развѣдки въ морѣ. Даже наоборотъ—присутствіе флота въ видѣ почти мертвой силы, въ Артурѣ заставляло особенно безпокоиться за его участь и возложить на армію крайне трудную задачу по выручкѣ Артура до окончанія сосредоточенія ея“ [2]).

„Появленіе же 31 марта японскаго флота передъ Портъ-Артуромъ, гибель „Петропавловска“ и извѣстія объ отплытіи изъ Японіи 1-й и 3-й дивизій—привели командующаго арміей къ предположенію, что японцы поспѣшатъ теперь переправой черезъ Ялу, приступивъ къ ней, быть можетъ, даже 31 марта или 1 апрѣля. Въ этихъ видахъ г.-ад. Куропаткинъ приказалъ приблизить всѣ части 3-й В.-С стр. дивизіи къ позиціямъ на р. Ялу и передвинуть спѣшно часть 6-й В.-С. стр. дивизіи къ позиціямъ изъ Фынхуанчэна въ Тензы или другой пунктъ“ [3]).

Приблизительно къ 9 апрѣля, Куроки закончилъ сосредоточеніе своей арміи на фронтѣ Іонампо-Чханшенъ, имѣя главныя силы у Ычжу. Восточному же отряду Куропаткинъ поставилъ задачи:

„1) пользуясь мѣстными условіями, затруднить переходъ противнику черезъ р. Ялу и дальнѣйшее наступленіе его черезъ Фыншуилинскій хребетъ, и

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. I. стр. 100.

[2]) Тамъ же, стр. 107.

[3]) Тамъ же, стр. 122.

„2) выяснить силы, составъ и направленіе движенія наступающей японской арміи“.

„Исходя изъ этого г.-л. Засуличу предписывалось „всѣми мѣрами стремиться избѣгать рѣшительнаго боя съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ и не допустить подвергнуть себя пораженію до отхода на главныя силы нашей арміи“ [1]).

Проще говоря, на долю ген. Засулича выпала боевая задача, требующая отъ исполнителя наличія крупнаго таланта. Только при этомъ условіи и можно было разсчитывать на успѣхъ дѣйствій Восточнаго отряда.

„11 и 12 апрѣля въ штабѣ Восточнаго отряда получился рядъ донесеній завѣдывающаго тайной развѣдкой кап. Кузьмина; въ нихъ подробно, но довольно запутанно, а иногда и противорѣчиво, исчислялись, по показаніямъ корейцевъ, силы японскихъ войскъ, на основаніи количества занятыхъ ими жилыхъ помѣщеній; составъ войскъ не указывался“.

„Данныя о пунктахъ, избранныхъ противникомъ для переправы, доставленныя кап. Кузьминымъ, наоборотъ, отличались большей опредѣленностью и во многомъ оправдались“ [2]).

Такъ закончился первый, подготовительный періодъ войны. Хотя, за это время, намѣренія противника, „оставались для насъ попрежнему неопредѣленными, но все же къ концу этого періода, въ 10 числахъ апрѣля, обнаружились вполнѣ опредѣленные признаки близкаго перехода противника къ активной дѣятельности на р. Ялу“.

15 апрѣля г.-ад. Куропаткинъ сообщалъ военному министру: „Японцы зашевелились на Ялу; съ радостью буду привѣтствовать ихъ вступленіе въ Манчжурію; охотно можно устроить имъ золотой мостъ, лишь бы ни одинъ изъ нихъ не вернулся на родину. Вторженіе японцевъ въ Манчжурію служило бы значительнымъ указаніемъ, что въ этомъ направленіи они двинутъ и свои главныя силы. Страхъ за Владивостокъ и Портъ-Артуръ уменьшится, вмѣстѣ съ тѣмъ явится возможность улучшить наше нынѣ вынужденно весьма разбросанное не только въ Южной Манчжуріи, но и на всемъ театрѣ дѣйствій расположеніе войскъ“ [3]).

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. I., стр. 124.
[2]) Тамъ же, стр. 134.
[3]) Тамъ же, стр. 138.

Увы, радость нашего вождя была непродолжительна. Назрѣвалъ первый ударъ, первое серьезное предупрежденіе. Дѣйствительно, „къ 17 апрѣля завершилась подготовка противника къ предстоящей операціи; ночью съ 16 на 17 апрѣля въ глубокой тишинѣ были переправлены на островъ Сямалинду батареи гаубицъ и полевыя батареи 2-го арт. полка, поставленныя въ тщательно маскированныхъ прочныхъ окопахъ; переправа этой артиллерійской массы, ставшей теперь на дистанціи не далѣе трехъ верстъ отъ Тюренчена, прошла для насъ совершенно незамѣченной; японской артиллеріи строго запрещено было обнаруживать себя чѣмъ-либо и особенно преждевременнымъ открытіемъ огня“.

„Вообще японскій огонь вполнѣ преобладалъ надъ нашимъ, и противникъ превосходно пристрѣливался, систематично сосредоточивая пораженія, главнымъ образомъ, по ближайшимъ окрестностямъ Тюренчена, нащупывая и мѣста расположенія нашихъ резервовъ“.

...„Потери, такимъ образомъ, къ разряду значительныхъ отнести было нельзя, но несомнѣнно, большое впечатлѣніе на умы нижнихъ чиновъ и начальствующихъ лицъ оставилъ массовый непрестанный огонь десятковъ непріятельскихъ орудій въ сравненіи съ безсиліемъ нѣсколькихъ нашихъ орудій [1])

Дѣйствія сторонъ за 17 апрѣля не раскрыли штабу Восточнаго отряда истинныхъ намѣреній противника, и 18 апр. ожидалось повтореніе бомбадировки Тюренченской позиціи, но не атака ея; поэтому и рѣшено было пока не отступать со своихъ позицій. А между тѣмъ, „командиръ 12-го В.-С. стр. полка полк. Цыбульскій около 11 ч. вечера явился къ г.-м. Кашталинскому и доложилъ, что, по всѣмъ даннымъ, японцы завтра пойдутъ на штурмъ, что силы ихъ, несомнѣнно по числу превосходны, снаряды осадныхъ орудій прямо невыносимы для пѣхоты, что при такихъ условіяхъ держаться въ существующихъ окопахъ невозможно, равно какъ нѣтъ и гарантій къ благополучному отводу войскъ завтра днемъ на слѣдующую позицію. По обсужденіи этого вопроса г.-м. Кашталинскій телеграфировалъ въ 11 ч. вечера г.-л. Засуличу, что сравнительно незначительныя потери Тюренченскаго отряда за 17 апрѣля объясняются тѣмъ, что японцы вовсе не стрѣляли по окопамъ, гдѣ находилось до половины отряда“.

---

[1]) В.И. К. т. II, ч. I. стр. 157.

„Сегодня же ночью,—писалъ г.-м. Кашталинскій,—очевидно, полевыя батареи будутъ переброшены на острова и надо думать, что обстрѣляютъ всѣ окопы, которые, вѣроятно, имъ хорошо извѣстны; при такихъ условіяхъ отрядъ будетъ играть пассивную роль и нести большія потери, которыя даже трудно предугадать. Соглашаясь съ мнѣніемъ начальниковъ участковъ обороны, я полагалъ бы своевременнымъ занять за Тюренченомъ извѣстныя возвышенности этой же ночью, оставивъ въ передовой линіи охраненіе, которое отойдетъ съ разсвѣтомъ“.

„Стратегическаго положенія не касаюсь, ибо оно лучше извѣстно Вашему Превосходительству... Прошу немедленныхъ указаній“.

Имѣя докладъ полк. Орановскаго, что, несмотря на сильнѣйшій японскій огонь, за внутренними скатами горъ было совершенно безопасно, и что контуженный г.-м. Кашталинскій, вслѣдствіе сильнаго ушиба, потерялъ энергію и утромъ уже начиналъ разговоръ объ отступленіи,—г.-л. Засуличъ приказалъ „людей съ занимаемыхъ мѣстъ никуда не выводить и только въ случаѣ бомбардировки, съ началомъ ея, оставивъ въ окопахъ сторожевое охраненіе, отвести людей саженъ на 100—200 далѣе, на ближайшія возвышенности, съ цѣлью скрыть, но не уходить съ позиціи“. [1]) Вотъ съ какими понятіями о дѣйствительности

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 1., стр. 162—163.

огня современной артиллеріи брались люди управлять войсками въ современномъ бою!

„Итакъ, къ утру 18 апрѣля, для встрѣчи трехъ японскихъ дивизій, развернувшихся въ долинѣ р. Эйхо отъ с. Салангоу до южной оконечности о. Эйходзяна, мы на 12-верстномъ фронтѣ располагали 29 ротами, т.-е. не болѣе 5 т. штыковъ, противъ 27—29 япон. баталіоновъ, силою до 23½—25 т. штыковъ".

„Съ нашей стороны сложившагося положенія еще не подозрѣвали; только около 2 ч. ночи на 18 апрѣля полк. Цыбульскому изъ сторожевого охраненія 12-го В.-С. стр. полка пришло донесеніе о несомнѣнной переправѣ японцевъ черезъ Ялу, такъ какъ слышенъ шумъ идущихъ по мостамъ и стукъ колесъ" [1]).

„Генералъ Куроки, сначала предполагавшій начать общую атаку по выясненіи результатовъ обходнаго движенія 12-й дивизіи, убѣдившись въ ненахожденіи на русскихъ позиціяхъ иной артиллеріи, кромѣ замолчавшихъ 6 ор. у Потэтынзы, въ началѣ 8-го часа утра приказываетъ всѣмъ тремъ дивизіямъ наступать одновременно, а резерву съ о. Кіури подтянуться къ Хусану. Полки. 2-й и гвард. дивизій шли по совершенно открытой мѣстности Эйходзяна, приближаясь къ главному руслу р. Эйхо и на ходу перестрѣливаясь пачками съ защитниками Тюренченской и Потэтынзской позицій; въ виду движенія японцевъ въ обходъ лѣваго фланга, боевая линія 12-го В.-С. стр. полка была усилена 5-й, 10-й и 11-й ротами, съ коими въ передовой линіи собралось всего 9 ротъ; окопы ихъ всѣ обстрѣливались продольнымъ артиллерійскимъ огнемъ противника; положеніе защитниковъ ухудшалось также тѣмъ, что бруствера не были снабжены никакими закрытіями для головы (въ видѣ мѣшковъ, бонетовъ и пр.); поэтому роты 12-го В.-С. стр. полка, терпя самыя значительныя потери, не причиняли противнику того вреда, который могли бы нанести при устраненіи неудобствъ; японцы, представлявшіе въ своихъ синихъ мундирахъ на желтомъ фонѣ песковъ Эйходзяна прекрасную цѣль, дошли до р. Эйхо, не понеся особо значительнаго урона" [2]).

„Между тѣмъ, нашъ 12-й В.-С. стр. полкъ (9 ротъ) за сравнительно короткое время боя понесъ тяжкія потери: выбыло изъ строя 4 ротныхъ командира и много нижнихъ чиновъ: „дер-

[1]) В.-И. К., т. II ,ч. 1., стр. 167.
[2]) Тамъ же, стр. 168.

жаться въ окопахъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ было невозможно, почему около 7 ч. утра было отдано приказаніе отходить на тыловыя высоты за окопами; останься части дольше подъ такимъ сильнымъ огнемъ, не было бы возможности вывести ихъ изъ окоповъ, тѣмъ болѣе, что въ тылу нашемъ находились командующія высоты“ [1]).

„Приказаніе г.-м. Кашталинскаго объ отступленіи 12-го В.-С. стр. полка нѣсколько запоздало: очищеніе позиціи началось лишь около 2 ч. дня; при отступленіи долиной р. Хантуходзы, верстахъ въ 2 отъ позиціи, наша колонна подверглась сильному обстрѣливанію; съ тыла на нее насѣдали части отряда полк. Умесава, а съ высотъ Сяолауфана поддерживалъ сильнѣйшій ружейный огонь авангардъ японской гвардіи“.

„Подполк. Линда приказалъ кап. Павловскому съ 9-й и 11-й ротами атаковать обошедшаго противника, арріергардной же 5-й ротѣ прикрыть отступленіе. Командиръ 6-й роты кап. Ракутинъ, желая принудить обошедшаго противника отступить, самъ бросился на его лѣвый флангъ, но попалъ подъ сильный огонь, и атака его японцами была отбита; тогда кап. Ракутинъ вторично бросился въ атаку, поддержанный 7-й и 8-й ротами; японцы нѣсколько пріостановились. Этотъ финальный эпизодъ дѣйствій 12-го В.-С. стр. полка имѣлъ мѣсто около 2 ч. 30 м. дня“.

„За время боя полкъ потерялъ—23 оф. и 837 н. ч. и, кромѣ того, были ранены и остались въ строю 2 оф. и 47 н. ч.“ [2]).

„Подъ натискомъ противника правофланговыя роты 11-го В.-С. стр. полка и взводъ пор. Плозовскаго около 4 ч. 30 м. дня подались назадъ по лощинѣ и заняли 2-ю позицію на восточномъ склонѣ кряжа, названнаго Гамильтономъ „холмъ бритва“. Центръ и лѣвый флангъ 11-го В.-С. стр. полка еще держались на прежней позиціи, но попытка оттѣснить 5-ю роту 24-го японскаго полка не удалась. Приблизившіяся подкрѣпленія 12-й японской дивизіи распространялись въ долинѣ Лауфангоу, т.-е. въ тылу нашей позиціи; около 4 ч. дня открыли огонь три батареи 12-го японскаго арт. полка“.

„Въ это время подполк. Линда лично доложилъ полк. Лаймингу общее положеніе дѣлъ, указавъ на необходимость отступать, тѣмъ болѣе, что Шахедзинскій отрядъ уже отошелъ. Полк.

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. I, стр. 169.
[2]) Тамъ же, стр. 182—183.

Лаймингъ сказалъ, „что ему приказано прикрыть отступленіе всего отряда и что онъ отвѣчаетъ за это головой“.

„Между тѣмъ, послѣ сильнѣйшаго ружейнаго огня, нанесшаго большія потери нашему 11-му полку, 10-я и 11-я роты 4-го гвард. японскаго полка поднялись на восточный скатъ „холма бритвы“ и отсюда стали обстрѣливать уже тылъ 11-го полка“.

„Этотъ огонь русскіе выдержали только нѣсколько минутъ, подъ нимъ и подъ давленіемъ съ фронта они около 4 ч. 20 м. дня отступили со всей линіи вдоль восточнаго холма и спустились въ долину между нимъ и другимъ холмомъ, похожимъ на бритву“.

„Прибывающія части 12-й японской дивизіи подвигались впередъ, охватывая тылъ 11-го полка и стремясь захватить перевалъ на дорогѣ въ Хаметанъ, съ занятіемъ коего 11-й В.-С. стр. полкъ и батареи становились въ положеніе совершеннаго окруженія. Наступленіе японскихъ цѣпей сдерживалось огнемъ 2 орудій 3-й батареи 3-й бригады и пулеметовъ; на помощь имъ около 4 ч. дня стали постепенно пристраиваться орудія 2-й батареи 6-й бригады, подтаскиваемыя на рукахъ на полномъ виду у противника; орудія эти самостоятельно открывали огонь въ разныхъ направленіяхъ. Въ долинѣ къ ю.-з. отъ высоты 84,1 орудія, повозки и пѣхота, наполнявшія ее, были въ самомъ безпомощномъ состояніи: „японцы занимали по отношенію къ нимъ такое же командующее положеніе, какое занимаетъ въ театрѣ галлерея надъ партеромъ; однако, несмотря на то, вѣчная слава русскимъ: они отказывались сдаться, и въ то время, когда нѣкоторые изъ нихъ старались вырыть себѣ закрытія, другіе пытались уйти черезъ сѣверную вершину „Холма бритвы“.

„Узнавъ о приближеніи японцевъ къ перевалу, полк. Лаймингъ около 5 ч. дня рѣшилъ штыковой атакой выбить ихъ оттуда и открыть себѣ путь въ долину Тензы“.

„Штурмовая колонна составилась, главнымъ образомъ, изъ ротъ 3-го батальона, незадолго передъ тѣмъ сформированнаго въ Евр. Россіи изъ состава 11-й и 35-й дивизій, къ которому присоединились: хоръ музыки, 1-я рота со знаменемъ и команда нестроевыхъ и перевязочнаго пункта. Священникъ отецъ Щербаковскій крестомъ благословилъ батальонъ; музыканты заиграли полковой маршъ; раненыхъ вели подъ руки или несли на носилкахъ; вся колонна подъ страшнымъ перекрестнымъ огнемъ двинулась въ атаку на перевалъ, теряя съ каждымъ шагомъ

убитыхъ и раненыхъ; 4 орудія 3-й и 6-й В.-С. стр. арт. бригадъ поддерживали огонь по японскимъ цѣпямъ на высотахъ къ западу отъ дороги въ Хаметанъ и по японскимъ резервамъ, появлявшимся по временамъ то здѣсь, то тамъ, оказывая посильную помощь атакѣ; при наступленіи были убиты командиръ полка полк. Лаймингъ, командиръ 3-го батальона подполк. Дометти и выбыло изъ строя 4 ротныхъ командира; ранены священникъ и вольнонаемный капельмейстеръ Лоось; въ 3-мъ батальонѣ въ живыхъ осталось только 2 офицера; японцы не приняли штыкового удара и отхлынули отъ перевала, при чемъ ихъ ближайшіе резервы развили сильнѣйшій пачечный огонь. Перевалъ и дорога въ долину Тензы между 5 ч. 15 м. и 5 ч. 30 м. дня были открыты. Японцы провожали роты 11-го В.-С. стр. полка сильнымъ огнемъ; за ротами потянулось все живое, оставшееся на перевалѣ, и всѣ раненые, могущіе идти; далѣе эти остатки вышли на этапную дорогу. 11-й В.-С. стр. полкъ въ бою 18 апрѣля потерялъ: офицеровъ убитыми 14 и ранеными 9 и нижнихъ чиновъ—убитыми 206, ранеными—360 и пропавшими безъ вѣсти—281, а всего изъ наличнаго состава въ 2.119 нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя 847 нижнихъ чиновъ и, кромѣ того,—2 офицера и 35 нижнихъ чиновъ ранеными, но оставшимися въ строю.

„Во время атаки 11-го В.-С. стр. полка и позже 9 орудій 6-й и 3-й В.-С. арт. бриг. стрѣляли по японской горной батареѣ, посылавшей снаряды съ сѣвера, но не могли ее нащупать, и дѣйствовали довольно удачно по японскимъ цѣпямъ съ пулеметами, появившимися на западномъ склонѣ высоты 84,1; наконецъ, японскія цѣпи съ пулеметами и горной батареей, оттѣснившія передъ этимъ нашъ тыльный отрядъ, появились къ югу отъ высоты 84,1 въ тылу позиціи нашихъ орудій. Стрѣльбой управлялъ шт.-кап. Сапожниковъ: 2 орудія стрѣляли на сѣверъ вдоль долины Лауфангоу, 4 орудія были повернуты на востокъ для обстрѣливанія появившихся на высотѣ 84,1 цѣпей и горной батареи противника, и, наконецъ, 2 ор. дѣйствовали въ юго-восточномъ направленіи вдоль лощины между высотой 84,1 и „холма бритвы“; одно орудіе испортилось. Наши пулеметы разстрѣляли уже весь запасъ патроновъ; попытка протащить ихъ на рукахъ черезъ крутые горные скаты не удалась; пулеметы пришлось испортить и бросить, вынувъ затворы и пріемники. Орудія наши обстрѣливались весьма сильнымъ ружейнымъ огнемъ съ сѣвера, востока и юго-востока; личный составъ таялъ; осо-

бенный вредъ принесли японскіе пулеметы съ высоты 84,1, которые, однако, подпор. Хабарову удалось заставить замолчать огнемъ 2 орудій, а также горная батарея, снявшаяся на южномъ склонѣ высоты 84,1; въ нѣсколько минутъ погибло много лошадей въ передкахъ и зарядныхъ ящикахъ; поручики Костенко и Щегольковъ и подпор. Хабаровъ были ранены; въ одномъ взводѣ 3-й батареи остались только 5 номеровъ; раненый пор. Ивановъ управлялъ дѣйствіями одного орудія; не хватало людей для подноски снарядовъ, несмотря на то, что нѣкоторые раненые нижніе чины послѣ перевязки возращались къ орудіямъ; лошади почти всѣ были перебиты; ящики хотя и стояли близко, но сообщеніе съ ними сильно обстрѣливалось; пѣхотное прикрытіе частью было уничтожено, а частью удалилось; наконецъ, сталъ обнаруживаться и недостатокъ снарядовъ. Чѣмъ рѣже становился нашъ огонь, тѣмъ энергичнѣе надвигались съ сѣверо-запада, сѣверо-востока и юго-востока японскія цѣпи, все время поддерживавшія пачечную стрѣльбу. Наконецъ, разстрѣлявъ послѣдніе патроны, шт.-кап. Сапожниковъ приказалъ вынуть, разобрать и запрятать затворы, а уцѣлѣвшей прислугѣ (около 40 чел. при 4 оф.) отходить, унося съ собой стрѣляющія приспособленія, прицѣлы, угломѣры и рукоятки; при отходѣ пришлось перебираться черезъ крутую гору, цѣпляясь руками за кусты и камни, и затѣмъ остатки 2-й и 3-й батарей вышли на этапную дорогу".

„Немного ранѣе передъ этимъ, взводъ 3-й батареи 3-й В.-С. стр. арт. бриг. пор. Плозовскаго на своей позиціи на восточномъ склонѣ „холма бритвы" разстрѣлялъ свои патроны, дѣйствуя напослѣдокъ при прицѣлѣ 18—20; раненый пор. Плозовскій приказалъ оставшимся въ живыхъ нижнимъ чинамъ разобрать затворы, взять угломѣры и прицѣлы и уходить".

„Потери въ указанныхъ частяхъ за 18 апрѣля: въ пулеметной ротѣ—15 убит. и 35 ран. нижнихъ чиновъ и выбито 22 лош.; въ 3-й батареѣ 3-й В.-С. стр. арт. бриг. — убито 3 офицера и 24 нижнихъ чина и ранено 2 офицера и 58 нижнихъ чиновъ и выбито 72 лошади; во 2-й батареѣ 6-й В.-С. стр. арт. бриг. — убито 2 офицера и 32 нижнихъ чина и ранено 1 офицеръ и 39 нижнихъ чиновъ и выбито 76 лошадей" [1]).

Въ общемъ, „отходъ нашихъ войскъ изъ сферы поля сраженія происходилъ въ достаточной мѣрѣ упорядоченно. По вы-

[1]) В.-И. К., т. II, ч. I, стр. 186.

ходѣ на этапную дорогу части, участвовавшія въ бою, и раненые были пропущены впередъ; арріергардъ, составленный изъ свѣжихъ частей, руководился полк. Шверинымъ въ твердомъ порядкѣ и отходилъ, какъ и прочія войска, вполнѣ спокойно".

„Изъ описанія Тюренченскаго боя, составленнаго только на основаніи документовъ и мѣстами ихъ подлинными словами, выясняется, что главной причиной нашей серьезной неудачи были наша неосвѣдомленность о силахъ и намѣреніяхъ противника и неумѣніе разобраться въ имѣвшихся данныхъ о противникѣ, среди которыхъ попадались весьма цѣнныя свѣдѣнія и весьма точные признаки грядущихъ событій".

„Ранѣе наши источники склонны были видѣть причину неудачи въ обходномъ движеніи 12-й японской дивизіи и недостаточной стойкости 22-го В.-С. стр. полка, но вышедшіе сравнительно недавно иностранные источники представляютъ дѣло въ иномъ освѣщеніи: обходъ 12-й японской дивизіи рѣшающей роли не сыгралъ, дѣйствія гвардіи и 2-й дивизіи заставили насъ очистить береговыя высоты у Тюренчена и Потэтынзы; усилія гвардейскихъ частей, частей резерва и только отчасти 12-й дивизіи сломили наше сопротивленіе и на арьергардной позиціи".

„Что касается дѣйствій 22-го В.-С. стр. полка, то онъ очистилъ позицію у Потэтынзы даже позже отхода 12-го В.-С. стр. полка съ Тюренченской позиціи и подъ давленіемъ дѣйствительно превосходныхъ силъ противника, и отходъ его отъ Потэтынзы къ Чингоу увлекъ за собой всю 12-ю японскую дивизію, запоздавшую вслѣдствіе этого своимъ обходомъ нашего тыла".

„За 18 апрѣля у насъ выбыло изъ строя 60 оф. 2.130 н. ч., въ томъ числѣ безъ вѣсти пропавшими (т.-е. плѣнными и оставшимися на полѣ сраженія неизвѣстно: убитыми или ранеными) 3 оф. и 524 н. ч. Японцы потеряли убитыми и ранеными: 2-я дивизія—445 чел. 12-я дивизія—384 ч. и гвардія 207 ч., а всего 1.036 чел."

„Всѣ рѣшительно показанія утверждаютъ, что съ позицій у Тюренчена и Потэтынзы открывался великолѣпный ружейный обстрѣлъ именно долины р. Эйхо и самой рѣки съ быстрымъ теченіемъ и съ неудобными бродами; г.-л. Засуличъ и послѣ боя высказывалъ (рапортъ № 120), что трудность переправы подъ выстрѣлами дѣлала позицію у Потэтынзы настолько сильной, что на ней можно было принять бой. Однако, потери японцевъ при

переправѣ оказались не такими значительными, какъ можно было ожидать и какъ ожидали сами японцы; между тѣмъ, 12-й В.-С. стр. полкъ на своей первой позиціи разстрѣлялъ въ боевой линіи весь носимый боевой комплектъ патроновъ; 11-й В.-С. стр. полкъ на арьергардной позиціи тоже истратилъ носимый запасъ и запасы ротныхъ и баталіонныхъ двуколокъ; также и пулеметная рота разстрѣляла всѣ свои ленты (до 40.000 патроновъ); указанныя части, по подсчету г.-м. Кашталинскаго, выпустили до 800.000 патроновъ, выведя ими изъ строя никакъ не болѣе 800 чел. При этомъ войска преимущественно стрѣляли залпами. Рядомъ съ этимъ имѣются указанія на несовершенство нашихъ окоповъ, представлявшихъ собою великолѣпную цѣль для подавляющей японской артиллеріи, дѣйствовавшей совершенно безнаказанно. Къ тому же, окопы были лишены укрытій для головы (бонеты, мѣшки), что, несомнѣнно, должно дѣлать стрѣльбу самаго искуснаго стрѣлка болѣе нервной, а вслѣдствіе этого и менѣе мѣткой".

„Можно замѣтить также, что болѣе ранній отходъ съ позиціи на р. Хантуходзы и особенно съ высоты 84,1 повелъ бы за собой значительное уменьшеніе потерь въ людяхъ, а быть-можетъ, и спасъ бы 2-ю и 3-ю батареи 6-й и 3-й В.-С. стр. арт. бригадъ и пулеметы" [1]).

Изученіе Тюренченскаго боя навело М. Грудзинскаго на мысль провести параллель между Тюренченомъ и Альмой. Оказывается, что обѣ эти боевыя операціи по существу были похожи другъ на друга и, въ обоихъ случаяхъ командный составъ нашъ не былъ въ состояніи разобраться въ совершавшихся событіяхъ.

„Разсмотрѣнныя сраженія, говоритъ М. Грудзинскій, еще болѣе похожи другъ на друга по своему внутреннему содержанію, и здѣсь прежде всего приходится отмѣтить слѣдующее:

1) Большую пассивность со стороны русскихъ, предшествовавшую сраженіямъ; пассивность не только въ отношеніи противника, но и въ отношеніи свойствъ собственной позиціи: позиція не достаточно изучена, а потому и не вполнѣ оцѣнена,— въ результатѣ во время самаго боя рядъ неожиданностей.

„2) Въ обоихъ случаяхъ задачи однѣ и тѣ же, временное задержаніе превосходнаго по силамъ и даже по вооруженію про-

---

1) В.-И. К., т. II, ч. I, стр. 195.

тивника (подъ Альмой гладкое оружіе противъ нарѣзного подъ Тюренченомъ полевыя орудія противъ тяжелыхъ); временное, чтобы затѣмъ вновь перейти на слѣдующую позицію и тамъ опять задерживать натискъ непріятеля. Такая задача нелегкая, а наоборотъ, по справедливости должна быть отнесена къ труднымъ военнымъ операціямъ; между тѣмъ, войска въ обоихъ случаяхъ ставятся въ невыгодныя условія борьбы; растянутость, малочисленность, затруднительность связи, отсутствіе подготовки.

3) Въ обоихъ случаяхъ предвзятость въ размѣщеніи войскъ, желаніе захватить непосильное пространство, отсутствіе общаго руководства, игнорированіе или слабое примѣненіе инженернаго искусства и, наконецъ, даже просто плохое, неумѣлое примѣненіе къ мѣстности".

„Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ, командный составъ не сумѣлъ правильно оцѣнить обстановку и, имѣя въ своемъ распоряженіи надежный матеріалъ, поставилъ войска, воодушевленныя готовностью встать грудью противъ врага, въ невыгодныя и тяжелыя условія вообще неравной борьбы".

„Несчастливо начались обѣ кампаніи, несчастливо и кончились онѣ" [1]).

На ряду съ беззавѣтной храбростью, въ первомъ же столкновеніи съ японцами ярко обнаруживались всѣ наши недочеты, обстоятельно отмѣченные А. Н. Виноградскимъ.

„Вооруженіе наше „говоритъ Виноградскій" (первый разъ за все время существованія государства) не только не уступало противнику но даже отчасти, его превосходило: наша 3-лин. винтовка была равнокачественна японской, а 3-дм. полевая пушка значительно могущественнѣе своей противницы. Дальнобойностью дистанціоннаго и ударнаго выстрѣловъ она превосходила послѣднюю на одну версту, а скорострѣльностью—въ нѣсколько разъ. Серьезнымъ недочетомъ являлось отсутствіе у нея сильнаго фугаснаго снаряда, способнаго разрушать прочныя постройки, которыми изобиловалъ театръ войны, вслѣдствіе чего японская пѣхота должна была почувствовать себя въ безопасности за ними и получить возможность прочно цѣпляться за большинство мѣстныхъ предметовъ. Не менѣе важнымъ промахомъ нужно считать также неимѣніе нами первое время горной и тяжелой полевой современной артиллеріи".

---

[1]) М. Грудзинскій. Альма и Тюренченъ, стр. 27—28.

„Довольно чувствительно сказывалось еще недостаточное количество пулеметовъ, съ которымъ мы начали кампанію. Въ пользу послѣднихъ, отчасти подъ вліяніемъ идей покойнаго М. И. Драгомирова, отчасти изъ рутины и боязни прослыть „огнелюбомъ“—поклонникомъ огня—имъ у насъ вѣрили мало, почему на Дальнемъ Востокѣ ко времени объявленія войны ихъ оказалось въ полѣ всего 8 штукъ. Подъ давленіемъ событій подобные взгляды перемѣнились и были приняты рѣшительныя мѣры къ снабженію арміи пулеметами, но, тѣмъ не менѣе, японцы всегда превосходили насъ числомъ ихъ, а главное—въ первыхъ столкновеніяхъ, гдѣ наши войска принуждены были ограничиваться обороной и содѣйствіе пулеметовъ представляло особенную цѣнность, мы были его мишенью“ [1]).

„Многіе продѣлавшіе Манчжурскую кампанію, высказывали впослѣдствіи мысль, что лица, не достаточно подготовленныя къ сопряженной съ ихъ служебнымъ положеніемъ дѣятельностью, а потому чаще нарушавшіе выработанныя вѣковымъ опытомъ требованія военнаго искусства, попадались въ сравнительно большемъ числѣ среди начальниковъ старшихъ степеней, чѣмъ младшихъ. Не входя въ изслѣдованіе причинъ такого прискорбнаго явленія, могущаго составить цѣлый трактатъ, отмѣтимъ, что изученіе военнаго дѣла (а не ремесла) никогда не было у насъ въ почетѣ и имъ не интересовались. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ сравнительно небольшое количество военно-литературныхъ трудовъ на нашемъ книжномъ рынкѣ, вдобавокъ трудно расходящихся въ военной публикѣ“ [2]).

„Наука развивалась совершенно отдѣльно отъ строя и войскъ: послѣднія не черпали въ ней отвѣтовъ на свои запросы и, стало-быть, не только не усовершенствовались, а регрессировали сравнительно съ прошлымъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого являлось такое гибельное явленіе, какъ отсутствіе у насъ въ командномъ персоналѣ извѣстной научно-обоснованной современной школы, доктрины, другими словами — однообразія взглядовъ на общіе факторы войны, необходимаго для правильной боевой работы большихъ массъ. Выводами науки и исторіи очень часто пренебрегали какъ въ мирное, такъ и въ военное время, въ результатѣ чего операціи принимали, во-первыхъ, иной разъ урод-

---

[1]) А. Н. Виноградскій. Русско-Японская война 1904—1905 г.г. Вып. I, стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 11.

ливый характеръ, который, естественно, въ силу событій и логики не могъ не привести при наличности серьезнаго противника къ пораженію, а во-вторыхъ, — имѣли мѣсто безчисленныя, не всегда удачныя, импровизаціи при разрѣшеніи вопросовъ, которые наука и опытъ давно уже разработали въ извѣстномъ направленіи."

„Другимъ проявленіемъ недостаточнаго уваженія къ теоріи военнаго искусства явились отсталость въ области тактики и неправильная оцѣнка народившихся новыхъ факторовъ. Прогрессъ вооруженія и вообще развитіе военнаго искусства выработали на Западѣ нѣкоторыя тактическія формы, оставшіяся у насъ настолько неизвѣстными, что въ нашей терминологіи даже не находимъ подходящаго слова для ихъ передачи" [1]).

„Рядомъ съ этимъ мы грѣшили отсутствіемъ способности къ маневрированію и, какъ прямое слѣдствіе, совершенно не разработали заблаговременно образа дѣйствій во встрѣчныхъ бояхъ, предпочитали приковываніе войскъ къ позиціи маневру, не прониклись идеей превосходства наступленія передъ обороной, смѣшивали на дѣлѣ стратегическую оборону съ тактическою, не отдавали себѣ отчета въ главныхъ принципахъ горной войны, если знали ихъ, то, во всякомъ случаѣ, не соблюдали,—вообще извѣстное пренебреженіе къ самоусовершенствованію, нежеланіе слѣдить за военной наукой привели къ ряду значительныхъ пробѣловъ, предусмотрѣть которые не въ состояніи никакіе уставы и приказы" [2]).

„Ко всему сказанному нужно еще прибавить неумѣнье разныхъ родовъ оружія дѣйствовать въ должной связи. Хотя много начальниковъ были хорошо образованы и свѣдущи каждый въ своей спеціальности, но они не умѣли выходить изъ ея узкихъ рамокъ, почему имъ было не подъ силу комбинировать дѣйствія различныхъ родовъ оружія, объединять ихъ усилія и давать бою извѣстную планосообразность, общую внутреннюю идею, связь, преслѣдующую ясно поставленную опредѣленную цѣль. Въ этихъ фактахъ нужно искать, какъ увидимъ послѣ, коренную причину одного важнаго, ненормальнаго, рѣзко бросающагося въ глаза явленія: параллельно блестящимъ дѣйствіямъ небольшихъ единицъ наблюдалась неудовлетворительная, безрезультатная дѣятельность крупныхъ соединеній, свидѣтельствовавшихъ о не-

[1]) А. Н. Виноградскій, вып. I, стр. 11.
[2]) Тамъ же, стр. 12.

достаточной подготовкѣ высшаго командного персонала и всѣхъ войскъ вообще къ массовой работѣ“ [1]).

Бой подъ Тюренченомъ подробно разсмотрѣнъ и въ сообщеніяхъ Военной Академіи (бывшая Генеральнаго Штаба). Тутъ обращено вниманіе на то, что управлялся Восточный отрядъ изъ Ляояна, а потому начальникъ отряда больше всего заботился не о выполненіи своей задачи, а о томъ, какъ посмотрятъ на его дѣйствія въ Ляоянѣ.

Несмотря на крайне тяжелую для насъ обстановку, мы все же могли бы подъ Тюренченомъ распорядиться гораздо искуснѣе. „Въ дѣйствительности же мы не только не использовали огромныхъ преимуществъ, какія даютъ современное оружіе и сильная заблаговременно укрѣпленная позиція, съ опорными пунктами, съ прекрасной многоярусной обороной, съ цѣлой системой почти неодолимыхъ препятствій; напротивъ того, мы какъ бы сознательно поставили свои войска въ невозможное положеніе. Частямъ Тюренченскаго отряда приходилось только выручать другъ-друга, а не поражать противника. Пришлось жертвовать собой и нести тяжкія ничѣмъ не оправдываемыя потери только для того, чтобы спасать другихъ“.

„Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что дѣйствія нашихъ войскъ на тюренченскихъ поляхъ воскрешаютъ безсмертные подвиги, какіе когда-либо знала военная исторія, что дѣйствія 11-го полка не уступаютъ знаменитому „гвардія умираетъ, но не сдается“. Какое сердце не дрогнетъ при мысли, что сдѣлали и какъ гибли эти люди! Но, къ сожалѣнію, гибли безплодно, непроизводительно“ [2]).

Спрашивается: какъ же отнесся къ событію руководитель боя, начальникъ Восточнаго отряда? А вотъ его взглядъ на дѣло.

„Въ заключеніе своего перваго подробнаго донесенія о боѣ отъ 23 апрѣля № 333, г.-л. Засуличъ писалъ: „Лично я скорблю о потеряхъ, но не раскаиваюсь въ томъ, что по долгу совѣсти рѣшился на бой съ завѣдомо сильнымъ противникомъ и тѣмъ показалъ, что мы его не боимся и будемъ давать ему серьезный отпоръ, пока не соберемся съ силами! [3]).

---

[1]) А. Н. Виноградскій, вып. I, стр. 15.
[2]) Р.-Яп. война въ сообщеніяхъ Академіи Генер. Штаба, ч. I, стр. 36.
[3]) В.-И. К., т. II, ч. I, стр. 198.

ГЛАВА IV.

Послѣ Тюренчена.

Свѣдѣнія о противникѣ, добывавшіяся войсковой развѣдкой, оставались неопредѣленными, несмотря на то, что столкновеніе съ непріятелемъ на р. Ялу, казалось бы, приводило въ непосредственное съ нимъ соприкосновеніе. А послѣ Тюренчена обстановка существенно измѣнилась не въ нашу пользу.

Послѣ боя, „японцы, какъ оказалось, совершенно не преслѣдовали: далѣе Лоухудуна не продвинулись даже передовыя ихъ части".

„Войска были очень утомлены и не имѣли два дня горячей пищи и хлѣба; лошади тоже голодали; продовольствіе и фуражъ доставлялись изъ Фынхуанчэна; въ Пьямынѣ нельзя было открыть перевязочнаго пункта за недостаткомъ имущества; 9-й пол. подв. госпиталь, потерявъ все имущество, не могъ функціонировать, дивизіонный лазаретъ 6-й В.-С. стр. дивизіи утратилъ во время паники большую часть перевязочнаго матеріала, аптеку, носилки, санитарные мѣшки" [1]).

„За 22 и 23 апрѣля Восточный отрядъ, предшествуемый массой обозовъ, продолжалъ отходъ къ переваламъ; въ виду еще не разсѣявшихся свѣдѣній о занятіи японцами Саймацзы, маршъ совершался крайне осторожно".

„Невзирая на всѣ неблагопріятныя условія, обозы и всѣхъ раненыхъ къ утру 24 апрѣля удалось продвинуть за перевалъ Фынсяолинъ, съ достиженіемъ котораго окончился трудный отступательный маршъ Восточнаго отряда. Командующій арміей приказалъ дать войскамъ необходимый отдыхъ и затѣмъ приступить къ укрѣпленію позицій на перевалахъ".

„Итакъ, за то время, какъ нашъ Восточный отрядъ уже достигъ линіи переваловъ Фыншуйлинскаго хребта, японцы, простоявъ 19 и 20 апрѣля у Шахедзы и Тюренчена, только къ вечеру 23 апрѣля подтянули свои главныя силы къ окрестностямъ Фынхуанчэна; если бы они рѣшились или могли повести немед-

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. I, стр. 238.

ленное и энергичное наступленіе, врядъ ли Восточный отрядъ, при описанной тяжелой для него обстановкѣ, успѣлъ бы такъ благополучно отойти со всѣми обозами къ переваламъ, на которые противникъ могъ бы ворваться на нашихъ плечахъ“ [1]).

„1 мая сообщеніе съ Портъ-Артуромъ было прервано, и, въ зависимости отъ складывавшейся въ то время обстановки и въ соотвѣтствіи съ указаніями изъ Петербурга, Южный авангардъ и Восточный отрядъ приняли болѣе удаленное отъ непріятеля расположеніе, сблизясь къ Ляояну и оставивъ впереди сравнительно незначительные авангарды“.

„О всѣхъ своихъ распоряженіяхъ и сосредоточеніи арміи, происшедшемъ „въ полномъ порядкѣ и безъ излишней торопливости“, командующій арміей сообщилъ военному министру депешей 29 апрѣля № 3464, на которой ген.-ад. Сахаровымъ сдѣлана была слѣдующая помѣтка:

„При такихъ условіяхъ сосредоточеніе арміи не достигнуто и корпуса имѣютъ задачи на различные фронты, что, очевидно, препятствуетъ предпринять что-нибудь рѣшительное, и, вмѣсто того, чтобы сосредоточить значительныя силы, взять починъ въ свои руки, мы подчиняемся волѣ японцевъ, оставляя имъ свободу приводить безпрепятственно ихъ планы въ исполненіе; они будутъ ожидать подхода подкрѣпленій, а мы будемъ относиться къ этому пассивно, не пользуясь опасностью ихъ выдвинутаго положенія, пока съ сравнительно незначительными силами. О 1-й Сибирской пѣх. дивизіи ничего не говорится, вѣроятно, разбросана по частямъ“ [2]).

„За первую половину мая мѣсяца Манчжурская армія усилилась на $16^1/_4$ бат. 24 сот. и 32 ор. и достигла силы 102 бат., 84 эск. и сот. и 250 ор. Въ этомъ числѣ сосчитаны части, получившія и небоевыя назначенія, а именно: $4^1/_4$ б-на на охранѣ штабъ-квартиры Намѣстника въ Мукденѣ и самаго города и $1^1/_2$ б-на Верхнеудинскаго пѣх. полка, израсходованные на охрану ближайшаго къ Ляояну участка жел. дор. и на этапную службу“.

„Въ виду огромнаго требованія офицеровъ съ началомъ мобилизаціи въ разныя командировки, въ мобилизовавшихся частяхъ Сибирскаго военнаго округа не хватало ихъ даже для несенія внутренней службы; многими ротами командовали

---

1) В.-И. К., т. II, ч. 1., стр. 245.
2) Тамъ же, стр. 266.

только-что прибывшіе изъ запаса прапорщики, и за призваніемъ запасныхъ офицеровъ въ 8 полкахъ 4-го Сиб. арм. корпуса оказался некомплектъ въ 176 чел., которые въ большинствѣ догоняли свои части уже въ пути; подготовка офицеровъ запаса была слабая; въ Сибирскихъ арт. дивизіонахъ болѣе половины офицеровъ (26 чел.) были призванные изъ запаса прапорщики съ весьма ничтожными познаніями и образованіемъ".

Наиболѣе неупорядоченнымъ представлялся вопросъ объ обозѣ. Полки были снабжены и двуколками и парными повозками; дивизіоннаго обоза не полагалось; однако, всѣ запасы, возимые въ немъ, а также особо установленный 2-й комплектъ патроновъ полки должны были имѣть въ своихъ обозахъ, которые поэтому достигали весьма большихъ размѣровъ и притомъ безъ всякой организаціи и безъ выработанной укладки; не былъ даже точно опредѣленъ ротный обозъ. Вся артиллерія Сибирскаго округа была вооружена старыми поршневыми орудіями образца 1895 г.

„Общій характеръ получавшихся въ штабѣ арміи свѣдѣній о противникѣ и въ разсматриваемый періодъ оставался прежній: цѣнныхъ по точности данныхъ не было, а другъ другу противорѣчащихъ—много".

„Дѣятельность конницы тоже не давала сколько-нибудь цѣнныхъ результатовъ; разъѣзды доносили болѣе или менѣе точно только о передовыхъ частяхъ, ротахъ, эскадронахъ, т.-е. то, что они видѣли сами, а затѣмъ донесенія пополнялись разными китайскими розсказнями; не было устойчивости: то, о чемъ доносилось сегодня, опровергалось завтрашнимъ донесеніемъ; здѣсь сказывалась еще несноровистость конницы, непривычка ея къ мѣстнымъ, чуждымъ ей, условіямъ; бывали даже случаи предумышленно ложныхъ донесеній, что заставляло осторожно относиться даже къ свѣдѣніямъ, получаемымъ отъ разъѣздовъ о передовыхъ частяхъ противника".

„По поводу работы конницы командующій арміей писалъ начальнику штаба въ запискѣ 3 мая:

„Дѣятельность семи казачьихъ полковъ, работающихъ за Фыншуйлинскимъ хребтомъ, меня вовсе не удовлетворяетъ. Пока еще находится при казакахъ генералъ Мищенко, мы получаемъ хорошія, цѣнныя донесенія. Бригада Карцева пока пользы не принесла. Закржевскій работаетъ хорошо, но съ тремя сотнями многаго не сдѣлаетъ".

„Прошу заготовить командиру 1-го корпуса, начальнику Восточнаго отряда, генераламъ Ренненкампфу и Мищенко энергичныя предписанія, въ которыхъ указать, что намъ надо знать не о головныхъ частяхъ противника, показывающихся тамъ и сямъ, а о всѣхъ силахъ противника, двигающихся по тому или другому направленію. По имѣющимся свѣдѣніямъ, противъ насъ, кромѣ резервныхъ войскъ, направляется шесть японскихъ дивизій. Для правильнаго рѣшенія надо знать: куда идутъ эти дивизіи, гдѣ ждать главныя силы противника, гдѣ будетъ демонстрація. Очень важно имѣть плѣнныхъ, убитыхъ, дабы выяснить принадлежность арміямъ полевыхъ или резервныхъ войскъ. Надо заѣзжать въ тылъ, устраивать засады“ [1]).

Нельзя, конечно, защищать нашу конницу, которая не давала свѣдѣній о противникѣ, но нельзя и не удивляться нашему неумѣнію пользоваться тѣми средствами, которыя даются въ руки. Я подразумѣваю тутъ наши отношенія къ хунхузамъ; мы сами виноваты во враждебномъ отношеніи къ намъ этихъ людей, которые могли бы идти впереди арміи и давать ей вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ. Вотъ что пишетъ по этому поводу А. Свѣчинъ.

„Много было разговоровъ о хунхузахъ. Къ предпринимавшимся противъ нихъ враждебнымъ дѣйствіямъ большинство пограничныхъ офицеровъ относилось недоброжелательно. Было время, когда хунхузы не трогали безоружнаго русскаго, лишь бы не вызвать вмѣшательства русскихъ въ ихъ счеты съ китайской администраціей. Центральная власть въ Китаѣ недостаточно сильна, чтобы обезпечить жизнь и имущество своихъ подданныхъ во всѣхъ уголкахъ имперіи. На этомъ основаніи, по крайней мѣрѣ, въ бассейнѣ Ляохэ, стали складываться особыя хунхузскія организаціи, несомнѣнно носившія въ себѣ зачатки государственности. Хунхузскіе вожди явились какъ бы удѣльными князьями, творившими судъ и расправу, собиравшими налоги, обезпечивавшими неприкосновенность личности и имущества въ своемъ удѣлѣ. Съ китайскимъ управленіемъ и между собою у нихъ была тонкая политика—кому платили дань, а съ кѣмъ и воевали. Китайскимъ чиновникамъ удалось насъ впутать въ эти дѣла; въ 1903 году нами былъ предпринятъ цѣлый походъ (экспедиція Троцкаго) на Тулисана, хунхуза, пріятеля многихъ на-

---

[1]) В.-И. К., т. II., ч. 1, стр. 268.

шихъ офицеровъ, за то, что онъ лишилъ китайскую администрацію Инкоу негласныхъ доходовъ съ судоходства на нижнемъ теченіи Ляохэ. Экспедиція не удалась. Тулисанъ съ частью своей шайки ускользнулъ; нашими трофеями, по разсказамъ пограничниковъ, были два отрубленныхъ его пальца и шашка съ русской надписью: „Моему другу Тулисану отъ полковника Мадритова". Отношенія наши къ мѣстнымъ элементамъ были уже основательно испорчены; впрочемъ за деньги находились охотники служить и намъ. На этой же рекогносцировкѣ мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ нанятыхъ на нашу службу хунхузовъ, Ксинъ-ченомъ. Онъ производилъ прекрасное впечатлѣніе; ему было положено 400 рублей въ мѣсяцъ жалованья и всѣ его люди и лошади были взяты на казенное содержаніе. Онъ формировалъ чуть ли не четвертую сотню" [1]).

3 мая японцы произвели высадку на западномъ побережьѣ Ляодуна, у Гуаньцзятуна. „Каково же было удивленіе, когда въ ночь на 3 мая получилось донесеніе начальника конницы Южнаго авангарда г.-м. Самсонова о томъ, что никакой высадки не было, а японскія суда постреляли только нѣкоторое время по нашимъ разъѣздамъ, уйдя послѣ $5^{1}/_{2}$ ч. вечера на юго-западъ" [2]).

„14 мая въ Мукденѣ состоялось свиданіе намѣстника съ командующимъ арміей. Точки зрѣнія ихъ были слишкомъ различны, чтобы придти къ полному соглашенію".

„Убѣжденіе Намѣстника въ томъ, что главный ударъ направляется японцами на Портъ-Артуръ, подкрѣплялось въ его глазахъ, и распространившимися 15 мая слухами о взятіи японцами 13 мая Цзинь-чжоуской позиціи, подтвержденными 16 мая официальными свѣдѣніями изъ Токіо" [3]).

Можно себѣ представить какъ отзывалась эта вражда на настроеніи арміи, а значитъ и на ея боевой работѣ. Легко теперь, не торопясь, изслѣдовать причины нашихъ пораженій, а каково это было переживать тогда, тамъ на мѣстѣ, стоя лицомъ къ лицу съ противникомъ, умѣвшимъ использовать не только подобные крупные недостатки нашей организаціи, но мельчайшіе недочеты, ошибки, упущенія.

М. Грулевъ, ѣхавшій на войну со своимъ полкомъ, по этому поводу пишетъ: „Болѣе всего меня больно поразили упорные

---

1) А. Свѣчинъ. Въ Восточномъ отрядѣ, стр. 7—8.

2) В.-И. К., т. II, ч. I, стр. 271.

3) Тамъ же, стр. 293.

слухи о разногласіяхъ и неладахъ между командующимъ и главнокомандующимъ одной и той же Манчжурской арміи—между Куропаткинымъ и Алексѣевымъ. Военная исторія представляетъ не мало примѣровъ вмѣшательства посторонней власти въ распоряженія полководцевъ; но чтобы на одномъ и томъ же театрѣ войны, при *одной* арміи, допустить такое двухголовое командованіе,—такого примѣра еще не было" [1]).

„Конечно, вражда между двумя полководцами не замедлила обнаружиться въ самомъ началѣ операцій и сказалась пагубнымъ образомъ въ сраженіи подъ Вафангоу. По словамъ полковника Б—го генералъ-адъютантъ Куропаткинъ избѣгалъ этого сраженія всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами, доказывая крайнюю нежелательность отказаться отъ разъ принятаго рѣшенія сосредоточить сначала всѣ силы, избѣгая отдѣльныхъ пораженій. Но адмиралъ Алексѣевъ тревожился за участь Портъ-Артура, и требовалъ отъ генерала Куропаткина, чтобы онъ непремѣнно перешелъ въ наступленіе, на выручку осажденной крѣпости. Къ тому же, въ 10 числахъ мая отъ ген. Стесселя стали получаться особенно тревожныя телеграммы,—что Портъ-Артуръ доживаетъ уже послѣднія дни, что едва ли ему удастся продержаться еще продолжительное время. Этотъ самый генералъ Стессель, незадолго передъ тѣмъ на парадѣ въ Портъ-Артурѣ въ 1903 году, во время пребыванія тамъ генерала Куропаткина, похвалявшійся, что онъ продержится въ крѣпости хоть годъ „противъ арміи всего міра",—совершенно палъ духомъ, какъ только Артуръ оказался отрѣзаннымъ отъ внѣшняго міра послѣ сраженія подъ Кинчжоу" [2]).

Въ Восточномъ отрядѣ съ тѣхъ поръ, какъ затихли раскаты тюренченской грозы, было все спокойно. По какимъ бы то ни было причинамъ, но противникъ далъ достаточно времени, чтобы опомниться, стряхнуть неблагопріятныя впечатлѣнія перваго столкновенія

„Главныя силы Восточнаго отряда съ 1 по 15 мая не мѣняли своихъ стоянокъ. Въ Ляндясанѣ шло дѣятельное укрѣпленіе позиціи; командующій арміей при осмотрѣ ея 8—9 мая нашелъ, что она „сильна горами болѣе декоративно, чѣмъ дѣйствительно; нѣтъ ближнихъ обстрѣловъ".

---

[1]) М. Грулевъ, стр. 137.
[2]) Тамъ же, стр. 138.

„Попрежнему не удавалось наладить вопросъ о продовольствіи людей и лошадей; фуражъ и скотъ доставались въ окрестностяхъ войсковыхъ стоянокъ съ большимъ трудомъ, ибо населеніе частью разбѣжалось, а оставшееся припрятало припасы; въ интендантскихъ запасахъ ощущался недостатокъ крупы; зелень можно было доставать лишь изрѣдка, печеный хлѣбъ тоже не всегда бывалъ, зачастую приходилось питаться сухарями; недостатокъ походныхъ кухонь, частью утраченныхъ подъ Тюренченомъ, тоже сказывался: варили въ малыхъ котелкахъ, пили сырую воду; отъ походной жизни изнашивалось обмундированіе, особенно сапоги, въ которыхъ былъ положительный недостатокъ; не хватало шинелей, одѣялъ, палатокъ, приходилось спать подъ открытымъ небомъ при проливныхъ дождяхъ. Въ результатѣ санитарное состояніе войскъ замѣтно ухудшилось; появились эпидеміи тифа и желудочныхъ заболѣваній, не принявшія, положимъ, значительныхъ размѣровъ“.

„Общая сумма свѣдѣній о противникѣ за первую половину мая приводила къ заключенію о наибольшемъ вѣроятіи наступленія 1-й японской арміи совмѣстно съ войсками, высадившимися у Дагушаня, въ направленіи Сюянь — Хайченъ. Поэтому 12 мая командующій арміей рѣшилъ продвинуть Восточный отрядъ на переходъ впередъ, усиливъ войска на перевалахъ и придавъ ихъ оборонѣ болѣе серьезный характеръ, дабы угрозою правому флангу противника замедлить его операцію въ направленіи Сюянь—Хайченъ; при этомъ указывалось не принимать рѣшительнаго боя на перевалахъ или впереди ихъ съ превосходнымъ въ силахъ противникомъ, дабы не понести частнаго пораженія, но „весьма желательными и полезными признавались демонстративныя дѣйствія впередъ за перевалъ, если противъ Восточнаго отряда пойдутъ лишь незначительныя силы, быть-можетъ, тоже только съ демонстративными цѣлями“ [1]).

По вопросу о выручкѣ Портъ-Артура шли продолжительныя и совсѣмъ не поучительныя пререканія высшаго начальства арміи. „Въ принципѣ командующій арміей признавалъ необходимость выручки Портъ-Артура, т.-е. главнымъ образомъ флота, но указывалъ, что „именно неоправдавшіяся надежды на содѣйствіе нашего флота ставятъ сухопутную армію въ тяжелое положеніе, ибо она должна съ разныхъ сторонъ ждать нападе-

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. I, стр. 317.

нія, и выиграемъ ли мы, если, двинувшись несвоевременно на выручку Портъ-Артура, разстроимъ послѣ флота и сухопутныя силы, подвергнувъ ихъ пораженію по частямъ?“ [1]). Рѣшающую роль въ этомъ случаѣ, какъ увидимъ, сыграли донесенія Стесселя.

Тѣмъ временемъ назрѣвали событія и въ Восточномъ отрядѣ, о чемъ разсказываетъ А. Свѣчинъ нѣсколько, обогнавшій свой полкъ, двигавшійся изъ Ляояна въ Фынхуанчэнъ.

„Мнѣ передавали“, пишетъ А. Свѣчинъ, „что передъ походомъ генералъ Куропаткинъ устроилъ полку смотръ, пропустилъ его церемоніальнымъ маршемъ по грязи, въ которой стрѣлки вязли по колѣно, остался очень недоволенъ парадомъ и наговорилъ всѣмъ на дорогу кислыхъ вещей“.

„Нижніе чины за походъ съѣли свою неприкосновенную дачу сухарей. Это было вполнѣ нормально, такъ какъ въ теченіе двухъ сутокъ у нихъ не было другихъ источниковъ пропитанія. Но командиру полка, оставившему полкъ на походѣ въ критическую минуту, это совершенно не понравилось. Надо было заботиться о пополненіи запаса сухарей на людяхъ. Командиръ полка созвалъ всѣхъ офицеровъ и съ циничною откровенностью объявилъ, что отрѣшитъ отъ должности тѣхъ ротныхъ командировъ, у которыхъ черезъ недѣлю не будетъ пополненъ своими средствами запасъ сухарей; командиръ полка не находилъ возможнымъ настаивать на отпускѣ сухарей изъ Фынхуанчэнскаго интендантскаго магазина, объ увеличеніи запасовъ котораго командующій арміей усиленно хлопоталъ.“

„Ротные командиры покорно склонили головы и принялись изобрѣтать способъ сушить хлѣбъ въ китайскихъ фанзахъ; нижніе чины, и такъ уже получавшіе уменьшенную дачу хлѣба, были окончательно пущены на подножный кормъ: вся ихъ дача хлѣба забиралась въ сушку на пополненіе неприкосновеннаго запаса сухарей. У кого изъ солдатъ были деньги, тотъ покупалъ хлѣбъ; за фунтъ платили китайцамъ 10—15 копѣекъ. Многіе же начали прибѣгать къ мародерству“ [2]).

Недолго этотъ командиръ прокомандовалъ полкомъ, а все-таки стыдно за нашъ командный составъ, имѣвшій въ своей средѣ подобнаго представителя.

---

1) В.-И. К., т. II, ч. I, стр. 332.
2) А. Свѣчинъ, стр. 17—18.

Нельзя не остановиться на характеристикѣ офицеровъ этого полка, сдѣланной А. Свѣчинымъ. Вотъ откуда слѣдовало бы нашимъ романистамъ черпать матеріалъ для художественно вѣрныхъ картинъ быта нашихъ строевыхъ офицеровъ.

„Познакомился“, пишетъ А. Свѣчинъ, „съ нѣсколькими офицерами полка: нашлись такіе чудные, достойные офицеры, что я задавалъ себѣ вопросъ, какъ они могли выработаться и сохраниться въ безпросвѣтной манчжурской глуши. Штабсъ-капитанъ Сам—ловъ, командиръ 8-й роты, это было само воплощеніе энергіи, инициативы и рѣшительности. Солдаты его боготворили, даже полковые управленцы побаивались и уважали его, такъ какъ всегда самыя тяжелыя задачи сваливались на него, и онъ съ ними всегда удачно справлялся. Во всѣхъ бояхъ онъ являлся примѣромъ полку, надежной опорой боевого порядка. Въ дальнѣйшемъ теченіи кампаніи я имѣлъ удовольствіе драться въ бою рядомъ съ нимъ. „Экая рота, экіе залпы“,—восклицалъ всегда съ завистью и удивленіемъ мой фельдфебель. Во всѣхъ бояхъ на опаснѣйшій пунктъ посылали Сам—лова, и онъ, что-то бормоча, что слѣдовало бы пожалѣть его людей и соблюдать въ полку какую-нибудь очередь, всегда работалъ по совѣсти, на чистоту. Въ промежутки между боями, благодаря его предпріимчивости и энергіи, нашъ батальонъ былъ всегда накормленъ; благодаря работѣ батальоннаго командира, уже мною упомянутаго подполковника Гер—цкаго и штабсъ-капитана Сам—лова, нашъ батальонъ стяжалъ себѣ почетную репутацію въ Восточномъ отрядѣ“.

„Другой офицеръ, З—вичъ, отъ котораго я впослѣдствіи принялъ роту, производилъ чрезвычайно выгодное впечатлѣніе: хитрый, тонкій, но крайне честный, порядочный и храбрый хохолъ. Это была другая опора полка. Прочіе офицеры были поблѣднѣе. Была молодежь—лихая и пылкая, но были и подпоручики и капитаны съ совершенно разстроенными нервами, не выносившіе ничего рѣзкаго, истинные неудачники и страдальцы на войнѣ, безъ надежды на лавры ни для себя, ни для отечества“.

„Нѣтъ ничего удивительнаго, если среди офицеровъ нашей арміи оказываются люди, не выносящіе ни жизни на свѣжемъ воздухѣ, ни боевыхъ впечатлѣній: самъ собой подборъ офицеровъ не дѣлается, и если въ мирное время поощряются негодные для военнаго времени люди, то къ началу войны они въ арміи будутъ занимать отвѣтственные посты“.

„Весьма оригинальнымъ типомъ являлся командиръ нашей 12-й роты, только что прибывшій изъ Москвы. Это былъ еще бодрый старикъ К—кій; у него всегда выходили со всѣми непріятности, вслѣдствіе наклонности его къ критикѣ и воркотнѣ; его младшіе офицеры, изрядные лодыри, всегда выглядывали мучениками; командиръ полка и завѣдующій хозяйствомъ всегда встрѣчали съ его стороны ожесточенную оппозицію, на строгомъ основаніи закона. Шея его ни передъ кѣмъ не гнулась, не согнулась она и передъ японцами: если ему въ мирное время нужно было два раза повторить приказаніе, чтобы онъ его исполнилъ, то оказалось, что въ бою ему надо было три раза подтверждать приказаніе отступать—японцы его охватываютъ, а онъ все проситъ повторить приказаніе, чтобы не вышла ошибка, чтобы не очистить преждевременно позицію. Послѣ перваго же боя отношеніе къ нему круто измѣнилось—онъ сразу завоевалъ себѣ общее уваженіе“ [1]).

„Всякаго прибывающаго офицера постарше чиномъ встрѣчали не особенно радостно, и отъ него требовалось много такта и энергіи, чтобъ найти себѣ уголокъ для работы. Послѣдніе дни передъ столкновеніемъ съ японцами офицерское общество не было тѣсно сплочено; все бродило; броженію способствовала нетактичность командира полка и его присныхъ“.

„За мое отсутствіе, къ полку присоединился 3-й его батальонъ, сформированный въ Московскомъ военномъ округѣ гренадерами. Командиръ полка немедленно обидѣлъ гренадерскій батальонъ; онъ счелъ его недостаточно боевой частью для самостоятельнаго существованія; гренадерскія роты были перемѣшаны съ коренными стрѣлковыми. Въ полку установилось нѣсколько снисходительное отношеніе къ гренадерамъ и ихъ офицерамъ. Это было совершенно незаслуженно въ особенности по отношенію къ блестящему офицерскому составу. Черезъ два мѣсяца, когда командиръ полка былъ отставленъ отъ командованія, его распоряженія были отмѣнены, и бывшія гренадерскія роты вновь собрались въ третій батальонъ, гдѣ и дѣйствовали съ отличіемъ“.

„Что касается до солдатъ, то, въ общемъ, они производили хорошее впечатлѣніе. Несомнѣнно, подъемъ духа у всѣхъ былъ значительный—никто не сомнѣвался въ побѣдѣ надъ японцами, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали боя. Но были нѣкоторыя „но“.

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 19—21.

„Во-первыхъ, непосредственно передъ объявленіемъ войны старшіе сроки службы были уволены въ запасъ. Затѣмъ взяли кадры для формированія 9-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи—одну роту большого состава, что сильно отозвалось на восьмиротномъ полку. Затѣмъ, во время мобилизаціи сформировали конно-охотничью команду по составу эскадрона изъ 144-хъ стрѣлковъ—изъ каждой роты взяли по 18-ти лучшихъ людей. Завѣдующій хозяйствомъ удержалъ для обоза нѣсколько десятковъ расторопныхъ стрѣлковъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій оказалось, что въ ротѣ, имѣвшей въ мирное время почти 200 человѣкъ, ко времени выступленія въ походъ осталось только по 40 старослужащихъ“.

„Во время самой мобилизаціи прибыли новобранцы, человѣкъ по 50 на роту. Нѣкоторыя партіи приходили наканунѣ посадки полка въ вагоны. Ихъ едва успѣли обмундировать. Ни одного учебнаго выстрѣла они не сдѣлали; отдѣленные начальники въ вагонѣ показали имъ правила заряжанія винтовки—въ этомъ заключалась вся ихъ солдатская наука. Первые выстрѣлы имъ пришлось сдѣлать по японцамъ въ тяжеломъ Тюренченскомъ бою“.

„До боевого состава роты были укомплектованы запасными. Среди запасныхъ было много людей въ возрастѣ, за 35 лѣтъ, съ трудомъ уже переносившихъ тяжести похода; особенно трудно имъ приходилось при движеніяхъ въ жару. Съ нихъ нельзя было много спрашивать. Были и такіе запасные, которые проходили службу съ берданкой, а трехлинейную винтовку увидѣли лишь при мобилизаціи“ [1]).

Въ видахъ полноты характеристики боевой работы нашихъ войскъ, я позволю себѣ нѣсколько вернуться назадъ и обратить вниманіе читателя на разсказъ А. Свѣчина о дѣйствіяхъ охотниковъ на р. Ялу.

„Свѣтало. Густая японская цѣпь была разсыпана въ 800 шагахъ отъ окопа. За цѣпью близко виднѣлись сомкнутыя части; боевой порядокъ японцевъ былъ построенъ еще по-ночному. Въ первой линіи было около шести ротъ. Эта масса вдругъ поднялась и съ громкими криками „банзай“ бросилась на нашихъ охотниковъ“.

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 21—23.

„Въ одинъ мигъ всѣмъ стала ясна тщетность попытки удержать островъ. Безъ приказанія всѣ бросились въ шаланду и отчалили отъ острова. Во время переѣзда черезъ Ялу удалось установить порядокъ и быстро причалить къ нашему берегу. Въ распоряженіи нашихъ охотниковъ оставалось еще нѣсколько мгновеній, чтобъ ускакать изъ ловушки, образованной узкой прибрежной дорогой. Но подпоручикъ С. рѣшился обороняться здѣсь, выждать подхода подкрѣпленій, чтобъ воспрепятствовать японцамъ перейти Ялу. Онъ поручилъ одному охотнику скакать въ штабъ за подмогой, просить эскадронъ, батальонъ, пушки. Какъ только наши охотники успѣли устроиться въ цѣпи, японцы заняли противоположный берегъ русла, въ трехстахъ шагахъ; въ утренней мглѣ завязался стрѣлковый бой. Японцы замѣтили движеніе въ отдѣльномъ дворѣ и открыли по нему огонь. Въ нѣсколько минутъ были перестрѣляны находившіяся тамъ 60 лошадей. Спасшіеся коноводы передавали, что зрѣлище было ужасное. Лошади получали по 4, 5 и болѣе пуль каждая и страшно бились. Спасся только конь, на которомъ ускакалъ охотникъ за подмогой“.

„Наши охотники вначалѣ вели огонь довольно удачно, сосредоточивая его по сомкнутымъ поддержкамъ и группѣ начальствующихъ лицъ. Они видѣли 6 бѣлыхъ флаговъ; восходящаго солнца на японскихъ флагахъ охотники не разобрали; нѣкоторые стрѣлки потомъ утверждали, что японцы бѣлыми флагами просили „замиренія“, да ничего не вышло. Черезъ 10—15 минутъ японскіе стрѣлки, болѣе многочисленные, начали добиваться превосходства въ огнѣ. Пришлось думать объ отступленіи, но это было не такъ легко. Сзади была отвѣсная скала; надо было перебѣжать нѣсколько десятковъ шаговъ вдоль рѣки подъ огнемъ японцевъ. Мы потеряли почти половину охотниковъ. Начальникъ ихъ, храбрый С., отбѣгавшій послѣднимъ, былъ убитъ. Тѣло его не удалось вынести; это вызвало бы только лишнія жертвы. Оно осталось на берегу. Одинъ стрѣлокъ, рискуя жизнью, снялъ съ него кобуру съ револьверомъ; бумажника съ большими казенными деньгами не догадались захватить. Печальные остатки команды отступили горами“ [1]).

„Это было первое столкновеніе на сухомъ пути, бывшее для насъ серьезнымъ вопросительнымъ знакомъ. Наши развѣ-

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 44—45.

дочныя и охраняющія части, дѣйствовавшія ранѣе съ большимъ презрѣніемъ къ противнику, послѣ этого неудачнаго дѣла начали уклоняться отъ встрѣчи съ японцами. Чѣмъ ближе надвигался врагъ, тѣмъ болѣе мы отодвигались отъ него; незначительная катастрофа съ охотниками N-го полка, раздутая сплетнями досужихъ людей, являлась предтечей Тюренченскаго боя. Въ тылу говорили, что охотники N-го полка проспали, прозѣвали, надъ вернувшимися изъ боя людьми чуть ли не смѣялись. Сплетни дошли до командующаго арміей; онъ приказалъ произвести дознаніе объ этомъ боевомъ дѣлѣ, первое дознаніе изъ ряда многихъ, назначавшихся въ нашу тяжелую кампанію. Въ ту минуту, когда наши войска готовились къ отчаянному бою съ противникомъ, производимое среди нихъ дознаніе, конечно, не способствовало сплоченности и подъему духа. Полицейское воздѣйствіе губительно въ минуту, когда возбужденный духъ человѣка останавливается на важнѣйшихъ вопросахъ, когда люди какъ бы исповѣдываются передъ самими собой. Да и что могло выяснить дознаніе? Единственный отвѣтчикъ въ этомъ дѣлѣ,— подпоручикъ С. покончилъ уже всѣ земные счеты и былъ внѣ черты досягаемости всякихъ взысканій. У насъ не оставалось даже его трупа, и намъ не приходилось даже рѣшать вопроса о болѣе или менѣе почетномъ его погребеніи. Дознаніе, конечно, ничего не выяснило—болѣе важныя событія надвигались полнымъ ходомъ. Командиръ батареи, подполковникъ П., производившій дознаніе, въ Тюренченскомъ бою самъ потерялъ свои орудія; онъ самъ превратился изъ слѣдователя въ подсудимаго— назначено было уже новое дознаніе для разбора его дѣйствій“ [1]).

А вотъ и талантливая оцѣнка нашего управленія боемъ подъ Тюренченомъ.

„Навстрѣчу надвигавшемуся обходу нашего лѣваго фланга,“ говоритъ А Свѣчинъ, навстрѣчу двумъ японскимъ дивизіямъ выдвигали одинъ баталіонъ съ двумя орудіями—обычный пріемъ пѣнкоснимательства. При отсутствіи широкихъ взглядовъ на явленія боя не ставятъ себѣ серьезныхъ цѣлей; стремятся достигнуть хоть мелочного результата. Но не такимъ пріемомъ завоевываютъ себѣ успѣхъ люди. Мелочность въ постановкѣ цѣлей—это не блестящее свойство для вождя; часто оно ведетъ къ невозможнымъ положеніямъ, всегда—къ неудачамъ“.

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 45—47.

„Съ вершины Телеграфной горы у Тюренчена я наблюдалъ это наступленіе. Пѣхота энергично подвигалась впередъ. Японцы близъ Эйхо не держали большихъ частей, вѣроятно, не желая приковывать наше вниманіе къ мѣсту будущей атаки. Намъ оказывала сопротивленіе только одна японская рота. Она была сбита со скалистыхъ сопокъ Хуссана почти исключительно шрапнельнымъ огнемъ батареи подполковника Покотилло отъ Потетынзы. Подполковникъ Покотилло очень искусно руководилъ огнемъ своихъ шести орудій. Онъ былъ въ то время нарѣдкость искусный батарейный командиръ, успѣвшій уже изучить свойства скорострѣльныхъ пушекъ“.

„Наступленіе пѣхоты прикрывалось и двумя конно-охотничьими командами. Охотники выскочили передъ нашей цѣпью, спѣшились и открыли огонь по японцамъ. Переѣздъ конныхъ охотниковъ впередъ на большомъ аллюрѣ для прикрытія наступленія пѣхоты былъ очень эффектенъ; но этотъ пріемъ можетъ практиковаться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ серьезнаго врага“ [1]).

„Насъ призываютъ говоритъ Свѣчинъ, изучать войну, анализировать свои пораженія, чтобы извлечь изъ нихъ себѣ уроки: надо же намъ воскресить въ XX-мъ столѣтіи суворовскую науку побѣждать. Но причины неудачъ никогда не будутъ нами обнаружены, если мы будемъ закрывать глаза на тяжелыя зрѣлища, умалчивать, забывать о нихъ. Можно ли щуриться во время анализа? Не такъ легко, какъ кажется, учиться на собственныхъ неудачахъ, и не всѣ къ этому способны. Исторія пораженій даже поучительнѣе исторіи побѣдъ, но нужно имѣть мужество глядѣть въ лицо печальной дѣйствительности“ [2]).

Послѣдуемъ этому мудрому совѣту и прослѣдимъ за боевой работой арміи во всѣхъ ея подробностяхъ. Вотъ, не успѣли участники Тюренченскаго боя опомниться, устроиться, какъ „20-го апрѣля утромъ въ штабъ явился офицеръ изъ числа окончившихъ инженерную академію и отрапортовалъ: по приказанію командующаго арміей, наряженъ строить намъ редуты“.

„Стрѣлки еще не отошли отъ впечатлѣній и усталости 50-тиверстнаго отступательнаго марша; работы было вдоволь и по устройству стрѣлковыхъ окоповъ. Въ распоряженіе прибывшаго

---

[1]) Свѣчинъ, стр. 80—82

[2]) Тамъ же, стр. 89.

офицера была дана небольшая команда для трассированія тыловыхъ позицій. Сомкнутые опорные пункты только намѣчались; на тыловыхъ позиціяхъ возводили лишь небольшіе участки колѣнныхъ окоповъ, которые при отступленіи все-таки представили бы зацѣпку и составили бы остовъ арьергардныхъ позицій. Дѣлали, что могли; больше не было ни силъ, ни средствъ, ни времени. Но явилась возможность донести командующему арміей, что приступлено къ устройству трехъ или четырехъ редутовъ. Ненормальныя отношенія къ командующему арміей уже устанавливались".

„Въ отвѣтъ на стѣснительныя попытки центра руководить издали, по телеграфу, на мѣстѣ изворачивались по-своему; исполненіе получало формальный характеръ, сущность распоряженій упускалась; внѣшность—безъ жизни, безъ смысла—вотъ все, къ чему приводили неудачныя попытки руководить мелочами издали" [1]).

„Вскорѣ къ намъ прибылъ и самъ Мищенко со своей казачьей бригадой. Въ арьергардѣ, при общей моральной подавленности, прибытіе отряда уважаемаго генерала было встрѣчено, какъ свѣтлый праздникъ. Всѣ кричали „ура" и чуть ли не цѣловались другъ съ другомъ. Сразу моральное настроеніе измѣнилось. Общій подъемъ духа захватилъ и меня, и я съ особымъ удовольствіемъ слушалъ спокойную рѣчь дѣльнаго генерала. Репутація его и тогда стояла очень высоко среди В.-С. стрѣлковъ. Я видѣлъ теперь собственными глазами, какъ иногда важно подсыпать чего-нибудь свѣжаго и крѣпкаго духомъ къ людямъ, уже морально истощеннымъ и колеблющимся. Какъ опасно убирать что-нибудь изъ боевой части—въ этомъ я убѣдился впослѣдствіи, въ бою подъ Тхавуаномъ" [2]).

„Расположеніе нашихъ войскъ на Феншуйлинскомъ хребтѣ объяснялось только умышленнымъ самообманомъ, умышленнымъ предвзятымъ взглядомъ на хребетъ высотою въ 2.000 фут., какъ на непроходимое препятствіе. Вслѣдствіе общей фальшивой идеи расположенія войскъ, въ принятомъ каждой частью положеніи для боя должны были заключаться недоразумѣнія. На ложномъ основаніи зиждилось и укрѣпленіе горныхъ проходовъ. Работа нашихъ саперовъ, весьма почтенная въ деталяхъ, по сути своей

---

1) А. Свѣчинъ, стр. 110.
2) Тамъ же стр., 111—112.

никуда не годилась. Все вниманіе обращалось на то, чтобы обстрѣлять перекрестнымъ огнемъ колесную дорогу, шедшую на перевалъ,—будто противникъ угрожалъ намъ атакой на автомобиляхъ, или будто онъ собирался повторить атаку Наполеоновской конницы подъ Соммо-Сіера. Фланги расположенія нашихъ отдѣльныхъ отрядовъ заранѣе предлагались на съѣденіе противнику. Тяжелые вопросы, которые ставила обстановка, не разрѣшались, а откладывались въ дальній уголъ. Употреблялся методъ, обычный для тѣхъ случаевъ, когда явная несообразность логически угрожаетъ всему выработанному плану дѣйствій—хватались за якорь спасенія—за охотничьи команды. Ихъ активнымъ дѣйствіямъ поручались задачи, не разрѣшимыя попеченіемъ строевыхъ начальниковъ. Въ общемъ, наше расположеніе въ горныхъ проходахъ никуда не годилось“.

„Повидимому, генералъ Куропаткинъ сознавалъ это и не обманывалъ себя призрачной надеждой на силу горныхъ позицій. Тюренченскій урокъ пока еще хорошо держался въ памяти. Поэтому командующій арміей рѣшилъ, въ случаѣ серьезнаго наступленія японцевъ, не рисковать новой неудачей въ арьергардныхъ бояхъ на Феншуйлинѣ [1]).

„Развѣдка велась, однако, не добровольцами, да и не кавалеріей—по преимуществу работали охотничьи команды, и работали въ этотъ первый періодъ войны добросовѣстно. Въ общемъ, развѣдка велась крайне неумѣло. Особенно неопытны и неумѣлы были не младшіе начальники—исполнители, а высшіе, руководившіе развѣдкой. Крайне робкое въ серьезныхъ дѣйствіяхъ, наше управленіе въ организаціи развѣдки отличалось и большой смѣлостью, и непрактичностью. Развѣдочныя команды получали странныя задачи. Обслѣдованіемъ фронта противника не довольствовались; стремились войсковыми частями обслѣдовать тылъ противника, расположеніе его главныхъ силъ, открыть „планы и намѣренія врага“. Какъ сквозь сито, гнали черезъ непріятельскіе аванпосты наши охотничьи команды. Изъ полковъ выбирались лучшіе нижніе чины, лучшіе офицеры; имъ давались самыя туманныя инструкціи; собранныя команды угонялись за 100 верстъ на гибель, тѣмъ болѣе вѣрную, чѣмъ отважнѣе были офицеры. Сотни пропавшихъ безъ вѣсти оплачивали совершенно нестоящее свѣдѣніе, принесенное однимъ удачникомъ. Въ іюнѣ

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 122—123.

мѣсяцѣ 1904 года это преступное уничтоженіе лучшихъ силъ Восточнаго отряда достигло самаго большаго напряженія; топтались на мѣстѣ и выщипывали изъ отряда все наиболѣе достойное. Примѣрно около 8-го іюня была выслана масса командъ охотниковъ: отъ одного 24-го В.-С. стр. полка три команды—сотня нижнихъ чиновъ, 3 офицера. Отъ всего Восточнаго отряда было выслано свыше 10-ти командъ; никто не возвратился. Въ безрезультатныхъ охотничьихъ предпріятіяхъ было загублено не менѣе 15% офицеровъ отряда и 10% солдатъ.

Одинъ офицеръ, высланный съ охотниками 14 іюня, вернулся въ единственномъ числѣ 21-го іюня. Разсказъ его можетъ дать представленіе о томъ, какъ гибли и другія команды. Онъ набрелъ на японскую заставу, оставилъ половину охотниковъ противъ нея, а съ другой половиной отправился въ обходъ, чтобъ снять заставу ударомъ съ тыла. Японцы обнаружили его и погнали; онъ скрылся въ горахъ; плана не было, пришлось оріентироваться по солнцу. Онъ пробовалъ вернуться, но всѣ тропинки были заняты японскими постами и заставами. Удалось перерѣзать одинъ заспавшійся постъ. Люди истомились, оборвались; спали въ лѣсу. Ѣсть нигдѣ не удавалось—куда они ни показывались, сейчасъ же китайцы давали знать японцамъ и приходилось бѣжать. Такъ онъ бродилъ 7 дней среди расположенія гвардейской и второй японской дивизій. Его команда все таяла; за 7 дней удалось только одинъ разъ ворваться въ домъ, гдѣ обѣдали китайцы, и экспропріировать ихъ обѣдъ. Нѣкоторые умирали съ голоду, другіе стрѣлялись, третьи умышленно отставали, чтобы на свой рискъ искать дорогу къ нашимъ войскамъ или же сдаться на японскіе посты. Всѣ 15 охотниковъ погибли безъ вѣсти. 21-го іюня начальнику команды въ единственномъ числѣ удалось прорваться черезъ японскіе посты и выйти къ намъ. Онъ воспользовался тѣмъ, что вниманіе японцевъ было отвлечено боемъ. Видъ поручика К. былъ ужасенъ. Босой, хромой, почти голый, съ однимъ револьверомъ, исхудавшій и почти сумасшедшій, онъ единственный вернувшійся назадъ изъ полусотни погибшихъ на томъ же дѣлѣ офицеровъ,—не могъ сказать объ японцахъ ничего цѣннаго“.

„Въ этихъ развѣдочныхъ дѣлахъ мы теряли не только лучшихъ людей Восточнаго отряда,—мы теряли вѣру въ себя, мы постепенно пріучали всѣхъ къ неудачамъ, постепенно разучивались одерживать побѣды“.

„На вопросъ, могутъ ли боевыя дѣйствія разучить драться можно смѣло отвѣтить, что могутъ. Если каждый бой оканчивается неудачей, то постепенно теряется способность къ совмѣстной работѣ, которая въ военномъ дѣлѣ представляетъ такую цѣнность, теряется „сердце". Съ этимъ явленіемъ знакомъ каждый, кто принималъ участіе въ скачкахъ: ѣздокъ прекрасно беретъ барьеры, но одно неудачное паденіе—и сердце теряется, всадникъ передъ каждымъ барьеромъ или падаетъ или лошадь подъ нимъ закидывается; точно такъ же человѣкъ прекрасно прыгаетъ черезъ гимнастическій снарядъ, называемый кобылой, но одинъ разъ неудачно стукнется—и съ большимъ трудомъ начинаетъ вскакивать только на начало ея. Побѣда необходима войскамъ, необходима полководцамъ; на неудачахъ можно воспитывать только неудачниковъ. Всѣ великіе полководцы воспитывались на побѣдахъ; побѣда необходима арміи, какъ воздухъ. Иначе теряется смѣлость и рука, наносящая ударъ, сама задерживаетъ его въ послѣднее мгновеніе. Нужна полная стратегическая бездарность, чтобы изъ ряда пораженій и отступленій комбинировать стратегическіе планы" [1]).

Недурно запомнить небольшую замѣтку, хотя и частнаго характера, но имѣющую непосредственное вліяніе на боевую годность пѣхоты.

„Въ горахъ", говоритъ А. Свѣчинъ, „казенные сапоги, поступавшіе въ носку нечернеными, разваливались черезъ 12 часовъ; я не вѣрилъ своимъ нижнимъ чинамъ, что новый сапогъ, повидимому, безъ картонной подошвы, черезъ нѣсколько часовъ обращается въ негодное отребье; мнѣ пришлось самому вечеромъ 3-го іюля одѣть новые интендантскіе сапоги, такъ какъ мои собственные, державшіеся 3 мѣсяца, вышли въ бракъ. Утромъ 4-го іюля, я потерялъ одну подошву, а вечеромъ того же 4-го іюля отступалъ съ ротой босикомъ. Фактъ, испытанный мною на себѣ. Лицамъ, причастнымъ къ казенному сапогу, совѣтую лично продѣлать на кручахъ и бродахъ этотъ поучительный опытъ" [2]).

„Было получено фальшивое извѣстіе, что городъ Саймацзы занятъ сильнымъ японскимъ отрядомъ. Наши разъѣзды будто бы видѣли японцевъ. Графъ Келлеръ подтянулъ части Восточнаго отряда и бросился на Саймацзы. Приходилось исполнить флан-

[1]) Свѣчинъ, стр. 127—130.
[2]) Тамъ же, стр. 138.

говый маршъ передъ японскимъ расположеніемъ. Если бы отрядъ былъ атакованъ на походѣ, онъ попалъ бы въ критическое положеніе, такъ какъ пришлось бы уходить безъ дорогъ“ [1]).

„Г.-л. гр. Келлеръ строилъ успѣхъ своего плана на возможно быстромъ движеніи къ Саймацзы, дабы неожиданно вечеромъ 19-го мая опрокинуть предполагаемый авангардъ противника, а съ разсвѣтомъ 20-го мая продолжать наступленіе; съ этой цѣлью обозъ былъ сокращенъ до минимума; всѣ двуколки запряжены парой, въ батареяхъ только по 8 ящиковъ, запасъ продовольствія на 4 дня, патроновъ по 180 на винтовку; изъ медицинскихъ учрежденій лишь дивизіонный лазаретъ 3-й В.-С. стр. дивизіи; гурты скота гнались за колонной войскъ“.

„Въ цѣляхъ ускоренія марша авангардъ долженъ былъ выступить въ $4^1/_2$ утра, но за позднимъ прибытіемъ 10-го В.-С. стр. полка начало движенія пришлось отложить до 7 ч. утра; предстояло пройти около 42 вер. по малознакомой дорогѣ; весь день временами шелъ дождь; пришлось преодолѣть два плохо разработанныхъ перевала и 16 разъ переправляться черезъ глубокіе каменистые броды горныхъ рѣчекъ; незнакомство съ мѣстностью сказалось на первыхъ же шагахъ; согласно диспозиціи Восточному отряду № 58, по батальону 11-го и 22-го В.-С. стр. полковъ назначались заслонами въ долины р.р. Бадоохэ и Цаохэ; за отсутствіемъ карты этого района, батальонъ 11-го В.-С. стр. полка выдвинулся въ какую-то другую долину, выходившую къ Цаохечэну, а въ долину Бадаохэ пришлось послать 2 роты 12-го В.-С. стр. полка“ [2]).

„Г.-л. гр. Келлеръ хотѣлъ непремѣнно 19 мая довести отрядъ до Саймацзы, но это не удалось; только два батальона авангарда, сдѣлавъ въ теченіе сутокъ до 65 вер. (отъ Ланьсаньгуаня), около полуночи, не доходя 2 вер. до Саймацзы, отъ усталости буквально полегли на камняхъ долины р. Бадаохэ; главныя силы, сильно растянувшіяся, съ большимъ числомъ отсталыхъ, около 9 ч. вечера, не доходя 10 вер. до Саймацзы, стали на ночлегъ подъ дождемъ, не разбивая палатокъ.

„Въ тотъ же день изъ Гуанди выступилъ съ восемью сотнями 2-го Нерчинскаго и 2-го Аргунскаго каз. полковъ г.-м. Любавинъ, прибывшій въ Саймацзы около 4 ч. дня 19 мая; на этотъ

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 149.
[2]) В.-И. К., т. II, ч. I, стр. 390.

разъ движеніе совершалось осторожно; „наученный горькимъ опытомъ, отрядъ посылалъ на высокія сопки пѣшіе дозоры и, только получивъ извѣщеніе, что путь свободенъ, продолжалъ движеніе“ [1]).

Въ походѣ на Саймацзы полкъ, въ которомъ А. Свѣчинъ командовалъ ротой, былъ выдѣленъ въ боковой отрядъ; „мы заняли“, разсказываетъ А. Свѣчинъ, „позиціи на дорогахъ къ Фынхуанчэну. Главныя силы отряда, возвращаясь изъ неудачной экспедиціи, принесли намъ подробности о службѣ развѣдки и связи; передовыя части Восточнаго отряда заняли уже Саймацзы, и въ Саймацзахъ же графъ Келлеръ получаетъ отъ конницы генерала Ренненкампфа извѣстіе, что этотъ городъ занятъ японскимъ отрядомъ чуть-ли не съ сорока орудіями. Вѣроятно, начальники разъѣздовъ перепутали слухи, собранные отъ китайцевъ, съ видѣннымъ ими лично, и ввели въ заблужденіе своихъ начальниковъ. На этотъ разъ Восточный отрядъ отдѣлался нѣсколькими усиленными переѣздами по сильной жарѣ; возвращаясь назадъ, всѣ бранились и острили по адресу неудачныхъ развѣдчиковъ. Но комедія легко могла бы обратиться въ ужасную трагедію, если-бъ наше ошибочное движеніе совпало съ развитіемъ активныхъ дѣйствій арміи Куроки“.

„N-ый полкъ по возвращеніи изъ экспедиціи былъ направленъ на Модулинскій перевалъ. Несмотря на то, что лѣто только начиналось, жара была страшная. За всю войну я не помню болѣе ужаснаго перехода. Предстояло пройти 20 верстъ по узкимъ горнымъ долинамъ. Было душно, солнце жгло; не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія. Въ колоннѣ поднималась страшная пыль; дышать было тяжело. Небольшой переходъ обращался въ форсированный маршъ. Хорошо еще, что дорога все время шла вдоль горныхъ ручьевъ, и на каждомъ привалѣ можно было вволю напиться воды. Чтобы облегчить движеніе, командиръ полка приказалъ взять между отдѣленіями двойную дистанцію; взводъ отъ взвода шелъ на разстояніи 20-ти шаговъ; несмотря на это, колонна плохо провѣтривалась. Привалы приходилось дѣлать черезъ каждые полчаса. Почти всѣ офицеры полка пѣшкомъ—хорошій примѣръ, сильно подбадриваетъ солдата. Многіе стрѣлки, преимущественно изъ пожилыхъ запасныхъ, изнемогали,—ихъ снаряженіе складывалось на офицерскихъ лошадей;

---

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 392.

только налегкѣ они могли поспѣвать за ротой. Отсталыхъ почти не было“ [1]).

„Утромъ 20 мая колонна г.-л. гр. Келлера выступила отъ Саймацзы, ночь на 31 мая провела у Цаохечэна, а 21 мая войска разошлись по своимъ бивакамъ за переваломъ Фенсяолинъ“.

„Такъ закончилась 1-я экспедиція на Саймацзы. Какъ видно было, донесеніе полк. Карцева о нахожденіи въ Саймацзы бригады японской пѣхоты явилось причиной зарожденія одновременно и у командующаго арміей и у г.-л. гр. Келлера мысли о возможности нанести противнику короткимъ ударомъ отдѣльное пораженіе“.

„Тяжелый маршъ при нѣкоторыхъ его шероховатостяхъ (запаздыванія, задержка артиллеріи на перевалахъ, дождь и пр.) выйска вынесли хорошо: „Надежда на бой наэлектризовала людей“, писалъ г.-л. гр. Келлеръ,—„приказъ же возвращаться и сознаніе безполезно совершеннаго тяжелаго марша, закончившагося отходомъ, если не отступленіемъ передъ невидимымъ, а можетъ-быть—несуществующимъ противникомъ,—подѣйствовали на всѣхъ удручающе; это такъ чувствовалось, что я на обратномъ походѣ счелъ долгомъ сугубо подбадривать войска. Что касается вліянія этого утомительнаго и связаннаго съ 32-кратнымъ переходомъ черезъ броды движенія на здоровье войскъ, то оно было скорѣе благодѣтельно, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ паръ довольно сильно потертыхъ ногъ въ каждомъ полку, другихъ болѣзненныхъ явленій не было“.

„Безполезный походъ на Саймацзы, однако, повлекъ за собой нѣкоторые практическіе результаты: во-первыхъ, онъ показалъ, насколько трудно движеніе въ горахъ даже сравнительно небольшого отряда и притомъ съ минимальнымъ обозомъ, и насколько мы къ подобнымъ операціямъ еще не были готовы; во-вторыхъ, во всей очевидности всплыла полная несостоятельность нашихъ развѣдокъ“ [2]).

„Свои впечатлѣнія о неудовлетворительности состоянія у насъ развѣдочнаго дѣла г.-л. гр. Келлеръ въ письмѣ командующему арміей 22 мая излагалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Думается мнѣ, что настоящая, исключительно пассивная, оборона, порученная Восточному отряду переваловъ и позицій,

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 150—151,

[2]) В.-И. К., т. II, ч. I, стр 323.

если будетъ продолжаться въ томъ же духѣ, нехорошо отразится на бодрости и моральномъ состояніи войскъ. Къ тому же такая система лишаетъ штабъ арміи точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній о творящемся впереди нашего фронта. Развѣдка одною конницею положительно не даетъ осязательныхъ результатовъ и ясной картины. Она въ лучшемъ случаѣ ограничивается опредѣленіемъ частицъ непріятеля, выставленныхъ завѣсою; за эту завѣсу она не проникаетъ; во многихъ же случаяхъ донесенія ея основаны исключительно на слухахъ, циркулирующихъ въ мѣстномъ населеніи, пущенныхъ, можетъ-быть, тѣми же японцами, которые такимъ образомъ насъ морочатъ и, выдвинувъ незначительные заслоны по всему нашему восточному фронту, преспокойно сосредоточиваются и подготавливаются для дѣйствій въ другомъ направленіи. Отказавшись отъ всякой иниціативы на всей нашей восточной линіи, мы тѣмъ самымъ вполнѣ подчиняемся иниціативѣ японцевъ".

„Мы ихъ всюду боимся, они намъ мерещатся вездѣсущими, мы должны на всемъ протяженіи нашего расположенія принимать экстраординарныя мѣры предосторожности и охраненія, изнуряющія наши войска; японцевъ же мы не тревожимъ и не заставляемъ разбрасывать своего вниманія и отвлекаться этимъ отъ ихъ главныхъ цѣлей.

„Эти и нѣкоторыя другія соображенія, какъ то: забота о физическомъ и нравственномъ здоровьѣ солдатъ и офицеровъ, объ ихъ постепенномъ обстрѣливаніи и развитіи въ нихъ духа предпріимчивости и удали, о подготовленіи для будущихъ войнъ опытныхъ и бывалыхъ начальниковъ; важность ознакомленія съ впереди лежащей и окружающей мѣстностью, наконецъ, желаніе доставлять Вашему Высокопревосходительству болѣе вѣрныя данныя о противникѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе безпокоить японцевъ по всему фронту,—приводятъ меня къ убѣжденію, что мы могли бы достигнуть всѣхъ этихъ результатовъ веденіемъ нѣкоторымъ образомъ малой войны впереди нашихъ позицій отдѣльными развѣдочными партизанскими отрядами" [1]).

Между тѣмъ, на южномъ фронтѣ назрѣвалъ Вафангоускій бой, явившійся, какъ извѣстно, результатомъ движенія, предпринятаго для освобожденія Портъ-Артура.

---

[1]) Раб. В.-Ист. Ком., т. II, ч. I. стр. 394.

„По полученіи первыхъ денесеній г.-л. Симонова о наступленіи японцевъ г.-л. бар. Штакельбергъ около 12 ч. дня по телеграфу изъ Кайчжоу приказалъ 1-му Сиб. арм. корпусу занять позиціи у Вафангоу“ [1]).

„Въ теченіе 31 мая наступленіе 3-й и 5-й японскихъ дивизій производилось настолько открыто, что не было особеннаго труда достаточно вѣрно опредѣлить численность противника въ раіонѣ къ востоку отъ жел. дороги, тѣмъ болѣе, что и мѣстныя условія представлялись весьма удобными для наблюденія; передъ заставами ясно было видно движеніе японскихъ колоннъ въ раіонѣ между ж.-д. линіей и р. Тасахэ къ Вафандяну и остановка ихъ на биваки въ раіонѣ Шаньцзуй—Вафанъ“.

„Не такой опредѣленностью отличались свѣдѣнія о противникѣ на нашемъ правомъ флангѣ; оттуда поступило, въ сущности только одно достовѣрное, ясное и полное утреннее донесеніе пор. Экгарда о движеніи по Фучжоуской дорогѣ на сѣверъ колонны силою въ 6 бат. съ конницей и артиллеріей; послѣдующія донесенія указывали лишь на появленіе разъѣздовъ и небольшихъ охранительныхъ отрядовъ въ 1—2 роты съ конницей; въ сущности, слѣдъ колонны, о которой доносилъ пор. Экгардъ и которая, согласно описанію Англ. Ген. Штаба, несомнѣнно, являлась 4-й японской дивизіей, въ теченіе 31 мая былъ утерянъ“ [2]).

А между тѣмъ свѣдѣнія, „добытыя въ теченіе 31 мая нашей конницей, послужили основой для дальнѣйшихъ распоряженій ген.-л. бар. Штакельберга, отдавшаго вечеромъ 31 мая, въ предположеніи о наступленіи съ юга 2 японскихъ дивизій, приказъ о распредѣленіи и задачахъ 1-го Сиб. корпуса на позиціи къ сѣверу отъ д. Юдзятунь“ [3]).

„Изъ всѣхъ полученныхъ донесеній явствуетъ, что и утромъ 1 іюня отряду войск. старш. Калачева не удалось раскрыть 4-й японской дивизіи, которая еще на разсвѣтѣ тронулась изъ Тензятуня по Фучжоуской дорогѣ; вниманіе наблюдателей этого отряда было отвлечено на юго-вост., гдѣ по обѣ стороны жел. дороги съ ранняго утра началось наступленіе къ Вафандяну 5-й японской дивизіи“ [4]).

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 9.
[2]) Тамъ же, т. II, ч. 2, стр. 14.
[3]) Тамъ же, стр. 15.
[4]) Тамъ же, стр. 16.

Такимъ образомъ, „съ ранняго утра 1 іюня противникъ повелъ наступленіе уступами съ праваго фланга; вначалѣ тронулась правофланговая 3-я дивизія, потѣснившая нашихъ драгунъ, и нѣсколько позднѣе средняя—5-я дивизія, передъ которой стали отходить на сѣверъ части 4-го и 8-го Сибирскихъ каз. полковъ; передвиженія лѣвой колонны—4-й дивизіи остались невыслѣженными нашей конницей“ [1]).

„Послѣднее изъ полученныхъ донесеній еще болѣе утверждало г.-л. бар. Штакельберга въ мысли, что раіонъ наступленія противника съ запада ограничивается окрестностями жел. дороги и что его крайняя лѣвая колонна тоже черезъ Вандегоу выходитъ къ жел. дорогѣ“ [2]).

„Для занятія Вафангоуской позиціи сначала предназначалось $15^3|_4$ бат. при 74 ор., т.-е. всего самое большое до 12.000 штыковъ; затѣмъ, первое время г.-л. бар. Штакельбергъ въ своемъ резервѣ сохранялъ до $7^1/_2$ бат. съ 16 ор. 2 бригады 35-й пѣх. дивизіи, что въ виду слабаго состава полковъ ея, не получившихъ еще всѣхъ укомплектованій, могло составить до $5^1/_2$ т. штыковъ; считая затѣмъ прибывавшіе въ ночь на 2 іюня и утромъ 2 іюня 34-й и 35-й В.-С. стр. и Тобольскій пѣх. полки, можно суммировать приблизительно максимальную боевую силу всѣхъ войскъ г.-л. бар. Штакельберга, принявшую участіе въ бою подъ Вафангоу въ $24^1/_2$ т. штыковъ при 96 ор.; эти войска должны были оборонять позицію въ $6^1/_2$ вер., считая въ этой суммѣ и слабо занятый нами участокъ долины рѣки шириной до $1^1/_4$ вер., на который японцы атаки и не вели“ [3]).

Къ этому необходимо добавить, „что въ укрѣпленіяхъ ни укрытій отъ анфиладнаго огня, ни блиндажей, ни исскуственныхъ препятствій не устраивалось, за неимѣніемъ и времени и матеріаловъ“.

При этомъ, „надо имѣть въ виду, что позиція укрѣплялась только на случай возможнаго, но признававшагося маловѣроятнымъ наступленія противника. Войска, работавшія, знали, что имъ предстоитъ по сборѣ корпуса движеніе дальше для облегченія участи Портъ-Артура; это не могло не вліять на энергію каждаго отдѣльнаго работника“ [4]).

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 17.
[2]) Тамъ же, стр. 18.
[3]) Тамъ же, стр. 24—26.
[4]) Тамъ же, стр. 27—28.

Въ 1 ч. 40 м. дня японская батарея, снявшаяся открыто на позиціи къ сѣверу отъ Чуцзятуня, начала стрѣльбу по нашимъ батареямъ 1-й В.-С. стр. арт. бригады; г.-м. Гернгроссъ, находившійся на 2-й батареѣ, приказалъ отвѣчать только одной ей, а прочимъ молчать, дабы не обнаруживать своего расположенія; японская батарея успѣла сдѣлать только 4 выстрѣла, изъ которыхъ одинъ нанесъ, однако, пораженіе нашимъ заряднымъ ящикамъ 4-й батареи, послѣ чего открыла огонь и эта батарея; сосредоточеннымъ огнемъ 2-й и 4-й батарей при прицѣлѣ 96 и трубкѣ 95 японская батарея, завязавшая первой состязаніе, была окончательно подавлена: нашъ огонь не давалъ ей возможности взять на передки, къ чему дѣлались попытки. Минутъ черезъ 20 въ томъ же Чуцзятуньскомъ дефиле появилась вторая японская батарея, по которой начала дѣйствовать и наша 3-я батарея; постепенно вступили въ дѣло еще одна или двѣ японскія батареи, расположившіяся уже открыто гдѣ-то въ окрестностяхъ Чуцзятуня; ихъ не было видно, и пристрѣлку пришлось вести по пыли, появлявшейся передъ дулами орудій при выстрѣлѣ; наши три батареи состязались успѣшно и принудили японскія батареи къ молчанію, но вскорѣ онѣ вновь открыли огонь и къ нимъ присоединилась еще одна, снявшаяся болѣе къ западу и почти на версту позади; 2-я и 4-я батареи подавили при прицѣлѣ 118—120 своимъ огнемъ и эту батарею; затѣмъ почти на ½ часа канонада прекратилась. Въ этотъ періодъ состязанія артиллерія противника выпустила большое количество снарядовъ, но безрезультатно, такъ какъ пристрѣлка ея тщательностью не отличалась. Въ началѣ 4-го часа дня японскія батареи вновь открыли весьма сильный огонь, но откуда онъ велся—батареямъ нашимъ не было видно; 2-я батарея за отсутствіемъ цѣлей замолчала; 4-я батарея, не видя непріятеля и не имѣя направленія выстрѣловъ, стрѣляла наугадъ по площадямъ; огонь невидимыхъ японскихъ батарей велся безпрерывно залпами и буквально засыпалъ окопы нашихъ батарей и 4-го В. С. стр. полка снарядами, осколками камней и окутывалъ пылью и чернымъ одуряющимъ дымомъ; на 2-й батареѣ былъ раненъ въ челюсть г.-м. Гернгроссъ, не оставившій, однако, командованія, сдѣлавъ лишь перевязку; 2-й и 3-й батареямъ съ 4 ч., въ сущности, пришлось только слѣдить за японскими батареями, снявшимися ранѣе въ Юдзятуньскомъ дефиле, мѣста которыхъ были нащупаны, и бѣглымъ огнемъ подавлять ихъ, какъ только онѣ ожи-

вали: 4-я батарея, расположенная въ неоконченныхъ, ненадежныхъ окопахъ, понесла серьезныя потери: выбыли изъ строя всѣ офицеры и 29 н. ч.; въ командованіе временно вступилъ техническій мастеръ Дюковъ".

„Въ 8-мъ часу вечера противникъ прекратилъ обстрѣливаніе нашихъ позицій".

„По батареямъ средняго участка японцы огня не открывали; начальникъ участка г.-м. Мрозовскій, желая облегчить положеніе батарей 1-й В.-С. стр. арт. бригады, изслѣдовалъ всѣ прилегающія высоты для открытія мѣстъ японскихъ батарей и для постановки наблюдателей, по знакамъ которыхъ можно было бы вести стрѣльбу по невидимой цѣли, но расположеніе нашихъ батарей и конфигурація мѣстности не дали возможности найти подходящій наблюдательный пунктъ" [1]).

„Пока шло артиллерійское состязаніе, 34-й японскій пѣх. полкъ открылъ наступленіе на нашъ лѣвый флангъ; во 2-мъ часу дня к-ръ 1-го В.-С стр. Е В. полка полк. Хвастуновъ получилъ отъ своихъ пѣшихъ охотниковъ донесеніе, что японцы большими силами обходятъ его лѣвый флангъ" [2]).

„Едва полкъ успѣлъ занять расположеніе, какъ противникъ открылъ по нему сильный ружейный и пулеметный огонь; этимъ огнемъ роты 2-го и 3-го б-новъ около 3 ч. дня вынуждены были къ отступленію; роты отходили постепенно одна за другой, начиная съ правофланговыхъ; послѣдней, въ 5-мъ часу дня, отошла 7-я рота, примкнувшая къ лѣвому флангу 1-го баталіона; остальныя же роты пристроились къ лѣвому флангу стоявшей въ резервѣ 8-й роты. При отходѣ были убиты к-ръ полка полк. Хвастуновъ и полковой адъютантъ и ранено и убито 5 оф. и до 200 н. ч."

„Освѣдомленный о тяжеломъ положеніи 1-го В.-С. стр. Е. В. полка, г.-м. Гернгроссъ около 4 ч. дня послалъ на помощь 2-й В.-С. стр. полкъ, который, сбросивъ мѣшки и шинели, быстро перешелъ изъ лощины къ западу отъ высоты 178,1 на восточный склонъ той же высоты и усилилъ центръ расположенія".

„Въ это время, къ 5 ч. дня, японцы заняли уже обѣ вершины, прилегавшія съ запада къ Вафанвопэну, но подъ сильнымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ не могли удержаться и отхлы-

[1]) В.-И. К., т. II ч. 2, стр 29.
[2]) Тамъ же.

нули къ востоку, гдѣ и засѣли въ горныхъ скатахъ между с.с. Дяово и Чендзятунь. Къ 6 ч. вечера перестрѣлка прекратилась, и 1-й В.-С. стр. Е. В. полкъ остался на занятой имъ позиціи на южныхъ и восточныхъ склонахъ высоты 178,1 и получилъ приказаніе окопаться, что было невыполнимо, ибо грунтъ оказался сплошной скалой; 2-й В.-С. стр. полкъ вернулся на свое прежнее мѣсто въ лощину къ западу отъ вершины 178,1".

„На участкѣ 3-го В.-С. стр. полка лѣвофланговыя 12-я и 11-я роты около 2 ч. 30 м. дня подверглись сильному ружейному и пулеметному огню съ высотъ къ югу отъ Вафанвопэна, занятыхъ японской пѣхотой, по которой, въ свою очередь, стрѣляли кон.-горная батарея и помянутыя роты; наступленіе противника было остановлено шагахъ въ 1.700 отъ нашей позиціи. Позиція 4-го В.-С. стр. полка обстрѣливалось только артиллеріей; потери въ обоихъ послѣднихъ полкахъ были небольшія, но отъ бризантныхъ снарядовъ пострадали нѣсколько окоповъ".

„Потери за весь день 1 іюня въ 1-й В.-С. стр. дивизіи выразились цифрами до 13 оф. и до 312 н. ч., выбывшихъ изъ строя убитыми, ранеными и контуженными" [1]).

„Предполагая, на основаніи донесеній конницы и всего происшедшаго въ теченіе 1 іюня, присутствіе противъ себя только двухъ дивизій (24 бат.), на фронтѣ Чиндофанъ—Вафанвопэнъ, въ то время, какъ 1-й Спб. арм. корпусъ съ ожидаемымъ прибытіемъ 34-го и 35-го В.-С. стр. полковъ усиливался до 32 бат., г.-л. бар. Штакельбергъ рѣшилъ ночью на 2 іюня перейти въ наступленіе своимъ лѣвымъ флангомъ противъ праваго фланга противника" [2]).

Г.-м. Гернгроссъ, находившійся на позиціи 1-го В.-С. стр. Е. В. полка, медлилъ наступленіемъ, ожидая съ минуты на минуту появленія къ сѣверу отъ Вафанвопэна отряда г.-м. Гласко, и послалъ ему одну за другой, (въ 5 ч. 10 м. и 5 ч. 20 м.) двѣ записки: 1) „Наступайте, мы поддержимъ съ горъ", и 2) „Начинайте наступленіе, мы поддержимъ съ горъ".

Отвѣта не получалось, не появлялись и войска г.-м. Гласко [3]).

„Время уходило; моментъ для атаки, задуманной именно на разсвѣтѣ, былъ упущенъ; японцы усиливалась и укрѣпля-

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 30.
[2]) Тамъ же, стр. 32—33.
[3]) Тамъ же, стр. 42.

лись на высотахъ у Вафанвопэна; канонада разгоралась повсюду. Наконецъ, въ 7-мъ часу утра г.-м. Гернгроссъ, не дождавшись бригады 35-й дивизіи, приказалъ 3-му и 2-му В.-С. стр. полкамъ начать наступленіе, которое, за отсутствіемъ полевой артиллеріи, лишено было всякой огневой подготовки".

„Съ восходомъ солнца настала страшная жара; стрѣлкамъ было приказано сбросить скатанныя шинели и мѣшки".

„Наступленіе началось разновременно; ранѣе двинулся 2-й В.-С. стр. полкъ въ направленіи на д. Вафанвопэнъ. 3-й В.-С. стр. полкъ, направленный на центральный участокъ высотъ къ западу отъ Дяово, былъ встрѣченъ сильнѣйшимъ огнемъ, подъ которымъ онъ не могъ даже развернуть цѣпи, и стрѣлкамъ пришлось перебѣгать поодиночкѣ по руслу высохшаго ручья; поэтому онъ и былъ опереженъ 2-мъ В.-С. стр. полкомъ, наступавшимъ въ нѣсколько болѣе благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ".

„Къ 8 ч. утра 3-й В.-С. стр. полкъ, перейдя въ строй поротно, находился въ ближайшихъ къ западу окрестностяхъ дороги въ Чуцзятунь, а 2-й—на скатахъ долины къ западу отъ д. Вафанвопэнъ" [2]).

„Итакъ, на нашемъ лѣвомъ флангѣ въ началѣ 9-го часа утра части 1-й В.-С. стр. дивизіи постепенно подвигались къ случайной позиціи противника на высотахъ Вафанвопэнъ—Дяово; отрядъ же г.-м. Гласко не только не поддержалъ ихъ наступленія но частью подался даже назадъ" [1]).

Тутъ же впервые бар. Штакельбергъ получилъ отъ ген. Самсонова донесеніе о 4-й японской дивизіи, скрытно совершившей путь отъ Пуландана до Лункоо.

Такимъ образомъ „на нашемъ правомъ флангѣ обстановка къ 9½ ч. утра начинала слагаться угрожающимъ образомъ: обнаружился обходъ значительныхъ силъ противника, которому мы въ первое время могли противоставить всего 6 ротъ на случайныхъ позиціяхъ, въ то время, какъ съ прибытіемъ двухъ изъ этихъ ротъ (10-я и 11-я роты 36-го В.-С. стр. полка) наша конница удалялась отъ поля сраженія".

„Къ этому же времени постепенно возрастала сила артиллерійскаго огня противника, направленнаго на позицію г.-м. Мро-

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 43.
[2]) Тамъ же, стр. 47.

зовскаго въ долинѣ р. Фучжоохэ и, въ особенности, на позицію 4-го В.-С. стр. полка и 3-й и 4-й батарей 1-й В.-С. стр. арт. бригады на плато къ востоку отъ жел. дороги".

„За время съ 8 до $9^1/_2$ ч. утра наступленіе г.-м. Гернгросса, въ виду затруднительныхъ мѣстныхъ условій и сильнѣйшаго огня противника, продвигалось впередъ довольно медленно, задерживалъ наступленіе и самъ г.-м. Гернгроссъ въ ожиданіи появленія отряда г.-м. Гласко, которому въ 8 ч. 35 м. утра онъ послалъ записку: „Пора наступать энергичнѣе; развейте артиллерійскій огонь всѣми батареями; прошу почаще сообщать о положеніи дѣлъ".

„До 10 ч. 30 м. утра отъ г.-м. Гласко не поступало никакихъ свѣдѣній, о чемъ свидѣтельствуетъ посланное въ это время приказаніе г.-м. Гернгросса командующему 1-мъ В.-С. стр. Е. В. полкомъ—„точно опредѣлить, гдѣ находится г.-м. Гласко, и немедленно объ этомъ донести" [1]).

Оказалось же, что „въ это время главныя силы г.-м. Гласко, дошедшія до Фучинфыня, повернули назадъ и стали взбираться на крутые склоны высоты 158,6; въ страшную жару люди утомлялись, лошади выбивались изъ силъ; вслѣдствіе крутости склоновъ, орудія подымались при 4 уносахъ, и батареи окончили подъемъ только къ полудню, когда до нихъ дошло приказаніе г.-м. Гласко возвратиться обратно къ Фучинфыню" [2]).

„Лишенные въ самый нужный періодъ какой-либо помощи со стороны отряда г.-м. Гласко, полки 1-й В.-С. стр. дивизіи продолжали наступленіе въ страшную жару, по трудной, пересѣченной мѣстности и подъ сильнѣйшимъ огнемъ противника, засѣвшаго на сѣверныхъ и западныхъ склонахъ массива къ востоку отъ д. Дяово въ наскоро устроенныхъ окопахъ въ нѣсколько ярусовъ".

„На правомъ флангѣ 3-й В.-С. стр. полкъ послѣ 9 ч. утра перешелъ черезъ дорогу Вафанвопэнъ—Чуцзятунь, выбилъ японцевъ изъ передовыхъ окоповъ, и приблизительно у подошвы массива застало его приказаніе г.-м. Гернгросса пріостановиться съ цѣлью выждать появленія войскъ г.-м. Гласко".

Наступавшій лѣвѣе, 2-й В.-С. стр. полкъ къ 11 ч. утра дошелъ до д. Вафанвопэнъ, выбилъ огнемъ японскія цѣпи изъ ихъ

---

[1]) В.-Ист. К., т. II, ч. 2, стр. 55.
[2]) Тамъ же, стр. 57.

окоповъ у подошвы массива и самъ занялъ ихъ; японскія цѣпи отошли вверхъ по скатамъ массива; полкъ несъ немалыя потери, особенно отъ пулеметовъ, по которымъ сосредоточили огонь роты 2-й линіи, чѣмъ облегчили общее положеніе".

„Наступленіе 3-го и 2-го В.-С. стр. полковъ поддерживалось огнемъ четырехъ миніатюрныхъ орудій 2-й кон.-горной батареи погр. стражи и 1-го В.-С. стр. Е. В. полка съ его позиціи, гдѣ находился и г.-м. Гернгроссъ; позже, вѣроятно около полудня, шесть ротъ 1-го В.-С. стр. Е. В. полка тоже перешли въ наступленіе и заняли обѣ высоты между с. и ю. Вафанвопэномъ".

„Дѣйствія 1-й В.-С. стр. дивизіи не прошли безслѣдно для противника: вся 3-я дивизія г.-л. Ошима была прикована къ массиву у Дяово; правый ея флангъ на высотахъ къ югу отъ Вафанвопэна еле держался „подъ напоромъ небольшихъ, но рѣшительныхъ атакъ русскихъ" [1]).

„Итакъ, къ 12 ч. дня полки 1-й В.-С. стр. дивизіи находились въ разстояніи дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла отъ японцевъ; назрѣвало время атаки, для чего слѣдовало подпереть свѣжими силами растянутыя въ одну линію роты и развить артиллерійскую подготовку, но резервы растаяли, а колонна г.-м. Гласко не показывалась. Между тѣмъ, съ мѣста расположенія полковъ 1-й В.-С. стр. дивизіи въ 12 часу дня замѣтно было, хотя и не вполнѣ ясно, что правый флангъ корпуса съ ранѣе занятыхъ позицій подается назадъ; въ 12 ч. 30 м. дня въ этомъ не оставалось уже никакихъ сомнѣній, а еще ранѣе обнаруживались признаки, что на позиціи 4-го В.-С. стр. полка происходитъ что-то неладное; тѣмъ не менѣе, г.-м. Гернгроссъ, не оріентированный къ этому времени въ общемъ положеніи дѣлъ и ожидавшій съ минуты на минуту появленія колонны г.-м. Гласко, рѣшилъ не отступать отъ своей задачи; въ этомъ рѣшеніи его поддержала и полученная нѣсколько позднѣе записка г-м. Гласко: „Вся бригада болѣе двухъ часовъ наступаетъ уже; вся артиллерія на позиціи; въ лѣвой колоннѣ (3 бат. и 1 батарея) дѣло идетъ тоже успѣшно; японцы отбиты на Чендзятунъ; постараюсь пройти въ обходъ въ слѣдующее ущелье" [2]).

„Какъ г.-м. Мрозовскій, такъ и австрійскій военный агентъ кап. графъ Шептыцкій, наблюдавшій весь бой съ вершины 178,1,

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 57.
[2]) Тамъ же, стр. 58.

свидѣтельствуютъ о бѣшеной тратѣ японцами снарядовъ, хотя и не соотвѣтствовавшей матеріальнымъ результатамъ, но производившей угнетающее моральное впечатлѣніе: 1-я и 3-я батареи 9-й В.-С. стр. арт. бригады, засыпаемыя въ теченіе нѣсколькихъ часовъ дождемъ снарядовъ, понесли меньшія пораженія, чѣмъ можно было ожидать, что г.-м. Мрозовскій объясняетъ надежными окопами".

„Вообще графъ Шептыцкій отмѣчаетъ, что артиллерійская группа въ центрѣ, въ которой онъ лично насчиталъ до 108 орудій, находясь на позиціи, хотя и маскированной, но не вполнѣ удобной, умѣла замѣчательно хорошо сосредоточивать свой огонь въ важнѣйшія минуты боя, измѣняя одновременно съ этимъ и цѣли для стрѣльбы".

„Но, съ другой стороны, онъ же обращаетъ вниманіе и на небрежную, по его мнѣнію, и неосновательную пристрѣлку съ большой вилкой въ 200 ш. и съ непосредственнымъ затѣмъ переходомъ на пораженіе, каковой родъ огня связанъ съ безсмысленнымъ расходомъ снарядовъ, съ нервной, скорой стрѣльбой съ высокой установкой прицѣла и съ весьма неровными интервалами разрыва шрапнели" [1]).

„По словамъ очевидца—г.-м. Краузе, наблюдавшаго со своей позиціи, вскорѣ послѣ начала канонады огонь противника по 3-й и 4-й батареямъ 1-й В.-С стр. арт. бригады достигъ такого напряженія, что, „глядя со стороны, стало очевидно, что эти батареи собственными усиліями не только не въ состояніи побороть противника, но врядъ ли смогутъ безъ посторонней помощи съ честью уклониться отъ такого неравнаго для себя боя" [2]).

„Около 11 ч. утра съ позиціи 3-й батареи было замѣчено, что нашъ правый флангъ на высотахъ праваго берега р. Фучжоохэ осаживаетъ назадъ; скоро на высотахъ къ сѣверу отъ Тафаншина появились японскія цѣпи; огонь японскихъ батарей къ этому времени достигъ наивысшаго напряженія; на 4-й батареѣ, все время управлявшейся однимъ офицеромъ—кап. Голѣевскимъ, было уже подбито 5 орудій, а около 11½ ч. утра батарея окончательно смолкла; съ переѣздомъ японской батареи на болѣе близкую позицію, обѣ батареи и 4-й В.-С. стр. полкъ подверглись косоприцѣльному огню съ праваго фланга; снаряды сы-

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 59.
[2]) Тамъ же, стр. 61.

пались и въ расположеніе полкового резерва (11-я и 12-я роты), который избѣгъ большихъ пораженій; 3-я батарея въ агоніи борьбы еще отстрѣливалась нѣкоторое время“ [1]).

„Вскорѣ послѣ 11 ч. утра артиллерійскій огонь противника достигъ весьма внушительныхъ размѣровъ; на батареяхъ стали ложиться и ружейныя пули, залетавшія съ запада; черезъ правый участокъ позиціи начался проходъ стрѣлковъ 36-го В.-С. стр. полка поодиночкѣ, а затѣмъ и группами. Г.-м. Мрозовскій и бывшіе при немъ офицеры пробовали останавливать ихъ и собирать въ строй, но это не всегда удавалось: многіе продолжали свой отходъ, а другіе разсѣивались и послѣ сбора; все же остатки 6-й и 8-й ротъ 36-го В.-С. стр. полка (не болѣе 17 рядовъ въ каждой) задержались у Санцзыра и впослѣдствіи прикрывали переходъ батарей на новую позицію къ ст. Вафангоу“.

„Вслѣдъ за этимъ, въ виду сильнаго обстрѣла позиціи орудійнымъ огнемъ съ фронта и съ праваго фланга, начавшихся пораженій отъ ружейнаго огня и убѣдившись въ отходѣ державшейся на его правомъ флангѣ нашей пѣхоты, г.-м. Мрозовскій около 11½ ч. утра послалъ къ г.-м. Кондратовичу шт. кап. Гриппенберга съ докладомъ о положеніи дѣлъ и для полученія дальнѣйшихъ приказаній“ [2]).

„Около 11 ч. утра отъ подполк. Кошелева прибылъ вольноопредѣляющійся съ извѣстіемъ, что 10-й и 11-й ротамъ 36-го В.-С. стр. полка не удалось остановить противника, наступающаго въ значительныхъ силахъ, и онѣ отходятъ назадъ; одновременно поступило донесеніе полк. Лисовскаго о движеніи непріятельской колонны, силою до одного полка, въ обходъ праваго фланга его; по этимъ донесеніямъ можно было судить, что непріятель наступаетъ вдоль дороги изъ Лункоо въ Сисанъ, въ наиболѣе угрожающемъ для насъ направленіи, приближаясь къ Вафангоу“.

„Поэтому г.-м. Кондратовичъ приказалъ г.-м. Краузе съ послѣднимъ резервомъ—1-мъ батальономъ 36-го В.-С. стр. полка—быстро двинуться къ Лункоо, давъ ему въ запискѣ отъ 11 час. 10 м. утра слѣдующую инструкцію: „На Ваше Превосходительство возлагается оборона и задержка непріятеля, наступающаго со стороны Лункоо на ст. Вафангоу; въ поддержку Вамъ посылается 35-й полкъ съ батареей; въ случаѣ невозможности дер-

---

[1]) В.-И. К. т. II, ч. 2, стр. 62.
[2]) Тамъ же, стр. 66—67.

жаться передъ превосходными силами—отходить на Вафангоу, давъ возможность ранѣе отойти 4-му и 33-му полкамъ и артиллеріи центральной позиціи“ [1]).

„Въ началѣ 12-го часа утра общее положеніе на всей позиціи рисовалось въ слѣдующей картинѣ: 3-я и 4-я батарея 1-й В.-С. стр. арт. бриг. почти подавлены непріятельскимъ огнемъ; 1-я и 3-я батареи 9-й В.-С. стр. арт. бригады еще въ состояніи бороться и потери не велики, но правый флангъ ихъ обнаженъ отходомъ 2-го батальона 36-го В.-С. стр. полка; 10-я и 11-я роты 36-го В.-С. стр. полка сбиты превосходными силами; для ихъ поддержки г.-м. Кондратовичъ, въ ожиданіи 35-го В.-С. стр. полка, расходуетъ свой послѣдній резервъ — 1-й батальонъ 36-го В.-С. стр. полка; японцы значительными силами тѣснятъ съ фронта и обходятъ справа крайній правофланговый участокъ укрѣпленной позиціи“.

„Въ это время на нашемъ лѣвомъ флангѣ полки 1-й В.-С. стр. дивизіи отсиживаются у подножія непріятельской позиціи, а отрядъ г.-м. Гласко еще не вступалъ“.

„Къ 10 ч. утра г.-л. бар. Штакельбергъ зналъ о несомнѣнномъ обходѣ праваго фланга значительными силами, но онъ не зналъ еще, что обходъ ведется силами новыми, сверхъ обнаруженныхъ уже ранѣе двухъ дивизій“ [2]).

„Чтобы остановить движеніе японцевъ въ этомъ направленіи, полкъ, въ строю по-ротно, двинулся впередъ и, пройдя оврагъ, развернулся на слѣдующемъ къ западу гребнѣ“.

„Такимъ образомъ, движеніе 35-го В.-С. стр. полка, хотя и не совсѣмъ въ предположенномъ направленіи, все же явилось весьма своевременнымъ для задержанія наступленія противника и обезпеченія праваго фланга позиціи г.-м. Краузе“.

„Тѣмъ не менѣе, съ позиціи 35-го В.-С. стр. полка ясно было видно, что противникъ продолжаетъ движеніе въ обходъ нашего праваго фланга; передовыя его части, двигаясь вдоль гребня массива, открыли стрѣльбу во флангъ нашимъ ротамъ; посланная противъ нихъ ½ рота 12-й роты съ пор. Савченко-Бѣльскимъ вскарабкалась на вершину и нѣсколько задержала японскія цѣпи“ [3]).

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 67—68.
[2]) Тамъ же, стр. 68.
[3]) Тамъ же, стр. 72.

„Въ это же приблизительно время, т.-е. около 12 ч. дня, г.-м. Кондратовичъ рѣшилъ для личнаго доклада и полученія приказаній поѣхать къ г.-л. бар. Штакельбергу, котораго онъ засталъ на горной площадкѣ позади 35-го В.-С. стр. полка".

„Докладъ г.-м. Кондратовича совпалъ по времени съ полученіемъ донесенія г.-м. Самсонова, на основаніи котораго можно было ожидать въ самомъ скоромъ времени перерыва японцами нашего пути отступленія; это обстоятельство и побудило г.-л. бар. Штакельберга отдать около $12^{1}/_{2}$ ч. дня приказаніе о постепенномъ отходѣ войскъ 1-го Сиб. арм. корпуса къ ст. Ванзелинъ".

„Къ г.-м. Гернгроссу съ приказаніемъ объ отступленіи былъ посланъ офицеръ-ординарецъ, доставившій его около 5 ч. дня, когда вся 1-я В.-С. стр. дивизія и отрядъ г.-м. Гласко уже собрались у Цаойцзятуня".

„Вообще бой въ отрядахъ г.-м. Гернгросса и г.-м. Гласко развивался совершенно самостоятельно, и г.-м. Гернгроссъ рѣшилъ начать отходъ по собственной иниціативѣ, до полученія приказанія командира корпуса, что, въ зависимости отъ теченія дѣлъ на правомъ участкѣ, оказалось вполнѣ соотвѣтствующимъ обстановкѣ".

„Къ 12 ч. дня передовыя роты 3-го, 2-го и 1-го Е. В. В.-С. стр. полковъ занимали прежнее положеніе передъ фронтомъ позиціи 3-й японской дивизіи въ сферѣ дѣйствительнаго ружейнаго огня; все время шла перестрѣлка, то утихавшая, то разгоравшаяся".

„Наступленіе трехъ полковъ 1-й дивизіи поддерживалось огнемъ только четырехъ маленькихъ орудій 2-й конно-горной батареи погран. стражи; нащупавшая ее съ $9^{1}/_{2}$ ч. утра японская артиллерія сосредоточила по ней огонь; орудія наши отстрѣливались и на югъ и на востокъ, но къ 11 час. утра три орудія были уже подбиты, а окопы буквально срыты; командиръ батареи шт.-ротм. Ганченковъ былъ убитъ, выбыло изъ строя 27 н. ч. и 49 лошадей; батарея замолчала.

Судя по описанію англ. Ген. Штаба, въ свою очередь, и положеніе 3-й японской дивизіи признавалось серьезнымъ, и ей на помощь генералъ Оку послалъ еще одинъ батальонъ, послѣдній имѣвшійся у него въ резервѣ, на мѣсто коего около 2 час. дня прибылъ форсированнымъ маршемъ съ мѣста высадки одинъ батальонъ 23-го полка изъ состава высаживавшейся у Сяохоукоузейцзы 6-й японской дивизіи".

„Со стороны Вафанвопэна резервы 1-й В.-С. стр. дивизіи обстрѣливались во флангъ и въ 1 ч. 45 м. дня г.-м. Рутковскій, начальствовавшій 2-мъ и 3-мъ В.-С. стр. полками, получилъ изъ резерва 3-го В.-С. стр. полка слѣдующую записку:

„Резервъ 3-го полка съ большой сопки взятъ во флангъ; полурота 7-й роты изъ окопа, гдѣ стояла наша конно-горная батарея, отступила; какъ быть?“ Эту записку г.-м. Рутковскій направилъ г.-м. Гернгроссу при надписи:

„Нахожусь на сопкѣ у Вафанвопэна; въ виду донесенія, что дѣлать 2-му и 3-му полкамъ, т.-е. продолжать атаку или отступать?“

„Около этого же времени г.-м. Рутковскій, замѣтивъ начатое по приказанію г.-м. Гернгросса передвиженіе нѣкоторыхъ ротъ въ частныхъ резервахъ 1-го Е. В. и 2-го В.-С. стр. полковъ, не дождавшись отвѣта, по собственной иниціативѣ приказалъ боевымъ линіямъ 2-го и 3-го В.-С. стр. полковъ начать отходъ“.

„Что касается г.-м. Гернгросса, то со своего мѣста въ резервѣ 1-го Е. В. В.-С. стр. полка онъ съ 12 ч. 30 м. дня наблюдалъ, какъ постепенно подавался назадъ фронтъ 9-й В.-С. стр. дивизіи; не получая, однако, приказаній объ отступленіи, онъ не только не дѣлалъ какихъ-либо распоряженій объ отходѣ, но, наоборотъ, по мѣрѣ возможности продвигалъ свои части впередъ“.

„Когда же отходъ праваго фланга корпуса въ половинѣ 2-го часа дня обнаружился совершенно ясно, то г.-м. Гернгроссъ, чтобы не поставить свои войска въ критическое положеніе, рѣшилъ, не ожидая приказаній, начать отступленіе“.

„Въ 1 ч. 40 м. дня г.-м. Гернгроссъ доносилъ о семъ командиру корпуса: „Приказалъ отступать,—35-й дивизіи прикрывать отступленіе; обходная колонна вышла отлично, 2-й и 3-й полки поддержали ея атаку дружно, но, къ сожалѣнію, оставленный центръ позиціи заставляетъ отступать и насъ“.

„Къ моменту этого рѣшенія г.-м. Гернгросса, наступленіе отряда г.-м. Гласко несмотря на его медленность, начинало, тѣмъ не менѣе, оказывать давленіе на противника, измѣняя обстановку въ нашу пользу“ [1]).

„При снятіи 1-й батареи, въ одномъ орудіи перевернулся, застрявъ между двумя каменными стѣнами, передокъ; орудійная прислуга бросилась его вытаскивать, но изъ нея сразу 5 ч. были

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 73.

переранены разорвавшимся японскимъ снарядомъ; распряженныя лошади повырывались и убѣжали; батарея ушла уже далеко; оставшійся при орудіи шт.-кап. Завадскій поскакалъ за лошадьми въ ближайшую 4-ю батарею; оставшаяся при орудіи прислуга и подошедшіе стрѣлки 5-й роты 33-го В.-С. стр. полка пробовали протащить орудіе, застрявшее въ вязкомъ песчаномъ грунтѣ, за выступъ горы, но это имъ не удалось; тогда стрѣлки ушли, а артиллеристы, въ ожиданіи лошадей, частью укрылись вблизи, въ рощѣ, а частью пошли разыскивать, что можно, изъ укладки и аммуниціи; проходившій мимо ефрейторъ 6-й роты 36-го В.-С. стр. полка Комаровъ, видя оставленное орудіе, вынулъ изъ него и забралъ съ собой затворъ, сдавъ его потомъ артиллеристамъ; затѣмъ къ орудію подошли 4 стрѣлка 33-го В.-С. стр. полка, и въ то же время полк. Бачинскій послалъ къ нему 6-й роты 36-го В.-С. стр. полка ст. унт.-оф. Волохова, мл. унт.-оф. Каширцева и стрѣлка Иващенко; совмѣстными усиліями этихъ 7 человѣкъ орудіе удалось протащить на небольшое разстояніе; ихъ дѣйствія происходили на глазахъ полк. Бачинскаго, свидѣтельствующаго о такой силѣ въ эти минуты шрапнельнаго огня, „что онъ лично не сомнѣвался въ гибели стрѣлковъ, и ихъ самоотверженность въ исполненіи долга показалась ему необыкновенной“; по прибытіи лошадей орудіе, при помощи прислуги, на рукахъ подтянутое за горный выступъ, было кое-какъ запряжено 3 лошадьми и присоединилось къ своей батареѣ; оброненную гребенку замка разыскалъ бомбардиръ Семеновъ, возвращавшійся на позицію; разбитый снарядомъ передокъ пришлось бросить.

„Кромѣ того, отъ 1-й батареи 9-й В.-С. стр. арт. бригады отстало еще одно орудіе, въ которомъ двѣ лошади были подстрѣлены и которое впослѣдствіи тоже благополучно присоединилось къ батареѣ“.

„Въ общемъ, отходъ батарей 9-й В.-С. стр. дивизіи на новую позицію совершился въ достаточномъ порядкѣ и, невзирая на страшную силу огня, съ малыми потерями. Всего за 2 іюня убито и ранено въ трехъ батареяхъ 2 оф. 30 н. ч. и 37 лош. и во 2-мъ б-нѣ 33-го В.-С. стр. полка, составлявшемъ прикрытіе батарей,—29 н. ч. [1]).

„Отходъ полковъ 1-й В.-С. стр. дивизіи начался около 1½ ч. дня“.

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 80—81.

„Какъ только японскія цѣпи замѣтили отходъ нашихъ стрѣлковъ, залегавшихъ передъ подножьемъ ихъ позиціи въ разстояніи дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла, онѣ усилили огонь до полнаго напряженія; главныя потери были понесены именно при выходѣ изъ ближайшей къ противнику сферы; далѣе приходилось въ страшную жару идти около 4 вер. до Цюйцзятуня—мѣстности чрезвычайно пересѣченной, изрѣзанной глубокими оврагами, карабкаясь на крутые склоны развѣтвленій горной системы“.

„Поддерживать порядокъ въ рядахъ за убылью многихъ офицеровъ было трудно; кромѣ того, японцы заняли сначала Чуцзятуньскій массивъ, а нѣсколько позднѣе около 3 ч. дня, четыремъ батареямъ 3-го арт. полка удалось достигнуть бывшей позиціи нашихъ батарей 1-й В.-С. стр. арт. бригады; съ этихъ пунктовъ противникъ обстрѣливалъ съ фланга отступавшіе полки г.-м. Гернгросса, потерявшіе многихъ нижнихъ чиновъ отставшими вслѣдствіе переутомленія и заблудившимися въ горахъ. Четыре подбитыхъ орудія 2-й конн. горной батареи погран. стражи пришлось бросить“.

„Къ счастью, гроза и ливень сдѣлали невозможными на время для японцевъ стрѣльбу и маневрированіе, а послѣ дождя противникъ, тоже, вѣроятно, вслѣдствіе переутомленія, велъ преслѣдованіе очень вяло“.

„Для того, чтобы обезпечить отходъ войскъ г.-м. Гернгросса и г. м. Гласко, отступленіе обозовъ и частей 9-й В.-С. стр. дивизіи и сдержать напоръ противника, прорывающагося по долинѣ Лунтайху, г.-л. бар Штакельбергъ намѣтилъ еще двѣ тыловыя позиціи: Цзяхошна и на высотахъ къ ю.-з. отъ Сюнь-шущутуня на правомъ берегу р. Фучжоохэ“ [1]).

„Критическій періодъ боя для войскъ нашего праваго фланга миновалъ: у японцевъ, видимо, не хватало силъ развить достигнутый успѣхъ“.

„Г.-л. Штакельбергъ, остававшійся почти все время на станціи и отъѣхавшій потомъ къ с. Яньцзятунь, назначилъ г.-м. Мрозовскаго начальникомъ арріергарда правой колонны и приказалъ около 5 час. дня начать отходъ на новую арріергардную позицію у Цзяхосиня, гдѣ были пріостановлены уже отошедшіе 3-й б-нъ 34-го и 8-я рота 33-го В.-С. стр. полковъ, съ тѣмъ чтобы

---

[1]) В.-И., т. II, ч. 2, стр. 95—96.

пропустить въ тылъ позиціи всѣ части 9-й В.-С. стр. дивизіи и Тобольскій полкъ“ [1]).

Къ этому описанію боя у Вафангоу прибавить нечего. Но нельзя не принять во вниманіе и оцѣнку боя, приведенную въ сообщеніяхъ военной Академіи. Такъ, относительно дѣйствій 1 іюня отмѣчено что „противъ праваго участка японцы никакихъ дѣйствій не предпринимали. Оборонявшія участокъ войска 9-й стр. дивизіи не сдѣлали ни одного выстрѣла“.

Никакого участія въ дѣлѣ не принялъ до конца и весь резервъ, несмотря на то, что частямъ 1-й стр. дивизіи приходилось очень трудно, въ особенности—1-му стр. полку.

„Генералъ Штакельбергъ удовольствовался исключительно пассивнымъ образомъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе, этотъ пассивный успѣхъ оказалъ огромное вліяніе на дальнѣйшія наши дѣйствія и обусловилъ катастрофу 2-го іюня“ [2]).

Относительно же боя 2 іюня указано, что „около 6-ти часовъ утра въ штабѣ корпуса было получено донесеніе отъ конницы изъ Лункоо о наступленіи значительныхъ силъ противника съ юго-запада“.

„Генералъ Самсоновъ сообщилъ, что японцы дебушируютъ изъ лѣса и наступаютъ на Лункоо“.

„Это донесеніе не повліяло на выполненіе заранѣе составленнаго плана при совершенно иной обстановкѣ“.

„Несмотря на то, что въ 6½ ч. утра противъ нашей конницы, спѣшившейся у Лункоо, опредѣлились значительныя силы противника, войска нашего лѣваго фланга перешли въ наступленіе. Полки 1-й стрѣлковой дивизіи, неся большія потери, лишенные артиллерійской поддержки, мужественно подвигались впередъ“.

„Посланная въ обходъ бригада 35-й дивизіи съ трудомъ шла по гористой мѣстности, то и дѣло сбиваясь съ дороги“...

... „На нашемъ лѣвомъ флангѣ въ это время полки 1-й стр. дивизіи, продолжая наступленіе, подошли къ позиціи 11-й японской дивизіи на дистанцію прямого выстрѣла и залегли, открывъ огонь пачками и выжидая появленія бригады 35 п. див., чтобы начать атаку“.

---

[1]) В.-И. К., т. I, стр. 98.

[2]) Р.-Яп. война въ сообщеніяхъ Академіи Генеральнаго Штаба. ч. I, стр. 44—45.

„Но обходная бригада не появлялась и положеніе 1-го, 2-го и 3-го полковъ сдѣлалось очень тяжелымъ, тѣмъ болѣе, что 4-й стр. полкъ, атакованный частями 5-й и 11-й пѣхотныхъ японскихъ дивизій, растянутый на 3 версты и не будучи въ силахъ выдержать удара, сталъ отходить на Вафангоу“.

„Только теперь, въ 10½ ч. утра, генералъ Штакельбергъ увидѣлъ всю опасность обхода своего праваго фланга и послалъ приказаніе общему резерву двинуться на Лункоо и задержать обходящія войска противника“.

„Понадобилось, чтобы прошли цѣлыхъ 4½ часа между донесеніемъ конницы о появленіи значительныхъ силъ противника и высылкой резерва къ угрожаемому пункту“.

„Только къ 11 ч. на нашемъ лѣвомъ флангѣ появились обходныя части бригады 35-й дивизіи. Но колонна сбилась съ пути и вмѣсто того, чтобы выйти на флангъ противника, она вышла на его фронтъ и лишь удлинила нашъ боевой порядокъ, который къ этому моменту достигъ общаго протяженія въ 15 вер. Это было тѣмъ болѣе неудачно, что положеніе 11-й японской дивизіи было довольно критическое, и ген. Оку, чтобы выиграть время приказалъ своей кавалерійской бригадѣ атаковать нашъ лѣвый флангъ... Атака была отбита, но цѣль была достигнута—время выиграно, такъ какъ уже сказался обходъ 8-й японской дивизіи и войскамъ нашего лѣваго участка было приказано отступать [1]).

---

13 іюня разыгралось дѣло у Черной горы. Вотъ какъ оно происходило: „Къ ночи на 13 іюня полусотня 11-го Оренбургскаго каз. полка была потѣснена отъ Панчанъю, что являлось первымъ признакомъ наступленія колонны г.-м. Маруи; не освѣдомленный объ этомъ, г.-м. Мищенко на 13 іюня приказалъ собрать отрядъ въ 3 роты и 3 сотни для обратнаго овладѣнія Уйдялинскимъ переваломъ, но это намѣреніе не было приведено въ исполненіе, такъ какъ раннимъ утромъ началось наступленіе колонны г.-м. Того, направленное на Черную гору (высота 216) и Сяньхатанскій перевалъ“.

„Около 4 ч. утра въ сторожевомъ охраненіи сталъ слышенъ со стороны Сяньдяю шумъ отъ движенія артиллеріи; роты начали собирать посты и заставы и располагаться на восточныхъ склонахъ Черной горы; въ 4 ч. 15 м. утра японская артиллерія открыла огонь“.

---

[1]) Р.-Яп. война въ сообщеніяхъ Акад. Ген. Шт. ч. I, стр. 46—47.

„Полк. Добротинъ приказалъ своей 4-й ротѣ и одной сотнѣ идти на правый флангъ къ Хуантунлину, а 6-й ротѣ спѣшить къ Сяньхатанскому перевалу для самой упорной его обороны; 2 ор. 6-й кон.-горн. батареи, подъ прикрытіемъ одной сотни и 2-й и 3-й Барнаульскихъ ротъ, стали на восточномъ склонѣ долины Мугую".

„Скоро получилось приказаніе г.-м. Мищенко не оставлять Черную гору; въ 4 ч. 45 м. утра онъ самъ прибылъ на позицію, а вслѣдъ за нимъ подтянулась изъ Мугую конница съ батареями; позднѣе, около 9 ч. утра, къ позиціи пришли 2-й и 4-й б-ны Красноярскаго полка, оставивъ въ Мугую 6-ю 8-ю роты, а около 10 ч. утра къ Мугую прибыла изъ Ташичао 11-я конная батарея".

„Съ 4½ ч. утра японская артиллерія поддерживала сильный огонь по Черной горѣ; появилась отъ Сяньдяю и японская пѣхота, не выдержавшая, однако, огня Барнаульскихъ ротъ; непріятельскія орудія стояли въ 2½ вер. отъ нашихъ цѣпей, и несмотря на такое разстояніе, наши стрѣлки приспособились и, стрѣляя выше прицѣла залпами, достигали попаданій въ батареи, особенно въ стоявшую южнѣе Сяньдяю".

„По прибытіи своемъ на позицію на восточномъ склонѣ долины Мугую, г.-м. Мищенко поставилъ на ней 2 ор. 1-й Забайкальской каз. батареи съ тремя сотнями, приказалъ подполк. Ахвледіани съ 5-й Барнаульской ротой и 6-й конно-горной батареей идти на Сяньхатанскій перевалъ, а полк. Павлова съ четырьмя сотнями и 4 ор. 1-й Забайкальской каз. батареи послалъ на правый флангъ для занятія такъ наз. Трехугольной горы къ югу отъ Танэрмоу; одна сотня была послана для наблюденія за лѣвымъ флангомъ".

„Одновременно съ открытіемъ артиллерійскаго огня японскій батальонъ съ эскадрономъ повели наступленіе на Сяньхатанскій перевалъ; первоначальный отпоръ имъ огнемъ съ 1.400 ш. дала застава сотн. Головинскаго (1½ взвода 12-го Оренбургскаго каз. полка и 8 ч. Барнаульцевъ); черезъ полчаса послѣ начала перестрѣлки уже успѣли прибыть посланныя полк. Добротинымъ 6-я Барнаульская рота и 13-я и 14-я, направленныя изъ Хэшингоу на звуки выстрѣловъ; эти три роты разсыпались въ цѣпь на гребнѣ возвышенности къ с.-в. отъ перевала и огнемъ задержали наступленіе противника, отхлынувшаго въ долину и укрывшагося за фанзами; дальнѣйшія попытки противника къ наступленію были отбиты прибывшей съ 5-й Барнаульской ротой 6-й конно-горной батареей погр. стражи, которая затѣмъ пере-

несла огонь на японскую батарею; одно же орудіе било по фанзамъ, служившимъ укрытіемъ для японскихъ пѣхотинцевъ“ [1]).

Въ Восточномъ отрядѣ разрабатывались соображенія о переходѣ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, а покуда шли сборы, японцы сами стали насъ тѣснить.

„На собранномъ совѣтѣ большинство мнѣній высказалось въ пользу очищенія переваловъ, и г.-л. гр. Келлеръ принялъ рѣшеніе отступить на линію Хояна (Тхавуана), донеся командующему арміей въ 10 ч. вечера 13 іюня о томъ, что въ виду всѣхъ полученныхъ свѣдѣній онъ рѣшилъ очистить перевалы Фынсяолинскій, Модулинскій и Сандолинскій, для чего сегодня вечеромъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія, съ тѣмъ, чтобы за ночь очистить позицію и къ утру собрать всѣ три отряда въ Хоянѣ, откуда войска стянутся къ Ляндясану; вмѣстѣ съ тѣмъ 12-й полкъ съ одной батареей отправленъ черезъ Шахэ и Айсандзянъ къ Хайчену“.

„Въ зависимости отъ получившихся свѣдѣній съ другихъ направленій, командующій арміей попрежнему склоненъ былъ считать дѣйствіе противника противъ Восточнаго отряда только демонстраціей и въ 10 ч. 30 м. вечера телеграфировалъ г.-л. гр. Келлеру“:

„По всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, противъ васъ японцы только демонстрируютъ; дать имъ при этихъ условіяхъ овладѣть тѣмъ или другимъ переваломъ безъ энергичной попытки возвратить его обратно нежелательно; требуйте содѣйствія Ренненкампфа; пользуйтесь лунной ночью для атаки японцевъ“ [2]).

Телеграмма опоздала; въ ночь на 14 іюня началось очищеніе переваловъ; свѣдѣнія же о противникѣ оставались неустойчивыми.

„Произведенная въ Восточномъ отрядѣ усиленная развѣдка 21 іюня обошлась дорого—потерею 14 оф. и 374 н. чиновъ; практическій же результатъ ея выразился въ точномъ установленіи, по взятымъ предметамъ обмундированія, присутствія противъ Восточнаго отряда на этапной дорогѣ 4-го, 29-го и 30-го японскихъ пѣх. полковъ, т.-е. трехъ полковъ, 2-й японской дивизіи. Китайцы говорили о сосредоточеніи еще у Тунпу значительныхъ силъ, до 30 и 40 т. и о прибытіи туда большого

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 172—173.

[2]) Тамъ же, стр. 228.

начальника, называемаго одними Сантай, а другими—Куроки; допуская преувеличеніе, г.-л. гр. Келлеръ все же считалъ вѣроятнымъ нахожденіе у Туинпу другой японской дивизіи".

„Затѣмъ, несомнѣнно, обнаружены были войска и у Модулинскаго перевала; тамъ могъ быть, по мнѣнію г.-л. гр. Келлера, или четвертый полкъ 2-й дивизіи—15-й, или другія войска [1]).

„А всего къ концу іюня въ Манчжуріи находилось до $8^1/_2$ японскихъ дивизій и нѣсколько резервныхъ батальоновъ въ 1-й арміи генерала Куроки, хотя вообще о резервныхъ войскахъ и по сіе время не имѣется опредѣленныхъ свѣдѣній, и вполнѣ можно предполагать, что по нѣсколько баталіоновъ ихъ было и въ другихъ арміяхъ. Что же касается намѣреній и дѣйствій японцевъ, то вся 2-я японская армія генерала Оку занимала широкій квартиро-бивачный раіонъ на лѣвомъ берегу р. Сеніокахэ, выставивъ линію аванпостовъ къ сѣверу отъ Сюнечэна, отъ берега моря до долины р. Билихэ; невозможность въ скорое время организовать довольствіе задержала эту армію у Сюнечэна до 23 іюня; къ этому времени подвозъ былъ налаженъ; помимо войсковаго обоза на повозкахъ, ручныхъ тачкахъ и вьюкахъ, были собраны значительные транспорты изъ китайскихъ подводъ; пользовались и желѣзной дорогой, передвигая вагоны, за отсутствіемъ локомотивовъ, вручную (человѣкъ по 16 на вагонъ); пришлось обратиться и къ морю; опасаясь, однако), пускать транспорты въ Печилійскій заливъ мимо Портъ-Артура, японцы къ 20 іюня организовали правильную циркуляцію флотиліи китайскихъ мореходныхъ джонокъ, всего до 70, отправлявшихся изъ Цзиньчжоуской бухты, отстоявшей всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Таліенвана, ставшаго базой для 2-й арміи, и сгружаемыхъ при устьѣ р. Сеніокохэ, что, между прочимъ, было наблюдаемо и нашими разъѣздами" [2]).

„Г.-л. гр. Келлеръ уже увѣрился въ неправильности поступавшихъ ранѣе донесеній объ обходѣ праваго фланга Восточнаго отряда и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился, что попытки развѣдокъ посредствомъ высылки небольшихъ командъ охотниковъ, задерживаемыхъ въ ихъ движеніи сильнымъ и бдительнымъ японскимъ сторожевымъ охраненіемъ, не даютъ никакихъ результатовъ; поэтому онъ рѣшилъ для болѣе вѣрнаго опредѣле-

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 242.
[2]) Тамъ же, стр. 244—245.

нія числа японскихъ войскъ передъ Янзелинской позиціей произвести въ ночь на 21 іюня усиленную рекогносцировку не менѣе, какъ тремя баталіонами, о чемъ и донесъ командующему арміей [1]).

„Назначенные для этой развѣдки 2-й б-нъ 10-го и 2-й б-нъ 24-го В.-С. стр. полковъ подъ начальствомъ полк. Лечицкаго и три роты 2-го б-на 22-го В.-С. стр. полка подполк. Горницкаго собрались къ Тхавуану къ 11 ч. вечера 20 іюня. Полк. Лечицкому было указано выступить въ 1 ч. ночи на 21 іюня, слѣдовать на Хоянъ—Чиндяпуза—Лидяпуза, занять первый гребень перевала Уфангоуанъ (съ кумирнями), опредѣлить силы противника и немедленно возвратиться къ Тхеншуйдзану, чтобы успѣть выйти въ тылъ японскому баталіону, проникшему за р. Ланхэ, якобы наступавшему противъ кап. Агапѣева. Колонна подполк. Горницкаго должна была служить собственно заслономъ съ юга для полк. Лечицкаго, выдвинувшись черезъ Макуменза и занявъ перекрестокъ дорогъ на перевалы Лахолинъ и Синкаймингъ; обѣимъ колоннамъ приказано было при встрѣчѣ съ японцами до разсвѣта отнюдь не стрѣлять, а дѣйствовать штыками“.

„Въ 1 ч. ночи на 21 іюня выступила отъ Тхавуана колонна полк. Лечицкаго, имѣя въ головѣ 2-й батальонъ 10-го В.-С. стр. полка (13 оф., 650 н. ч.), предшествуемая по дорогѣ и по обѣимъ ея сторонамъ партіями охотниковъ (по 1 оф. и 30 н. ч.); въ $1^3/_4$ ч. ночи двинулась на Мукденъ и колонна подполк. Горницкаго; при движеніи на перекресткахъ дорогъ отъ колонны полк. Лечицкаго было оставлено въ качествѣ заслоновъ по полуротѣ 2-й роты 24-го полка“.

„Между 3 и $3^1/_2$ ч. утра, еще въ темнотѣ, въ обѣихъ колоннахъ началась перестрѣлка.

„Колонна подполк. Горницкаго, съ охотниками впереди, у перекрестка дорогъ на Лахолинъ и Синкайлинъ, натолкнулась на японскую сторожевую заставу, силою до полуроты, давшую залпъ въ упоръ; затѣмъ началась штыковая свалка; японцы разсѣялись; подошла другая японская полурота, открывшая безпорядочный огонь и затѣмъ отошедшая; къ $3^1/_2$ ч. утра подполк. Горницкій занялъ перекрестокъ, имѣя 8-ю роту поперекъ долины,

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 276.

а 6-ю и 7-аю—выдвинутыми уступами впередъ на горы по обѣ стороны дороги.

„Колонна полк. Лечицкаго до дер. Лидяпуза японцевъ не встрѣчала; они держали небольшую заставу, силою до взвода, уже за этой деревней, въ то время какъ 1-й батальонъ 30-го японскаго пѣх. полка занималъ двумя ротами новую кумирню на с.-в. отъ первой, имѣя четвертую роту въ резервѣ на вершинѣ перевала".

„Японская застава въ восточной части дер. Лидяпузы, повидимому, была захвачена врасплохъ и послѣ штыковой свалки удалилась на скалистую сопку къ востоку отъ деревни, открывъ оттуда еще въ темнотѣ стрѣльбу по приближавшейся нашей колоннѣ".

„Полк. Лечицкій немедленно отдѣлилъ на сопку 5-ю роту 24-го полка, чтобы захватить японскую заставу и выйти на перевалъ съ праваго фланга противника, а остальнымъ частямъ колонны приказалъ продолжать по дорогѣ отъ Лидяпуза движеніе на перевалъ; однако, это не было исполнено, ибо вслѣдъ за 5-й ротой, бросившейся съ крикомъ „ура" на сопку, увлеклись и 7-я и 8-я роты 10-го и всѣ три роты 24-го полка, предполагая, что на этой сопкѣ и находятся именно главныя силы противника; только 6-я рота 10-го полка продолжала подъемъ на перевалъ и была встрѣчена огнемъ другой небольшой японской заставы, спустившейся отъ новой кумирни и засѣвшей въ кустахъ; снова произошла штыковая свалка; японцы были выбиты и отошли шаговъ на 300 назадъ, къ опушкѣ небольшой рощи (къ западу отъ новой кумирни); тѣмъ временемъ отдѣлившіяся по выходѣ изъ дер. Лидяпуза наши роты (7-я и 8-я 10-го и 5-я, 6-я и 7-я 24-го полковъ) обогнули остроконечную сопку и, миновавъ ее, стали тоже подыматься на перевалъ, выходя къ 6-й ротѣ 10-го В.-С. стр. полка, которая хотя новой штыковой атакой и выбила японцевъ съ опушки лѣса, но, понеся значительныя потери (52 чел.), сама впередъ продвинуться уже не могла и залегла; въ раіонѣ къ сѣверу отъ дороги на перевалъ 5-я рота 24-го полка натолкнулась на спускавшуюся отъ старой кумирни японскую роту, и здѣсь тоже произошла штыковая свалка. Въ виду темноты и пересѣченной мѣстности, бой, конечно, не былъ лишенъ нѣкоторой доли безпорядочности; каждая рота дѣйствовала отдѣльно".

„Къ началу разсвѣта всѣ наши семь ротъ находились на гребнѣ и въ рощѣ къ западу отъ новой кумирни; происходила сильная безпорядочная стрѣльба, а мѣстами и штыковыя свалки; партіи японской пѣхоты, поднявшіяся на высоты къ югу отъ новой кумирни и спустившіяся на скатъ впереди старой,—обстрѣливали съ обоихъ фланговъ наши роты, частью разсыпавшія цѣпи, частью же сбившіяся въ кучки; съ разсвѣтомъ наши потери значительно усилились. Имѣя цѣлью лишь развѣдать силы противника, занимавшія перевалъ и опредѣлившіяся до полка пѣхоты безъ орудій, полк. Лечицкій около $5^1/_2$ ч. утра началъ отходить съ занятаго гребня; при отступленіи на Лидяпуза и далѣе вдоль большой дороги, веденномъ вообще перекатами, съ остановками и стрѣльбой, и были понесены главныя потери, распредѣлившіяся почти равномѣрно между всѣми ротами; на пути получилось, въ отмѣну прежняго, приказаніе г.-л. гр. Келлера отходить прямо на Тхауванъ".

„Для обезпеченія отхода полк. Лечицкаго на высоты впереди Хояна была выдвинута 3-я рота и пѣшіе охотники 1-го баталіона 24-го В.-С. стр. полка. Въ 8 ч. утра всѣ роты, принимавшія участіе въ развѣдкѣ, стянулись къ Тхавуану" [1]).

„20 іюня отъ командующаго арміей г.-л. гр. Келлеръ получилъ извѣстіе, что его отрядъ усиливается 1-й бригадой 9-й пѣх. дивизіи и цѣлью ему ставится переходъ въ наступленіе силами до 26 б-новъ, для прочнаго занятія оставленныхъ нами позицій на перевалахъ Фыншуйлинскаго хребта" [2]).

„29 іюня г.-ад. Куропаткинъ телеграфировалъ начальнику Восточнаго отряда:

„Намъ необходимъ успѣхъ; его ждутъ въ Россіи, въ арміи; на Вашу долю выпадаетъ начать наступательный періодъ войны. Очень прошу—самымъ тщательнымъ образомъ подготовьтесь сами и подготовьте войска къ предстоящей имъ работѣ; принимайте въ расчетъ медленность движенія безъ дорогъ по горамъ; примите мѣры, чтобы на вьюкахъ подвозили воду; на ночлегѣ добейтесь, чтобы люди получали горячую пищу,—консервы, варка въ котелкахъ, шашлыки, что хотите,—но люди должны имѣть чай и если не супъ, то мясо. Очень обдуманно ведите атаку на укрѣпленія японцевъ; надо подготовить саперъ встрѣтить устроен-

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 337—340.
[2]) Тамъ же, стр. 342.

ныя мѣстныя препятствія; широко практикуйте обходы; гдѣ только можно, втаскивайте нѣсколько, даже одно орудіе, обезпечьте пополненіе патроновъ; обезпечьте отвозъ раненыхъ; обдумайте, какъ организовать связь колоннъ телефонами, телеграфами, летучей почтой и геліографами" [1]. Да, трудно воевать, когда приходится давать командиру корпуса подобныя наставленія наканунѣ начала наступательной операціи.

„Рѣшая вопросъ о переходѣ въ наступленіе Восточнаго отряда въ первые дни іюля, командующій арміей изъ всей совокупности свѣдѣній о противникѣ не имѣлъ еще возможности вывести опредѣленное представленіе о силахъ противника, съ которыми предстояло встрѣтиться г.-л. гр. Келлеру, и 30 іюня телеграфировалъ ему":

„Весьма желательно выяснить, какія передъ вами находятся силы и какое ихъ расположеніе; ваши лазутчики работаютъ плохо; донесеній Кузьмина давно не получаю; не слѣдуетъ ли послать смѣльчаковъ пробраться въ расположеніе противника и его тылъ; не слѣдуетъ ли сдѣлать рекогносцировку?" [2].

„Дѣйствительно, кажется не совсѣмъ понятнымъ, почему штабъ Восточнаго отряда, выяснивъ своими развѣдками почти двойное противъ себя превосходство силъ противника, при постоянномъ притокѣ подкрѣпленій, продолжалъ, тѣмъ не менѣе готовиться къ переходу въ наступленіе, не обративъ вниманія командующаго арміей на несоотвѣтствіе подобной операціи. Позволительна одна догадка, что начальствующій персоналъ Восточнаго отряда, находя, подобно г.-м. Мищенко, необходимымъ ставить командующаго арміей въ полную освѣдомленность о всѣхъ данныхъ, полученныхъ развѣдкой, самъ достовѣрности ихъ не всегда придавалъ значеніе" [3].

Покуда гр. Келлеръ собирается переходить въ наступленіе, вернемся на нѣсколько дней назадъ, чтобы выслушать разсказъ А. Свѣчина о томъ, что происходило въ Восточномъ отрядѣ со времени знаменитаго очищенія переваловъ. „Утромъ 14-го іюня японская гвардія заняла Модулинскій перевалъ. Вскорѣ затѣмъ показались передовыя японскія части. Выяснивъ, что Лахолинскій перевалъ занятъ, японцы остановились. Вѣроятно, они были

[1] В.-И. К., т. II,ч. 2, стр. 368.
[2] Тамъ же, стр. 369.
[3] Тамъ же, стр. 370.

довольны достигнутыми за день успѣхами и не предполагали сегодня насъ атаковать. Японскій постъ расположился въ 1400 шагахъ отъ нашей позиціи, въ фанзѣ, у подножія Лахолинскаго перевала. Все было чинно и мирно; не раздавалось ни одного выстрѣла".

„Командиръ баталіона приказалъ охотникамъ прогнать японскій постъ, который положительно мозолилъ намъ глаза. Человѣкъ тридцать охотниковъ съ молодымъ офицеромъ—моимъ субалтерномъ—бросилось подъ горку внизъ. Японцы очистили фанзу. Я видѣлъ, какъ они съ пріемами хорошихъ гимнастеровъ, по одному выходили изъ фанзы, оборачивались въ нашу сторону, затѣмъ дѣлали крутой поворотъ и скрывались бѣгомъ за извилиной дороги. Одиночная выучка и искусство гимнастики, повидимому, стояли у японцевъ очень высоко" [1]).

„Въ моментъ появленія японцевъ", продолжаетъ А. Свѣчинъ, „я былъ вызванъ къ командиру баталіона. Онъ получилъ странную задачу: произвести наступленіе на японцевъ для выясненія обстановки. Указывался весьма сложный планъ наступленія баталіона на широкомъ фронтѣ, на 10 верстъ впередъ. Роль каждой роты была подробно расчитана. Планъ былъ трудно исполнимъ, такъ какъ на первыхъ трехъ верстахъ намъ преграждали путь далеко превосходившія насъ силы японцевъ. Чтобы выполнить указанное движеніе, предварительно нужно было разбить японскую гвардію. Было надъ чѣмъ баталіонному командиру поломать себѣ голову".

„Когда я вернулся къ своему редуту, то съ ужасомъ увидѣлъ своего субалтерна, безумно храбраго поручика К-хина вскочившаго, какъ только японцы открыли огонь, на вершину горки, образовавшей средній траверсъ редута. Его фигура вырисовывалась на небѣ и была видна за 10 верстъ. Труды по маскировкѣ грозили пропасть даромъ. Я поторопился стянуть его въ окопъ".

„Вечеромъ передъ нами снова открылась феерическая картина бивачныхъ огней японской арміи. Дождь прекратился на часъ. Зрѣлище было великолѣпное, но мы не находили въ себѣ силъ любоваться имъ. И солдаты и офицеры предавались невеселымъ мыслямъ о нецѣлесообразности нашего положенія, о томъ, что горсть нашихъ, брошенная на съѣденіе японской арміи, является результатомъ чьей то-ошибки. Я вспоминалъ добрый

---

[1]) А Свѣчинъ, стр. 165.

обычай германской арміи—не выдѣлять далеко передовыхъ частей: какъ намъ говорили въ академіи, нѣмцы не высылаютъ отдѣльный баталіонъ далѣе, чѣмъ на версту. Вотъ бы, думалось мнѣ, хорошо было бы и намъ оставить тактику веденія боя одними арьергардами. У насъ не хватало уваженія къ бою. Мы думали напоскудить своему врагу, а не добиться во что бы то ни стало побѣды, и потому терпѣли пораженія“ [1]).

„Въ случаѣ наступленія японцевъ было рѣшено дать имъ на Тхавуанской позиціи только слабый отпоръ и затѣмъ отходить къ Ландясаню. Такимъ образомъ, пораженіе наше подъ Тхавуаномъ было предназначено впередъ. Пока что, близость японцевъ положительно раздражала штабъ Восточнаго отряда. Все время разрабатывались проекты легкихъ активныхъ дѣйствій для времяпрепровожденія досуговъ войскъ. Изъ области идей эти проекты начали переходить въ жизнь. Если-бъ насъ отдѣляло отъ японцевъ разстояніе хотя бы только въ 30 верстъ, задумываемыя предпріятія оказались бы ударами по воздуху, такъ какъ во время марша успѣли бы передумать и отставить наступленіе. Но до японцевъ было только 7 верстъ, и столкновеніе съ ними въ дѣйствительности происходило“ [2]).

Задумавъ произвести ночную развѣдку, „графъ Келлеръ очень разсчитывалъ на штыки; подъѣхавъ къ нашему батальону, онъ объяснялъ намъ, что японцы умѣютъ дѣйствовать только огнемъ, что они не могутъ и думать сразиться съ нами штыками; что разъ мы дорвались до нихъ, побѣда наша; надо только соблюсти два условія: во-первыхъ, дойти до японцевъ,—а ночью ихъ огонь не остановитъ насъ, и во-вторыхъ, самимъ, подъ страхомъ безчестія, ни въ коемъ случаѣ не сдѣлать ни одного выстрѣла. „Я бы пустилъ васъ въ атаку безъ патроновъ, но они могутъ вамъ понадобиться на утро“, добавилъ графъ Келлеръ“.

„Японцамъ дѣлался экзаменъ въ искусствѣ штыкового боя ночью; они его выдержали. Задача была окончательно формулирована такъ: переколоть японцевъ и отступить. Результатъ былъ такой. Мы вывели изъ строя 45 японцевъ, а сами потеряли 430 нижнихъ чиновъ и 15 офицеровъ. Главной колоннѣ пришлось отступать по долинѣ, подъ перекрестнымъ огнемъ японскихъ постовъ, что и вызвало такія потери“ [3])

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 167—169.
[2]) Тамъ же, стр. 180—181.
[3]) Тамъ же, стр. 181—182.

„Большая ошибка полагать, что успѣхъ въ ночномъ бою даетъ только грубая физическая сила. Одиночная выучка, ловкость и духъ стрѣлковъ имѣютъ рѣшительное значеніе“ [1]).

„Мнѣніе участвовавшихъ въ свалкѣ стрѣлковъ: если-бъ намъ разрѣшили стрѣлять, то ни одинъ изъ сорока столпившихся въ кучу японцевъ не ушелъ бы. Я отчасти раздѣляю это мнѣніе“ говоритъ А. Свѣчинъ“, но полагаю, что съ ночной стрѣльбой вышло бы много недоразумѣній; перестрѣляли бы своихъ. Удержать стрѣлковъ отъ ночной стрѣльбы удалось только вслѣдствіе дружной работы отдѣленныхъ и взводныхъ. Стрѣлки часто вскидывали ружья на изготовку и открывали затворы“ [2]).

„Въ 11 ч. ночи, когда только начиналось наступленіе главной колонны, мы уже достигли цѣли и вновь на мѣстѣ боя 21-го іюня атаковали охраненіе японцевъ. Поперекъ всей долины стояли теперь японскіе посты, довольно близко одинъ отъ другого. Какъ только наша колонна была обнаружена, японцы открыли пачечный огонь; вспыхивавшіе въ ночной темнотѣ огни отчетливо указывали пункты расположенія японскихъ постовъ. На этотъ разъ наша атака вышла гораздо болѣе дружной, чѣмъ 11-го іюня. Всѣ ожидали открытія японскаго огня; всѣ были подготовлены къ этому рѣзкому впечатлѣнію, и потому такихъ недоразумѣній, какъ въ прошлый разъ, не произошло. На японскій огонь весь баталіонъ отвѣтилъ крикомъ „ура!“ Первые крики, однако, совпали съ пріостановкой движенія; нѣкоторые даже пятились. Это длилось нѣсколько мгновеній; въ колоннѣ наступательныя стремленія боролись съ нерѣшительностью. Затѣмъ энергія наступленія одержала верхъ, и колонна, развертываясь на бѣгу, бросилась впередъ; никто не отставалъ, въ темнотѣ было жутко потерять свое мѣсто въ рядахъ. Роты разорвались пополамъ. Головныя полуроты бѣжали со своими ротными командирами, вторыя—съ фельдфебелями. Всѣ нацѣливались на японскіе посты. Свѣтящіяся точки быстро приближались; вдругъ все смолкло, наступила темнота: подпустивъ насъ на нѣсколько шаговъ, японцы не приняли удара и бѣгомъ отступили“.

„Было не совсѣмъ темно; тѣмъ не менѣе, пришлось употребить полчаса на сборъ баталіона; затѣмъ баталіонъ сталъ разворачиваться“ [3]).

---

[1]) А Свѣчинъ, стр. 186.
[2]) Тамъ же, стр. 187.
[3]) Тамъ же, стр. 201—202.

„Ночь была очень холодная. Мы были голодны и дрожали отъ холода, такъ какъ были очень легко одѣты. Послѣ нервнаго подъема ночной атаки хотѣлось спать. Длительность современныхъ операцій имѣетъ огромное значеніе. Теперь нормально къ началу боя человѣкъ уже измученъ, усталъ и требуетъ подкрѣпленія силъ".

„Наконецъ, стало свѣтать. Намъ было указано съ разсвѣтомъ оставаться на своихъ позиціяхъ и произвести охотниками развѣдку непріятельскаго расположенія. Непріятель былъ очень близко передъ нами; охотникамъ не пришлось далеко ходить".

„Послѣ развертыванія ночью въ боевой порядокъ, разсвѣтъ производитъ впечатлѣніе поднятія занавѣса въ театрѣ. Я съ любопытствомъ началъ разсматривать развернувшуюся передо мною панораму" [1]).

„Первый штурмъ былъ отбитъ, но дорогой цѣной; въ лѣвофланговой полуротѣ выбыли изъ строя всѣ унтеръ-офицеры; фельдфебель и подпоручикъ Гавриковъ были убиты; большая половина стрѣлковъ была перебита. Японцы не дали намъ передохнуть и устроиться; они вновь бросились на штурмъ".

„Сзади въ 1500—2000 шагахъ, былъ какой-то нашъ полкъ, недавно прибывшій на театръ военныхъ дѣйствій. Онъ не вошелъ съ нами въ связь. Свое присутствіе онъ обнаружилъ огнемъ на дальнюю дистанцію въ направленіи нашего лѣваго фланга. Пули разбрасывались, доставалось и намъ и японцамъ. У насъ были стрѣлки, раненые, несомнѣнно, русскими пулями".

„Связь была установлена только впослѣдствіи, когда нашъ баталіонъ, собравшись, сталъ отходить на этотъ полкъ. Въ баталіонѣ очень боялись, чтобы насъ не разстрѣляли въ упоръ свои. Лучшіе гимнастеры безъ снаряженія и ружей были посланы впередъ; криками „свои, свои!" они успѣли предупредить дальнѣйшія недоразумѣнія".

„Съ моего наблюдательнаго пункта было ясно видно, какъ японцы тѣсно обложили нашу лѣвофланговую сопку и затѣмъ овладѣли ею энергичнымъ натискомъ. Изъ 70-ти занимавшихъ ее стрѣлковъ ушло человѣкъ 20. Раздались громкіе крики японцевъ — они торжествовали побѣду; затѣмъ полился огневой потокъ вдоль расположенія нашего батальона".

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 203.

„Нашу позицію, съ потерей ея ключа, нельзя, да и не къ чему было болѣе удерживать. Удары слѣва заставили батальонъ принять вправо. Это было въ 9 ч. утра“ [1]).

„Голодные, измученные, простояли мы въ полутора верстахъ отъ мѣста схватки до вечера. На мнѣ были казенные сапоги; 3-го іюля я ихъ одѣлъ въ первый разъ, а 4-го они развалились, и я ходилъ босикомъ“.

„Китайцы принесли намъ одного изъ нашихъ раненыхъ стрѣлковъ. Онъ побывалъ въ плѣну у японцевъ, но успѣлъ уползти изъ фанзы, въ которую его положили японцы вмѣстѣ со своими ранеными. Китайцы подобрали его и бѣгомъ принесли къ намъ на самодѣльныхъ носилкахъ. Одинъ китаецъ во время этого добраго дѣла былъ раненъ японцами. Мы щедро наградили носильщиковъ. Нашъ раненый показывалъ, что японцы снесли на дорогу до 40 тѣлъ своихъ убитыхъ. Нашъ батальонъ заставилъ японцевъ заплатить хорошую цѣну за понесенныя нами потери. Въ схваткѣ нашего батальона съ японскимъ выигрышъ по ариѳметикѣ потерь былъ на нашей сторонѣ, но въ тактикѣ и стратегіи—на сторонѣ японцевъ. Свои потери они наверстали съ большимъ плюсомъ въ другихъ колоннахъ“ [2]).

Характерно описаніе, данное А. Свѣчинымъ дѣйствіямъ 8 іюля. „Съ утра лилъ сильный дождь. Послѣ обѣда нашъ батальонъ выступилъ. Мы скинули наше снаряженіе и сразу промокли до костей. Къ тому же приходилось переходить въ бродъ рѣку Ланхэ, которая вздулась отъ проливного дождя; пришлось окунуться до пояса. Дождь не переставалъ. Вода лилась цѣлыми ручьями по тѣлу; дулъ вѣтеръ; становилось холодно“.

„Охотники выживали японскіе посты одинъ за другимъ. Потерь у насъ не было. Мы карабкались за охотниками. Рота растянулась по длинной горной тропинкѣ; мы наступали гуськомъ. Помню одну японскую пулю: съ громкимъ шумомъ, какъ ракета, пронеслась она вдоль всей роты надъ самымъ ухомъ и шлепнулась въ землю въ концѣ ея. Добрая половина солдатъ отвѣсила этой пулѣ поклонъ; взводные и отдѣленные, не увѣренные сами, не кивнули ли они первой вражеской гостьѣ, сердито заворчали на своихъ стрѣлковъ, поощряемые руготней фельдфебеля.

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 201—202.
[2]) Тамъ же, стр. 208—209.

„Къ вечеру мы заняли скалистую вершину. Двѣ роты, въ томъ числѣ и моя, расположились въ развернутомъ строю по обѣ стороны вершины; двѣ роты въ колоннахъ лежали въ пятидесяти шагахъ за нами. Всѣ промокли, проголодались, заледенѣли. На вершинѣ дулъ свирѣпый холодный вѣтеръ“ [1]).

„9-го іюля, послѣ того, какъ передовые посты японцевъ были оттѣснены, началось наступленіе на главную позицію. Почти безъ выстрѣла продвигались наши роты и залегли частью на 1.500 шаговъ отъ японской позиціи, частью еще ближе. Японцы не давали ни одного выстрѣла и совершенно укрылись въ окопахъ и въ складкахъ мѣстности. Наши роты тоже не хотѣли напрасно тратить патроновъ. Стрѣльба совершенно заглохла. Наши цѣпи не продвигались дальше, такъ какъ всѣ были предупреждены, что штурма не будетъ, что мы только демонстрируемъ. Пушекъ на этомъ участкѣ не было. Никакого боя не происходило; демонстрація обращалась въ какое-то недоразумѣніе. Всѣмъ хотѣлось спать, ѣсть и просушиться“.

„Демонстраціей, производимой тремя батальонами, непосредственно руководилъ самъ начальникъ дивизіи. Положеніе его становилось непріятнымъ. Планъ демонстраціи былъ составленъ по свѣдѣніямъ о противникѣ и мѣстности, доставленнымъ нашимъ начальникомъ охотничьей команды поручикомъ Константиновымъ. Онъ, конечно, явился и лицомъ, отвѣтственнымъ за неудачу. Его разнесли за скромное поведеніе японцевъ; за то, что японцы не волновались, не стрѣляли и притаились на опушкѣ лѣса въ окопѣ, будто ихъ и близко не было; за то, что противникъ игнорировалъ нашу демонстрацію. Ему категорически была поставлена задача—наступать на японцевъ „и чтобъ они стрѣляли“, добавилъ генералъ-маіоръ Р.“

„Съ высоко поднятымъ челомъ двинулся на японцевъ поручикъ Константиновъ со своими сорока охотниками. Всѣ они знали, что идутъ на смерть. Но они были заподозрѣны въ доставленіи ошибочныхъ свѣдѣній и смертью своею должны были подтвердить наличность японцевъ на чернѣвшей опушкѣ лѣса... Наступленіе старой гвардіи подъ Ватерлоо представляетъ поблекшую картину въ сравненіи съ этимъ мрачнымъ самопожертвованіемъ сорока охотниковъ N—аго полка. Развернувшись въ цѣпь, они двинулись прямо на замаскированные японскіе окопы.

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 209—210.

„Имъ не было смысла прятаться—чѣмъ раньше обнаружатъ себя японцы огнемъ, тѣмъ легче была бы исполнена ихъ задача. Они шли прямо, по Николаевскому уставу: „отнюдь не склоняясь впередъ—пользы никакой, а моральный вредъ великъ", какъ говорилъ мой батальонный командиръ".

„Японцы подпустили нашихъ охотниковъ на 70 шаговъ къ своимъ окопамъ, послѣ чего открыли пачечный огонь. Они стрѣляли; слѣдовательно, задача охотниковъ была исполнена. Минуты три рокотали пачки".

„Для спасенія охотниковъ было указано одной полуротѣ произвести наступленіе на японцевъ. Она продвинулась на 600 шаговъ къ нимъ, потеряла около двадцати стрѣлковъ и дала возможность уползти къ намъ одному изъ раненыхъ охотниковъ. Остальные погибли".

„Съ невеселымъ чувствомъ возвращались мы вечеромъ 9-го іюля съ нашей демонстраціи. Японцы нисколько не были напуганы ею. Еще утромъ 9-го іюля, по заявленію Гамильтона, ему сказали про эту операцію въ штабѣ Куроки, что она ничего серьезнаго не представляетъ".

„Намъ эти пустяки стоили доблестнаго офицера, 65 стрѣлковъ и 30 часовъ страшнаго напряженія, голоданія и утомленія. Въ моральномъ отношеніи это жалкое проявленіе активной дѣятельности принесло намъ огромный вредъ".

Ночное предпріятіе частей Восточнаго отряда нашло ясно выраженную оцѣнку въ трудѣ А. Н. Виноградскаго, гдѣ читаемъ:

„Принимая во вниманіе неснаровистость нашу и отсутствіе подготовки къ дѣйствіямъ въ горахъ, въ Восточномъ отрядѣ пришли къ выводу о желательности попытать счастье въ ночномъ бою, гдѣ думали найти широкое поле дѣйствій для штыка. Артиллеріи рѣшено было изъ-за свойствъ мѣстности не придавать, за малымъ исключеніемъ, пѣхотѣ; впрочемъ, главнымъ стимуломъ отказа отъ нея въ предстоящемъ наступленіи являлся страхъ потери орудій, охватившій весь командный персоналъ послѣ Тюренчена и коснувшійся даже гр. Келлера, всегда цѣнившаго артиллерію. Въ концѣ концовъ, остановились на 3 (16 іюля) для выполненія предположенной атаки" [2]).

„Лишенныя поддержки артиллерійскаго огня, наши атакующія части остановились; наступательный порывъ ихъ былъ

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 217—219.
[2]) А. Н. Виноградскій, вып, 2. стр. 47.

сломленъ и шансы на успѣхъ сразу понизились. Японская батарея перенесла вскорѣ свой огонь на занятую нами высоту съ кумирней и быстро принудила насъ очистить ее. Въ началѣ 10-го часа въ средней колоннѣ, по приказанію гр. Келлера, убѣдившагося лично въ безрезультатности для насъ боя и въ отсутствіи надежды на благопріятный поворотъ, началось отступленіе, чѣмъ воспользовались японцы и, подкрѣпленные частями 29-го полка, сами перешли въ наступленіе. Мы отходили въ блестящемъ порядкѣ, цѣпляясь за мѣстные предметы и вызывая удивленіе противника спокойствіемъ и стройностью движенія. Для поддержки отступавшихъ гр. Келлеръ выдвинулъ къ востоку отъ Тхавуана 29-й В.-С. стр. полкъ и 2-ю батарею 3-й В.-С. стр. арт. бригады, которая значительно способствовала своей мѣткой, методичной стрѣльбой задержанію японцевъ и показала, что можетъ при хорошей тактикѣ огня сдѣлать хоть бы одна скорострѣльная батарея. Вскорѣ натискъ японцевъ прекратился, и къ 5 ч. пополудни бой въ этомъ раіонѣ совершенно затихъ“ [1]).

Изучая этотъ ночной бой, А. Виноградскій не входитъ въ детали, а отмѣчаетъ только, „что, къ сожалѣнію, блистательная храбрость нашихъ трехъ батальоновъ и энергичный ихъ натискъ разбился о прекрасное маневрированіе японскихъ восьми ротъ 16-го полка (главный ударъ нашъ приняли изъ нихъ собственно пять), знаніе ими мѣстности, использованіе ея, а главное—подвижность и упорство, злобность ихъ. Неоднократно нашъ порывъ впередъ и стремительныя атаки самаго чувствительнаго участка боевого порядка японцевъ—оконечности праваго фланга—казалось, должны были дать успѣхъ, но каждый разъ противникъ поспѣвалъ, благодаря хорошему маневрированію, противопоставить намъ заслонъ достаточной силы, который не ограничивался пассивной обороной, но самъ неоднократно атаковывалъ. Такой способъ дѣйствій, т.-е. полное использованіе своего превосходства въ подвижности, при чемъ одна и та же часть поперемѣнно появлялась черезъ очень краткіе промежутки времени на нѣсколькихъ наиболѣе угрожаемыхъ пунктахъ боевого участка, вводилъ насъ въ заблужденіе и вызывалъ значительно преувеличенную оцѣнку силъ японцевъ“ [2]).

---

[1]) Виноградскій, вып. 2, стр. 50.
[2]) Тамъ же, стр. 50—51.

„Въ результатѣ, Восточный отрядъ опять потерпѣлъ неудачу, на этотъ разъ, главнымъ образомъ, моральнаго свойства. Хотя потери были довольно велики, а именно—достигали около 1500 ч. выбывшими изъ строя, но съ ними можно было бы помириться, если бы удалось вернуть утраченные перевалы. Въ данномъ же случаѣ мы только сохранили свои позиціи у Янзелина, и наступленіе Восточнаго отряда, которое намѣчалось гр. Келлеромъ съ конца іюня и должно было явиться первымъ этапомъ болѣе широкаго плана, уничтоженія всѣхъ японскихъ армій, начиная съ Куроки, и выручки Артура, оказалось безрезультатнымъ. Предпринявъ ночной бой, мы разсчитывали избѣгнуть послѣдствій нашей болѣе низкой сравнительно съ японцами, боевой подготовки, используя внезапность, штыкъ и героическую храбрость нашихъ войскъ. Этими тремя исходными данными мы собирались парировать болѣе искусное маневрированіе противника и выгоды, даваемыя ему мѣстностью въ роли обороняющагося. Очевидно, что нравственныя послѣдствія неудачи при подобной обстановкѣ, созданной себѣ нами самими и оцѣнивавшейся нами же въ благопріятномъ смыслѣ, должны были быть велики. Знай мы, что съ нашими 18 баталіонами имѣли дѣло, собственно говоря, лишь 8½ японскихъ, успѣшно насъ отразившихъ съ потерей только 350 чел., моральный барометръ у командного состава палъ бы еще болѣе низко. Послѣ боя мы получили впечатлѣніе превосходства японцевъ въ силахъ,—впечатлѣніе, явившееся слѣдствіемъ подвижности и маневрированія противника, а также растянутаго боевого порядка, и вывели заключеніе, что сражались съ значительно превосходившими насъ на всемъ фронтѣ силами. Неудача наша произвела глубокое впечатлѣніе на гр. Келлера, вѣрно понимавшаго дѣйствительную обстановку. Въ донесеніи командующему арміей онъ, въ силу рыцарскихъ свойствъ своего характера, обвинялъ за неудачный исходъ боя исключительно себя и не скрывалъ, что мы, по его мнѣнію, превосходили японцевъ численностью“ [1]).

„Въ результатѣ, нашей пѣхотѣ, лишенной поддержки артиллерійскаго огня, пришлось имѣть дѣло и съ пѣхотой и съ артиллеріей противника, вслѣдствіе чего она попала въ тяжелое положеніе. Очевидцы со стороны японцевъ единодушно воздаютъ честь храбрости нашей пѣхоты, но она, не владѣвшая въ пол-

---

[1]) А. Н. Виноградскій, вып. 2, стр. 51.

ной мѣрѣ искусствомъ веденія боя въ горахъ, одна не могла дать намъ побѣды и ея энергичныя, но разрозненныя атаки разбивались объ упорное сопротивленіе хотя и меньшаго числомъ, но болѣе искуснаго противника“ [1]).

Бой ген. Гершельмана подъ Сихеяномъ не приводится въ подробномъ описаніи съ цѣлью упростить рисовку картины военныхъ дѣйствій на всемъ театрѣ войны, но съ оцѣнкой значенія этого боя нельзя не познакомиться.

„Двухдневный бой подъ Сихеяномъ стоилъ намъ 9 офицеровъ и около 350 чел. выбывшими изъ строя; японцы показываютъ свой уронъ въ 420 чел., но эти цифры относятся, очевидно, только къ 6 іюля, а включая сюда потери перваго дня— онѣ достигаютъ minimum 700 человѣкъ“.

„Дѣло подъ Сихеяномъ, хотя и незначительное по размѣрамъ, представляетъ, однако, блестящую для насъ страницу въ исторіи прошлой кампаніи, обрисовываетъ высокія качества нашихъ войскъ и обнаружило, на что они способны подъ командой энергичнаго, талантливаго военачальника“ [2]).

Академическія сообщенія о войнѣ, касаясь дѣйствій въ горахъ лѣтомъ 1904 года, указываютъ, что „мы вели оборону все время выжидая дѣйствій противника, предоставляя починъ ему; организовали борьбу на фронтѣ, но не противъ сообщеній противника, не придавали значенія переваламъ горнаго хребта; конницей развѣдывали въ горахъ и зачастую направляли ее поперекъ хребтовъ. Вся наша оборона жалась къ Ляояну, между тѣмъ, направленіе Бенсиху-Мукденъ имѣло капитальное значеніе, такъ какъ вся задача 10-го армейскаго корпуса была вызвана опасеніемъ, что Куроки перейдетъ на сѣверный берегъ Тайдзыхэ. Инженерная подготовка ограничилась укрѣпленіемъ только Ляояна и полевыхъ позицій, а подготовки линіи Ляоянъ— Бенсиху и путей къ Мукдену, укрѣпленія переваловъ вовсе не было. Указавъ эти главныя черты нашей подготовки къ операціи, всего, въ чемъ могло выразиться творчество и знаніе высшаго команднаго элемента, приходится заключить, что мы не хотѣли знать, а еще правильнѣе,—не хотѣли вѣрить выводамъ опыта предыдущихъ войнъ, веденныхъ на горныхъ театрахъ, а рѣшили дѣйствовать по своему, испытать все собственнымъ

[1]) А. Н. Виноградскій, вып. 2, стр. 52.
[2]) Тамъ же, стр. 59.

опытомъ. Относительно исполненія операціи, управленія, сосредоточенія войскъ къ бою, введенія резервовъ—надо отмѣтить, что горный театръ требуетъ постановки широкихъ задачъ, предоставленія иниціативы подчиненнымъ, рѣшимости и энергіи при пользованіи резервами въ бою, отнюдь не теряя времени на детальныя выясненія обстановки, т.-е. всего того, что отсутствовало у насъ“ [1]).

„Всѣ бои лѣтняго періода остались нерѣшительными, несмотря на частные успѣхи японцевъ; и въ этомъ подтвердилось обычное свойство горныхъ боевъ, не позволяющее использовать въ полной мѣрѣ превосходство силъ, такъ какъ численность развертываемыхъ войскъ зависитъ отъ размѣровъ долинъ. Всѣ наши войска отходили въ порядкѣ даже послѣ неудачъ, а въ бою подъ Дашичао японцы были жестоко отбиты, и все же мы отходили и отходили... Вновь выясняется положеніе горной войны, что съ прорывомъ въ одномъ пунктѣ, 18-го іюня подъ Дапудзой,—падаетъ вся оборона южной группы, или съ обходомъ фланга подъ Сихеяномъ—весь отрядъ отходитъ... и таковъ всегда будетъ результатъ пассивной обороны, въ горахъ если не организовать сильныхъ дѣйствій на сообщеніе противника или не имѣть рѣшимости употребить въ дѣло резервы; починъ въ дѣйствіяхъ, рѣшимость имѣютъ главное значеніе“ [2]).

Между тѣмъ, на южномъ фронтѣ къ концу іюня назрѣвалъ отходъ на позицію у Ташичао.

„Послѣ дѣла 26 іюня у Кайчжоу 1-й и 4-й Сиб. арм. корпуса отведены были въ раіонъ позиціи, избранной къ югу отъ ст. Ташичао.

„Эти корпуса, составившіе южную группу Манчжурской арміи общею силою до 48 б-новъ, 50 эск. и сотенъ и 124 ор., охраняли пространство отъ берега моря до с. Панядзянъ, протяженіемъ по фронту до 40—50 верстъ, считая по воздушной линіи; необходимость охраны порта Инкоу, потребовавшая 2 б-на и 8 ор.; увеличивала эту линію еще на 20 верстъ“ [2]).

„Такъ какъ раіоны дѣйствій 1-го и 4-го Сиб. арм. корпусовъ пришли уже въ тѣсное соприкосновеніе то командующій арміей, на случай предполагавшагося своего отъѣзда на восточный фронтъ,

---

[1]) Р.-Яп. в. въ сообщ. Акад. Ген. Шт., ч. 1, стр. 68—69.
[2]) Тамъ же, стр. 69.
[3]) В.-И. К., т. II, ч. 2, стр. 382.

возлагалъ общее руководство дѣйствіями обоихъ корпусовъ южной группы на г.-л. Зарубаева, однако, съ тѣмъ условіемъ, чтобы настоящая группировка по корпусамъ не была нарушаема безъ разрѣшенія командующаго арміей“ [1]).

Грядущія боевыя дѣйствія обѣщали быть не изъ легкихъ, благодаря особенностямъ манчжурскаго климата и почвы.

Отъ перепадавшихъ 6 и 7 іюля дождей береговая дорога въ Инкоу сдѣлалась совершенно непроходимою; къ морю близко тоже подойти было нельзя, и оно наблюдалось издали; раіонъ къ западу отъ ж.-д. полотна еще болѣе наводнился; нашъ правый боковой отрядъ у Хуанлянбуй стоялъ какъ бы на островѣ; движеніе разъѣздовъ оказывалось возможнымъ только по тропинкамъ въ гаоляновой чащѣ, которой пользовались мелкія японскія партіи, подползавшія и перестрѣливавшіяся съ нашими постами“ [2]).

---

[1]) В.-И. К., т. II., ч. 2, стр. 385.
[2]) Тамъ же, стр. 407.

Глава 5.

Іюльскіе бои.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію этого боевого періода, считаю полезнымъ предпослать краткое изслѣдованіе вопроса о нашихъ отношеніяхъ къ мѣстному населенію, въ видахъ полноты характеристики нашихъ войскъ.

„Несмотря на то разореніе“, „говорится въ трудѣ Военно-Исторической Комиссіи, „которое армія приносила мѣстному населенію, разрушая ихъ жилища, уничтожая засѣянныя поля, лишая сотни бѣднаго населенія крова и имущества, отношенія населенія къ русской арміи (въ теченіе всей кампаніи) нельзя назвать враждебными. Конечно, не было данныхъ для того, чтобы населеніе театра военныхъ дѣйствій намъ особенно симпатизировало, и въ расчеты сельскаго населенія могло входить лишь единственное желаніе—скорѣйшее окончаніе военныхъ дѣйствій, для чего можно было бы всѣми мѣрами содѣйствовать той сторонѣ, которая начнетъ брать перевѣсъ. Но, несмотря на наши неудачи и постоянныя отступленія, перенесенія симпатій населенія на сторону японцевъ не замѣчалось.

„Свѣдѣнія, получаемыя японцами о нашей арміи отъ китайцевъ, покупались за деньги (что практиковалось и нами)“.

„Наше продолжительное пребываніе на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, постоянныя сношенія и даже знакомства съ мѣстнымъ населеніемъ, а затѣмъ отступленіе давали японцамъ полную возможность, по занятіи оставленныхъ нами раіоновъ, устанавливать съ большою точностью №№ полковъ, дивизій, батарей, численность войскъ, занимавшихъ данный раіонъ и отошедшихъ по извѣстному направленію“.

„Единичные случаи сигнализаціи, производившейся китайцами, тоже не могутъ доказывать непріязни населенія къ нашей арміи. Дѣло все зависѣло отъ ролей армій: одна все наступала, другая постоянно отходила. Если бы перемѣнились роли армій—перемѣнился бы и характеръ этихъ частныхъ случаевъ“.

„Населеніе охотно доставляло арміи все необходимое и безпрепятственно принимало русскія бумажныя деньги“.

„Единичные случаи враждебныхъ намъ воззваній (прокламацій) къ населенію были подчасъ бредомъ ихъ полоумныхъ авторовъ или какихъ-либо фанатиковъ, а многія изъ воззваній были весьма неопредѣленаго, туманнаго характера“.

„Если со стороны китайцевъ и бывали случаи шпіонства и сигнализаціи въ пользу японцевъ, то бывали случаи и обратные:—общей молитвы и гаданій о результатахъ войны, при чемъ результатъ гаданія, давшій косвенное предсказаніе объ успѣхѣ русскихъ, вызвалъ даже всеобщую радость мѣстнаго населенія“.

„Лучшимъ мѣриломъ отсутствія вражды со стороны мѣстнаго населенія къ нашей арміи было отношеніе къ китайцамъ массы арміи. Наши солдаты держали себя съ китайцами дружески, шутили и съ удовольствіемъ объяснялись съ ними на какомъ-то импровизированномъ русско-китайскомъ языкѣ. Этимъ же платили намъ и китайцы, проявлявшіе иногда высокочеловѣколюбивое отношеніе къ нашимъ раненымъ. Бывали примѣры, что раненые на развѣдкахъ впереди фронта арміи, въ сферѣ дѣйствія непріятельскихъ передовыхъ частей, наши солдаты подбирались въ гаолянѣ мѣстными жителями, доставлявшими ихъ въ свои жилища и затѣмъ вывозившими ихъ въ ночное время въ мѣста расположенія русскихъ отрядовъ“.

„Только извѣстная категорія населенія могла причинять неудобства для нашей арміи; это были хунхузы“.

„Шайки бездомныхъ и безработныхъ подонковъ края, частью недовольныхъ своимъ правительствомъ, частью имѣвшихъ врожденную склонность къ грабежамъ, убійствамъ и легкимъ способамъ наживы, собирались въ отряды различной величины, грабили транспорты товаровъ, принадлежащихъ китайскимъ купцамъ, изрѣдка нападали на наши обозы въ тылу и производили внезапныя нападенія на линію желѣзной дороги“.

„Такія шайки за денежное вознагражденіе готовы были служить и тѣмъ и другимъ. Весь вопросъ заключался въ умѣніи воспользоваться такимъ матеріаломъ въ свою пользу“ [1]).

„Въ первыхъ числахъ іюля (стараго стиля) въ г. Кайджоо (Гайчжоу) прибылъ главнокомандующій японскими арміями мар-

[1]) В.-И. К., т. III., ч. I, стр. 21.

шалъ маркизъ Ойяма со своимъ полевымъ штабомъ и вступилъ въ командованіе Манчжурскими арміями, которыя къ этому времени владѣли уже главнѣйшими горными проходами Феншунлинскаго и Сюнешаньскаго хребтовъ".

„1-я армія маршала барона Куроки, въ составѣ: 2-й бригады гвардейской дивизіи, 2-й и 12-й дивизій, общею силою въ 30 баталіоновъ, 9 эскадроновъ, 3 піонерныхъ баталіона и 120 орудій, наступая по главнѣйшимъ путямъ, ведущимъ отъ г. Фынхуанчена къ г. Ляояну, въ первыхъ числахъ іюля развернулась отъ Феншуйлинскаго перевала до верховьевъ р. Сяоцзаохэ, у д. Талюдяпуцзы, на фронтѣ въ 60-70 верстъ".

„2-я армія ген. барона Оку, въ составѣ 3-й, 4-й, 5-й и 6-й дивизій, 1-й кавалерійской и 1-й арт. бригадъ, общею силою въ 47 баталіоновъ, 20 эскадроновъ, 4 піонерныхъ баталіона и 258 орудій, расположилась въ окрестностяхъ г. Кайджоо."

„Для связи между 1-ю и 2-ю арміями наступала 10-я дивизія, усиленная 1-ю бригадою гвардейской дивизіи, общею силою въ 13 баталіоновъ, 3 эскадрона, 36 горныхъ орудій и 1 піонерный баталіонъ. Этотъ отрядъ, овладѣвшій въ послѣднихъ числахъ іюня Чипанлинскимъ и Далинскимъ перевалами, пріостановилъ свое дальнѣйшее наступленіе и выслалъ отъ занятыхъ имъ переваловъ на полперехода впередъ свои передовыя части".

„Такимъ образомъ, японскія арміи, общею силою въ 96—100 баталіоновъ, 32 эскадрона и 408 орудій, развернулись отъ верховьевъ р. Сихэ до побережья Ляодунскаго залива, на фронтѣ въ 190 верстъ".

„Командующему русскою арміею г.-ад. Куропаткину картина силъ и расположенія японскихъ армій представлялась въ нѣсколько иномъ видѣ".

„Наша армія, числившая къ 1 іюля въ своихъ боевыхъ рядахъ 139½ батал., 119¾ сотенъ и эскадроновъ и 492 орудія, прикрывая пути къ Ляояну съ юго-запада, юга и юго-востока, была расположена въ двухъ группахъ".

„Южная группа, подъ личнымъ руководствомъ г.-ад. Куропаткина, общею силою (съ боковыми отрядами) въ 97 баталіоновъ, 77¼ сотенъ и экадроновъ и 16 пулеметовъ, занимала раіонъ Инкоу—Ташичао—Симученъ—Хайченъ".

„1-й и 4-й Сибирскіе армейскіе корпуса, общею силою въ 45 баталіоновъ, 30 сотенъ и эскадроновъ и 116 орудій занимали

раіонъ сильно укрѣпленной Ташичаоской позиціи, преграждая путь наступленія 2-й японской арміи Оку на Хайченъ—Ляоянъ".

„2-й Сибирскій армейскій корпусъ г.-л. Засулича, общею силою въ 31 баталіонъ, 12 сотенъ и 72 орудія, составляя заслонъ, прикрывавшій правый флангъ и тылъ 1-го и 4-го корпусовъ противъ арміи Нодзу, передовыя части которой наступали отъ Сюяня и заняли Далинскій и Пханлинскій перевалы, занималъ укрѣпленную позицію у д. Кангаулинъ."

„По имѣвшимся въ штабѣ арміи свѣдѣніямъ, противъ Ташичаоскихъ позицій, въ раіонѣ Чипанлинъ—Кайджоо, находилась японская армія общею силою, съ предполагаемыми при ней резервными войсками, до 72 баталіоновъ".

„На Хайченскомъ направленіи (Сюянь—Хайченъ) предполагалась армія Нодзу, силою до 44 баталіоновъ".

„На восточномъ фронтѣ, на путяхъ наступленія 1-й арміи Куроки отъ г. Фынхуанчена—на г. Ляоянъ и отъ гор. Саймацзы также на Ляоянъ и на Мукденъ, на линіи Тхавуанъ—Сихэянъ—Гаолинцзы были расположены наши отряды г.-л. графа Келлера, г.-м. Гершельмана, Любавина, общею силою въ 42½ баталіона, 43½ сотенъ и 135 орудій".

„Противъ нихъ наступала армія маршала Куроки, опредѣлявшаяся, по свѣдѣніямъ развѣдывательнаго отдѣленія нашего штаба, съ резервными войсками до 76 баталіоновъ".

„Такимъ образомъ, хотя наша армія и занимала по отношенію къ японскимъ арміямъ, растянувшимся по фронту на 190 верстъ, внутреннее положеніе, но, по имѣвшимся въ то время даннымъ, значительно уступала имъ въ силахъ. По даннымъ развѣдывательнаго отдѣленія, общая сила японскихъ армій въ первыхъ числахъ іюля опредѣлялась отъ 136 до 192 баталіоновъ. Свѣдѣнія эти были весьма не точны и сбивчивы. Самъ командующій арміей не вполнѣ довѣрялъ составляемымъ сводкамъ, несознавая, что по получаемому противорѣчивому матеріалу невозможно было составить болѣе опредѣленныхъ данныхъ, и въ телеграммахъ своихъ военному министру и Намѣстнику 26 іюня 1904 года исчислялъ три японскія арміи въ 10 дивизій съ тремя резервными бригадами (т.-е. въ 138 батал.), полагая, что противъ нашей восточной группы и отъ г. Сюяня дѣйствовало всего до 80 баталіоновъ, а противъ южной группы—50 баталіоновъ, а всего около 130 баталіоновъ".

Намѣстникъ ясно сознавалъ важное значеніе арміи Куроки. „Уже съ первыхъ чиселъ мая во всѣхъ своихъ письмахъ и директивахъ командующему арміей онъ выражалъ желаніе употребить всѣ возможныя силы, дабы оттѣснить и даже разбить сначала только эту армію, и только послѣ этого обратиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ остальныхъ японскихъ армій“ [1]).

По имѣющимся же теперь даннымъ выясняется, что распоряженія Куропаткина „приводили къ тому что занимавшія укрѣпленныя позиціи войска южной группы, общею силою въ 97 бат., должны были отходить въ случаѣ наступленія армій Оку и Нодзу, общею силою свыше 90 бат., а 36 бат. графа Келлера, поддержанные 7 баталіонами 9-й дивизіи, должны были перейти въ наступленіе по гористой и крайне пересѣченной мѣстности противъ центра арміи Куроки, исчисляемой въ 72—80 баталіововъ“ [2]).

Упорная оборона Ташичаоскихъ позицій не входила въ планы командующаго арміей. „Позиціи эти г.-ад. Куропаткинъ признавалъ не соотвѣтствующими силамъ отряда, а положеніе войскъ 1-го и 4-го корпусовъ Ташичао недостаточно обезпеченнымъ, почему планъ дальнѣйшихъ дѣйствій заключался въ сосредоточеніи войскъ южной группы на позиціяхъ подъ г. Хайченомъ, которыя командующимъ арміей признавались вполнѣ соотвѣтствующими, чтобы при дальнѣйшемъ наступленіи арміи генераловъ Оку и Нодзу оказать имъ здѣсь упорное сопротивленіе. Кромѣ того, по мнѣнію командующаго арміей, мѣстность на флангахъ Ташичаоскихъ позицій не благопріятствовала дѣйствіямъ нашей конницы, тогда какъ подъ Хайченомъ г.-ад. Куропаткинъ полагалъ возможнымъ воспользоваться ея превосходствомъ надъ конницею противника.“

„Такимъ образомъ, г.-ад. Куропаткинъ рѣшилъ, въ случаѣ наступленія превосходныхъ силъ непріятеля на южную группу нашей арміи, сосредоточиваться тремя корпусами къ г. Хайчену и отдать японцамъ безъ упорнаго боя ст. Ташичао и г. Инкоу“ [3]).

„Командиромъ 1-го Сиб. корпуса положеніе войскъ на Ташичаоской позиціи признавалось сосредоточеннымъ и выгоднымъ, даже въ войскахъ замѣчалось желаніе принять на этихъ позиціяхъ рѣшительный бой; но директива, данная командую-

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 1, стр. 48.
[2]) Тамъ же, стр. 49.
[3]) Тамъ же, стр. 57.

щимъ арміей, вносила элементъ неопредѣленности. Штабъ корпуса при исполненіи полученной директивы задавался цѣлымъ рядомъ вопросовъ: „Трудно опредѣлить—говорится въ журналѣ военныхъ дѣйствій штаба 4-го Сиб. корпуса,—до какой минуты нужно держаться, на какое разстояніе допустить противника, размѣръ возможныхъ потерь не поддается никакому опредѣленію".

„Ночью на 30 іюня г.-л. Зарубаевъ получилъ отъ командующаго арміей телеграмму слѣдующаго содержанія: „Показанію плѣннаго японца въ 1-й арміи Оку всего три дивизіи пѣхоты: 4-я, 5-я, и 6-я. Очевидно, въ наши расчеты не входитъ отступленіе противъ меньшихъ силъ и даже равныхъ силъ, а только превосходныхъ силъ, имѣйте это въ виду, дабы преждевременно, до раскрытія силъ противника не начать отступленія."

„Задача корпуса,—говорится далѣе въ томъ же журналѣ,—остается, такимъ образомъ, все-таки неопредѣленной, такъ какъ бой все-таки обусловливается отступленіемъ. Ожидая полнаго выясненія силъ противника, можно втянуть большія силы въ боевую часть, и бой изъ арріергарднаго легко можетъ обратиться въ рѣшительный, чего, повидимому, не хочетъ командующій, арміей".

„...Не ясна была задача и штабу 1-го Сиб. корпуса, командиръ котораго г.-л. бар. Штакельбергъ, желая получить отъ командира 4-го корпуса болѣе точныя указанія, просилъ разъяснить: до какой степени нужно ему держаться на занятыхъ позиціяхъ. „Если это должно быть арріергарднымъ боемъ,—говоритъ онъ,—то и степень его упорства должна быть особой". На эти вопросы командиръ 4-го корпуса повторилъ лишь то, что было сообщено въ директивѣ командующаго арміей".

„Телеграммою 1 іюля № 6421 командующій арміей дополнилъ данныя директивы, указавъ г.-л. Зарубаеву мѣста расположенія резервовъ и направленіе для отступленія отряда г.-м. Мищенко".

„Неопредѣленность положенія ясно сознавалась г.-л. Зарубаевымъ. По его мнѣнію, „принять бой, а затѣмъ отступать къ Хайчену—значитъ заставить думать всѣхъ, что два корпуса побиты японцами и подъ напоромъ отступаютъ къ Хайчену". Командиръ корпуса склоняется къ тому мнѣнію, „что, пожалуй, лучше отступать безъ боя". Это мнѣніе и было на другой день доложено начальникомъ штаба корпуса командующему арміей, приблизительно, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Командиръ кор-

пуса глубоко сознаетъ необходимость сосредоточенія войскъ къ Хайчену и отлично понимаетъ важность сбереженія силъ и здоровья войскъ для рѣшительнаго боя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его превосходительство склоняется къ мысли, что если сосредоточеніе къ Хайчену будетъ произведено съ боемъ, то все значеніе этого марша не будетъ понято въ истинномъ смыслѣ не только некомпетентными лицами, но и войсками, не посвященными въ столь важныя стратегическія соображенія".

„Такимъ образомъ, отступленіе двухъ корпусовъ всей Россіею будетъ понято, какъ пораженіе двухъ корпусовъ. А потому командиръ корпуса склоняется къ тому мнѣнію, что если отступленіе необходимо, то оно должно быть произведено безъ боя. Если же необходимости въ отступленіи нѣтъ, то его превосходительство думаетъ, что силы 1-го и 4-го корпусовъ достаточны, чтобы выдержать съ честью натискъ противника, не обусловливая конечный результатъ боя отступленіемъ".

„Командующій арміей, выслушавъ докладъ ген. Вебеля, отвѣтилъ, что пока слѣдуетъ руководствоваться точно тѣми указаніями, какія онъ далъ, а что если обстановка сложится иначе, онъ своевременно дастъ особыя указанія. Такой отвѣтъ послѣдовалъ при всѣхъ лицахъ свиты и штаба, но тотчасъ же командующій арміей, отозвавъ начальника штаба корпуса въ сторону, далъ ему слѣдующія указанія—конфиденціально: „Если бы загорѣлся бой у Ташичао, то это было бы сигналомъ для боевъ и у Симучена и въ отрядѣ гр. Келлера. Это намъ невыгодно, мы еще недостаточно сильны для этого. Намъ интересно выждать еще дней 10-12, когда наша пѣхота въ достаточномъ количествѣ будетъ подвезена на театръ военныхъ дѣйствій. Отступать къ Хайчену безъ боя нельзя, ибо это повлечетъ за собою занятіе Инкоу японцами, что можетъ сильно осложнить многіе дипломатическіе вопросы. Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно возможно лучше сохранить части и во всякомъ случаѣ остерегаться большихъ потерь".

...„Наконецъ, 6 іюля для штабовъ 1-го и 4-го Сиб. корпусовъ разъяснилось неопредѣленное, а потому и тяжелое положеніе рѣшеніемъ командующаго арміей принять у Ташичао упорный бой" [1]).

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. I, стр. 58—60.

Къ сожалѣнію, подобнаго рѣшенія командующій арміей держаля недолго.

„9 іюля штабомъ 4-го корпуса были получены новыя распоряженія командующаго арміей, отнимавшія отъ войскъ южной группы сосредоточенные у ст. Ташичао резервы: бригаду 35-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей (8 батал. и 40 орудій) было приказано отправить четырьмя переходами въ Ляоянъ, всѣ поршневыя батареи (56 орудій) — въ Хайченъ, а находившійся уже на ст. Ташичао 9-й пѣх. Ингерманландскій полкъ—по желѣзной дорогѣ въ Ляоянъ“.

„Эти распоряженія командующаго арміей, наканунѣ назрѣвавшаго боя, сразу сильно ослабили войска южной группы и лишили ея массы артиллеріи (96 ор.), при чемъ, какъ увидимъ дальше, ушедшія въ Ляоянъ части войскъ нигдѣ участія въ бояхъ не приняли, проводя время въ походныхъ движеніяхъ. 7 іюля командующій арміей рѣшилъ принять личное руководство наступательными дѣйствіями 3-го Спб., 10-го и 17-го корпусовъ противъ арміи Куроки, почему общее руководство дѣйствіями войскъ на южномъ фронтѣ было возложено на г.-л. Зарубаева“ [1]).

Въ ночь на 10 іюля II японская армія начала наступленіе на Ташичаоскія позиціи. Въ теченіе 10 числа она ограничилась канонадой. На ночь войска остались позади своихъ позицій, впереди которыхъ вытянулось сторожевое охраненіе.

„Спустившійся въ теченіе ночи туманъ 11 іюля передъ разсвѣтомъ сталъ разсѣиваться, и 2-я и 4-я рота Семипалатинцевъ, бывшія въ сторожевомъ охраненіи на линіи д.д. Дафаншэнь—Эрдаохэцзы, увидѣли передъ собою густыя цѣпи японской пѣхоты. Отстрѣливаясь залпами, роты начали отходить и стягиваться въ окопы на свои позиціи; обнаружены были также небольшія части пѣхоты противника, наступавшія отъ д. Чжаньцзятунь къ д. Дафаншэнь“.

„Въ 5 ч. 20 м. ночи противъ позиціи г.-м. Огановскаго со стороны японцевъ раздался первый орудійный выстрѣлъ, послѣ котораго канонада загремѣла по всему фронту и продолжалась до 9 час. вечера“.

„По центру позицій 1-го Сиб. арм. корпуса съ ранняго утра открыли огонь до 6 непріятельскихъ батарей, снявшихся южнѣе

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 1, стр. 61.

д. Потайцзы, затѣмъ открыли огонь около 6 батарей, расположившихся въ раіонѣ д.д. Хуцзятунь — Цзяцзятунь. Всего на центральномъ участкѣ наступленія японцевъ съ утра было обнаружено свыше 60 орудій“ [1]).

„Въ 7 час. утра къ юго-востоку отъ д. Дафаншэнь заняла позицію еще одна японская батарея, открывшая огонь по высотамъ южнѣе д. Цяньчжайцзы, занятымъ ротами 3-го и 4-го батальоновъ 12-го Сиб. пѣх. Барнаульскаго полка.

„Такимъ образомъ, противъ войскъ 1-го Сиб. корпуса, имѣвшаго въ своемъ составѣ 12 конныхъ и 64 пѣшихъ орудій, японцы выставили 180 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій, а противъ войскъ 4-го Сиб. корпуса, имѣвшаго вмѣстѣ съ отрядомъ г.-м. Мищенко 24 пѣшихъ, 18 конныхъ и 4 горныхъ орудія, со стороны непріятеля было выставлено 36 пѣшихъ и 36 горныхъ орудій“.

„Несмотря на огонь непріятельской артиллеріи, открытый по всему фронту занятыхъ нами позицій, наши батареи держались стойко и энергично отвѣчали противнику, а благодаря принятымъ мѣрамъ и хорошему маскированію артиллеріи въ началѣ боя наши войска, находившіяся въ боевыхъ частяхъ, несли только случайныя и ничтожныя потери. Пѣхота своихъ стрѣлковыхъ окоповъ не занимала, а была укрыта позади нихъ, имѣя въ обстрѣливаемыхъ непріятелемъ укрѣпленіяхъ лишь наблюдателей. Роты 3-го и 4-го батальоновъ Барнаульскаго полка лежали въ 30—50 шагахъ позади гребней занимаемыхъ ими высотъ; для наблюденія за непріятелемъ на гребни выползали офицеры и унтеръ-офицеры съ биноклями.

„Съ 5½ час. ночи до 9 час. утра на всемъ фронтѣ Ташичаоскихъ позицій бой былъ только артиллерійскій“.

„Съ 9 час. утра началось движеніе частей японской пѣхоты отъ д. Монцзятунь на д. Дафаншэнь и далѣе—къ позиціи, занятой 1-мъ батальономъ Томцевъ“.

„Одновременно съ этимъ японцы начали подготовлять артиллерійскимъ огнемъ атаку высоты, занятой батальономъ Томскаго полка, и направили на нее огонь нѣсколькихъ батарей. Подъ прикрытіемъ этого огня, на 1-й батальонъ Томцевъ начали наступленіе два батальона японцевъ, открывшихъ сильный ружейный огонь. Сначала роты 1-го батальона начали отвѣчать залпами, но затѣмъ, потерявъ въ нѣсколько минутъ до 40 чел. и

[1]) В.-И. К., т. III, ч. I, стр. 80.

во избѣжаніе дальнѣйшихъ напрасныхъ потерь, около 9 ч. утра отошли на высоту къ востоку отъ фанзъ, находившихся въ одной верстѣ восточнѣе д. Лянцзюньчжай, гдѣ и оставались на правомъ флангѣ Барнаульцевъ до конца боя. Съ очищеніемъ 1-мъ батальономъ Томцевъ высоты впереди д. Лянцзюньчжай, японскія батареи, обстрѣливавшія эту высоту, перенесли свой огонь вновь на 4-ю батарею 1-й Спб. арт. бригады, противъ которой дѣйствовали также двѣ японскія батареи, снявшіяся на высотѣ западнѣе д. Янцаогоу. Подъ прикрытіемъ этого огня два батальона японцевъ съ горною батареею начали подниматься на высоту, оставленную Томцами, но 4-я батарея, несмотря на направленный на нее огонь нѣсколькихъ японскихъ батарей, сосредоточила по наступавшимъ японцамъ столь мѣткій огонь, что наступавшія части противника вынуждены были разсѣяться и укрыться въ поляхъ гаоляна и въ близлежащихъ фанзахъ".

„Такимъ образомъ, попытка японцевъ овладѣть высотою впереди позицій г.-м. Огановскаго была остановлена однимъ огнемъ 4-й батареи 1-й Сиб. арт. бригады. По этому поводу командующій 2-ю японскою арміею генералъ бар. Оку въ донесеніи своему правительству, между прочимъ, писалъ: „но благодаря яростному огню многочисленныхъ русскихъ орудій, расположенныхъ между Тейнгшишаномъ и Вангматаемъ, наша пѣхота пріостановила свое движеніе и начала ожидать наступленія праваго фланга и приближенія нашей артиллеріи" [1]).

„Къ 11 час. утра сводка донесеній, поступавшихъ въ штабъ 4-го Сиб. корпуса, выяснила положеніе боевыхъ частей непріятеля. Противъ крайняго праваго фланга 1-го Сиб. корпуса развернулась бригада пѣхоты съ двумя батареями и двумя эскадронами, въ центрѣ по большой дорогѣ—также бригада пѣхоты; на линіи д.д. Хуцзятунь — Цзяцзятунь были обнаружены цѣпи пѣхоты. По полученнымъ свѣдѣніямъ, передъ фронтомъ 1-го корпуса дѣйствовало около 72—88 орудій. Противъ позицій г.-м. Огановскаго и Шилейко разворачивалось свыше дивизіи, при чемъ артиллерія непріятеля значительно превосходила нашу".

„Наступленіе японской пѣхоты на фронтъ 1-го Сиб. корпуса производило впечатлѣніе крайней нерѣшительности, и высланная впередъ къ постоялому двору команда подполк. Посохова оставалась здѣсь до часа дня, послѣ чего начала отходить

---

[2]) В.-И. К., т. III, ч. 1, стр. 81.

на свои позиціи, опираясь частью на двѣ роты стрѣлковъ, высланныя въ видѣ репли на высоту сѣвернѣе д. Дабацзяцзы".

„Около 10 час. утра огонь японскихъ батарей, обстрѣливавшихъ позиціи Барнаульцевъ и Томцевъ, достигъ значительнаго напряженія, и, несмотря на принятыя мѣры, наши войска начали нести потери. Наша 4-я батарея не въ силахъ была подавить огонь нѣсколькихъ японскихъ батарей, расположенныхъ къ югу и юго-востоку отъ д. Дафаншэнь, почему г.-м. Огановскій просилъ г.-м. Шилейко поддержать его огнемъ батарей, расположенныхъ у д. Наньдалинъ. Тотчасъ на сопку, занятую Семипалатинцами, былъ командированъ артиллерійскій офицеръ, который далъ знать по телефону на лѣвофланговый редутъ (гдѣ и находился г.-м. Шилейко) о возможности производства такового огня и наблюденія за нимъ".

„2-я батарея 1-й Сиб. арт. бригады (кап. Зданскій) и 2 орудія 11-й конной батареи перемѣнили фронтъ на юго-западъ, и въ 12 час. дня по японскимъ батареямъ, находившимся въ направленіи на д. Дафаншэнь, открылся огонь 10 орудій изъ отряда г.-м. Шилейко. Тѣмъ не менѣе, огонь японской артиллеріи по центру позицій г.-м. Огановскаго не ослабѣвалъ, почему и 20-я конная батарея получила также приказаніе продвинуться въ раіонъ Семипалатинскаго полка и поддержать отсюда огонь съ Наньдалинской позиціи, но губительный огонь непріятельской артиллеріи, направленный на этотъ участокъ позиціи, не далъ возможности выѣхать всей батареѣ, и на позиціи были поставлены лишь два орудія. Потери, понесенныя батареей, и усиливавшійся непріятельскій огонь заставили возвратить ее на прежнюю позицію, гдѣ ей представлялись цѣли для стрѣльбы по японской пѣхотѣ".

„Пока налаживалось обстрѣливаніе стоявшихъ у д. Дафаншэнь японскихъ батарей, непріятель успѣлъ выставить еще одну батарею на высотѣ въ одной верстѣ къ сѣверо-западу отъ д. Ванчанкоу, а противъ позицій Барнаульцевъ и внѣ досягаемости нашего ружейнаго огня японцы вывозили на позицію одну батарею на волахъ"...

..."Около часу дня на поддержку центра позицій г.-м. Огановскаго прибыла изъ резерва 3-я батарея 1-й Сиб. арт. бригады и расположилась на сѣверномъ (обратномъ отъ противника) склонѣ высотъ, сѣвернѣе восточной окраины д. Цяньчжойцзы. Къ ней примкнули 4 орудія 4-й батареи, отодвинутыя назадъ,

чтобы избавить ихъ отъ губительнаго огня отлично пристрѣлявшихся по нимъ японскихъ батарей. Съ этого времени 4-я и 3-я батареи 1-й Сиб. арт. бригады совмѣстно съ 10 орудіями батарей праваго фланга войскъ г.-м. Шилейко сосредоточили свой огонь по батареямъ противника, бывшимъ въ долинѣ д. Дафаншэнь“ [1]).

„Дабы поддержать центръ нашихъ позицій, противъ котораго, очевидно, готовился главный ударъ, г.-л. Зарубаевъ рѣшилъ перейти въ частное наступленіе противъ праваго фланга японцевъ“, участкомъ г.-м. Шилейко.

„Предварительно перехода въ наступленіе, г.-м. Шилейко донесъ объ этомъ г.-м. Коссовичу, прося его прислать изъ резерва на Наньдалинскую позицію для ея занятія, по крайней мѣрѣ, два баталіона, послѣ чего для наступленія противъ праваго фланга японцевъ могли быть предназначены 14 ротъ Тобольскаго полка. Для выясненія же расположенія и силъ японцевъ въ этомъ направленіи, къ началу наступленія г.-м. Шилейко приказалъ двинуть впередъ 4-й баталіонъ Тобольцевъ“.

„Г.-м. Коссовичъ, не получившій еще къ тому времени распоряженія г.-л. Зарубаева о наступленіи, въ присылкѣ двухъ баталіоновъ отказалъ. Въ 2 часа 25 мин. дня командиръ Тобольскаго полка выдвинулъ впередъ 4-й баталіонъ. Задача этого баталіона заключалась въ томъ, чтобы своимъ движеніемъ на правый флангъ наступавшаго непріятеля заставить развернуться расположенныя въ резервѣ части японцевъ и выяснить, какія находятся передъ нами силы. Движеніе 4-го баталіона заставило развернуться батареи и пѣхотныя части, при чемъ баталіонъ этотъ попалъ подъ губительный огонь артиллеріи и пѣхоты, сразу вынесшій изъ рядовъ баталіона его командира, нѣсколько офицеровъ и значительное число нижнихъ чиновъ. Баталіонъ пришелъ въ разстройство и лишь благодаря энергичной дѣятельности оставшихся въ строю офицеровъ и полкового священника о. Петра Кузнецова, бывшаго въ передовой линіи и обратившагося съ успокоительнымъ словомъ къ нижнимъ чинамъ, баталіонъ въ порядкѣ отступилъ, частью на Семипалатинцевъ, частью за свои позиціи, къ общему резерву. Для поддержки отступавшаго 4-го баталіона командиръ полка выслалъ 9-ю и 10-ю роты,

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 1, стр. 783.

расположившіяся впереди Наньдалина и принявшія отступавшія части 4-го баталіона“ [1]).

„На фронтѣ 1-го Сиб. корпуса съ утра шелъ бой только артиллерійскій. Тѣмъ не менѣе, въ силу инструкціи, полученныхъ отъ командующаго арміей, въ 12 ч. 15 м. дня г.-л. баронъ Штакельбергъ писалъ г.-л. Зарубаеву: „Непріятель чрезвычайно сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ обстрѣливаетъ наши пѣхотные окопы. Потерь еще не имѣю, потому что окопы еще не заняты, съ занятіемъ же ихъ понесу значительныя потери, чего надлежитъ избѣгнуть, такъ какъ это не входитъ въ расчеты командующаго арміей. Долгомъ считаю высказать свое мнѣніе, что надлежитъ отойти. По числу выставленныхъ противъ меня батарей можно предполагать, что здѣсь подготовляется главный ударъ—атака, но все это личное мое мнѣніе, могу ошибиться“.

„На эту записку г.-л. Зарубаевъ въ 2 часа дня отвѣчалъ г.-л. бар. Штакельбергу: „Въ настоящее время начать отступленіе не считаю возможнымъ во избѣжаніе большихъ потерь. Вопросъ объ отходѣ рѣшу вечеромъ, съ наступленіемъ темноты; что касается того, что удержаніе позиціи не входитъ въ расчеты командующаго арміей, то отвѣтственность за это беру на себя“...

... „Въ теченіе всего дня на флангахъ и передъ всѣмъ фронтомъ 1-го Сиб. корпуса энергичныхъ дѣйствій со стороны японцевъ не наблюдалось, и только къ вечеру Ташичаоскій бой завершился атаками отрядовъ генераловъ Огановскаго и Шилейко“.

„Около 12 час. дня передъ правымъ флангомъ 1-го Сиб. арм. корпуса, сѣвернѣе д. Санцзяцзы, выѣхали и открыли огонь около 2 японскихъ батарей, по которымъ тотчасъ же открыла огонь молчавшая до того времени и стоявшая укрыто къ сѣверо-западу отъ д. Тяньцзятунь 2-я Забайкальская казачья батарея“ [2]).

„Около $3^1/_2$ ч. дня съ нашихъ позицій начала замѣчаться группировка японской пѣхоты за складками мѣстности у д. Дафаншэнь. Въ ожиданіи атаки г.-м. Огановскій выдвинулъ изъ своего резерва два баталіона 8-го Сиб. Томскаго полка, усиливъ ими свой лѣвый флангъ. Въ 5 час. дня цѣпи непріятельской пѣ-

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 1, стр. 85—86.
[2]) Тамъ же, стр. 86—87.

хоты начали спускаться съ горъ въ лощины и группироваться также и противъ позиціи Семипалатинцевъ".

„Къ 6 час. вечера значительно усилился огонь артиллеріи противника, завязывался и ружейный огонь, потери въ отрядѣ г.-м. Огановскаго увеличивались, частные резервы постепенно вливались въ боевыя части. Ясно начало обозначаться наступленіе боевыхъ частей японцевъ, но Барнаульцы и Томцы сильно задерживали это наступленіе залповымъ огнемъ. Въ 7 час. вечера послѣдній баталіонъ Томскаго полка влился въ боевыя части, такъ же какъ и части Барнаульцевъ, бывшихъ въ прикрытіи у артиллеріи. Г.-м. Огановскій донесъ г.-м. Коссовичу объ израсходованіи своихъ резервовъ и о необходимости поддержки его отряда изъ корпуснаго резерва. По этому донесенію въ его распоряженіе прибыли двѣ роты Омскаго п., стоявшія въ частномъ резервѣ за правымъ флангомъ участка, противъ котораго тоже начало обозначаться наступленіе японской пѣхоты".

„Къ 7½ час. вечера изъ общаго резерва къ д. Цяньчжайцзы подошелъ 34-й В.-С. стр. полкъ съ одною батареею 9-й В.-С. стр. арт. бригады".

„Передъ вечеромъ артиллерія японцевъ, бывшая къ сѣверо-западу отъ д. Ванчанкоу, усилилась еще одною батареею, и японцы приступили къ подготовкѣ атаки огнемъ всѣхъ своихъ батарей (свыше 6 батарей), развернувшихся противъ отрядовъ г.-м. Огановскаго и г.-м. Шилейко. Огонь этотъ дошелъ до предѣльной силы и продолжался около получаса, въ теченіе котораго занятыя нашими войсками (Барнаульцы, Томцы, Семипалатинцы и Тобольцы) высоты были окутаны дымомъ рвавшихся непріятельскихъ снарядовъ".

„Съ послѣдними лучами заходившаго солнца японская пѣхота начала свои бѣшеныя атаки на позиціи г.-м. Огановскаго".

„Первая атака японцевъ была направлена на высоты занятыя Барнаульцами, въ одной верстѣ къ западу д. Лянцзюньчжай. Японцы были настолько увѣрены, что никакая пѣхота не выдержитъ того ужаснаго огня артиллеріи, которымъ они подготовили свою атаку, что они кинулись на русскія позиціи съ пѣснями и криками „банзай", не потрудившись даже примкнуть штыковъ. Роты передовой линіи встрѣтили атаку пачечнымъ огнемъ съ дистанціи 50-60 шаговъ, а лихая охотничья команда Барнаульцевъ, бывшая на правомъ флангѣ своего полка, выскочила впередъ и засыпала атакующихъ залпами съ фланга и тыла.

Оставшіеся въ живыхъ японцы отхлынули. Устроившись въ лощинѣ, черезъ нѣкоторое время они вторично пошли въ атаку на Барнаульцевъ, примкнувъ штыки. Эту атаку отбили штыками семь ротъ Барнаульцевъ, причемъ въ рукопашной схваткѣ погибли славной смертью кап. Сердаковскій, подпор. Оношковичъ-Яцыно и Данилевскій. Въ 9½ час. вечера японцы кинулись третій разъ въ атаку, которая была вновь сметена контръ-атакой 9 ротъ и охотничьей команды славныхъ Барнаульцевъ".

„Около 10 час. вечера японцы предприняли четвертую атаку, но уже на болѣе широкомъ фронтѣ, направляя ударъ на позиціи, занятыя Барнаульцами, Томцами и Семипалатинцами. Барнаульцы смели и 4-ю атаку контръ-атакою въ штыки. Спокойные и мѣткіе залпы Томцевъ и Семипалатинцевъ остановили идущихъ на нихъ японцевъ на дистанціи 500 шаговъ".

„На этомъ закончился двухдневный бой на позиціяхъ 4-го корпуса".

„Несмотря на значительное превосходство японской артиллеріи и 4 бѣшеныя атаки, направленныя японцами на позиціи 4-го Сиб. корпуса, ни одна пядь земли не была уступлена достойному врагу".

„Въ результатѣ двухдневнаго боя наши войска потеряли:

Убито, ранено и пропало безъ вѣсти 44 офицера и 1.006 нижн. чиновъ

„Японскія войска потеряли убитыми 10 офицеровъ и 169 н. ч. и ранеными 56 оф. и 954 нижн. чина, а всего 66 офиц. и 1.123 нижн. чина.

„Потери 1-го Сиб. арм. корпуса и конныхъ отрядовъ г.-м. Коссаговскаго и г.-м. Мищенко оказались ничтожными, и непосредственное активное участіе въ бою подъ Ташичао принимали: Томскій, Тобольскій, 2 роты Омскаго, 2 баталіона Семипалатинскаго и Барнаульскій полки, т.-е. 14½ бат. и 13 батар., и части эти отстояли свои позиціи блестящимъ образомъ".

„Подсчетъ донесеній о наступавшихъ японскихъ частяхъ давалъ возможность предположить наступленіе до 3 японскихъ дивизій съ соотвѣтствующимъ количествомъ артиллеріи и до 3-4 полковъ конницы, но дѣйствія ихъ не отличались рѣшительностью. 1½ дивизіи наступали крайне вяло на позиціи 1-го Сиб. арм. корпуса—въ теченіе 2 дней продвинулись всего на 12 верстъ и не рѣшились атаковать. Правофланговыя японскія 1½ дивизіи четыре раза атаковали войска 4-го Сиб. корпуса и,

понеся значительныя потери, не владѣли ни однимъ окопомъ и къ вечеру должны были отойти. *Духъ нашихъ войскъ былъ превосходный, на позиціяхъ появились шутки и остроты*".

Такимъ образомъ, къ вечеру 11 іюля если нашими войсками и не было одержано побѣды, то и японцами цѣль не была достигнута, а у русскихъ большинство войскъ южной группы не было введено въ бой; 7-й пѣх. Сиб. Красноярскій и 36-й В.-С. стр. полки и одна батарея 9-й В.-С. стр. арт. бригады не были тронуты изъ общаго резерва".

„34-й В.-С. стр. полкъ и одна батарея 8-й В.-С. стр. арт. бригады хотя и были двинуты изъ общаго резерва, но непосредственнаго участія въ бою не приняли".

„Вполнѣ свѣжими оставались и 14 ротъ 10 пѣх. Сиб. Омскаго полка, а части конницы г.-м. Коссаговскаго и Мищенко почти не понесли потерь" [1]).

Значеніе Ташичаоскаго боя наглядно оцѣниваетъ А. Н. Виноградскій.

„Подъ Ташичао" говоритъ онъ „мы впервые съ начала военныхъ дѣйствій сохранили послѣ цѣлаго дня жаркаго боя свои позиціи и отступили не подъ натискомъ противника, а по своей доброй волѣ, почему нравственное значеніе дня 11 (24) іюля весьма велико. Наша артиллерія, въ два съ половиной раза малочисленнѣе японской, не только оказалась въ силахъ бороться съ послѣдней, но мѣстами пріобрѣтала даже перевѣсъ надъ нею. Пѣхота же послѣдовательно отбила четыре атаки, сохранивъ полную боеспособность и, слѣдовательно, продолжала быть въ силахъ отбить еще много таковыхъ. Потери наши не превышали за весь день выбывшими изъ строя 20 оф. и 600 нижн. чин., противникъ же потерпѣлъ уронъ въ 66 оф. 1.135 нижн. чин. Принимая во вниманіе, что 96 нашихъ орудій (включая сюда Забайкальскія конныя батареи на правомъ флангѣ) состязались съ 250 японскими, а $15^1/_2$ бат. боевой части—IV Сибирскій корпусъ—съ притянутыми въ концѣ для 4 бат. общаго резерва—всего $19^1/_2$ бат., успѣшно противостояли натиску 3-й и 5-й японскихъ дивизій, мы имѣли право гордиться этимъ днемъ. Вѣра въ себя воскресала, особенно у артиллеристовъ, довѣріе прочихъ родовъ оружія вернулось къ нимъ и нравственный гнетъ, подъ которымъ они находились послѣ Тюренчена и Вафангоу, безслѣдно исчезъ".

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. I, стр. 89.

„Исключительно съ этой точки зрѣнія, чисто нравственной, положительное значеніе Ташичао было велико, но не такъ обстояло дѣло относительно прочихъ данныхъ общей обстановки".

„Хотя тактически мы и побѣдили, но все-таки очистили позицію и, слѣдовательно, въ стратегическомъ отношеніи потерпѣли неудачу, что влекло за собой неминуемую уступку въ ближайшемъ будущемъ противнику Инкоу, владѣніе которымъ имѣло для насъ столь существенное значеніе. Исходъ боя былъ предрѣшенъ заранѣе директивой г.-ад. Куропаткина, смотрѣвшаго въ этотъ періодъ сосредоточенія Манчжурской арміи на всѣ столкновенія южнѣе Ляояна, какой бы размѣръ они ни приняли, какъ на передовые „бои" большого масштаба въ ожиданіи впослѣдствіи нѣкоего генеральнаго сраженія дальше, въ тылу, которое было бы разыграно при абсолютномъ превосходствѣ въ силахъ съ нашей стороны и однимъ ударомъ рѣшило бы судьбу кампаніи. Опасность такого способа не напрягать своихъ усилій сразу въ борьбѣ съ энергичнымъ и хорошо подготовленнымъ противникомъ нами была выяснена уже ранѣе; теперь же она пріобрѣтала особенную важность въ виду того, что врагъ нашъ былъ одушевленъ совершенно обратными стремленіями: не щадилъ своихъ усилій, относился очень серьезно ко всѣмъ столкновеніямъ, ставя себѣ исключительной цѣлью, не учитывая впередъ возможныхъ потерь, одержать во всякомъ случаѣ успѣхъ и еще разъ оттѣснить насъ подальше на сѣверъ, выиграть этимъ пространство и сблизить свои арміи. Въ конечномъ результатѣ каждый бой приводилъ его къ занятію очищенныхъ нами и тщательно укрѣпленныхъ позицій, вслѣдствіе чего онъ пріобрѣталъ увѣренность, что мы нормально уступаемъ его натиску и, понятно, нравственный барометръ его подымался все выше и выше" [1]).

„Переходя къ деталямъ боя, отмѣтимъ недостаточное использованіе нашей пѣхотой всей силы своего огня на ближайшихъ дистанціяхъ. Вмѣсто того, чтобы усиливать его по приближавшимся японцамъ, въ самыя послѣднія минуты штурма, наши доблестныя войска бросались преждевременно въ штыки и сами терпѣли лишнія потери. Эти контръ-атаки, которыми злоупотребляли, уносили много жертвъ, т. е. подставляли нашу

---

[1]) А. Н Виноградскій, вып. 2, стр. 79—80.

сбѣгавшую навстрѣчу атакующимъ японцамъ пѣхоту огню ихъ артиллеріи и поддержекъ“ [1]).

И академическія сообщенія не оставили своимъ вниманіемъТашичаоскій бой, посвящая ему хоть и не многочисленныя, по зато весьма поучительныя строки, съ которыми нельзя не познакомиться читателю, желающему возможно полнѣе представить себѣ боевую работу нашей арміи въ минувшую войну.

„Войска генерала Штакельберга“, говоритъ лекторъ, „несли значительныя потери, несмотря на искусную борьбу его батарей съ непріятельскими. Особеннымъ мужествомъ и знаніемъ своего дѣла здѣсь выдѣлился полковникъ Пащенко, молодой командиръ одной изъ батарей. Тяжело было генер. Огановскому: съ 7 до 10 ч. утра японская артиллерія усиленно обстрѣливала его участокъ, а къ 11 ч. утра обнаружились значительныя массы пѣхоты японцевъ у Дафаншана; громадную пользу принесла въ это время артиллерія обоихъ участковъ 4-го Сиб. корпуса, сумѣвшая установить связь и сосредоточить огонь по непріятелю, находившемуся у Дафаншана; очень успѣшно было дѣйствіе тѣхъ изъ батарей, которыя заняли позицію у восточнаго края д. Цянчжайцзы, за высотами. Необходимо также отмѣтить искусную перемѣну фронта участкомъ генер. Шилейко, совершенную подъ огнемъ, въ виду наступающаго противника“.

„Готовившаяся дневная атака была отложена японцами до вечера; таковы были результаты вышеизложенныхъ дѣйствій нашихъ войскъ и движенія къ Ванчагоу одного изъ баталіоновъ ген. Шилейко, заставившаго развернуться значительныя силы противника“.

„Въ $7^1/_2$ ч. вечера японцы пошли въ атаку на полки генер. Огановскаго; 4 атаки японцевъ были отбиты штыками Барнаульцевъ, а Томцы отразили своего непріятеля огнемъ. Барнаульцы и полковникъ Добротинъ покрыли славой свои молодыя знамена, начали полную доблести боевую службу своего родного корпуса“.

„Наступленіе Оку и Нодзу окончилось тѣмъ, что они были отбиты съ потерями не менѣе 1000—2000 человѣкъ; наши потери—около 600 чел. Ночью войска отошли къ Хайченской позиціи“.

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. I., стр. 83.

„Бой генерала Зарубаева подъ Дашичао поднялъ духъ войскъ арміи послѣ Тюренчена и Вафангоу и вызвалъ глубокое уваженіе и вѣру въ Сибирскіе полки“ [1]).

Къ 18 іюля, когда войска южнаго фронта сосредоточивались у Хайчена, тщетно ища того сосредоточеннаго расположенія, которое, по мнѣнію ген. Куропаткина, дало бы намъ возможность перейти въ наступленіе,—къ этому времени проявила свою дѣятельность 4-я японская армія.

„12 іюля главнокомандующій японскими арміями нашелъ возможнымъ усилить 4-ю армію 5-ю дивизіею, наступавшею на правомъ флангѣ 2-й арміи, имѣвшею горную артиллерію, и направить армію ген. гр. Нодзу для атаки русскихъ позицій подъ Симученомъ. 15 іюля ген. гр. Ноздзу получилъ отъ маркиза Ойямы слѣдующее приказаніе: „5-я дивизіи отнынѣ подчиняется Вамъ. Притяните дивизію къ Симучену и, если возможно, возьмите его“. Къ этому времени 5-я дивизія, наступавшая вслѣдъ за отходившимъ отрядомъ г.-м. Мищенко, заняла деревню Янтай“.

„Ген. гр. Нодзу, получивъ свѣдѣнія о томъ, что Кангаулинская позиція сильно занята и укрѣплена, а что на правомъ ея флангѣ, у д. Дапуцзы, имѣется лишь незначительный отрядъ, позиція же у д. Саньчэнцзы занята коннымъ отрядомъ г.-м. Мищенко, несмотря на трудности, съ которыми были сопряжены дѣйствія въ гористой и пересѣченной мѣстности, рѣшилъ 5-ю дивизію, не имѣвшую противъ себя серьезныхъ силъ непріятеля, направить на Пхайлунтунь, а 10-й дивизіей атаковать съ фронта; 10-я резервная бригада, по всей вѣроятности, составляла армейскій резервъ“ [2]).

„Предполагая возможнымъ наступленіе 4-й японской арміи отъ Далинскаго и Пханлинскаго переваловъ по направленію на Хайченъ, въ тылъ войскамъ г.-л. Зарубаева, на 2-й Сиб. корпусъ командующій арміей возложилъ задачу—обезпечить это направленіе занятіемъ и упорною обороною Кангуалинской позиціи“ [3]).

Бой начался 17 іюля дѣлами въ передовыхъ частяхъ. „Въ 6 час. 30 мин. утра три японскія горныя батареи, увлекшись

---

[1]) Р.-Яп. война въ сообщеніяхъ Акад. Ген. Штаба, ч. 1, стр. 7—723.
[2]) Тамъ же, стр. 110.
[3]) Тамъ же, стр. 111.

преслѣдованіемъ нашихъ отходившихъ частей, выкатились на высоту у д. Ляодапу и подставили свой флангъ подъ огонь 2-й батареи 5-й В.-С. стр. арт. бригады, которая 28 выстрѣлами прекратила огонь японскихъ батарей, заставила ихъ удалиться съ позиций и отогнала пѣхоту, наступавшую на наши передовые баталіоны, которые вновь заняли оставленные ими окопы“ [2]).

„Въ 3 часа дня около четырехъ ротъ японцевъ, расположенныхъ на высотахъ къ сѣверу отъ д. Тадою, начали спускаться въ росшій въ долинѣ гаолянъ, съ цѣлью атаковать линію нашихъ сторожевыхъ частей. Наступленіе японцевъ было замѣчено своевременно, и начальникъ сторожевого охраненія 19-го В.-С. стр. полка подполк. Тихомировъ, вызвавъ изъ резерва сторожевыхъ постовъ 3-ю 20-го и 12-ю роту 19-го стр. полковъ, расположилъ ихъ въ окопахъ; 3-ю роту 19-го полка поставилъ въ резервъ и, когда японцы начали дебушировать изъ гаоляна—открылъ по нимъ частый огонь съ измѣренной дистанціи въ 1.200 шаговъ. Въ это же время застава 20-го стр. полка, стоявшая влѣво и впереди, открыла по наступавшему непріятелю фланговый огонь, а роты Иркутскаго и Енисейскаго полковъ открыли огонь съ другого фланга. Японскія роты, попавшія подъ столь губительный перекрестный огонь и понеся большія потери, въ безпорядкѣ скрылись въ гаолянѣ и отступили на высоты южнѣе д. Цусинтунь. У стрѣлковъ и въ нашихъ передовыхъ частяхъ за этотъ день потерь не было“.

„На этомъ закончились боевыя дѣйствія 17 іюля. Производившія развѣдку японскія части отошли, а наши передовыя части къ вечеру вновь заняли прежнюю линію впереди всего фронта войскъ г.-л. Засулича и генерала Мищенко [1]).

Значитъ, „когда началъ разгораться бой, $6^1/_2$ ротъ и охотничья команда Воронежцевъ, имѣя въ резервѣ одинъ баталіонъ, обороняли позицію, имѣвшую по фронту $3^3/_4$ версты. 7 ротъ и охотничья команда Козловцевъ, имѣя въ частномъ резервѣ двѣ роты (5-я, 14-я, 15-я и 16-я роты Козловскаго полка были отправлены на поддержку праваго фланга), обороняли позицію, имѣвшую по фронту также около $3^3/_4$ версты. Но, несмотря на превосходство силъ наступавшаго противника, на необычайную растянутость позицій и начинавшуюся жару, оба полка и 5-я батарея

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 1., стр. 125.

[3]) Тамъ же, стр. 126.

доблестно отстаивали свои окопы, нанося своимъ огнемъ значительныя потери наступавшему врагу. Духъ людей былъ бодрый, была полная надежда на твердую оборону ввѣренныхъ позицій".

„Три послѣдовательныхъ атаки, поведенныя японцами съ юга и со стороны д. Дапуцзы на славныя 6 ротъ Козловцевъ подполк. Соломко, были отбиты огнемъ съ огромными потерями у японцевъ. На донесеніе объ этомъ, въ 1 часъ 40 мин. дня г.-ад. Куропаткинъ телеграфировалъ г.-л. Засуличу: „Радуюсь за успѣхъ Козловцевъ, примите мѣры къ подвозу имъ на позиціи воды и пищи. То же и другимъ частямъ. Удвоять свои силы" [1]).

„Въ 9 час. утра было замѣчено, что части непріятельской пѣхоты начали перебираться съ восточнаго на западный берегъ р. Шахэ и группироваться противъ южнаго фронта, южнѣе д. Чжаншаньюй".

„Около 10 час. утра въ штабъ корпуса начали поступать первыя тревожныя вѣсти о положеніи дѣлъ на южномъ фронтѣ и на крайнемъ правомъ флангѣ позицій".

„Три утреннія атаки на растянутыя роты Козловцевъ были отражены ихъ дружнымъ огнемъ. Готовилась четвертая атака. Непріятельская артиллерія осыпала огнемъ окопы ротъ подполк. Соломко, несшихъ большія потери также и отъ ружейнаго огня, усилившагося впереди нихъ непріятеля. Въ одномъ изъ окоповъ 9-й роты почти всѣ защитники были перебиты. Всѣ офицеры находившейся на центральномъ участкѣ 3-й роты Козловскаго полка выбыли изъ строя, и центръ былъ прорванъ. Японская пѣхота, занявшая центральный окопъ, тотчасъ открыла огонь влѣво и вправо, во флангъ 3-й и 9-й ротамъ, которыя начали отступать. Видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія и не имѣя больше резервовъ, подполк. Соломко приказалъ своимъ ротамъ отступать къ геліографной горѣ, на которой собрались 3-я, 4-я и 9-я роты и были уже двѣ роты 17-го В.-С. стр. полка кап. Чеглова. Остальныя роты, съ подполк. Соломко, заняли горный кряжъ правѣе геліографной горы"...

...„Получивъ донесенія объ очищеніи Козловцами своихъ позицій, командиръ корпуса тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ овладѣніи оставленными позиціями. Для поддержки Козловцевъ былъ назначенъ баталіонъ 5-го пѣх. спб. Иркутскаго полка и 9 ротъ отъ 5-й В.-С. стр. дивизіи, подъ общимъ на-

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 1, стр. 131.

чальствомъ полк. Поповича-Липовацъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду сосредоточеніе части непріятельской пѣхоты позади (южнѣе) занятыхъ ими сопокъ, г.-л. Засуличъ приказалъ батареямъ 6-й В.-С. стр. арт. бригады обстрѣлять три сопки, занятыя непріятелемъ, такъ, чтобы шрапнели рвались сейчасъ же за гребнями" [1]).

„На позиціи Воронежскаго полка съ утра началась перестрѣлка, главнымъ образомъ артиллерійская. Наступленіе японцевъ, несмотря на видимое ихъ превосходство, было не энергичное, а потери у Воронежцевъ и въ 5-й батареѣ въ началѣ боя—ничтожныя. Послѣ полудня на позиціи Воронежцевъ картина боя сразу измѣнилась. Вся позиція отряда полк. Ржесніовецкаго начала обстрѣливаться артиллерійскимъ продольнымъ огнемъ японскихъ горныхъ батарей, ставшихъ на захваченныхъ ими высотахъ у Яншугоускаго перевала".

„Подъ перекрестнымъ огнемъ сразу начались значительныя потери. Однимъ снарядомъ были убиты на батареѣ поручики Савиновъ и Муфель. Къ часу дня изъ 8 орудій 5 были уже подбиты и испорчены".

„Одновременно съ обходомъ нашего праваго фланга и тыла японцы усилили огонь съ фронта: 3 лѣвофланговыя японскія батареи открыли мѣткій огонь по правому флангу Воронежцевъ. Прибывшія двѣ роты (15-я и 16-я) 123-го пѣх. Козловскаго полка были назначены для поддержки этого фланга. Не было мѣста на позиціи, гдѣ бы не рвались японскіе снаряды. Тѣмъ не менѣе, твердо держались Воронежцы [2]), пока не былъ обнаруженъ обходъ японцевъ, овладѣвшихъ Яншугоускимъ переваломъ и высотою 212,7, на которой послѣ полудня появилась непріятельская артиллерія, перенесшая по отходѣ отрядовъ г.-м. Мищенко и полк. Павлова свой губительный фланговый огонь на отрядъ полк. Ржесніовецкаго" [3]).

„Въ 2 часа 30 мин. дня, когда выяснилось тяжелое положеніе Воронежскаго полка, командиромъ бригады г.-м. Васильевымъ былъ двинутъ для поддержки Воронежцевъ послѣдній бывшій въ его распоряженіи резервъ—5-я и 14-я роты 123-го пѣх. Козловскаго полка, которыя направились къ д. Тунзяпуцзы по

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 1, стр. 132.

[2]) Тамъ же, стр. 134—135.

[3]) Тамъ же, стр. 139.

въ это время началось уже отступленіе отряда, въ командованіе которымъ вступилъ подполк. Энвальдъ. Отступленіе было все время подъ фланговымъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля. Изъ 8 орудій 5-й батареи 3 орудія, еще не испорченныя, были вывезены на рукахъ артиллеристами и Воронежцами, пять же орудій вывезти не удалось, и хотя испорченными, но они достались непріятелю на позиціи батареи, а одно орудіе по пути свалилось въ оврагъ, откуда наши солдаты вытащили его подъ огнемъ противника и дотащили на рукахъ до ближайшихъ фанзъ и только здѣсь уже бросили вслѣдствіе преждевременнаго ухода передковъ и полнаго изнеможенія людей".

„Вотъ что говоритъ объ этомъ эпизодѣ реляція Воронежскаго полка: „Къ этому времени артиллерійская стрѣльба вновь возобновилась и японцы начали стрѣлять съ своего лѣваго фланга, поражая нашъ правый. Эта новая стрѣльба велась безпрерывно бѣглымъ огнемъ и поражала дорогу, идущую къ позиціи, гдѣ стояли зарядные ящики, къ перевязочному пункту. Убыль въ раненыхъ была большая. Жара стояла ужасная. Бой все больше и больше разгорался. Всѣ работали съ замѣчательнымъ спокойствіемъ. Особенно тяжело было артиллерійской командѣ, которая подносила снаряды къ орудіямъ. По стрѣльбѣ японскихъ батарей видно было, что онѣ все болѣе и болѣе подвигаются къ нашему правому флангу. Общую картину всего боя трудно было представить, такъ какъ ясныхъ донесеній никто не присылалъ. Рекогносцировка праваго фланга, произведенная полковымъ адъютантомъ выяснила, что наши войска отступаютъ съ праваго фланга и что нашему полку грозитъ быть отрѣзаннымъ отъ пути отступленія. Почему на правомъ флангѣ началось отступленіе и какимъ образомъ обнажился нашъ правый флангъ—выяснено не было. Для обезпеченія нашего отступленія было послано донесеніе съ просьбою выслать еще двѣ роты по дорогѣ на Суцзяпуцзы. Въ 12 час. дня японцы противъ нашего праваго фланга выставили 24 орудія и стали засыпать продольно всю нашу позицію и тылъ. Наши 8 орудій, какъ львы, не переставали бороться съ неравнымъ противникомъ, а люди все убывали и убывали. Два орудія были уже подбиты. Перевязочный пунктъ, гдѣ съ самоотверженіемъ работали врачи, началъ обстрѣливаться. Непріятель сталъ стрѣлять лидитными бомбами, и первая изъ нихъ вынесла изъ строя двухъ храбрыхъ и незамѣнимыхъ артиллеристовъ. Командиръ полка въ это время спустился съ позицій

къ перевязочному пункту, а командовать остался подполковн. Энвальдъ. Стало яснымъ, что японцы обходили нашъ правый флангъ и старались зайти намъ въ тылъ. Предупредить этотъ маневръ не было ни силъ, ни времени, поэтому было приказано отступать. Подполк. Энвальдъ приказалъ свозить батарею. При свозкѣ батареи особенно поработала 13-я рота во главѣ съ шт.-кап. Свѣшниковымъ. Къ орудіямъ подходили съ опасностью для жизни, такъ какъ непріятельскіе снаряды сметали съ позиціи все, что было. При свозкѣ батареи одно орудіе скатилось въ пропасть и никакія усилія не могли его спасти. Два орудія, подбитыя, были брошены. Когда уцѣлѣвшія орудія были свезены, подполк. Энвальдъ приказалъ отходить ротамъ, которыя и стали спускаться съ сопки на сопку, отдавая каждый шагъ позиціи цѣною жизни. Солнце, какъ огненный шаръ, палило своими лучами и безъ того выбившихся изъ силъ героевъ; было около 10 случаевъ солнечнаго удара. 45-градусная жара, отсутствіе воды дополняло всю тяжесть обстановки дня. Многіе падали безъ силъ, ихъ несли болѣе сильные. Несмотря на все это, отступленіе велось въ порядкѣ. Къ 6 час. вечера наши два батальона отступили къ д. Пхайлунтунь и только къ этому времени подошло высланное подкрѣпленіе. Перестрѣлка велась еще долго, вплоть до сумерекъ".

„Дѣйствія японцевъ, овладѣвшихъ передовыми окопами нашей центральной позиціи, были нерѣшительны. Занявъ высоты лишь однимъ-двумя батальонами, они группировались на южную сторону гребня высотъ, но дальнѣйшее наступленіе пріостановили".

„Въ то же время и наши части, назначенныя для атаки этихъ высотъ, изнемогали отъ жары и, занявъ исходные для атаки пункты, залегли въ складкахъ мѣстности, а наша артиллерія осыпала шрапнелями позиціи японцевъ и мѣстность по южную сторону занятаго ими гребня. Тѣмъ временемъ, назначенный для общаго руководства атакою полк. Поповичъ-Липовацъ дѣлалъ распоряженія объ атакѣ занятыхъ японцами окоповъ только по спадѣ жары, при чемъ сигналомъ для атаки были назначены три залпа съ геліографной горы" [1]).

„Объ атакѣ 3-го батальона Воронежцевъ въ донесеніи командира полка говорится: „Три ряда сопокъ были пройдены, не-

---

[1]) В.-И К., т. III, ч. I, стр. 141—142.

смотря на ужасную жару. На послѣдней сопкѣ батальонъ задержался и въ это время подошли остальные. Наступленіе велось подъ огнемъ противника и много уже было убитыхъ и раненыхъ. Въ 4 часа 45 мин. дня былъ поданъ сигналъ къ атакѣ, и батальонъ, какъ одинъ, двинулся впередъ. Непріятель же сидѣлъ въ окопахъ и ожидалъ нападенія. Впереди всѣхъ шелъ шт.-кап. Носковъ. Не доходя 100-150 шаговъ до окоповъ, люди остановились перевести духъ и съ отвагою, съ какою можетъ только броситься человѣкъ, рѣшившійся умереть, предводительствуемые тѣмъ же шт.-кап. Носковымъ, который первый вскочилъ на окопъ, бросились въ штыки и выбили противника, который бросился отступать, преслѣдуемый нашими. Становилось темно и дальше наступать было невозможно. Противникъ въ это время поражалъ батальонъ въ упоръ и съ фланга. Держаться малыми силами было невозможно, тѣмъ болѣе, что къ противнику подходили свѣжія подкрѣпленія. Было приказано отступить къ д. Пхайлунтунь, куда къ 9 час. вечера и собрался весь полкъ".

„Командиръ 4-го баталіона Иркутскаго полка объ участіи баталіона въ описываемой атакѣ доносилъ командиру полка: ...„Роты шли, насколько позволяла крутая гора, бодро и въ порядкѣ, пошли еще бодрѣе, когда противникъ подпустилъ роты настолько близко, что 13-я рота бросилась въ штыки, противникъ очистилъ гребень, и онъ былъ занятъ ротами баталіона. Какъ только роты заняли гребень и противникъ отступилъ, съ противоположнаго гребня и съ обоихъ фланговъ открылъ огонь пачками, артиллерія перенесла огонь, на гребень, занимаемый ротами баталіона. Для поддержки ротъ баталіона, мною были послѣдовательно высланы въ цѣпь роты 123-го Козловскаго полка, которыя, невзирая на сильный ружейный и артиллерійскій огонь, и неся потери, быстро двинулись и, войдя въ роты баталіона немедленно открылъ огонь. Въ это время 15-я и 16-я роты ввѣреннаго мнѣ баталіона остались безъ офицеровъ. Въ 16-й ротѣ былъ раненъ ротный командиръ, фельдфебель и три взводныхъ командира, командованіе ротой принялъ на себя по собственной иниціативѣ старшій унтеръ-офицеръ той же роты Иванъ Хорошевъ, донеся объ этомъ мнѣ. Въ 15-й ротѣ былъ раненъ ротный командиръ, фельдфебель и командованіе ротой принялъ на себя старшій унтеръ-офицеръ Давидъ Шпехтъ. Огонь со стороны противника

тоже усилился. Не имѣя правѣе себя никого и видя, что противникъ двумя колоннами, выславъ впереди себя густыя цѣпи, обходитъ справа, и имѣя позади себя лощину съ крутымъ спускомъ и подъемомъ съ тыла, я приказалъ отступать и подобрать всѣхъ раненыхъ и убитыхъ и занять противоположный гребень лощины. Несмотря на сильный огонь, которымъ противникъ преслѣдовалъ отступающія части, роты отступили въ порядкѣ и вынесли не только раненыхъ, но и убитыхъ, оставивъ только 3 убитыхъ за полной невозможностью нести ихъ вслѣдствіе крутизны подъема. Послѣднимъ отступилъ съ ротой командующій 13-й ротой шт.-кап. Бѣляевъ, прикрывая отступленіе баталіона, чѣмъ далъ возможность вынести раненыхъ и убитыхъ и не далъ возможности противнику преслѣдовать насъ. Выйдя на противоположный гребень, роты заняли его, гдѣ и находились до полученія приказанія отойти на бивакъ".

„Въ реляціи 19-го В.-С. стр. полка объ участіи его ротъ въ означенной атакѣ говорится: „Въ началѣ пятаго часа раздался залпъ батарей, рожки заиграли атаку, и роты неудержимой лавой двинулись впередъ. Японцы открыли адскій артиллерійскій и ружейный огонь, долгое время не причинявшій намъ почти никакого вреда, и только шаговъ съ 200 начались наши потери. Тяжело пришлось стрѣлкамъ: крутой скатъ сопки былъ покрытъ мѣстами колючимъ, густымъ и низкимъ кустарникомъ, мѣстами—мелкимъ камнемъ, который осыпался подъ ногами, отчего стрѣлки часто срывались и падали внизъ. Но они, помня твердо приказъ: „взять сопку во что бы то ни стало", подымались вверхъ, снова падали, вновь поднявшись, неудержимо лѣзли впередъ, несмотря на то, что, по мѣрѣ приближенія къ окопамъ, потери значительно увеличивались. Наша артиллерія дѣйствовала превосходно: ея огня и дружнаго натиска стрѣлковъ японцы не выдержали и, понеся большія потери, очистили сопку. Такимъ образомъ, первая часть задачи была блистательно выполнена: съ небольшими сравнительно потерями, однимъ лихимъ натискомъ японцы были сбиты. Но предстояла болѣе трудная, болѣе тяжелая задача—удержать за собой сопку, пока весь корпусъ не отойдетъ. Японцы тотчасъ открыли сильный артиллерійскій и ружейный огонь, подготовляя, повидимому, контръ-атаку. Японскія шимозы буквально сметали слабые бруствера, отрывая у измученныхъ защитниковъ головы, руки, ноги... Ряды стрѣлковъ быстро таяли, особенно въ полуротѣ 10-й роты (подпоручикъ

Самохваловъ), въ которой за 5-10 минутъ выбыло изъ строя болѣе 20 человѣкъ. Вскорѣ офицеръ этотъ былъ раненъ ружейной пулей въ грудь на вылетъ, но остался въ строю въ теченіе получаса до прихода ротнаго командира“ [1]).

„Части 2-го Сиб. корпуса въ теченіе боевъ 17 и 18 іюля потеряли убитыми: 9 офиц. и 337 н. ч., ранеными: 50 офиц. и 1.012 н. ч., пропавшими безъ вѣсти 1 офиц. и 262 н. ч., итого 60 офиц. и 1.611 н. чиновъ“.

„Японцы понесли въ этомъ бою слѣдующія потери: убито 9 офиц. и 187 н. ч., ранено: 25 офицеровъ и 635 н. ч., итого 35 офиц. и 822 н. чина, т.-е. ихъ потери были вдвое меньше нашихъ“ [2]).

А. Н. Виноградскій также останавливается на бою за Кангаулинскую позицію (Симученъ), описывая выдѣляющіеся эпизоды этой кровавой борьбы.

„Накапливаясь за складками мѣстности“ говоритъ онъ, „и постепенно выигрывая такимъ образомъ пространство, войска Камады произвели въ теченіе утра три послѣдовательныя атаки, но шесть ротъ Козловцевъ, отстаивавшія отведенный имъ 4-верстный участокъ, блестяще отбили ихъ. Правыя семь ротъ Воронежцевъ стойко обороняли другой участокъ въ 3 версты. Въ 8 ч. 20 м. у. Кавамура притянулъ свои двѣ послѣднія батареи и ввелъ ихъ въ дѣло съ закрытой позиціи къ с.-в. отъ Цаогоу, что значительно облегчило дальнѣйшія атаки его пѣхоты, остававшіяся безрезультатными до конца 11-го часа. Несмотря на жару и утомленіе, духъ у насъ былъ отличный, росла увѣренность въ себѣ и крѣпла надежда на удачный конечный исходъ даже при наличіи ряда неблагопріятныхъ для обороны усилій“ [3]).

„Въ первую половину дня, до выдвиженія непріятельской артиллеріи на высоту 212,7 на участкѣ полк. Ржэнсіовецкаго все было относительно благополучно и наступленіе колонны Камады, ведшей подготовительный бой, успѣшно сдерживалось однимъ огнемъ пѣхоты, несшей ничтожныя потери. Подобное взаимное положеніе сохранилось до полудня, но какъ только противникъ открылъ во флангъ съ высоты 212,7 и Яншугоускаго перевала артиллерійскій огонь, скоро усилившійся вслѣдствіе отступленія

---

[1]) В. И.-К., т. III, ч. I. стр. 142—143.
[2]) Тамъ же, стр. 146—147.
[3]) А. Н. Виноградскій, в. 2, стр. 93.

отрядовъ г.-м. Мищенко и полк. Павлова, наше положеніе стало очень серьезнымъ, потери сразу увеличились и Воронежцы принуждены были начать отступленіе".

„Итакъ, ходъ боя для японскаго праваго крыла нельзя никакъ назвать успѣшнымъ до средины дня. Кавамура ввелъ къ этому времени всѣ свои резервы и не достигъ существенныхъ результатовъ. Въ 1 часъ пополудни онъ рѣшилъ упорно продолжать бой и поставилъ себѣ задачей овладѣть Дапуцзой, для чего сосредоточилъ по позиціямъ Козловцевъ и Воронежцевъ огонь всей своей артиллеріи, перемѣнившей первоначальныя позиціи и двинулъ въ атаку 39-й полкъ и одинъ баталіонъ 20-го. Тѣмъ временемъ прочія части дивизіи должны были наступать восточнѣе и овладѣть высотами къ сѣверу отъ Лаоханьцзя".

„Сначала мы держались на этихъ участкахъ попрежнему стойко, но послѣдствія обхода японцевъ и занятія ими высоты 212,7 теперь начали сказываться все сильнѣе и сильнѣе, потери становились серьезнѣе подъ фланговымъ артиллерійскимъ огнемъ, и скоро вся 5-я батарея принуждена была замолчать. Въ 2 ч. 30 м. пополудни г.-м. Васильевъ поддержалъ Воронежцевъ послѣднимъ, имѣвшимся въ его распоряженіи, резервомъ— двумя ротами Воронежцевъ, но ничего подѣлать уже нельзя было; условія боя сдѣлались слишкомъ тяжелы. Жара усиливалась, солнечные удары стали часты, фланговый огонь японцевъ сильнѣе и Воронежцы принуждены были отступить, уступивъ Кавамурѣ первый рядъ высотъ. Три орудія 5-й батареи 31-й арт. бригады удалось спасти съ помощью пѣхоты, но прочія пять пришлось бросить, испортивъ ихъ предварительно, такъ что съ 3 ч. дня весь отрядъ полк. Ржесніовецкаго находился въ полномъ отступленіи на Пхайлунтунь, котораго достигъ въ 6 ч. вечера. Съ отходомъ Воронежцевъ общее положеніе сдѣлалось крайне серьезнымъ, такъ какъ противникъ могъ теперь свободно подойти на дистанцію пушечнаго выстрѣла къ пути отступленія корпуса на Хайченъ, а послѣ дальнѣйшаго оттѣсненія отрядовъ Мищенко, Павлова и Ржесніовецкаго вся 5-я В.-С. стр. див. съ остатками бригадъ 31-й дивизіи рисковала очутиться въ мѣшкѣ" [1]).

„Причина вялости японцевъ, остановившихъ свой наступательный порывъ, лежитъ отчасти въ ужасной жарѣ, отъ которой всѣ приходили въ изнеможеніе, и, главнымъ образомъ, въ

---

1) А. Виноградскій, в. 2 стр. 102—103.

прекрасныхъ дѣйствіяхъ нашихъ трехъ батарей центра (двѣ 31-й арт. бриг. и одна 5-й В.-Сиб. арт. бриг.). Какъ бы то ни было, онѣ помогли, по собственному признанію противника, Козловцамъ придти въ порядокъ на тыловой позиціи, при чемъ не допустили никого проникнуть за передовые гребни въ глубину позиціи" [1]).

„Въ окончательномъ результатѣ, получилось, что самый важный участокъ позиціи—правый—былъ нами очищенъ и мы удержали лишь лишенную важности при данной обстановкѣ Кангуалинскую позицію, противъ которой въ теченіе дня непріятель ничего не предпринималъ. Расположеніе наше стало похоже къ вечеру на острый уголъ съ вершиною у д. Чжаньшаньюй, при чемъ отрядъ полк. Павлова очутился у д. Тунзянцзы, Воронежцы—у Пхайлунтуня, противникъ же—въ непосредственной близости отъ пути отступленія корпуса. Принимая во вниманіе эти условія, а также неудачный исходъ боевъ того же дня у Юшулина, Пьенлина и Янзелина на восточномъ фронтѣ, г.-ад. Куропаткинъ приказалъ II корпусу отойти къ Хайчену, что и было исполнено въ полномъ порядкѣ по кружному пути на Соешулинъ, такъ какъ японцы стояли слишкомъ близко отъ прямого" [2]).

„Наша неудача 18 (31) іюля тѣмъ болѣе обидна, что мы имѣли передъ боемъ немалые шансы на успѣхъ. На самомъ дѣли: свѣдѣнія о противникѣ были достаточно полны и точны и оріентировали какъ относительно направленія его наступленія, такъ и силы его отдѣльныхъ колоннъ; командиръ корпуса своевременно разобрался въ обстановкѣ; ощутительнаго превосходства въ силахъ на сторонѣ японцевъ не было. Въ результатѣ мы такъ распорядились, что половина II корпуса въ бою участія не принимала и самоотверженная храбрость пѣхоты и артиллеріи другой половины, дѣйствовавшихъ этотъ разъ въ полной взаимной связи, и искусное веденіе ими боя успѣха намъ дать не могли" [3]).

Оцѣнка боевой работы нашихъ войскъ подъ Симученомъ нашла себѣ мѣсто и въ сообщеніяхъ Академіи Генеральнаго Штаба.

„Въ этомъ бою" говоритъ лекторъ „2-й бригадѣ 31-й пѣхотной дивизіи пришлось выдержать тяжелую борьбу съ далеко не рав-

[1]) А. Виноградскій, в. 2 стр. 103—104.

[2]) Тамъ же, стр. 104—105.

[3]) Тамъ же, стр. 108.

ными силами врага; она была выдвинута изъ резерва, чтобы отбить наступленіе значительныхъ силъ японцевъ, которые, демонстрируя противъ главныхъ силъ II Сибирскаго корпуса на большой Сюяньской дорогѣ, съ 6-ти часовъ утра начали бой силами около двухъ дивизій, наступавшихъ съ юга на Дапудзу, въ обходъ лѣваго фланга II Сибирскаго корпуса. Части 123-го пѣх. Козловскаго полка, дравшіяся на гребнѣ хребта къ востоку отъ Дапудзы, были поддержаны контръ-атаками полковниковъ Лордкипанидзе и Липоваца-Поповича, которые были двинуты во флангъ японцамъ. Совершивъ трудное движеніе по спускамъ и подъемамъ, баталіонъ Воронежцевъ, несмотря на сильную жару, атаковалъ японцевъ, бросаясь въ штыки по сигналу полковника Липоваца, поданному съ восточнаго фланга. Геройскій примѣръ офицеровъ, 75% которыхъ выбыло изъ строя, привелъ къ тому, что японцы быстро были переколоты въ первыхъ окопахъ и только подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ прекратили наступленіе Воронежцевъ; искупительная жертва была принесена съ великой пользой: порывъ японцевъ былъ остановленъ, тѣмъ болѣе, что атаки полк. Липоваца-Поповича имѣли большой успѣхъ".

„Другая часть бригады, на западномъ гребнѣ отъ д. Дапудзы, съ 12 ч. дня попала подъ жестокій фланговый огонь японской горной батареи, занявшей позиціи отошедшихъ частей коннаго отряда. Тяжело было положеніе частей Воронежскаго полка и особенно батареи, которая не имѣла возможности дѣйствовать по новому направленію. Отходъ былъ крайне труденъ; при поддержкѣ прибывшаго резерва японцы были пріостановлены, но спускъ орудій былъ невозможенъ: настолько былъ крутъ и малодоступенъ путь отступленія; шесть орудій пришлось испортить и оставить въ оврагахъ горъ.

„Потери бригады таковы: 27 офицеровъ, 730 нижн. чин. изъ нихъ 5 офицеровъ, 120 нижнихъ чиновъ—отъ солнечнаго удара".

„Въ неравномъ бою страдальчески дралась бригада, не колеблясь въ исполненіи своего долга" [1]).

Въ то время какъ Нодзу тѣснилъ насъ къ Кангаулинской позиціи, Куроки началъ наступленіе, приведшее 18 числа къ Янзелинскому бою.

[1]) Р.-Яп. война въ сообщ. Акад. Ген. Штаба, ч. I, стр. 73—74.

„Обходившая нашъ правый флангъ 1-я бригада японской гвардіи, говорится въ трудѣ Военно-Ист. Ком., наткнувшись на роты 22-го В.-С. стр. полка, остановилась, залегла и въ теченіе всего дня ограничивалась здѣсь перестрѣлкою съ ротами 22-го полка“.

„5 ротъ 3-го гвардейскаго полка, перешедшія р. Ланхэ у д. Кюдяпуза, поддержанныя двумя ротами 1-го гвардейскаго полка и огнемъ своихъ 3 батарей, обрушились съ фронта и съ фланга на скалистую высоту, занятую полуротою 10-й роты кап. Волкобоя, поддержанною къ этому времени охотниками 2-го и 3-го баталіоновъ (80 штыковъ). Первыя усилія японцевъ овладѣть этою высотою были отбиты огнемъ означенныхъ командъ. По отбитіи первой атаки, японцы усилили свои атакующія части. Усиливался постепенно и небольшой отрядъ кап. Волкобоя, и бой за скалистую высоту разгорался съ каждой минутой. По указанію полк. Ласскаго, начальникъ праваго боевого участка 21-го полка кап. Госѣвскій послалъ на подкрѣпленіе кап. Волкобою: полуроту 5-й роты, взводъ 8-й роты, 1-ю роту и по полуротѣ отъ 3-й и 10-й ротъ. По высотамъ, занятымъ этимъ сборнымъ отрядомъ, силою въ 3³/₄ роты и 2 команды, непріятель открылъ огонь изъ двухъ батарей, расположенныхъ восточнѣе д.д. Кюдяпузы и Суйтянца, и развернулъ противъ праваго участка 21-го полка до двухъ полковъ пѣхоты, открывшихъ по нашимъ стрѣлкамъ усиленный пачечный огонь. Пущенная въ атаку японская пѣхота доходила на 10 шаговъ до нашихъ окоповъ, но, не будучи въ состояніи выдержать мѣткаго огня стрѣлковъ, отходила назадъ и укрывалась въ поляхъ гаоляна“.

„Потерпѣвъ неудачу въ атакѣ праваго фланга, японцы, послѣ усиленной артиллерійской работы своихъ центральныхъ батарей, около 8 час. утра перешли въ атаку противъ лѣваго фланга 21-го В.-С. стр. полка, направивъ на него сначала одинъ баталіонъ. Въ 8 час. утра полк. Ласскій послалъ на поддержку своего лѣваго участка (7-я и 8-я роты и охотничья команда 1-го баталіона) 12-ю роту“.

„Въ 9 часовъ утра прибылъ къ мѣсту полкового резерва съ 3 ротами 1-го баталіона подполк. Некрасовъ. Такъ какъ къ тому времени для поддержки праваго участка была уже послана 1-я рота его баталіона, а въ резервѣ остались только двѣ роты, то командиръ полка ввѣрилъ этотъ резервъ командиру 3-го баталіона, а подполк. Некрасову приказалъ отправиться на передовой

лѣвый участокъ и вступить въ командованіе расположенными тамъ частями полка".

„Подполк. Некрасовъ, вступивъ въ командованіе лѣвымъ участкомъ, постарался немедленно войти въ связь съ сосѣднимъ 23-мъ В.-С. стр. полкомъ. Обойдя всѣ роты, онъ передалъ приказаніе командира полка держаться на позиціи до особаго приказанія. До 4 час. дня противъ лѣваго участка дѣйствовалъ лишь одинъ баталіонъ японцевъ. Съ этого времени артиллерійскій огонь по участку усилился, и стало ясно, что японцы собираютъ свои войска для перехода въ наступленіе на лѣвый участокъ, куда по просьбѣ о подкрѣпленіи были посланы спѣшенная конно-охотничья команда, 2-я рота, а спустя нѣсколько времени— пѣшая охотничья команда подъ начальствомъ шт.-кап. Шульги, только что возвратившаяся изъ отряда генерала Левестама (2-го Сиб. арм. корпуса)".

„Участокъ около 3½ час. держался молодецки, духъ стрѣлковъ былъ отличный".

„Въ началѣ 5-го часа дня, противъ участка подполк. Некрасова стали группироваться японскія войска, а затѣмъ повели на него упорную атаку. Ружейный и шрапнельный огонь слѣва заставлялъ предположить, что 23-й В.-С. стр. полкъ отступилъ. Колонны японской пѣхоты наступали лощиной, отдѣлявшей лѣвый участокъ 21-го стр. полка отъ праваго фланга 23-го полка. Ихъ огонь былъ доведенъ до максимума. Патроны, по донесенію подполк. Некрасова, были на исходѣ, и онъ уже передалъ приказаніе, въ случаѣ неполученія таковыхъ, перейти въ атаку, *а не подумалъ уступить и пяди земли своего участка.* Патроны были доставлены на вьюкахъ, розданы своевременно. Прибывшія подкрѣпленія, при помощи стрѣльбы со стороны ротъ праваго участка, а равно и общаго полкового резерва, дали возможность отбить всѣ атаки превосходныхъ силъ непріятеля".

„Одновременно съ атакой лѣваго участка японцы возобновили усиленный огонь и по правому участку".

„Оба участка были въ теченіе цѣлаго дня сильно обстрѣливаемы массой пуль и снарядовъ, въ особенности на правомъ флангѣ, гдѣ не было безопаснаго мѣста даже для перевязки раненыхъ. Были моменты, когда огонь противника на правомъ участкѣ ослабѣвалъ и врагъ быстро начиналъ отступать, но затѣмъ опять усиливался огонь противъ обоихъ передовыхъ участковъ, и противникъ опять двигался впередъ. Было уже совер-

шенно темно, когда японцы попытались вытѣснить насъ съ позиціи кап. Волкобоя. Открывъ самый частый огонь, они внезапно бросились впередъ, но молодцы-стрѣлки не дрогнули и этотъ натискъ отбили, какъ и всѣ прежніе" [1].

„Около 2 час. дня противъ центра нашихъ позицій выѣхали еще три японскія батареи и значительно усилили огонь, особенно по 3-й батареѣ 3-й бригады. Начальникъ отряда г.-л. графъ Келлеръ почелъ своимъ долгомъ появиться въ наиболѣе опасномъ мѣстѣ и отправился на правый флангъ. Обойдя позиціи конно-горной батареи, графъ Келлеръ, сопровождаемый чинами своего штаба, направился пѣшкомъ на позицію 3-й батареи".

„Около 2¼ час. дня, когда графъ Келлеръ проходилъ позади 4-го орудія, онъ былъ смертельно раненъ разорвавшейся шрапнелью и тутъ же скончался" [2].

„Около 7 час. веч. 21-й и 22-й В.-С. стр. полки съ двумя батареями продолжали стоять на своихъ позиціяхъ, имѣя противъ себя 12 батальоновъ японской гвардіи и около 6 батарей".

„22-й и 24-й В.-С. стр. полки были расположены по гребнямъ въ 3 верстахъ позади позицій 21-го полка, а противъ нихъ Тхавуанская позиція была занята 6 батальонами японцевъ (2-й дивизіи). Бой всюду затихъ. Японцы, проявивъ отсутствіе энергіи противъ нашего праваго фланга, не могли взять ни одного окопа; противъ лѣваго фланга взяли лишь то, что имъ было добровольно оставлено 23-мъ В.-С. стр. полкомъ. Захвативъ эту линію, они дальше не двигались. 4½ батальона 9-го и 10-го В.-С. стр. полковъ, расположенные въ раіонѣ д.д. Холунгоу — Эрдахэ, участія въ бою въ этотъ день не принимали, находясь въ 10 верстахъ отъ поля сраженія" [3].

„Вечеромъ въ штабѣ Восточнаго отряда получилось свѣдѣніе о томъ, что занимавшій Пьелинскій перевалъ отрядъ г.-м. Мартсона отброшенъ и японцы заняли уже д. Липію, почему въ 10 ч. вечера генералъ Кашталинскій рѣшилъ собрать совѣщаніе изъ присутствовавшихъ здѣсь начальствующихъ лицъ и чиновъ штаба отряда. На совѣщаніи этомъ рѣшался вопросъ—принять ли завтра бой, продолжая отстаивать Янзелинскія позиціи, или отступить къ Ляньдясаню" [4].

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2 стр., 177—179.
[2]) Тамъ же, стр. 182.
[3]) Тамъ же, стр. 184.
[4]) Тамъ же, стр. 185.

„Въ перестрѣлкахъ передовыхъ частей 17 іюля и въ бою на Янзелинскомъ перевалѣ 18 іюля войска Восточнаго отряда понесли слѣдующія потери:

„Убитъ начальникъ отряда ген.-летйенантъ графъ Келлеръ. Убито: 2 оф. и 48 н. ч., ранено: 11 оф. и 306 н. ч., пропало: 1 оф. и 22 н. ч., итого: 14 оф. и 376 н. чиновъ.

„Японцы въ бою подъ Янзелиномъ потеряли: убито 6 оф. и 89 н. ч., ранено: 25 оф. и 416 н. ч., итого: 31 офиц. и 505 нижн. чиновъ".

„Потери японцевъ были больше нашихъ почти въ полтора раза. Почти всѣ потери японской гвардіи были ей нанесены мѣткимъ огнемъ 21-го В.-С. стр. полка. Изъ данныхъ о потеряхъ можно вывести, что упорное сопротивленіе оказалъ лишь 21-й В.-С. стр. полкъ, своею стойкостью остановившій значительно превосходныя силы доблестной японской гвардіи" [1]).

Въ тѣсной связи съ дѣйствіями Восточнаго отряда находились операціи сосѣдняго X корпуса, принудившаго насъ своей неудачей очистить Янзелинскій перевалъ. „15 іюля началось постепенное наступленіе 10-го корпуса. Въ этотъ день тронулся авангардъ въ составѣ 1-й бригады 9-й пѣх. дивизіи съ 2 батареями 9-й арт. бригады".

„Согласно диспозиціи, отданной 15 іюля въ 9 час. утра, авангарду корпуса было приказано продвинуться впередъ, насколько возможно, не ввязываясь въ упорный бой. Два батальона Елецкаго полка должны были въ 11½ час. утра продвинуться впередъ правѣе (южнѣе) д. Сихэ, на ближайшія сопки, затѣмъ—на дальнѣйшія, на 2, 3, 4, 5 верстъ впередъ, насколько позволятъ обстоятельства. Одинъ батальонъ Сѣвскаго полка долженъ былъ продвинуться такимъ же образомъ по сѣверному берегу р. Сихэ и занять сопки къ сѣверо-западу отъ д. Юшулинцзы".

„Движеніе впередъ 3 батальоновъ авангарда совершилось безпрепятственно, и 16 іюля въ 7 ч. утра ген. Случевскій телеграфировалъ командующему арміей: „Вчера отъ полудня до вечера Сѣвцы на лѣвомъ флангѣ впереди д. Мунцзяпу продвинулись безъ боя на версту. Ельцы на правомъ заняли расположеніе своихъ передовыхъ постовъ, сегодня предполагаю дальнѣйшее передвиженіе впередъ" [2]).

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2, стр. 187.
[2]) Тамъ же, стр. 199.

„18 іюля въ бояхъ подъ Юшулиномъ и Пьелиномъ приняли участіе: съ нашей стороны 23½ батальона, 13 сотенъ и 18 орудій, со стороны японцевъ—18 батальоновъ, 3 эскадрона и 36 орудій. Пьелинскій перевалъ, хотя и былъ занятъ непріятелемъ, но японцы, занявшіе позиціи г.-м. Мартсона, впередъ не двигались. Юшулинскія позиціи и высоты праваго берега р. Сихэ остались за нами. Къ с. Таампинъ ожидалось прибытіе свѣжей бригады изъ войскъ 17-го арм. корпуса“ [1]).

„18 же іюля въ 11 час. 5 мин. вечера г.-ад. Куропаткинъ телеграфировалъ г.-л. Случевскому: „Для объединенія дѣйствія войскъ, оперирующихъ противъ арміи Куроки, я подчиняю Васъ и начальника Восточнаго отряда ген.-отъ-кав. бар. Бильдерлингу“. Относительно же результата боя г.-ад. Куропаткинъ не сомнѣвался, что полки 10-го корпуса способны будутъ отбить атакующаго ихъ непріятеля, о чемъ въ 11 ч. 5 мин. онъ писалъ командиру 10-го корпуса: „Вы имѣете противъ себя силы, которыя славные полки, Вамъ ввѣренные, могутъ и должны отбить съ огромными для противника потерями. Примите, однако, мѣры, чтобы не повторялись случаи, подобные нечаянному нападенію на славный Тамбовскій полкъ, я предупреждалъ Васъ о возможномъ переходѣ противника въ наступленіе. Несомнѣнно, что резервы, общій и частный, должны составлять двѣ трети всѣхъ войскъ. Не разбрасывайтесь“ [2]).

Напоминаніе не повело, да и не могло повести къ благопріятнымъ результатамъ.

„Позднее прибытіе на Пьелинскій перевалъ бригады ген.-маіора Мартсона, отсутствіе картъ и невозможность, благодаря этому, надлежащимъ образомъ и своевременно расположить войска для обороны, а съ другой стороны—недостатокъ бдительности въ сторожевомъ охраненіи Тамбовскаго полка, благодаря чему оказалось возможнымъ нечаянное нападеніе японцевъ на бивакъ Тамбовцевъ, повлекшее за собою необходимость расходованія резервовъ съ самаго начала боя для поддержки лѣваго фланга корпуса, и не подтвердившееся затѣмъ донесеніе г.-м. Грекова объ отходѣ лѣваго фланга корпуса—были причинами неудачнаго исхода боя и необходимости отступать“.

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. I, стр. 214.
[2]) Тамъ же, стр. 215.

„Въ бояхъ 18 и 19 іюля войска 10-го корпуса потеряли: убитыми: 5 оф. и 276 н. ч., ранеными и контуженными: 34 оф. и 1.342 н. ч., пропавшими безъ вѣсти: 8 оф. и 403 н. чина, итого 47 оф. и 2.021 н. ч., т.-е. общія потери корпуса можно принять въ 11%. Особенно пострадали 122 пѣх. Тамбовскій полкъ потерявшій до 25%, и 2-я бригада 9-й пѣх. дивизіи, потерявшая до 13%. Потери японцевъ въ бояхъ съ 10-мъ корпусомъ были ничтожны: 14 оф. и 439 н. чин.“ [2]).

Было бы крупной несправедливостью закончить этимъ описаніе боя, не упомянувъ о нижеслѣдующемъ подвигѣ русскихъ солдатъ.

„19 іюля въ 11½ час. утра къ командиру 3-го батальона 6-го пѣх. Спб. Енисейскаго полка прикрывавшаго на позиціи у д. Пхайлунтунь отходъ колонны обозовъ, когда, за проходомъ всѣхъ обозовъ, на позиціи оставалась только 12-я рота и охотничья команда, подошли три нижнихъ чина изъ состава 17-го подвижного госпиталя и доложили, что внизу, за вершиной, остались брошенными нѣкоторыя повозки и въ томъ числѣ и денежный ящикъ этого госпиталя. Спасти денежный ящикъ вызвались: вольноопредѣляющійся Копыловъ, доброволецъ Бутаевъ и ефрейторы: Александровъ, Первухинъ и Костюринъ, которые, взявъ топоры, отправились впередъ и подъ огнемъ непріятеля вырубили изъ повозки денежный ящикъ, принесли его къ ротѣ, гдѣ и сдали его разводящему, доставившему ящикъ по назначенію“ [3]).

Изучая бои 18 іюля какъ на восточномъ, такъ и на южномъ фронтѣ, А. Н. Виноградскій отмѣчаетъ чрезвычайно поучительныя характерныя данныя. „Боевая подготовка войскъ“ говоритъ онъ „во многомъ подвинулась впередъ съ начала войны; тяжелые уроки трехмѣсячной кампаніи не прошли даромъ: части втянулись въ работу, значительно приспособились къ условіямъ непривычной для нихъ обстановки, пріобрѣли многія боевыя сноровки, но, тѣмъ не менѣе, основные дефекты, какъ-то отсутствіе широкой подготовки къ горной войнѣ и искусства комбинировать свои усилія, направлять ихъ къ одной цѣли,—остались во всей своей полнотѣ. Примѣромъ этого можетъ служить не-

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. I, стр. 218.
[3]) Тамъ же, стр. 221.

умѣнье распоряжаться своей артиллеріей, использовать ее и ненормальная боязнь потерять орудія, почему на нихъ смотрѣли не какъ на помощниковъ въ трудной боевой работѣ, а какъ на цѣнные предметы, подлежащіе тщательной охранѣ. Въ результатѣ зародилось и укрѣпилось стремленіе вводить поменьше артиллеріи въ бой и поскорѣе, при назрѣваніи рѣшительнаго періода его, убирать ее въ тылъ, дабы не рисковать оставить въ рукахъ противника; между тѣмъ, послѣдняя заслуживала большаго довѣрія и сильно шагнула впередъ со дня Тюренчена. Она основательно поработала по усовершенствованію своей подготовки и если не усвоила еще въ Восточномъ отрядѣ искусства стрѣльбы съ закрытыхъ позицій во всемъ его объемѣ, то, во всякомъ случаѣ, значительно подвинулась на пути всесторонняго использованія своей превосходной скорострѣльной пушки".

„Духъ въ войскахъ, т.-е. собственно рядовыхъ бойцовъ и младшихъ чиновъ, былъ великолѣпный, чего нельзя сказать о высшемъ командномъ персоналѣ. Послѣдній, начиная съ самого гр. Келлера, какъ бы потерялъ почву подъ собою послѣ цѣлаго ряда неудачъ; стѣсняемый, съ одной стороны, противорѣчивыми указаніями командующаго арміей, находясь, съ другой, подъ гнетомъ высшей боевой подготовки противника, съ которой до сихъ поръ ни наступленіемъ, ни обороной онъ справиться не могъ,—онъ какъ бы сознавалъ свое безсиліе и предпочиталъ „рѣшать задачу за непріятеля", чѣмъ пытаться, навязывать ему свою волю. Появлялась преувеличенная оцѣнка силъ противника и рядомъ съ этимъ недовѣріе къ себѣ, къ своему умѣнью создать наилучшую комбинацію изъ имѣвшихся въ распоряженіи средствъ. Находились, понятно, и свѣтлыя исключенія, но ихъ было меньшинство. Самъ гр. Келлеръ, съ его инціативой и лично очень цѣнившій артиллерію, не могъ отрѣшиться отъ воцарившихся послѣ Тюренчена взглядовъ и, напримѣръ, не полагалъ возможнымъ расположить на Тхавуанской позиціи болѣе 16 орудій, когда въ дѣйствительности ихъ помѣстили 28 и можно было найти позиціи наеще большее количество. Онъ не признавалъ вообще возможности удачно эксплоатировать полевую артиллерію въ данной пересѣченной мѣстности и просилъ обязательно горную, безъ которой, казалось ему, никакъ не обойтись".

„Г.-ад. Куропаткинъ требовалъ отъ него принятія серьезныхъ мѣръ для поднятія духа Восточнаго отряда, разрѣшая не

стѣсняться удаленіемъ всѣхъ начальниковъ, сомнѣвающихся въ конечномъ успѣхѣ, но понятно, что это была трудная задача. Гр. Келлеръ лично дѣлалъ все, что могъ, и не щадя своихъ силъ, всюду показывался и пытался всѣми зависящими отъ него мѣрами вдохнуть энергію въ подчиненныя ему войска. Къ сожалѣнію, у многихъ бодрость духа была подорвана постоянными отступленіями на всемъ театрѣ и мало кто искренно вѣрилъ въ фразу: „оказать упорное сопротивленіе"—фразу весьма растяжимую, не указывающую, гдѣ предѣлъ этого сопротивленія. Большинство было обмануто въ своихъ ожиданіяхъ, сбито съ толку многочисленной номенклатурой разныхъ позицій, какъ-то: главныхъ, передовыхъ, тыловыхъ и т. д., и въ рѣшительную минуту толковало по-своему означенный столь важный предѣлъ обороны" [1]).

„Командующій 2-мъ баталіономъ 21-го В.-С. стр. полка кап. Волкобой правильно оцѣнилъ важность находившейся передъ нимъ высоты и занялъ ее покамѣстъ чѣмъ могъ—полуротой и охотниками, а начальникъ участка полк. Ласскій послалъ, въ свою очередь, немного позднѣе туда же 3¾ роты. Японцы, какъ свидѣтельствуютъ ихъ источники, отдавали себѣ также отчетъ въ значеніи этой сопки и нацѣливались энергично атаковать ее".

„Одновременно съ завязкой боя у 21-го В.-С. п., и передъ позиціей 22-го В.-С. полка показались непріятельскія цѣпи, наступавшія прямо съ юга. Такимъ образомъ, бой завязался прежде всего на нашемъ правомъ флангѣ, гдѣ атаковала средняя колонна полк. Ямады, дѣйствовавшаго покамѣстъ совершенно въ одиночествѣ, со своими 3-мя гвардейскими баталіонами, и склоннаго поэтому къ чрезвычайной осторожности".

„Его наступленіе двумя баталіонами противъ позиціи 22-го полка было скоро остановлено огнемъ трехъ ротъ стрѣлковъ и конно-горной батареи, почему онъ остановился и воздержался на весь день отъ какихъ-либо энергичныхъ атакъ, продолжая лишь связывать лѣвую колонну съ правой". Его горная батарея, однако, не прекращала огня и вступила въ состязаніе съ нашей артиллеріей" [2]).

Покуда „бой складывался для Восточнаго отряда крайне благополучно: наша артиллерія одержала верхъ надъ своей про-

---

1) Виноградскій, в. 2, стр. 116.
2) Тамъ же, стр. 128.

тивницей; на правомъ флангѣ три японскихъ баталіона были прямо пришиты къ мѣсту; обходная колонна Асады все еще не появлялась на полѣ сраженія и тяжесть боя должна была лечь на 2-ю гвардейскую бригаду Ватанабе, такъ какъ пускать теперь же въ атаку 2-ю дивизію считали въ штабѣ I арміи преждевременнымъ и роскованнымъ“ [1]).

„На правомъ флангѣ Тхавуанской позиціи, единственномъ до сихъ поръ атакованномъ, мы были побѣдителями и всюду одержали верхъ; наступленіе японцевъ противъ 22-го полка также замерло и влившимся утромъ въ боевую часть четыремъ ротамъ нашимъ было приказано попозднѣе, въ 3-мъ часу дня, отойти за ненадобностью къ резерву. Тѣмъ временемъ въ штабѣ 6-й В.-С. стр. див. разобрались въ обстановкѣ и разгадали, что противъ лѣваго фланга—23-го В.-С. стр. полка—ведется лишь демонстрація. Благодаря успѣху блестящаго сопротивленія 21-го полка, о который, какъ о гранитную скалу, продолжали разбиваться всѣ усилія японской гвардіи, настроеніе сдѣлалось приподнятымъ. Заходилъ даже разговоръ о переходѣ въ наступленіе, для чего требовалось содѣйствіе изъ тыла 3-й В.-С. стр. дивизіи, но гр. Келлеръ, придерживаясь директивы г.-ад. Куропаткина, категорично въ ней отказалъ“.

„Лишь въ первомъ часу появилась на полѣ сраженія обходная колонна Асады, причемъ, крайне утомленная палящимъ солнцемъ и длиннымъ переходомъ по трудно доступной горной мѣстности, безъ дорогъ, она дѣйствовала вяло и слабыя ея наступательныя попытки были сразу остановлены нашимъ ружейнымъ огнемъ 21-го и 22-го полковъ. Эта колонна не оказала вліянія на ходъ боя, такъ какъ сопровождавшая ее полевая батарея, не поспѣвшая за пѣхотой въ горахъ, была отправлена обратно на усиленіе артиллеріи 2-й бригады бывшей въ огнѣ“.

„Въ первомъ часу дня дѣло приняло еще лучшій для насъ оборотъ, такъ какъ въ итогѣ шесть гвардейскихъ баталіоновъ Асады и Ямады окончательно оторвались отъ прочихъ войскъ и были потеряны для Куроки, а 3-й гвардейскій полкъ остановленъ передъ позиціей 21-го В.-С. стр. полка. Въ штабѣ I японской арміи переживались тяжелыя минуты. Тамъ раньше надѣялись, что уже къ полудню рядъ высотъ у д. д. Суйтянзы и Чудяпузы и западнѣе будетъ въ рукахъ гвардіи, чѣмъ обусловливалась

[1]) Виноградскій, в. 2, стр. 131.

успѣшность атаки Янзелинскаго перевала—теперь же ничего похожаго на это не получалось... Знали еще, что идетъ бой у Пьелина и Юшулина, но результаты его оставались покамѣстъ неизвѣстными. Приходилось сознаться, что здѣсь, подъ Тхавуаномъ, начинала вырисовываться перспектива крупной неудачи въ ближайшемъ будущемъ. Дѣйствительно, атаки гвардіи, повидимому, не удавались и никакихъ ощутительныхъ результатовъ не давали, артиллерія же не могла одержать перевѣса надъ нашей—положеніе японцевъ, по собственному ихъ признанію, дѣлалось критическимъ" [1]).

Мы же „въ силу, наставленій командующаго арміей, разсчитывать на побѣду, дававшуюся намъ въ руки, не могли и не хотѣли; такая дерзкая мысль—„побѣдить" не могла никому придти въ голову и думали лишь объ „упорной оборонѣ", т.-е. на верхахъ настроеніе было обратное тому бодрому духу, царившему среди рядовыхъ бойцовъ, отлично сражавшихся и бывшихъ очень не прочь основательно потрепать противника. Тѣмъ не менѣе, бой складывался для насъ все-таки благопріятно, и возможно, что въ концѣ концовъ личная энергія гр. Келлера взяла бы верхъ надъ путами, наложенными на него свыше, если бы не скоро наступившая смерть его и рядъ прискорбныхъ недоразумѣній, совпавшихъ по времени какъ разъ съ принятіемъ Куроки отчаяннаго рѣшенія пустить въ дѣло свой послѣдній резервъ" [2]).

„На столкновеніе подъ Тхавуаномъ командующій арміей, несомнѣнно, смотрѣлъ такъ же, какъ и на Ташичаоскій и Симученскій бои, т.-е. на бой на передовой позиціи крупнаго масштаба исключительно въ цѣляхъ „выясненія" общей обстановки на театрѣ войны, а не поймать случай одержать побѣду, утомивъ сначала противника и раскрывъ его намѣренія. Взглядъ этотъ не могъ не просочиться ниже и наложить своего отпечатка на образъ дѣйствій частныхъ начальниковъ; съ другой стороны, преувеличенная оцѣнка японскихъ силъ оказывала свое сковывающее вліяніе, и въ результатѣ получилось предрѣшеніе заранѣе исхода боя, не считаясь съ ходомъ его впослѣдствіи. При такихъ условіяхъ побѣду никогда и нигдѣ одержать нельзя".

„Не рисуйте себѣ картинъ", говорилъ Наполеонъ, — „мы уже усиленно ихъ рисовали и давали волю своему воображенію".

---

[1]) Виноградскій, в. 2, стр. 133.
[2]) Тамъ же, стр. 134.

„По своимъ послѣдствіямъ день 18 (31) іюля) былъ довольно грустный, не въ смыслѣ урона, разумѣется, крайне незначительнаго, но во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Мы отдали противнику полосу мѣстности въ одинъ переходъ глубины; но армія еще болѣе сблизилась и очутилась въ полутора переходахъ отъ Ляояна, а главное — моральный элементъ пострадалъ; войска уже начинали терять довѣріе къ себѣ и вождямъ. На самомъ дѣлѣ, если вникнуть въ психологію рядовыхъ бойцовъ, выходило такъ, что пѣхота какъ-будто отбивала всѣ атаки, артиллерія пріобрѣтала перевѣсъ надъ противницей, войска чувствовали, что имѣли всѣ данныя побѣдить, и въ результатѣ отступали. Являлось нежелательное сознаніе, что усилія и кровавая работа ихъ не использовывались, и могла настать такая минута, въ которую, если бы и потребовалось отъ нихъ полное напряженіе всей энергіи для дѣйствительно твердо рѣшеннаго наступленія — этого усилія не удалось бы вызвать; наконецъ, самое понятіе о томъ, что такое наступленіе, исчезло изъ умственнаго горизонта массъ, цѣлый отдѣлъ воли которыхъ былъ атрофированъ“ [1]).

„Начавшееся 9 (22) іюля методичное наступленіе X корпуса окончательно замерло и смѣнилось выжиданіемъ въ виду недостаточности свѣдѣній о противникѣ. Послѣднія, дѣйствительно. страдали, какъ оказалось впослѣдствіи, большой неточностью“ [2]).

Бой у Юшулина японцы начали „атакой 46-го полка, сразу же увѣнчавшейся, на наше несчастье, крупнымъ успѣхомъ. Имѣя два батальона въ боевой части и одинъ въ резервѣ, полкъ скрытно, по мѣстности, густо заросшей кустарникомъ, подошелъ къ нашему сторожевому охраненію, позволившему захватить себя врасплохъ. Оно было немедленно, т.-е. около 4½ ч. утра, прорвано въ центрѣ и на правомъ флангѣ, сбито, и противникъ оказался хозяиномъ порядочнаго участка восточной гряды на дистанціи дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла отъ бивака прочихъ трехъ батальоновъ Тамбовцевъ. Онъ не преминулъ развить свой успѣхъ, быстро насѣлъ и открылъ живой огонь по биваку“.

„Хотя полкъ былъ уже одѣтъ и, услышавъ перестрѣлку въ сторожевомъ охраненіи, сталъ выстраиваться, но, разумѣется, не обошлось безъ нѣкотораго замѣшательства и промедленія, кото-

---

[1]) Виноградскій, вып. 2, стр. 140.
[2]) Тамъ же, стр. 145.

рымъ воспользовались японцы. Дабы остановить ихъ натискъ, командиръ 2-го батальона подполк. Липованъ двинулся съ 6 ротами въ атаку, стремясь охватить лѣвый флангъ 46-го японскаго полка. Встрѣченный жестокимъ ружейнымъ огнемъ съ командующихъ высотъ, потерявъ своего командира и многихъ офицеровъ, нашъ батальонъ принужденъ былъ остановиться и вскорѣ отхлынулъ съ урономъ около 250 чел. Тѣмъ не менѣе, его стремительная атака принесла громадную пользу, такъ какъ остановила дальнѣйшій натискъ японцевъ и помѣшала имъ захватить второй гребень, что поставило бы въ затруднительное положеніе наши войска на прочихъ участкахъ позиціи. Около 6 ч. командиръ Тамбовцевъ полк. Клембовскій привелъ окончательно полкъ въ порядокъ и сравнительно прочно обосновался на второмъ гребнѣ“ [1]).

„46-й полкъ японцевъ залегъ въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ Тамбовцевъ и, не будучи въ состояніи продвинуться дальше, сталъ окапываться на взятыхъ высотахъ. Тѣмъ временемъ скрытно появились пять японскихъ батарей и, расположившись по обѣ стороны р. Сихэ, вступили въ состязаніе съ нашими 16 орудіями. Въ смыслѣ скрытности выѣздъ японцевъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Прикрываясь высокимъ гаоляномъ, въ которомъ уже заблаговременно были прорублены пути, маскируясь снопами срѣзанныхъ стеблей его, японскія горныя пушки подошли на небольшую дистанцію, откуда онѣ могли уже поражать“ [2]).

„Въ этомъ бою мы сдѣлали рядъ тѣхъ же ошибокъ, которыя повторялись за весь первый періодъ войны. Превосходя противника численностью всѣхъ трехъ родовъ оружія, мы опять допустили его захватить въ свои руки иниціативу, перейти въ наступленіе, быть сильнѣе насъ тамъ, гдѣ онъ этого хотѣлъ, и использовать внезапность“.

„Рѣшающее значеніе пріобрѣталъ для насъ исходъ боя подъ Пьенлиномъ, такъ какъ обходъ японцами нашего праваго фланга въ направленіи на Липію—Тундяпу выводилъ ихъ, въ случаѣ успѣха и энергичнаго использованія послѣдняго, на путь отступленія X корпуса и послѣдній попадалъ въ критическое положеніе. Обратно, успѣхъ нашъ здѣсь влекъ за собой прорывъ

---

[1]) Виноградскій, вып. 2, стр. 153.
[2]) Тамъ же, стр. 155.

японской арміи и приводилъ къ гибели ея праваго крыла. Между тѣмъ, именно въ этомъ пунктѣ мы оказались численно слабѣе противника и лишены поддержки артиллеріи, благодаря чему г.-м. Мартсона и постигла неудача, сведшая къ нулю весь геройскій и успѣшный 10-часовой бой Тамбовскаго полка. Въ общемъ, съ нашей стороны сраженіе разыгралось безъ всякой планомѣрности, расходованіе резервовъ лишено было системы, производилось пакетами и въ результатѣ цѣлая бригада, находившаяся утромъ 18 іюля въ тылу, оказалась размѣненной на мелочи, не оказавъ почти никакого существеннаго вліянія на исходъ столкновенія".

„Если въ тактическомъ отношеніи поддержка передовыхъ частей съ тыла страдала недочетомъ, то и въ стратегическомъ обстояло не лучше: весь XVII корпусъ, находившійся въ $1^1/_2$ переходахъ отъ поля сраженія въ распоряженіи командующаго арміей, бездѣйствовалъ. Какъ уже упомянуто, мы имѣли поводъ ждать съ 15 іюля наступленія японской арміи, по крайней мѣрѣ наши распоряженія на это указываютъ и стало-быть, существовала возможность, если не приблизить цѣликомъ XVII корпусъ къ восточному фронту, то подготовить высылку подкрѣпленій изъ его состава на помощь г.-л. Случевскому".

„Изъ другихъ недочетовъ отмѣтимъ неудовлетворительное несеніе сторожевой службы позволившее цѣлому японскому баталіону прорвать нашу цѣпь постовъ и заставъ, затѣмъ—оставленіе безъ должнаго вниманія командующихъ высотъ на правомъ берегу р. Сихэ и, наконецъ, введеніе въ бой лишь 16 орудій изъ 88" [1]).

Для полноты и всесторонности изученія нашей боевой работы въ памятный день 18 іюля 1904 года надо выслушать и участника этихъ боевъ А. Свѣчина.

„Наступило утро. Около 6-ти часовъ утра „говоритъ онъ, раздались первые пушечные выстрѣлы. Одновременно появились вѣсти объ обходѣ нашего праваго фланга".

„Наши охотничьи команды были атакованы японцами на разсвѣтѣ, около 4-хъ ч. утра. Завязалось жаркое дѣло. Охотники упорно удерживались. Чтобъ сломить ихъ сопротивленіе, японцамъ потребовалось даже выставить горную батарею. Къ 6-ти

---

[1]) А. Н. Виноградскій, в. 2, стр. 162.

часамъ утра дѣло съ охотниками было уже окончено. Половина охотниковъ была перебита, другая—отступила и разсѣялась“.

„Но задачу свою охотники выполнили. Какъ буферъ, они смягчили ударъ противника на нашъ правый флангъ, своевременно выяснили это движеніе, задержали его на два часа, заставили японцевъ развернуться въ боевой порядокъ и въ боевомъ порядкѣ наступать горами. Японцы двигались уже всю ночь; само по себѣ незначительное дѣло на разсвѣтѣ истомило ихъ. Энергія наступленія ослабѣла“ [1]).

„День 18 іюля былъ блестящимъ днемъ для нашей артиллеріи. Атаковавшія Тхавуанскую позицію японскія войска располагали двѣнадцатью полевыми и одной горной батареями. Противъ нашихъ 28-ми полевыхъ орудій и 4-хъ слабыхъ конно-горныхъ пушекъ пограничной стражи у японцевъ было 78 орудій; такимъ образомъ, японцы превосходили насъ въ числѣ пушекъ въ $2^1/_2$ раза. Тѣмъ не менѣе, наша артиллерія дѣятельно работала до вечера, парализовала большую часть японскихъ батарей и удачно помогала стрѣлкамъ отражать наступленіе японской пѣхоты“.

„Намъ не пришлось раскаиваться въ томъ, что орудія были расположены открыто, на горныхъ гребняхъ. Обученіе нашихъ артиллеристовъ стрѣльбѣ по закрытымъ цѣлямъ не было еще достаточно удовлетворительно и нельзя было ожидать большихъ успѣховъ при такой стрѣльбѣ. А теперь, когда батареи были расположены на высокихъ горныхъ позиціяхъ и орудія наводились прямо въ цѣль, на врага, когда пѣхотная борьба велась, какъ на ладони, внизу, у ногъ артиллеристовъ, то даже не особенно опытные офицеры пристрѣливались по третьему или четвертому выстрѣлу. Переносъ огня и управленіе имъ облегчалось до крайности. Каждый командиръ батареи, каждый наводчикъ находились въ счастливомъ положеніи наблюдателя, поднявшагося на равнинѣ на воздушномъ шарѣ на высоту 200 метровъ. Конечно, результаты стрѣльбы оказались превосходными“ [2]).

„Выгоднымъ обстоятельствомъ для насъ являлось распредѣленіе пушекъ на позиціи по четырехъорудійнымъ батареямъ. Вслѣдствіе болѣе совершенной и болѣе тяжелой матеріальной

---

1) А. Свѣчинъ, стр. 233—234.
2) Тамъ же, стр. 235—236.

части наши четырехъорудійныя батареи не только не уступали японскимъ шестиорудійнымъ, но даже превосходили ихъ“ [1]).

„18-го іюля, второй разъ въ кампанію, наша артиллерія побѣдно выступила на полѣ сраженія. Первый удачный дебютъ нашей артиллеріи произошелъ за недѣлю передъ тѣмъ, въ пресловутомъ бою у Ташичао. У Тхавуана наша артиллерія работала въ гораздо болѣе трудныхъ условіяхъ, въ очень пересѣченной горной мѣстности, противъ многочисленнаго врага. Она вышла съ честью изъ труднаго положенія“ [2]).

„Послѣ снятія двухъ орудій наши батареи на лѣвомъ флангѣ стали болѣе вяло отвѣчать японцамъ, стали замолкать на болѣе продолжительное время. Нехорошіе толки пошли и въ пѣхотѣ. Стали говорить о томъ, что исполняются подготовительныя къ отступленію упражненія, что Тхавуанская позиція теперь является передовой, что центръ тяжести обороны перемѣщается на Янзелинскій хребетъ. Начинается рядъ недоразумѣній“.

„Какая-то полурота, находившаяся подъ японскими шимозами въ неглубокомъ окопѣ, была своимъ командиромъ выведена изъ окопа и укрыта за ближайшимъ гребнемъ. Раненые говорили объ этомъ маневрѣ, какъ о началѣ отступленія. При передачѣ отъ одного лица къ другому этотъ слухъ началъ наростать; начали уже утверждать, что японцы захватили часть нашихъ окоповъ у Тхавуана“ [3]).

„На правомъ участкѣ уже съ утра трещали ружья. Бригада Асада, обошедшая насъ, не проявляла дѣятельности. Выдвинувшаяся уступомъ противъ нея рота легко вынесла весь ея натискъ. Наши потери здѣсь не превышали 20-ти человѣкъ. Настроеніе было бодрое. И офицеры и стрѣлки обращали вниманіе на вялость дѣйствій японцевъ. Создалось убѣжденіе, что мы здѣсь отстоимъ наши позиціи, а это убѣжденіе придаетъ оборонѣ необыкновенную мощь. Оно представляетъ для противника большее препятствіе при атакѣ, чѣмъ проволочныя сѣти или даже каменныя стѣны. Уже послѣ полудня въ штабѣ дивизіи укрѣпилось мнѣніе, что здѣсь мы стоимъ крѣпко“.

„Жаркій стрѣлковый бой кипѣлъ на участкѣ 21-го полка, въ особенности на правомъ его флангѣ, охваченномъ японцами.

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 236.
[2]) Тамъ же, стр. 237.
[3]) Тамъ же, стр. 243—244.

21-й В.-С. стр. полкъ имѣлъ дѣло со второй бригадой гвардейской дивизіи (Ватанабэ), которая напрягала всѣ усилія, чтобы опрокинуть его правый флангъ. Всѣ усилія японцевъ оставались безуспѣшными. Съ нашей стороны героемъ дня явился капитанъ Волкобой. Онъ оказался со своей ротой на крайнемъ правомъ флангѣ, и, повернувшись лицомъ къ японскому охвату, парировалъ всѣ ихъ усилія. Мѣстность здѣсь не представляла обширнаго обстрѣла. Японцы могли, не теряя ни одного человѣка, приблизиться на разстояніе 200-300 шаговъ. Но за то они не могли подготовить атаку артиллерійскимъ огнемъ. Попытка японцевъ окружить и атаковать капитана Волкобоя съ тыла была отбита огнемъ нашихъ батарей. На неширокомъ фронтѣ завязалась кровавая пѣхотная схватка, убійственное стрѣлковое единоборство на дистанціи прямого выстрѣла".

„Рота капитана Волкобоя прибыла въ Манчжурію въ мартѣ 1904-го года на формированіе 3-го батальона 21-го В.-С. полка. Рота была укомплектована въ Кіевскомъ военномъ округѣ исключительно солдатами дѣйствительной службы, исключительно охотниками, при чемъ преимущественно стрѣлками 1-го разряда. Рота успѣла крѣпко сплотиться. Она не успѣла еще измотаться въ передрягахъ войны. Сравнительно удачно дебютировала она въ бою съ японцами на Далинскомъ перевалѣ 16-го іюня. Въ составъ Восточнаго отряда она прибыла только что, и еще не была обработана нашимъ гибельнымъ режимомъ. Эта рота представляла прекрасную часть. Въ бою 18-го іюля она оказалась твердымъ орѣхомъ, и не по силамъ японцамъ было его раскусить".

„Потокъ раненыхъ такъ и устремлялся какъ съ нашихъ, такъ и съ японскихъ стрѣлковыхъ позицій на крайнемъ правомъ флангѣ. На небольшомъ участкѣ, гдѣ одновременно нельзя было расположить болѣе 200 стрѣлковъ, 21-й полкъ постепенно расходовалъ свои резервы". Поддержки сосѣднихъ ротъ направляясь на участокъ капитана Волкобоя, таяли въ цѣпи; раненые замѣщались свѣжими бойцами. На этомъ небольшомъ пространствѣ мы потеряли за день 300 стрѣлковъ — болѣе 150% постояннаго гарнизона, но все же удержали за собою эту важную позицію. Къ вечеру цѣпь представляла здѣсь смѣшеніе солдатъ 7-ми ротъ, которые сплотились подъ командой капитана Волкобоя. Японцы не могли добиться превосходства въ огнѣ. По временамъ японцы пробовали штурмовать нашу позицію, но эти попытки оканчивались неудачно и становились все менѣе и менѣе дружны

Каждый японецъ, рѣшавшійся перебѣжать неширокую лощину, отдѣлявшую насъ отъ японцевъ, падалъ мертвымъ. Нашъ огонь скашивалъ все. Въ японской цѣпи никто не могъ приподняться съ земли, не получивъ нѣсколькихъ пуль. Нашъ огонь все болѣе и болѣе торжествовалъ, все крѣпче пришивалъ японцевъ къ землѣ. Послѣ перваго неудачнаго штурма возникали все новыя препятствія для японскаго наступленія. Наши стрѣлки получили увѣренность, что врагу не одолѣть нашего огня. Временами на стрѣлковой позиціи противника появлялись новые бойцы—вливались поддержки и резервы; но подъ нашимъ огнемъ они немедленно залегали на томъ-же гребнѣ. Ничѣмъ не прегражденное, ничтожное разстояніе, которое оставалось пройти японцамъ, было для нихъ неодолимо. Разстоянія были очень коротки, и наши стрѣлки видѣли у врага смятеніе, видѣли тщетныя попытки начальниковъ поднять цѣпь и толкнуть ее впередъ. Наши стрѣлки наблюдали, какъ отдѣльные храбрецы выскакивали впередъ, но масса не двигалась; примѣръ храбрыхъ пропадалъ безслѣдно. Видѣли, какъ въ непріятельской цѣпи вскочилъ какой-то невысокій толстый офицеръ—наши стрѣлки почему-то окрестили его маіоромъ; какъ этотъ маіоръ, размахивая саблей, бросился впередъ, но ни одинъ солдатъ не послѣдовалъ за нимъ. На штурмъ шелъ одинъ маіоръ, и скоро онъ былъ убитъ. Ружейный огонь со стороны японцевъ слабѣлъ. Всѣ резервы гвардейской дивизіи, до послѣдняго батальона, вошли въ дѣло, и у начальника гвардейской дивизіи не оставалось больше средствъ для управленія боемъ. На всемъ участкѣ гвардейской дивизіи прислушивались къ пульсу боя на рѣшительномъ пунктѣ у капитана Волкобоя. Здѣсь задавался тонъ боя для всего праваго фланга. Японцы терпѣли здѣсь неудачу; ея вліяніе распространялось на весь участокъ дивизіи. Японцы дѣйствовали вяло и осторожно, не рѣшаясь поставить ребромъ послѣднія силы растянувшейся въ нитку гвардіи"[1]).

„Раздѣленіе власти послѣ смерти гр. Келлера сейчасъ же выразилось въ томъ, что отвѣтственность чисто по-чиновничьи была переложенна на низшую инстанцію. Въ личности графа Келлера, присутствовавшаго на полѣ сраженія, заключался извѣстный нравственный авторитетъ. За его смертью мы не отказывались выиграть сраженіе, если намъ суждена была побѣда, но рѣши-

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 245—248,

тельно не хотѣли его проиграть, рѣшительно не хотѣли чѣмъ-либо рискнуть".

„До 2-хъ часовъ дня девизомъ боя являлось: справляться съ врагомъ своими силами, не разсчитывая на резервы, которые присутствовали вблизи, но не участвовали въ бою. Послѣ 2-хъ часовъ дня девизомъ боя стало: если можно, выиграть сраженіе, но во всякомъ случаѣ не дать врагу трофеевъ. Передъ страшнымъ вопросомъ: жизнь или смерть? оставались стоять сотни человѣческихъ жизней, но орудія начинали „спасать".

„Спасеніе" орудій, не непосредственно въ горячей схваткѣ боя, когда на батареѣ появляется штурмующій противникъ, а въ широкомъ „стратегическомъ" смыслѣ, въ видѣ отдачи своевременныхъ и преждевременныхъ приказаній для отступленія батарей, представляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій прошлой кампаніи".

„Въ наши старыя войны давали высшія воинскія награды за своевременную установку батарей, за отбитіе у врага пушекъ. А въ послѣдній походъ понятіе извратилось: награды давались за заблаговременное отступленіе артиллеріи съ поля сраженія, за то, что пѣхота предоставлялась своей печальной участи".

„Распоряженія нашихъ начальниковъ имѣли двойственный характеръ: на бумагѣ предписывалось драться до послѣдняго; на дѣлѣ же увозили пушки. Что касается до младшихъ офицеровъ и стрѣлковъ, то въ бою до нихъ очень слабо доносится голосъ предписаній, приказовъ и диспозицій и очень сильно—голосъ фактовъ, голосъ дѣйствительности. Наши орудія, расположенныя за пѣхотой, постепенно замолкаютъ и увозятся въ тылъ. Артиллерія противника безнаказанно поражаетъ насъ. Позади насъ свѣжія войска занимаютъ вторую линію обороны. Противникъ начинаетъ наступать серьезными силами и обходитъ насъ, угрожая отрѣзать насъ отъ нашихъ резервовъ, которые не проявляютъ активной дѣятельности. Убѣдите бойцевъ въ этой обстановкѣ, что они занимаютъ не передовую, а главную позицію, и должны оборонять ее упорно. Громъ пушекъ убѣдительнѣе всякой литературы" [1]).

„Наступала ночь; надо было ликвидировать результаты боевого дня; всѣмъ было ясно, что блестящая работа 21-го полка пропала даромъ; что улыбавшаяся побѣда не далась намъ.

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 251—252.

Подъемъ духа смѣнился упадкомъ. Драться, не пользуясь удобными случаями разбить японцевъ, представлялось дѣйствительно неразумнымъ. Слѣдующій день долженъ былъ быть еще менѣе радостнымъ. Приходилось убирать всѣ батареи и сражаться безъ содѣйствія пушекъ. Все это обрисовывалось въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ. Отъ нашего сосѣда, X корпуса, пришли дурныя вѣсти" [1]).

„Нашимъ войскамъ многаго не хватало для веденія толковаго наступленія. Но для обороны наши войска были прекрасны, и бой на правомъ участкѣ Тхавуанской позиціи представляетъ прекрасный образецъ блестящей дѣятельности низовъ нашей арміи. Главный ударъ арміи Куроки былъ парированъ соразмѣрно ничтожными силами" [2]).

„Ко времени боя 18 іюля начальники въ Восточномъ отрядѣ многому уже научились и до извѣстной степени овладѣли техникой оборонительныхъ дѣйствій въ горахъ. Расположеніе войскъ было несомнѣнно во многомъ удачно. Этотъ результатъ дался не легко. Онъ былъ слѣдствіемъ тяжелой работы по изученію мѣстности. Затраченная начальниками Восточнаго отряда работа не пропала даромъ: въ день 18-го іюля армія Куроки затратила гораздо болѣе и крови и усилій на Восточный отрядъ, чѣмъ на X корпусъ; а, между тѣмъ, Восточный отрядъ потерялъ только 600 человѣкъ, а X корпусъ—2300. Восточный отрядъ къ концу боя сохранилъ половину своего состава въ резервѣ, а въ X корпусѣ къ вечеру всѣ войска вошли въ боевую линію. Начальники въ Восточномъ отрядѣ разрѣшили задачу экономіи войсковой силы, но не сумѣли использовать накопленную энергію Имъ многаго не хватало, чтобы быть побѣдителями".

„Къ 9 часамъ вечера 18-го іюля уже были разосланы приказанія объ отступленіи. Отступленіе—отходъ, какъ говорили тогда—было выполнено очень искусно. Японцы только утромъ замѣтили исчезновеніе наше съ Тхавуанской позиціи. День 18-го іюля ихъ, повидимому, сильно утомилъ. Ночью японцы не дѣлали ни малѣйшихъ попытокъ потревожить насъ. До полуночи снялись съ позиціи всѣ батареи, затѣмъ прошла пѣхота. Съ разсвѣтомъ отошли послѣдніе посты" [3]).

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 257.
[2]) Тамъ же, стр. 259—260.
[3]) Тамъ же, стр. 259—260.

ГЛАВА VI.

Отъ Кангаулина до Ляояна.

Послѣ Кангаулинскаго боя, южная группа арміи, вмѣсто ожидаемой всѣми обороны у Хайчена,—отошла къ Аньшанчжанскимъ позиціямъ. Можно судить о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ отходомъ на войска. Вотъ что по этому поводу разсказываетъ Е. И Мартыновъ.

„Куропаткинъ познакомилъ насъ со стратегической обстановкой, высказавъ почти дословно слѣдующее:

„Большую часть своихъ войнъ Россія начинала пораженіями, а кончала побѣдами. Эта война точно такъ же застала насъ неготовыми и потому являлась опасность, что японцы еще до прибытія къ намъ подкрѣпленій нанесутъ нашимъ войскамъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ. Въ виду этого я приказалъ по возможности задерживать наступленіе непріятеля, но въ упорный бой съ нимъ не ввязываться. Подъ Тюренченомъ это не совсѣмъ удалось. Движеніе же на Вафангоу было предпринято противъ моего желанія, я лично считалъ этотъ маневръ опаснымъ. Дѣйствительно, стоило лишь японцамъ пойти на перерѣзъ отъ Сюяня на Гайчжоу, чтобы вся операція окончилась катастрофой. Съ этой стороны даже лучше, что Штакельбергъ не побѣдилъ, такъ какъ иначе онъ былъ бы еще глубже завлеченъ въ мѣшокъ, образуемый Ляодунскимъ полуостровомъ. Что касается происшедшаго на-дняхъ отступленія отъ Дашицяо, то хотя для него и не было никакого серьезнаго основанія, но въ цѣляхъ сосредоточенія арміи оно полезно. Въ конечномъ результатѣ, потерпѣвъ нѣсколько тактическихъ неудачъ, мы одержали безспорный стратегическій успѣхъ, ибо, несмотря на противодѣйствіе японцевъ, намъ удалось собрать наши разбросанныя силы. Теперь первый періодъ войны окончился, и я прошу васъ передать вашимъ войскамъ, что отнынѣ никакого отступленія не будетъ, мы будемъ удерживать занятыя позиціи до послѣдней крайности, пока не настанетъ моментъ общаго перехода въ наступленіе“.

„Послѣ этого Куропаткинъ перешелъ къ хозяйственнымъ вопросамъ и, со свойственной ему заботливостью, сталъ разспра-

шивать о нуждахъ войскъ. Я воспользовался этимъ, говоритъ Е. Мартыновъ, чтобы поднять вопросъ о лѣтнихъ шароварахъ изъ синей китайской матеріи. Куропаткинъ вполнѣ одобрилъ эту мысль и приказалъ завести ихъ какъ можно скорѣе".

„Возвратившись изъ главной квартиры къ своему полку, продолжаетъ Е. Мартыновъ, „я тотчасъ же потребовалъ изъ собранія сохранявшіяся тамъ для особо торжественныхъ случаевъ нѣсколько бутылокъ шампанскаго, пригласилъ офицеровъ и поздравилъ ихъ съ окончаніемъ надоѣвшаго всѣмъ отступленія. Затѣмъ, я обошелъ съ тою же радостною вѣстью и биваки ротъ. Въ сосѣднемъ Моршанскомъ полку гремѣла музыка и точно также раздавались крики „ура" [1]).

„Вскорѣ стало извѣстно, что Куропаткинъ рѣшилъ оставить Хайченъ безъ боя и отойти къ Айсандзяну. Не знаю, что чувствовалъ онъ, отдавая такое распоряженіе послѣ торжественно заявленной рѣшимости драться на Хайченскихъ позиціяхъ до послѣдней крайности, но мнѣ было совѣстно за передачу его словъ полку" [2]).

„Въ ночь съ 23 на 24 іюля бригада прибыла въ Мукденъ и расположилась около самой станціи. Въ главной квартирѣ Намѣстника выразили крайнее удивленіе по поводу нашего прибытія, такъ какъ, по господствовавшему тамъ мнѣнію, Мукдену никто не угрожалъ и никакихъ дѣйствій въ этомъ раіонѣ не предвидѣлось".

„Вообще, окружавшіе Алексѣева открыто и рѣзко критиковали всѣ распоряженія Куропаткина. Помимо того, что послѣднія дѣйствительно заслуживали критики, такое отношеніе вызывалось неудачной организаціей командованія. Во главѣ единственной и къ тому же не успѣвшей собраться арміи поставили двухъ полководцевъ, изъ коихъ одного (Алексѣева)—безъ фактической власти, но въ роли начальника, а другого (Куропаткина)—дѣйствительнымъ распорядителемъ, но въ положеніи подчиненнаго. При такихъ условіяхъ Алексѣеву и особенно его многочисленному, отстраненному отъ всякаго живого дѣла штабу оставалось лишь заниматься критикой" [3]).

---

[1]) Е. И. Мартыновъ, стр. 129—131.
[2]) Тамъ же, стр. 138.
[3]) Тамъ же, стр. 141.

„Господствовавшее въ главной квартирѣ настроеніе мы почувствовали уже въ день нашего прибытія въ Мукденъ. Посланные наканунѣ отъ Моршанскаго и Зарайскаго полковъ квартирьеры (подпоручики Зиновьевъ и Ляховъ) явились къ генералу N съ просьбой указать мѣсто для расположенія бригады".

„Послѣдній сказалъ имъ слѣдующее: „Я не могу поставить ваши полки въ раіонѣ главной квартиры, такъ какъ убѣжденъ, что они распущены и будутъ производить безпорядки".

„Тогда офицеры доложили, что Моршанцы и Зарайцы находятся въ полномъ порядкѣ, доказательствомъ чему служатъ постоянныя похвалы генерала Куропаткина".

„На это генералъ N отвѣтилъ: „Здѣсь главная квартира Намѣстника, и мнѣнія командующаго арміей для насъ не имѣютъ цѣны" [1]).

„На слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, насъ неожиданно посѣтилъ главнокомандующій адмиралъ Алексѣевъ. Люди были только-что выведены на занятія прикладкой. Намѣстникъ спросилъ меня, въ какомъ бою участвовалъ полкъ и сколько крестовъ получилъ. Я отвѣтилъ. Тогда, обращаясь къ солдатамъ, адмиралъ сказалъ: „Именемъ Государя жалую вамъ еще по два креста на роту".

„Потомъ, въ видѣ объясненія, обращаясь ко мнѣ, онъ добавилъ вполголоса: „Разъ ваша бригада попала сюда, то долженъ же и я ей что-нибудь дать". Иначе говоря: чѣмъ же я хуже Куропаткина" [2]).

Къ 10 августа 1904 года русская Манчжурская армія, прикрывая г. Ляоянъ съ юго-запада и юго-востока и г. Мукденъ съ юго-востока, была расположена въ раіонахъ избранныхъ на случай боевъ позицій, въ двухъ группахъ, имѣя значительные резервы подъ г.г. Ляояномъ и Мукденомъ.

Южная группа изъ 1-го, 2-го и 4-го Сиб. арм. корпусовъ, подъ общимъ начальствомъ командира 4-го Сиб. арм. корпуса г.-л. Зарубаева, стояла въ 30 верст. къ юго-западу отъ г. Ляояна и, въ составѣ 59 баталіоновъ, 50 сотенъ и эскадроновъ, 156 орудій и 4 ротъ саперъ, занимала по обѣимъ сторонамъ желѣзной и большой Мандаринской дорогъ Аньшаньчжанскія укрѣплен-

---

[1]) Е. И. Мартыновъ, стр. 142.
[2]) Тамъ же, стр. 149.

ныя позиціи, преграждая главнѣйшіе пути наступленія къ г. Ляояну 2-й и 4-й японскихъ армій, расположившихся вдоль теченія р. Хайченхэ, отъ Файшенъ до г. Ньючжуана".

„*Восточная группа* изъ 3-го Сиб., 10-го и части 17-го арм. корпусовъ, подъ общимъ начальствомъ командира 17-го арм. корпуса генерала отъ кавалеріи барона Бильдерлинга, въ составѣ 64 баталіоновъ, 32½ сотенъ и эскадроновъ, 222 орудій и 3 ротъ саперъ, стояла въ 26 верст. къ юго-западу отъ г. Ляояна, занимая Ляньдясаньскую и Анпинлинскую (Таампинскую) позиціи, а фланговыми частями—и часть теченія рѣки Тайцзыхэ къ востоку отъ г. Ляояна, преграждая главнѣйшіе пути наступленія къ Ляояну 1-ой японской арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ—угрожала пути наступленія этой арміи въ случаѣ ея движенія на д. Беньсиху—Мукденъ".

„Правый флангъ арміи охранялся Ляохэйскимъ отрядомъ и правымъ авангардомъ 1-го Сиб. арм. корпуса".

„Лѣвый флангъ арміи охранялся тремя отрядами: полковника Грулева, г.-м. Любавина и подполковника Мадритова".

„*Въ общемъ резервѣ*, вокругъ Ляояна, было сосредоточено 30 баталіоновъ, 20½ сотенъ и эскадроновъ, 163 орудія и 4 саперныхъ баталіона.

„У Мукдена собирался „армейскій резервъ" силою въ 32 баталіона, 48 орудій и 6 сотенъ" [1]).

„Сравнивая данныя о составѣ японскихъ армій въ Ляоянскомъ сраженіи, приведенныя въ сочиненіи Германскаго Генеральнаго Штаба, съ данными нашего развѣдывательнаго отдѣленія, мы видимъ, что наши даже минимальныя свѣдѣнія къ 10 августа были преувеличенными".

„Обращаясь къ донесеніямъ главнокомандующаго и командующихъ японскими арміями своему правительству, мы видимъ, что въ то время и японцы не были освѣдомлены вполнѣ точно о составѣ, численности, организаціи и расположеніи нашей арміи" [2]).

„Разсмотрѣніе приведенныхъ данныхъ о силахъ и расположеніи обѣихъ армій къ 10 августа 1904 года даетъ, въ общемъ, слѣдующую картину: русская армія, въ составѣ 191½ бат., 149 сот. и эск., 42 кон.-охотн. командъ и 673 ор., и три японскія

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2. стр. 259.

[2]) Тамъ же, стр. 276.

арміи общею силою въ 115 бат., 33 эск., и 464 ор., развернулись одна противъ другой. Передовыя ихъ части соприкасались".

„Общая сила трехъ японскихъ армій г.-ад. Куропаткинымъ опредѣлялась отъ 160 до 180 бат., свыше 500 ор. и до 50 эск. Хотя на сторонѣ русской арміи имѣлось нѣкоторое преимущество въ числѣ баталіоновъ, но, принимая въ соображеніе, что число штыковъ въ японскихъ баталіонахъ было больше, чѣмъ въ русскихъ, можно было полагать, что число бойцовъ пѣхоты было почти одинаковымъ".

„Количествомъ конницы русская армія превосходила японскія въ три раза, а если принять въ соображеніе конно-охотничьи команды, то въ четыре раза. Общимъ числомъ орудій русская армія нѣсколько превосходила японскія, но на сторонѣ послѣднихъ было нѣкоторое преимущество въ томъ, что въ числѣ 464 орудій заключалось 180 орудій горныхъ; у насъ же горныхъ орудій было всего 27. Это обстоятельство было бы особенно невыгодно для русской арміи, если бы она вела въ горахъ наступательныя дѣйствія, но на случай оборонительнаго боя на заблаговременно избранныхъ и подготовленныхъ позиціяхъ оно не могло оказать столь вреднаго вліянія".

„Японскія арміи развернулись на фронтѣ въ 100 верстъ, при чемъ между арміями генераловъ Куроки и Нодзу образовался промежутокъ въ 45 верстъ".

„Русская армія занимала положеніе болѣе сосредоточенное и имѣла по фронту лишь 80 верстъ и въ глубину до 55 верстъ".

„Между южною и восточною группами русской арміи образовался также незанятый войсками промежутокъ въ 20 верстъ. Это обстоятельство не могло представлять особой опасности, такъ какъ позади этого промежутка у Ляояна находилось до 30 бат. и имѣлся армейскій резервъ, чего не было у японцевъ.

„Въ случаѣ атаки японцами той или другой группы русской арміи, каждая изъ нихъ могла быть усилена черезъ сутки— 30 баталіонами и 163 ор., а къ концу третьихъ сутокъ—еще 24 баталіонами и 72 орудіями изъ общаго армейскаго резерва".

„Русская армія, въ случаѣ наступленія японцевъ, занимала заблаговременно избранныя и сильно укрѣпленныя позиціи у Аньшаньчжана и Ляньдясаня и лишь позиціи 10-го корпуса (Цегоу-Пегоу), наиболѣе растянутыя по фронту и притомъ слабѣе подготовленныя въ фортификаціонномъ отношеніи, могли внушать нѣкоторыя опасенія".

„Такимъ образомъ, на случай наступленія японцевъ всѣ выгоды были на сторонѣ русской арміи, которая, усиливъ лишь въ достаточной мѣрѣ наиболѣе растянутыя на позиціяхъ войска 10-го корпуса, могла разсчитывать, что равныя по силамъ японскія арміи разобьются объ упорство нашихъ войскъ, занимавшихъ сильно укрѣпленныя позиціи, впереди которыхъ были устроены искусственныя препятствія и выкошены большія пространства гаоляновыхъ полей и тѣмъ открытъ обстрѣлъ для обороняющагося“.

„Тройное превосходство въ количествѣ конницы, а съ другой стороны—богатый въ фуражномъ и продовольственномъ отношеніяхъ въ описываемое время край давали возможность, оставивъ при арміи вполнѣ достаточное и необходимое количество конницы, образовать особый конный корпусъ, который бросить съ фланга въ тылъ японцамъ, когда всѣ ихъ войска ввязались бы въ бой съ нашими южною и восточною группами, и этимъ въ самый разгаръ боевъ уничтожить ихъ запасы, прекратить подвозъ огнестрѣльныхъ припасовъ, уничтожить транспорты и обозы и совершенно нарушить боевое питаніе хотя-бы одной изъ японскихъ армій“ [1]).

„Одержанный японцами 18 іюля на всемъ фронтѣ успѣхъ, привелъ штабъ главнокомандующаго японскими арміями къ рѣшенію продолжать неотлагательно дальнѣйшее наступленіе и овладѣть Ляояномъ“...

...„Наступившій періодъ дождей, сдѣлавшій дороги непроходимыми, пріостановилъ наступленіе японцевъ, но, какъ только измѣнившаяся къ лучшему погода дала нѣкоторую возможность возобновить военныя дѣйствія, главнокомандующій японскими арміями маршалъ маркизъ Ойяма 10-го августа вновь отдалъ войскамъ директиву о наступленіи къ Ляояну всѣхъ трехъ японскихъ армій“ [2]).

Въ Восточномъ отрядѣ это привело къ бою у Ляндансяна. „3-й Сиб. арм. корпусъ, въ составѣ $23^3/_4$ бат., $21^1/_2$ сот. и кон.-охотн. командъ и 68 ор., занималъ позиціи, имѣвшія по фронту 16 верстъ, причемъ первоначально избранная позиція, имѣвшая по фронту 13 верстъ, оборонялась $11^1/_2$ баталіонами при 55 ору-

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2, стр. 279—280.
[2]) Тамъ-же, стр. 285.

діяхъ, т.-е. на версту фронта позиціи приходилось менѣе одного баталіона и 4 орудій, съ общимъ резервомъ въ $9^{3}/_{4}$ бат. и 8 орудій [1]).

„Въ ночь съ 10 на 11 августа сторожевыя заставы, выставленныя отъ отряда полк. Дружинина на дорогахъ, ведущихъ отъ д. Тунсинпу на д. Шанматунь, Сяматунь и Киминсы, обнаружили наступленіе передовыхъ частей японцевъ. Застава, бывшая въ д. Сяматунь, въ 2 часа ночи была обстрѣляна непріятелемъ“.

„Пользуясь туманомъ, сгустившимся передъ разсвѣтомъ, передовыя части японской гвардіи въ 5 час. ночи перешли въ наступленіе, тѣсня наши заставы, отходившія на главныя силы своего отряда, который занялъ двумя ротами и тремя сотнями казаковъ (одна сотня 2-го Верхнеудинскаго каз. полка прибыла на поддержку полк. Дружинина изъ отряда г.-м. Грекова) позицію на сопкахъ южнѣе и сѣвернѣе д. Тунсинпу. Японскія цѣпи наступали совершенно открыто, и въ 7 час. утра, когда туманъ разсѣялся, части отряда полк. Дружинина, занявшія позиціи, имѣвшія по фронту свыше двухъ верстъ, подпустивъ непріятеля на 700—800 шаговъ, открыли столь дружный и мѣткій залповый огонь, что заставили непріятельскую пѣхоту тотчасъ отойти и укрыться за ближайшими гребнями“ [2]).

„На разсвѣтѣ 12 августа было тихо. Густой туманъ стлался по долинамъ. Въ 5 час. 30 мин. пополуночи грянули первые орудійные выстрѣлы съ японской стороны. Двѣ японскія батареи, стоявшія въ окопахъ южнѣе и западнѣе д. Эрдахэ, открыли огонь по нашей передовой позиціи, которая къ этому времени была занята 1-й, 2-й, 4-й и 11-й ротами 11-го и 8-й ротой 23-го В.-С стр. полковъ, расположившимися въ одну линію отъ д. Тасинтунь до д. Киминсы, имѣя въ видѣ резерва, западнѣе д. Таденьцзы, конно-охотничью команду 11-го В.-С. стр. полка. На огонь японскихъ батарей тотчасъ начали отвѣчать 2-я и полубатарея 4-й батареи 6-й В.-С. стр. арт. бригады, стоявшія въ центрѣ участка г.-м. Кричинскаго. Тогда японскія батареи перенесли свой огонь на нашу артиллерію, при чемъ японская батарея Хидиката, сформированная японцами изъ нашихъ орудій, утерянныхъ нами въ бою подъ Тюренченомъ, направила свой огонь

---

1) В.-И. К., т. III, ч. 2, стр. 820.
2) Тамъ-же, стр. 323—324.

на окопы 2-й батареи на позиціи которой рвались русскія шрапнели съ дистанціонными трубками, поставленными на ударъ" [1]).

„Въ 5 час. ночи передовыя цѣпи 1-й японской гвард. бригады начали наступленіе на позиціи, занятыя отрядомъ полк. Дружинина, у д. Тунсинпу. Три сотни спѣшенныхъ казаковъ этого отряда занимали высоты къ югу-западу отъ деревни, а двѣ роты 8-го В.-С. стр. полка были расположены на сопкахъ сѣвернѣе деревни. Въ 5 час. 30 мин. ночи по сопкамъ, занятымъ казаками, японцы открыли артиллерійскій огонь, а наступавшая пѣхота начала одновременно съ этимъ охватывать лѣвый флангъ отряда, поддерживая свое наступленіе сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Отрядъ полк. Дружинина, обнаруживъ наступленіе весьма превосходныхъ силъ противника, началъ отступленіе, при которомъ, останавливаясь послѣдовательно на трехъ позиціяхъ, отражалъ противника ружейнымъ огнемъ" [2]).

„Къ 3 час. дня обнаружилось передвиженіе японской пѣхоты между д. Саньпу и д. Эрдахэ, а затѣмъ ихъ передовыя части заняли с. Ляньдясань. Къ 5 час. дня смолкъ артиллерійскій бой, въ которомъ наши 3 батареи состязались съ превосходною артиллеріею противника и всюду одержали полный успѣхъ".

„Общая сводка событій и донесеній этого дня еще разъ ясно подтверждала обнаруженное противникомъ намѣреніе, атаковать превосходными силами правый флангъ позицій 3-го Сиб. корпуса" [3]).

„Артиллерійскій бой и дѣла на передовыхъ позиціяхъ въ теченіе 12 августа обрисовали японцамъ нашу Ляньдасаньскую позицію и вечеромъ этого дня начальникъ японской гвардейской дивизіи г.-л. бар. Хасегава, находя наши позиціи весьма трудно доступными съ фронта, призналъ необходимымъ назначить для дѣйствій въ этомъ направленіи возможно меньшія силы, а главный ударъ нанести въ правый флангъ непріятеля, занимавшаго высоты къ югу отъ д. Кофынцы, и 12 августа въ 7 час. 30 мин. вечера приказалъ г.-м. Ватанебэ съ отрядомъ, въ составѣ пяти баталіоновъ 2-й бригады, одной батареи 2-го арт. полка, одной отдѣльной полевой батареи, роты піонеръ и 1½ взводовъ конницы, 13 августа вести демонстративный бой на фронтѣ нашего центра;

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2, стр. 326.

[2]) Тамъ-же, стр. 327.

[3]) Тамъ-же, стр. 328.

генералу Асада, съ 5 баталіонами 1-й бригады при взводѣ кавалеріи,—съ разсвѣтомъ атаковать непріятеля, расположеннаго къ западу отъ д. Тасинтунь“ [1]).

„Передъ разсвѣтомъ 2-я бригада японской гвардіи съ одною полевою батареею и одной батареею изъ русскихъ орудій (изъ утерянныхъ нами подъ Тюренченомъ) заняла позицію для демонстративнаго боя на линіи д. д. Саньпу—Тасинтунь. 1 же бригада, оставивъ 8 полевыхъ батарей (6 гвардейскихъ и двѣ 2-го полка) на укрѣпленныхъ позиціяхъ вокругъ д. Тунсинпу и одинъ баталіонъ—у д. Тагоу, пользуясь ночной темнотой, начала движеніе передовыми частями своей пѣхоты на линію д. Тасиньтунь—д. Тасигоу, а колонны ея пѣхоты переходили долину къ югу-востоку отъ д. Тансинпу и южнѣе линіи д.д. Сесингоу—Тасигоу“ [2]).

„Около 3 час. ночи въ нашихъ передовыхъ частяхъ, охранявшихъ правый флангъ корпуса, уже завязалась перестрѣлка; правофланговая застава 1-й роты 24-го В.-С. стр. полка чуть было не была захвачена непріятелемъ, но ее своевременно выручили свои охотники, и передовыя части наши начали отходить на позиціи. Одновременно завязалась перестрѣлка и у охотниковъ 23-го В.-С. стр. полка, занимавшихъ безыменную деревню впереди праваго фланга своихъ позицій, а къ разсвѣту ружейный огонь разгорѣлся передъ всѣмъ фронтомъ позицій полк. Лечицкаго и ген. Кашталинскаго“.

„Въ 6 час. утра шесть японскихъ батарей, изъ числа расположенныхъ вокругъ д. Тунсинпу, открыли сильную канонаду по позиціямъ 24-го и 12-го В.-С. стр. полковъ и особенно по окопамъ 1-й батареи 3-й В.-С. стр. арт. бригады, стоявшей на отдѣльной, хорошо видимой японцамъ, сопкѣ. Какъ въ батареѣ, такъ и позади нея, гдѣ стояли зарядные ящики, начались значительныя потери: съ самаго начала боя батарея лишилась своего командира и всѣхъ офицеровъ (кромѣ пор. Соколовскаго, ведшаго бой до конца) и значительнаго числа нижнихъ чиновъ; 1-й взводъ въ короткій промежутокъ времени лишился почти всей прислуги и долженъ былъ замолчать, но, пополненный въ теченіе боя людьми и исправивъ поврежденія орудій, вновь вступилъ въ бой“.

---

[1]) В.-И. К., т. II, ч. 1., стр. 333.
[2]) Тотъ-же, стр. 334.

„Если на батареѣ было жарко, — доносилъ въ своемъ рапортѣ полк. Шверинъ,—то въ лощинѣ позади нея кипѣлъ цѣлый адъ, и подвозъ снарядовъ до половины дороги въ передкахъ, а слѣдующую половину на вьюкахъ, былъ крайне затруднителенъ. Съ моего наблюдательнаго пункта было видно, какъ опрокидывались передки, падали убитыя лошади, и съ какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ ѣздовые продолжали свое дѣло—подвозку снарядовъ, искусно управляя лошадьми. Сигнализаціей я приказалъ 3-й и 4-й батареямъ 3-й бригады и стоящей рядомъ съ 4-ю батареею 1-й бат. 6-й бриг. навалиться на батареи, разстрѣливающія нашу 1-ю батарею. Огонь ихъ, совмѣстно съ огнемъ 1-й бат., заставилъ замолчать вскорѣ 4 батареи (24 ор.), обстрѣливавшія 1-ю батарею, но три другія японскія батареи не были находимы этими нашими батареями".

„Несмотря на такой огонь непріятеля и значительныя потери, батарея работала со спокойнымъ мужествомъ".

„Когда я обходилъ батарею,—говорится дальше въ рапортѣ полк. Шверина,—то мнѣ казалось, что я нахожусь не въ бою, а на учебной стрѣльбѣ: до того отчетливо и спокойно продѣлывались ими всѣ пріемы заряжанія даже во время самаго разгара бѣглаго огня".

„Раненый осколкомъ въ голову, пор. Ивановъ 2-й оставался нѣкоторое время безъ перевязки, а послѣ перевязки явился въ батарею и командовалъ полубатареей до перерыва боя, пока не былъ отправленъ врачемъ въ госпиталь. Раненый въ руку съ раздробленіемъ кости, шт.-кап. Илинскій послѣ перевязки пришелъ на батарею и воодушевлялъ нижнихъ чиновъ. Большинство раненыхъ нижнихъ чиновъ послѣ перевязки являлись въ батарею. Батарейный врачъ Яценко съ двумя студентами-добровольцами и фельдшерами переносили и перевязывали раненыхъ, а въ свободныя минуты помогали носить на батарею орудійные патроны".

„Въ теченіе всего боя у батареи была полная связь съ пѣхотой. Командиръ 24-го В.-С. стр. полка полк. Лечицкій постоянно передавалъ на батарею свои наблюденія о дѣйствіи нашихъ снарядовъ и о положеніяхъ цѣлей для стрѣльбы; командиры баталіоновъ и ротъ присылали на батарею стрѣлковъ, которые клали ружья на брустверъ и нацѣливали ихъ въ точки, которыя желательно было обстрѣлять огнемъ артиллеріи".

„Дружный и мѣткій огонь нашихъ батарей праваго фланга, къ коимъ присоединились и батареи центра, временами заставлялъ японскихъ артиллеристовъ оставлять свои орудія и прятать прислугу за укрытіями, и японскія батареи замолкали, чтобы при первой возможности вновь открывать канонаду. Около 8 ч. утра японцы пытались увезти одну изъ открытыхъ нами и сильно обстрѣливаемыхъ батарей, но нѣсколько очередей шрапнельнаго огня заставили ихъ отказаться отъ этого намѣренія“ [1]).

„Подъ прикрытіемъ усиленнаго огня своихъ батарей, сгруппированныхъ вокругъ д. Тунсипу, пять баталіоновъ бригады г.-м. Ассады около 6 час. утра начали наступленіе на позиціи полк. Лечицкаго и г.-м. Столицы. Бывшій на крайнемъ лѣвомъ флангѣ 1-й гвардейскій полкъ началъ распространяться къ сѣверу, по долинѣ, идущей къ д. Павшугоу, въ охватъ установленнаго дѣйствіями 12 августа праваго фланга нашихъ позицій, при чемъ съ самаго начала наступленія бригада г.-м. Ассады, сильно растянувшаяся, оторвавшаяся отъ 2-й бригады и понесшая уже значительныя потери, оказалась въ тяжеломъ положеніи. Японцы увидѣли, что русскіе въ теченіе ночи протянули свой правый флангъ къ западу и что объ успѣхѣ охвата не могло быть и рѣчи. Г.-м. Ассада, находившійся въ это время на высотѣ къ сѣверу отъ д. Тасигоу, узнавъ о томъ тяжеломъ положеніи, въ которомъ оказался 1-й гвардейскій полкъ, и о невозможности съ легкостью овладѣть непріятельской позиціей, рѣшилъ пріостановить атаку и въ 7 час. 45 мин. утра приказалъ своимъ войскамъ поддерживать бой, оставаясь на занятыхъ ими мѣстахъ, и доблестные полки 1-й бригады японской гвардіи, несмотря на значительныя потери, наносимыя имъ дружнымъ огнемъ стрѣлковъ 24-го, 12-го и 9-го В.-С. стр. полковъ и отряда полк. Дружинина, составлявшаго въ это время крайній правый флангъ участка г.-м. Столицы и занимавшаго горный выступъ въ 1¾ верстахъ къ юго-востоку отъ д. Павшугоу, продолжали упорно держаться на высотахъ къ сѣверу отъ д. Сесагоу и Тасигоу и по лощинѣ, идущей по направленію къ д. Павшагоу, и начали окапываться, прикрываясь гаоляномъ“.

„Около 7¼ ч. утра къ командующему 1-й японской арміей маршалу бар. Куроки прибылъ ординарецъ, доложившій, что по-

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2, стр. 335.

ложеніе лѣваго фланга гвардіи, не достигшаго никакихъ успѣховъ, стало серьезнымъ. Непріятель быстро увеличивался въ числѣ и грозилъ окружить и принудить къ отступленію лѣвую бригаду, которая, повидимому, перейдя р. Танхэ, оказалась въ изолированномъ положеніи. Это донесеніе заставило маршала бар. Куроки бросить въ дѣло свой послѣдній резервъ и приказать прибывшему часъ тому назадъ къ д. Тхеншуйдзянъ (удаленной на 30 вер. отъ мѣста дѣйствій 1-й бригады гвардіи) 29-му пѣх. резервному полку, сдѣлавшему уже въ теченіе 48 часовъ 85 миль, отправиться для поддержки гвардіи“.

„Такимъ образомъ, цѣпи 1-й бригады японской гвардіи, сильно растянувшіяся по фронту и изолированныя отъ остальныхъ своихъ войскъ, задерживались въ вырытыхъ ими окопахъ, неся большія потери отъ огня нашихъ стрѣлковъ. Впереди позиціи г.-м. Столицы непріятельскія цѣпи лежали въ 800 шагахъ отъ нашихъ окоповъ и далѣе двигаться не могли. Положеніе пяти японскихъ баталіоновъ противъ трудно доступныхъ позицій, занятыхъ 7½ баталіонами, 6 горн. ор. и 5¹/₂ сотнями войскъ г.-м. Кашталинскаго, было крайне тяжелымъ и даже рискованнымъ“.

„Около 10½ час. утра крайній лѣвый флангъ японцевъ началъ уже отходить, и на всемъ правомъ флангѣ Ляньдясаньскихъ позицій бой началъ затихать, о чемъ г.-м. Кашталинскій въ 11 час. утра доносилъ командиру корпуса, который, имѣя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на своемъ правомъ флангѣ, уже въ 10 час. 30 мин. утра приказалъ подвинуть на позиціи походныя кухни, чтобы войска могли получить горячую пищу, а чай— выдать людямъ на руки, чтобы они могли сварить его себѣ на позиціяхъ“.

„Въ это время 9-го В.-С. стр. полка подполк. кн. Амилохори, бывшій со своимъ баталіономъ на правомъ флангѣ участка г.-м. Столицы, видя затруднительное положеніе крайняго лѣваго фланга японцевъ, нашелъ своевременнымъ перейти противъ него въ контръ-атаку и отправился къ начальнику боевого участка просить разрѣшенія на переходъ въ наступленіе, на что г.-м. Столица далъ свое согласіе. Кн. Амилохори взялъ полуроту 4-й роты 9-го В.-С. стр. полка, подъ командою шт.-кап. Гребенки, и полуроту 12-й роты того же полка—подъ командою шт.-кап. Парфенова, и двинулся съ ними къ крайнему правому флангу,

гдѣ находилась пѣшая охотничья команда 9-го В.-С. стр. полка подъ командою поруч. Бивола".

„Открывъ по японцамъ, находившимся противъ праваго фланга участка г.-м. Столицы, усиленный ружейный огонь, поддержанный огнемъ находившихся тутъ же двухъ ротъ 9-го В.-С. стр. полка изъ состава отряда полк. Дружинина, подполк. кн. Амилохори приказалъ полуротѣ 12-й роты своего полка атаковать непріятельскія цѣпи, занимавшія противоположный гребень. Но одна слабаго состава полурота стрѣлковъ не была въ состояніи выполнить возложенную на нее задачу и, дабы поддержать полуроту 12-й роты, кн. Амилохори, подъ прикрытіемъ огня ротъ полк. Дружинина, самъ двинулся впередъ со своими пѣшими охотниками, за которыми послѣдовала и полурота 4-й роты 9-го В.-С. стр. полка".

„Въ это время на поле боя прибылъ Зарайскій полкъ съ эскадрономъ Черниговскихъ драгунъ. Послѣ небольшого отдыха у д. Вейдягоу, полк. Мартыновъ, слышавшій доносившуюся съ юга артиллерійскую канонаду двинулъ свой отрядъ дальше по пути на д.д. Сянсанцзы—Чандяопу—Кофынцы.

„Въ девятомъ часу утра на пути между д. Сянсанцзы и д. Чандяопу полк. Мартыновъ получилъ отправленную въ 7 час. 45 мин. утра на его имя г.-м. Грековымъ записку слѣдующаго содержанія: „Противникъ насѣдаетъ на нашъ правый флангъ у с. Кофынцы. Просилъ бы поспѣшить подкрѣпить нашъ правый флангъ". Немного спустя отъ г.-м. Грекова явился офицеръ съ такою же просьбою, переданною словесно".

„Въ безымянной деревнѣ, въ двухъ верстахъ къ сѣверо-западу отъ д. Чандяопу, полк. Мартыновъ нашелъ г.-м. Грекова съ его штабомъ и, ознакомившись съ обстановкой, рѣшилъ слѣдовать съ отрядомъ не на д. Кофынцы, а свернуть по горной дорогѣ на д. Павшугоу, и въ 9 час. 30 мин. утра донесъ г.-м. Кашталинскому: „Прибылъ съ Зарайскимъ полкомъ, батареей и эскадрономъ. Узнавъ отъ Грекова о положеніи дѣла, иду на Павшугоу".

„Батарея не могла слѣдовать съ полкомъ и была отправлена обратно. Около 10 час. утра голова Зарайскаго полка подходила къ сопкѣ въ полуверстѣ восточнѣе д. Павшугоу, а командиръ полка выѣхалъ для рекогносцировки на означенную сопку, гдѣ получилъ необходимыя свѣдѣнія отъ занимавшаго эту высоту отряда войск. старш. Висчинскаго".

„Въ 1 час. 20 мин. дня г.-м. Кашталинскій доносилъ начальнику отряда о выходѣ Зарайцевъ, по инициативѣ командира полка, къ д. Павшугоу—„вѣроятно, правѣе Грекова", и, находя таковое направленіе полезнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ о направленіи къ высотѣ 189, гдѣ онъ находился во время боя, еще одного полка".

„Въ 12-мъ часу дня Зарайскій полкъ, подъ прикрытіемъ огня цѣпей своего 4-го бат., развернулся въ боевой порядокъ фронтомъ на юго-востокъ и перешелъ въ наступленіе. Какъ только на высотахъ у д. Павшугоу развернулись и открыли огонь передовыя части Зарайцевъ, положеніе фланговыхъ японскихъ ротъ сдѣлалось критическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отступленіе среди бѣлаго дня подъ перекрестнымъ огнемъ стрѣлковъ и Зарайцевъ было очень тяжело, и японцы не сразу рѣшились выйти изъ своихъ окоповъ; но въ это время передъ ихъ фронтомъ наступали уже полуроты и охотники кн. Амилохори, а южнѣе г.-м. Столицей были направлены 1-я рота 9-го и одна рота 12-го В.-С. стр. полковъ, начавшія наступленіе по гребню занимаемаго ими кряжа параллельно наступленію ротъ кн. Амилохори.

„Въ 12 час. 15 мин. дня г.-м. Столица доносилъ генералу Кашталинскому: „Японцы, повидимому, начинаютъ отступать. Прежде было движеніе слѣва направо, а теперь наоборотъ. На правомъ флангѣ Зарайцы, 140 пѣх. полкъ, какъ мнѣ доложилъ кап. Шпехтъ. Перехожу въ частное наступленіе для лучшаго обстрѣливанія отступающихъ японцевъ: полутора ротами на правомъ флангѣ и одной ротой въ центрѣ".

„Тѣмъ временемъ Зарайскій полкъ развернулъ свой боевой порядокъ и, наступая отъ д. Павшугоу въ юго-восточномъ направленіи, въ первомъ часу дня своей боевой линіей поравнялся съ частями отряда полк. Дружинина, которыя также перешли въ наступленіе, примкнувъ къ лѣвому флангу Зарайцевъ".

„На правомъ флангѣ, западнѣе ручья, наступалъ 1-й баталіонъ. Охотники Зарайскаго и 12-го В.-С. полковъ и отрядъ войск. старш. Висчинскаго перешли долину, развернулись правѣе 1-го баталіона и наступали по высотамъ, лежащимъ западнѣе долины Павшугоу—Тасигоу, поражая своимъ огнемъ японцевъ слѣва; 3-й баталіонъ наступалъ вдоль этой лощины, а 4-й баталіонъ съ ротами полк. Дружинина—по скатамъ восточнѣе лощины. 2-й баталіонъ Зарайцевъ былъ назначенъ въ резервъ.

Остававшіеся въ окопахъ японцы попали подъ сильный перекрестный огонь, ихъ потери стали весьма значительны, двѣ ихъ роты были уничтожены почти полностью, и они начали очищать занятыя ими позиціи и отступать, унося съ собою всѣхъ своихъ раненыхъ. Зарайцы и стрѣлки, продолжая поражать огнемъ отступающаго по лощинѣ непріятеля, наступали къ линіи Сесигоу—Тасигоу".

Вмѣстѣ съ охватомъ нашего праваго фланга и продвиженіемъ своего лѣваго фланга по направленію къ д. Павшугоу, значительныя части бригады г.-м. Ассады обрушились также и на правый флангъ позиціи полк. Лечицкаго, занятый 1-мъ бат. подполк. Кукурана, усиленнаго полуротою 11-й роты, 12-ю и 9-ю ротами и пѣшими охотниками своего полка. Въ 8 час. утра съ высотъ праваго берега р. Сидахыа противъ позицій 24-го В.-С. стр. полка спускались цѣпи японской пѣхоты, а послѣ 9 час. утра японцы перешли въ атаку на участокъ подполк. Кукурана, отбиваемую дружнымъ огнемъ—залпами 1-й, 11-й и 12-й ротъ и охотничьей команды 24-го В.-С. стр. полка".

„Начальникъ японской гвардейской дивизіи наблюдалъ за ходомъ боя отъ д. Тунсинпу и, видя неудачу, которую потерпѣла 1-я бригада, въ 9 час. 45 мин. утра приказалъ собрать 3 баталіона: одинъ изъ общаго резерва, одинъ изъ резерва 2-й бригады и 1 баталіонъ изъ боевыхъ частей 1-й бригады, коимъ и произвести атаку высотъ южнѣе д. Кофынцы, занимаемыхъ войсками полк. Лечицкаго. Во исполненіе этого приказанія 1-й бат. 3-го гвардейскаго полка въ 12 час. дня выступилъ изъ д. Тунсингоу, а 2-й бат. 2-го гвардейскаго полка выступилъ изъ д. Тагоу въ 1 часъ 15 мин. дня. Оба баталіона двинулись по направленію къ р. Пейцва, поражаемые нашимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ и неся большія потери".

„Къ 1 часу 40 мин. дня огонь западной группы японской артиллеріи по нашимъ батареямъ и пѣхотныхъ окопамъ праваго фланга дошелъ до максимальнаго напряженія. Съ нашихъ позицій было видно, какъ японцы вновь подготовляли атаку. Для противодѣйствія открытому японцами огню, а также для пораженія появлявшихся изъ гаоляна частей непріятельской пѣхоты, полк. Шверинъ сосредоточилъ огонь своихъ двухъ батарей по батареямъ непріятеля, а другія двѣ наши батареи начали обстрѣливать шрапнелью непріятельскую пѣхоту, для чего 1-я и 4-я

батареи 6-й бригады должны были выкатывать орудія на гребни, причемъ несли потери даже отъ ружейнаго огня".

„Послѣ первой неудачи, усиливъ свои передовыя части, японцы вновь перешли въ наступленіе противъ этого участка и, вливая постепенно изъ резервовъ свѣжія силы, до 8 разъ пытались овладѣть нашими окопами, и хотя въ послѣдніе разы имъ и удалось дойти до 400 шаговъ отъ нашихъ цѣпей, но тѣмъ не менѣе, всѣ ихъ атаки были отбиты огнемъ нашихъ стрѣлковъ, наносившихъ непріятелю большія потери".

„Дѣйствія японской артиллеріи и наступленіе японской пѣхоты въ началѣ боя были настолько энергичны, что донесенія, получаемыя командующимъ арміей изъ Восточнаго отряда (3-го Сиб. корп.), заставляли его предполагать, что, кромѣ частей арміи генер. бар. Куроки, на Восточный отрядъ долиною р. Сидахыа направлена одна или двѣ дивизіи изъ арміи гр. Нодзу, атакующія наши позиціи у д. Кофынцы и угрожающія направленію Кофынцы—Вейдягоу—Ляоянъ".

„Тѣмъ временемъ баталіонъ, назначенный отъ 4-го гвардейскаго полка, поддерживаемый огнемъ остальныхъ баталіоновъ своего полка, началъ наступленіе на позиціи полк. Лечицкаго отъ д. Тасинтунь. Полк. Шверинъ, видя необходимость обстрѣлять пѣхотныя части непріятеля у д. Тасинтунь и невозможность оставлять дальше на занимаемой позиціи 1-ю батарею 3-й В.-С. стр. арт. бригады, послалъ шт.-кап. Толкушкина съ порученіемъ испросить у г.-м. Кашталинскаго разрѣшеніе на перемѣщеніе на другую позицію 1-й батареи, а также передать приказаніе командиру 2-й батареи объ открытіи огня съ занимаемой ею позиціи по японцамъ, группирующимся въ раіонѣ д. Тасинтунь. Шт.-кап. Толкушкинъ, слѣдуя ко 2-й батареѣ, увидѣлъ стоявшія въ общемъ резервѣ сѣвернѣе д. Кофынцы двѣ батареи 35-й арт. бригады и передалъ имъ приказаніе полк. Шверина объ открытіи огня съ занимаемыхъ ими позицій по д. Тасинтунь. Огонь этихъ двухъ батарей и 2-й батареи 6-й В.-С. стр. арт. бригады, совмѣстно съ огнемъ, открытымъ стрѣлками 24-го полка, нанесъ значительныя потери непріятелю".

„Послѣдняя попытка японцевъ атаковать участокъ полк. Лечицкаго не увѣнчалась успѣхомъ: 24-й В.-С. стр. полкъ не позволилъ японцамъ подойти къ нашимъ окопамъ ближе какъ на 1.800 шаговъ, но, тѣмъ не менѣе всѣ резервы 24-го В.-С. стр. полка (кромѣ знаменной роты) къ этому времени были израсхо-

дованы, лѣвый флангъ участка былъ крайне слабо занятъ, имѣя 2-й бат. полка растянутымъ почти на двѣ версты. Вслѣдствіе этого, въ 4½ ч. дня, на поддержку участка полк. Лечицкаго прибылъ 138-й пѣх. Болховской полкъ, изъ котораго первый баталіонъ былъ отправленъ на усиленіе праваго фланга 24-го В.-С. стр. полка; третій бат. сталъ позади лѣваго фланга, а второй и двѣ роты 4-го бат., по просьбѣ г.-м. Кашталинскаго, были отправлены на усиленіе участка г-м. Столицы, предполагавшаго перейти въ наступленіе".

„Атака трехъ баталіоновъ на позиціи полк. Лечицкаго была поддержана усиленнымъ огнемъ боевыхъ частей 2-й гвардейской бригады, занимавшей позиціи противъ нашего центральнаго участка г.-м. Кричинскаго. Въ 4 часа дня 2-я гвардейская бригада усилила свои стрѣлковыя цѣпи, которыя открыли усиленный огонь по нашимъ окопамъ, но черезъ впереди лежащую долину японскія цѣпи переходить не рѣшились. Въ 6 ч. вечера огонь японцевъ ослабѣлъ, цѣпи ихъ порѣдѣли, и части 2-й японской бригады отошли за гребни ближайшихъ возвышенностей. Хотя противъ центральнаго участка непріятель въ атаку не переходилъ, ограничиваясь здѣсь лишь артиллерійскимъ огнемъ, но, дабы обезпечить позиціи отъ прорыва непріятеля по долинѣ р.р. Сидахыа и Танхэ и въ виду значительной растянутости участка, уже съ утра 13 августа за правымъ флангомъ 23-го В.-С. стр. полка былъ поставленъ въ частномъ резервѣ 2-й бат. 9-го полка, а въ 4½ ч. дня изъ общаго резерва прибыли 2½ бат. 11-го В. С. стр. полка, которые также стали въ двухъ группахъ за правымъ флангомъ 23-го полка".

„Такимъ образомъ, на центральномъ участкѣ было сосредоточено 6½ баталіоновъ, которые атакамъ непріятеля не подверглись, и только лежавшія въ стрѣлковыхъ окопахъ цѣпи принимали участіе въ перестрѣлкѣ съ японцами" [1]).

„Послѣ успѣха, одержаннаго нами на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, являлась возможность перейти въ наступленіе. Но около 5 час. дня разразился сильный ливень, а послѣ него надъ землей спустился такой туманъ, что на 50-60 шаговъ ничего не было видно; дороги сильно испортились, почва стала скользкой и липкой. Наступленіе было отложено. Подъ покровомъ тумана отдѣльныя части непріятеля пытались еще атаковать

---

[1]) В.-И. К., т. III ч. 2 стр, 336—342.

позиціи полк. Лечицкаго, но каждый разъ натыкались на дружные залпы стрѣлковъ“ [1]).

„Въ 7 час. 5 мин. вечера бой прекратился: части японской гвардіи повсюду отходили, скрываясь за гребнями горъ. Прибывшій около 6 час. вечера, послѣ форсированныхъ маршей, въ резервъ гвардіи къ д. Тунсинпу 29-й резервн. полкъ въ этотъ день въ бой не вступалъ“.

„Наши утомленныя боемъ войска остались на ночь на своихъ позиціяхъ. Потери въ нашихъ частяхъ, участвовавшихъ въ бою 13 августа, были сравнительно незначительны, а непріятель, видимо, потерпѣлъ полную неудачу. Но, тѣмъ не менѣе, общая обстановка, выяснившаяся къ вечеру этого дня, была, по мнѣнію командира 3-го Сиб. корпуса, для насъ невыгодна“.

„Но на позиціяхъ, гдѣ не знали о неуспѣхѣ, постигшемъ 10-й корпусъ, объ отступленіи не думали. Напротивъ, успѣшное окончаніе боевъ подняло силы борцовъ, и, несмотря на утомленіе 15-часовымъ боемъ, войска энергично принялись за работы: на позиціяхъ приводились въ порядокъ и углублялись окопы, на батареяхъ кузнецы и прислуга приводили въ порядокъ поврежденныя въ теченіе дня орудія, впередъ выдвинулись секреты; охотничьи команды были высланы впередъ тревожить противника. Во избѣжаніе прорыва непріятеля ночью долиною р. Танхэ, изъ д. Тимбуань на линію позицій были высланы два баталіона 10-го В.-С. стр. полка. Убитые были похоронены, раненые перевязаны и эвакуированы. Во всѣхъ частяхъ большое число легко раненыхъ нижнихъ чиновъ послѣ перевязки возвращалось въ строй“.

„Японская гвардія за эти дни потеряла: убитыми 171 чел. и ранен. 924 чел., итого 1.095 человѣкъ“.

„Послѣ полуночи съ 13 на 14 августа командующій арміей передалъ г.-л. Иванову приказаніе объ отходѣ корпуса въ теченіе ночи на лѣвый берегъ р. Танхэ. Черезъ нѣсколько времени отъ г.-ад. Куропаткина была получена телеграмма, въ которой, вслѣдствіе тяжелаго положенія 10-го арм. корпуса и подъема воды въ р. Танхэ, что, въ случаѣ вынужденнаго отступленія, могло поставить войска въ тяжелое положеніе, предлагалось отвести войска 10-го и 3-го корпусовъ съ праваго берега р. Танхэ на лѣвый, задержавъ противника на лѣвомъ берегу и принявъ всѣ мѣры,

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2., стр. 344.

дабы отходъ былъ совершенъ въ порядкѣ. Штабъ 3-го Спб. корпуса тотчасъ приступилъ къ спѣшной работѣ по составленію необходимыхъ для отхода распоряженій“ [1]).

Какъ ни обширно это описаніе Ляндянсанскаго боя, но изученіе его нельзя считать законченнымъ, если не выслушать разсказа одного изъ крупныхъ участниковъ этого боя—Е. И. Мартынова. Отмѣтимъ прежде всего принятыя имъ рѣшенія Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу.

„*Вопреки полученному мною письменному приказанію, я рѣшилъ по своей собственной инициіативѣ, вмѣсто дер. Кофынцы, направиться на Павшогоу*“.

„Объ этомъ въ 9 час. 30 мин. утра я послалъ, черезъ штабъ генерала Грекова, слѣдующее донесеніе начальнику праваго фланга Ляньдянсанской позиціи: „*Прибылъ съ Зарайскимъ полкомъ, батареей и эскадрономъ. Узнавъ отъ Грекова о положеніи дѣла, иду на Павшогоу*“ [2]).

„Познакомившись съ обстановкой, продолжаетъ Е. Мартыновъ, „*я рѣшилъ перейти въ наступленіе отъ Павшогоу на Тасигоу, прямо во флангъ обходящему крылу японцевъ*“.

„Это второе рѣшеніе было точно такъ же принято мною *по собственной иниціативѣ, помимо приказанія начальства, на мою личную отвѣтственность*“ [3]).

„Въ двѣнадцатомъ часу дня, когда построеніе боевого порядка окончилось, я перешелъ въ наступленіе. Японцы, взятые во флангъ, не могли удержаться на сопкахъ и кряжахъ восточной долины. Вскорѣ наша боевая линія поравнялась съ двумя ротами полковника Дружинина, которыя примкнули къ ней“ [4]).

„Между тѣмъ японцы частью быстро отходили по горамъ, по направленію на Тасигоу, все еще продолжая отстрѣливаться, частью же старались вразсыпную перебраться черезъ долину, чтобы найти укрытія въ поросшихъ кустарниками высотахъ къ западу отъ нея. Однако послѣднее удалось лишь немногимъ, такъ какъ вся долина обстрѣливалась продольнымъ огнемъ“.

„Въ издаваемомъ французскимъ генеральнымъ штабомъ журналѣ „Revue militaire des armées etrangères“ (№ 976, стр.

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2, стр. 346.
[2]) Е. И. Мартыновъ, стр. 171.
[3]) Тамъ же, стр. 173.
[4]) Тамъ же, стр. 181.

202 и 203) сказано, что „вслѣдствіе неожиданной контръ-атаки во флангъ по долинѣ Павшогоу“ лѣвое крыло 1-й гвардейской бригады генерала Асада отошло „съ тяжелыми потерями, при чемъ двѣ роты были уничтожены“ [1]).

„Около 3 час. пополудни наступавшіе зарайцы и части полковника Дружинина вышли на высоты дер. Тасигоу. Почти одновременно съ ними, а можетъ быть и нѣсколько раньше (что при существовавшей обстановкѣ не имѣло значенія), сюда прибыли стрѣлки князя Амилохори, но около 5 часовъ вечера генералъ Столица отозвалъ ихъ обратно, такъ какъ, по его словамъ, къ этому времени всѣ его резервы были уже израсходованы на поддержку полковника Лечицкаго“ [3]).

„Отступать послѣ одержаннаго успѣха было непріятно, но мы утѣшали себя тѣмъ, что Ляньдянсанскій бой былъ лишь авангарднымъ дѣломъ, разыграннымъ въ цѣляхъ развѣдки, а теперь армія отходитъ на укрѣпленныя Ляоянскія позиціи, гдѣ будетъ дано генеральное сраженіе“ [3]).

Въ тотъ же день, 13 августа, лѣвѣе 3 Сибирскаго корпуса дрался 10 корпусъ, на позиціи подъ Таампиномъ (Анпиномъ). Около часу ночи, въ штабъ корпуса стали стекаться донесенія о наступленіи японцевъ по всему фронту.

„Въ 1 часъ 40 мин. ночи вдоль всей позиціи занятой Елецкимъ полкомъ, а также и частью 4-го баталіона Сѣвцевъ, начался ружейный огонь. Подходившія въ темнотѣ къ нашимъ окопамъ части японцевъ нѣсколько разъ были отброшены залпами почти въ упоръ“.

Особенно сильный огонь у Ельцевъ былъ въ 3-мъ баталіонѣ, командующій которымъ кап. Руппенейтъ приказалъ подошедшимъ резервамъ влиться въ боевыя части и занять стрѣлковые гребни. Около 2 час. ночи огонь ослабѣлъ, и передъ 3-мъ баталіономъ показались значительныя массы непріятеля, обрушившіяся, главнымъ образомъ, на участки 11-й и 12-й ротъ, которыя, ставъ на гребнѣ хребта, по командѣ своихъ офицеровъ, давали дружные залпы почти въ упоръ, а затѣмъ со своими командирами—капитанами Сипягинымъ и Юхновскимъ и офицерами подпоруч. Масленниковымъ и прапорщикомъ Шинковичемъ, съ крикомъ „ура“

) Е. И. Мартыновъ, стр. 182.
[3]) Тамъ же, стр. 186.
[3]) Тамъ же, стр. 205.

бросились въ штыки на значительно превосходныя силы непріятеля. Японцы, несмотря на наши залпы, также пошли въ штыки и хотя въ нѣсколько минутъ и потеряли до 200 чел., но, ударивъ плотною массою въ одну точку нашего растянутаго расположенія, прорвали его и принудили наши роты начать отступленіе, которое производилось по приказаніямъ начальниковъ и въ порядкѣ".

„Японцы заняли наши окопы, а наши роты заняли сначала сѣверные склоны уступленнаго ими гребня, но поражаемые сверху, должны были перейти на слѣдующія сопки къ юго-западу отъ д. Цегоу".

„Тотчасъ вслѣдъ за атакою бригадою г.-м. Окасаки позицій 3-го баталіона Елецкаго полка послѣдовала атака бригады Матсунаги на позиціи 1-го и 2-го баталіоновъ Ельцевъ. Передовыя роты этой колонны безъ труда овладѣли высотою 260 и отбросили занимавшую эту высоту роту 21-го В.-С. стр. полка. Въ 3 ч. 30 м. ночи войска колонны г.-м. Матсунаги построились въ боевой порядокъ въ южной части долины Цзюцзяюй. Въ первой линіи развернулись 12 ротъ 4-го и 29-го пѣх. полковъ, 5 ротъ обоихъ полковъ слѣдовали во 2-й линіи въ полковыхъ резервахъ. Баталіонъ 4-го полка, составляя общій резервъ, слѣдовалъ за правымъ флангомъ колонны. Горная батарея снялась у высоты 260. Боевой порядокъ наступалъ безъ выстрѣла, и въ 4 часа ночи роты 4-го японскаго полка, взобравшись на кручи атаковали въ штыки позиціи Ельцевъ. Здѣсь непріятель встрѣтилъ упорное сопротивленіе и понесъ большія потери. Ельцы встрѣтили выдержанными залпами японцевъ, у которыхъ тотчасъ выбыли изъ строя командиръ полка полк. Уосида, два баталіонныхъ командира и значительное число нижнихъ чиновъ".

„2-я рота Елецкаго полка, имѣя во главѣ своего командира кап. Смирнова, а по раненіи его—подпор. Васильева, переходила въ штыки, давая сильный отпоръ врагу, нанося ему огромныя потери, и дважды заставляла его отступать".

„Первая атака японцамъ не удалась. Тотчасъ въ боевыя части были влиты резервы колонны, и въ 4 час. 45 мин. ночи японцамъ удалось овладѣть нашими окопами. Но дальше двинуться они не могли вслѣдствіе неудачи, постигшей 25-й пѣх. полкъ, который послѣ первой атаки, отбитой 1-мъ бат. Ельцевъ, подкрѣпленнымъ 2-мъ бат. Сѣвцевъ, былъ отброшенъ на

600—800 шаговъ. Потери 3-й японской бригады въ ночномъ бою за наши передовыя позиціи достигли 29 оф. и 492 нижн. чиновъ".

„Въ то время, когда колонны 2-й японской дивизіи атаковали позиціи Елецкаго полка, двѣ лѣвыя колонны 12-й дивизіи (12-й бригады г.-м. Шимамуры) въ 1 час. 30 мин. ночи развернулись противъ позицій г.-м. кн. Орбеліани на Чепанлинскомъ, Папанлинскомъ и Анпинлинскомъ перевалахъ".

„14-й японскій пѣх. полкъ, достигнувъ д. Сюнцзапуцзы, былъ встрѣченъ огнемъ охотниковъ и разъѣздовъ Терско-Кубанскаго коннаго полка, оттѣснилъ ихъ и продолжалъ наступленіе къ позиціямъ, занятымъ тремя баталіонами 35-го пѣх. Брянскаго полка. Около часу ночи занимавшая передовую позицію 15-я рота Брянцевъ, тѣснимая превосходными силами непріятеля, начала отходить на позиціи полка, отстрѣливаясь залпами. Вмѣстѣ съ нею отходили и сторожевыя заставы, выставленныя на ночь впереди полка. Около 2 час. ночи японцы атаковали и 13-ю роту. Всю ночь до разсвѣта впереди позиціи Брянцевъ были отчетливо слышны непріятельскіе команды и сигналы; противникъ по всей линіи перешелъ въ наступленіе, но перекрестный ружейный огонь изъ нашихъ окоповъ на близкомъ разстояніи не давалъ возможности японцамъ довести атаку до конца. Брянцы твердо держались до разсвѣта. Около 4 час. ночи взводъ горной батареи безъ приказанія снялся съ позиціи (по заявленію командира взвода—для перемѣны позиціи), при чемъ о вновь избранномъ мѣстѣ донесено не было".

„На разсвѣтѣ 13-я рота оказалась окруженной непріятелемъ; съ крикомъ „ура" бросилась она въ штыки и пробилась къ мѣсту своего прежняго бивака. При этой атакѣ погибъ фельдфебель Лавровъ, зарубленный японскимъ офицеромъ, раненъ командующій ротою шт.-кап. Григоровичъ и пропалъ безъ вѣсти прапорщикъ Петрашъ".

„Такимъ образомъ, уже на разсвѣтѣ удалось японцамъ прорвать тонкую линію расположенія Брянскаго полка".

„Занявъ сопку, отбитую отъ 13-й роты, и распространяясь влѣво и вправо, японцы открыли губительный продольный огонь по ротамъ, занимавшимъ сосѣднія сопки, и заставили Брянцевъ постепенно очищать свои позиціи" [1]).

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2, стр. 360—362.

„Несмотря на ночную темноту, японцы кинулись безъ выстрѣла на лѣвофланговый баталіонъ Орловцевъ и на 1-ю сотню Терцевъ, но эта первая атака непріятеля была отбита дружнымъ огнемъ Орловцевъ и Терско-Кубанскаго дивизіона, и до 5½ час. ночи дивизіонъ и Орловцы твердо держались впереди Анпинлинскаго перевала, всѣ защитники котораго показали полную стойкость; многіе раненые оставались въ строю; офицеры показывали примѣръ мужества. Въ короткій промежутокъ времени были ранены: начальникъ боевого участка Орловскаго полка подполк. Габаевъ, состоявшій въ распоряженіи командующаго арміей полк. Харановъ, пожелавшій принять участіе въ этомъ дѣлѣ и получившій 7 пулевыхъ ранъ, сотникъ Кужуевъ, Сѣвскаго полка кап. Григорьевъ“.

„Въ 5½ час. утра 47-й японскій пѣх. полкъ перешелъ вновь въ атаку и къ 6 час. утра овладѣлъ высотами Анпинлинскаго перевала. Прикрывъ своимъ огнемъ отходъ съ ближайшихъ высотъ частей Орловскаго полка, сотни есаула Балка стали медленно отступать къ д. Сандяцзы, потерявъ въ ночномъ бою (ранеными и убитыми) двухъ офицеровъ и 39 всадниковъ, т.-е. половину своего спѣшеннаго состава. Отступая подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, остатки двухъ доблестныхъ сотенъ не оставили на позиціи раненыхъ товарищей и офицеровъ, а вынесли ихъ съ собою. Навстрѣчу отступавшимъ кн. Орбеліани выслалъ Чеченскую сотню, которая помогла подобрать раненыхъ и вынести ихъ изъ боя“ [1]).

„Оказавъ атакующему непріятелю все сопротивленіе, которое могла оказать сильно растянутая по фронту пѣхота, почти не имѣвшая при себѣ артиллеріи, и нанеся непріятелю значительныя потери, между 5 час. ночи и 7 час. утра боевые баталіоны отрядовъ г.-м. Гершельмана и кн. Орбеліани начали отходить на главныя позиціи“...

...„Въ 7 час. утра наши 5 батарей открыли огонь по высотамъ и гребнямъ оставленныхъ нами позицій и не давали японцамъ и ихъ батареямъ утвердиться на этихъ высотахъ. Подъ прикрытіемъ огня нашихъ батарей передовыя части 10-го корпуса совершили отходъ на главныя (тыловыя) позиціи. Съ началомъ отхода передовыхъ частей, дабы облегчить имъ отступленіе изъ боя, въ боевыя части корпуса были посланы подкрѣ-

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2, стр. 364.

пленія изъ резерва, и, кромѣ того, частямъ, остававшимся въ общемъ резервѣ корпуса, было приказано занять главныя (тыловыя) позиціи, дабы подъ ихъ прикрытіемъ отходящія войска могли отступать въ порядкѣ“ [1]).

„Къ $5^1/_2$ час. дня бой на всемъ фронтѣ 10-го корпуса затихъ. Утвердившись прочно на новой позиціи и выставивъ на ней сильную артиллерію, не дававшую возможности противнику поставить свои батареи на впереди лежащихъ высотахъ, 10-й корпусъ въ центрѣ и на правомъ флангѣ удержался до конца боя и къ вечеру уже вновь могъ имѣть общій резервъ силою въ 11 бат., 42 ор. и 2 сотни“.

„Потери корпуса къ этому времени были сравнительно незначительны, и являлась полная возможность на занятыхъ позиціяхъ оказать врагу серьезное сопротивленіе, если бы событія на лѣвомъ флангѣ позицій корпуса не приняли настолько неудачнаго оборота, что заставили командующаго арміей принять рѣшеніе объ отходѣ всей арміи на Ляоянскія позиціи“ [2]).

„Около 12 час. 45 мин. ночи нашъ часовой сторожевого поста, выставленнаго отъ дежурной части, находившейся сѣвернѣе высоты 273, услышалъ впереди себя шорохъ. На окликъ часового послѣдовалъ сначала отвѣтъ „шанго“, затѣмъ грянулъ выстрѣлъ и часовой упалъ убитымъ“.

„Тотчасъ къ угрожаемому мѣсту поспѣшила дежурная полурота 16-й роты, по которой непріятельскими стрѣлками былъ открытъ бѣглый огонь. Черезъ полчаса къ высотѣ 273 собралось изъ дежурныхъ частей Тамбовскаго полка полторы роты (15-я и полур. 16-й), которыя во главѣ съ командиромъ 4-го баталіона молча двинулись впередъ и кинулись въ штыки на части 10-й, 11-й и 12-й ротъ 46-го японскаго полка, успѣвшихъ взобраться на гребень, и сбросили съ высоты японцевъ, понесшихъ при этомъ серьезныя потери“.

„При этой атакѣ рядовой Павелъ Соколовъ, закололъ японскаго офицера, бросившагося съ обнаженной шашкой на командира баталіона подполк. Марсова-Тишевскаго. Но, несмотря на это молодецкое дѣло, часть японцевъ задержалась на высотѣ, шагахъ въ 600—800 отъ нашихъ окоповъ, и между ними и Тамбовцами завязалась перестрѣлка, ослабѣвавшая, когда луна заходила

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2, стр. 365.
[2]) Тамъ же, стр. 368.

за тучи, и усиливавшаяся каждый разъ, когда луна, выходя изъ-за тучъ, освѣщала поле боя".

„Около 6 час. утра по Пегоуской позиціи открыли огонь двѣ японскія горныя батареи, снявшіяся въ окрестностяхъ д. Тундяпу. Японскіе снаряды на нашей позиціи потерь не наносили, но падая западнѣе позиціи артиллеріи, затрудняли подвозъ снарядовъ и уборку раненыхъ. Тотчасъ открыли огонь 6 орудій 7-й батареи. Огонь нашей артиллеріи былъ настолько удаченъ, что, во избѣжаніе потерь, японскія батареи должны были три раза мѣнять позиціи, и только съ третьей позиціи могли продолжать свою работу безъ особой помѣхи съ нашей стороны"[1]).

„Тѣмъ временемъ 2-й и 3-й баталіоны 46-го японскаго пѣх. полка, заняли сѣверную оконечность отрога Пегоускаго хребта и восточный склонъ высоты 273, куда къ тому времени полк. Клембовскій успѣлъ сосредоточить 4½ роты, которыя въ 7 ч. 30 мин. утра подъ командою командира 4-го бат. подполк. Марсова-Тишевскаго вновь бросились въ штыки на непріятеля. Японцы вновь были сброшены съ высоты и понесли значительныя потери, но и Тамбовцамъ эта атака дорого обошлась: подполк. Марсовъ-Тишевскій былъ поднятъ на штыки, 2 ротныхъ командира были убиты, значительное число офицеровъ было ранено. Когда наши 4½ роты заняли вновь свои окопы, то въ ихъ составѣ оставалось всего 2 офицера. По отбитіи этой атаки японскія батареи вновь усилили огонь и перенесли его на высоту 273 и занимавшую ее нашу пѣхоту, а правофланговыя роты 46-го пѣх. японскаго полка овладѣли сѣверо-восточною оконечностью Пегоускаго хребта, втащили съ собою два горныя орудія и открыли огонь по позиціи подполк. Соколова"[1]). Въ любой ротѣ найдется картина, изображающая смерть маіора Горталова, поднятаго турками на штыки. Вотъ и минувшая японская война можетъ дать матеріалъ для подобной же картины геройской кончины подполковника Марсова-Тишевскаго.

„Около 10 час. утра, притянувъ къ лѣвому флангу изъ общаго резерва еще одну роту, полк. Клембовскій приказалъ въ третій разъ атаковать японцевъ, продолжавшихъ приближаться къ высотѣ 273. Эта третья атака увѣнчалась такимъ же успѣхомъ, какъ и двѣ первыя. Трофеями ея были опять японскія винтовки,

---

[1]) В.-И. К., т. III., ч. 2, стр. 369.

) Тамъ-же, стр. 370.

патроны, снаряженіе и консервы. Многіе нижніе чины, взявъ японскія винтовки, пробовали стрѣлять изъ нихъ въ непріятеля, но затѣмъ брались опять за свои, находя, что онѣ много лучше японскихъ. Настроеніе нижнихъ чиновъ было приподнятое и бодрое. Послѣ этой атаки на высотѣ 273, при $4^1/_2$ ротахъ Тамбовцевъ, остался въ строю только одинъ офицеръ, уцѣлѣвшій до конца боя".

„Третья неудача двухъ баталіоновъ 46-го японскаго полка противъ Тамбовцевъ, видимо, подѣйствовала на японцевъ: они замолки, и бой временно затихъ; 24-й же пѣх. японскій полкъ занялъ кряжъ высотъ къ востоку отъ долины Мяолинъ и въ атаку не переходилъ".

„Около часу дня былъ перебитъ телефонный проводъ, и существовавшая до этого времени со штабомъ корпуса телефонная связь до конца боя возстановлена не была".

„Приблизительно около 2 час. дня японская артиллерія вновь открыла усиленный огонь по нашей Пегоуской позиціи, а около 2 час. 40 мин. дня сразу замолкла, 3-й бат. 46-го японскаго полка вновь кинулся въ атаку и дошелъ до нашихъ окоповъ, занятыхъ пятью ротами Тамбовцевъ и Воронежцевъ, на дистанцію въ 30 — 40 шаговъ. Началась рукопашная схватка. Стрѣляли другъ въ друга почти въ упоръ, бились штыками, прикладами и даже камнями. Наши взяли верхъ, и японцы вновь были отброшены, при чемъ многіе изъ нихъ разбивались и калѣчились, падая съ крутого утеса—высотою въ нѣсколько десятковъ аршинъ. Черезъ 12 минутъ послѣ отбитой атаки командиръ 12-й роты 46-го полка со своими людьми вновь бросился въ атаку, но всѣ они были перебиты пулями, штыками и камнями. Тогда командиръ баталіона съ остаткомъ своихъ людей въ третій разъ бросился въ атаку, но и она была отражена. Въ схваткахъ съ Тамбовцами и Воронежцами 3-й бат. 46-го японскаго полка потерялъ почти всѣхъ своихъ офицеровъ, 101 нижняго чина убитыми и 314 ранеными".

„Хотя дошедшія до нашихъ окоповъ роты непріятеля и были отброшены, но часть японцевъ со своимъ маіоромъ осталась на восточномъ отрогѣ высоты 273 и оттуда открыла фланговый огонь по нашей 7-й батареѣ. Въ это же время былъ раненъ начальникъ отряда полк. Клембовскій. Прислуга батареи, потерявшая 14 нижнихъ чиновъ ранеными, оторопѣла подъ фланговымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля. Вблизи батареи не было

спеціальнаго прикрытія, при помощи котораго можно было бы отстоять и спасти батарею. Замѣститель начальника участка подполк. Соколовъ находился на позиціи противъ д. Сакань, въ 3 верстахъ отъ позиціи артиллеріи, и командиръ батареи, не имѣя возможности немедленно получить необходимыя указанія и поддержку, приказалъ оставшейся на батареѣ прислугѣ вынуть изъ орудій замки, прицѣлы и курки и отходить на д. Кусаоцынъ".

„Такимъ образомъ, 2 баталіона 46-го японскаго пѣх. полка, поддержанные огнемъ 14 горныхъ орудій, атаковали отрядъ полк. Клембовскаго общею силою въ 5½ бат. (4 бат. Тамбовцевъ, и 6 ротъ Воронежцевъ), 8 полевыхъ орудій и 2 сотни, при чемъ главный ударъ былъ принятъ всего лишь 5—6 ротами, и между 3—4 час. дня, вслѣдствіе раненія начальника отряда, отсутствія вблизи замѣстителя и послѣдовавшаго поэтому разстройства въ управленіи боемъ, батарея, оставленная прислугою, замолкла, большое число нижнихъ чиновъ уносило раненыхъ, ряды доблестныхъ защитниковъ порѣдѣли, и лишь на высотѣ 273 оставалось 150—200 человѣкъ при двухъ офицерахъ".

„Въ 5 час. дня разразился сильный ливень, и разрозненныя части Тамбовцевъ и Воронежцевъ, не имѣя общаго руководителя, начали отходить къ д. Кусаоцынъ, не преслѣдуемыя утомленными боемъ и также понесшими весьма значительныя потери остатками 46-го японскаго полка" [1]).

Итого, „войска 10-го арм. корпуса, численностью въ 32 баталіона, обороняя 13 августа линію, имѣвшую по фронту до 19 верстъ, удержались на своихъ позиціяхъ, исключая лѣваго фланга, гдѣ части войскъ, оборонявшія Пегоускія высоты, вечеромъ отошли къ д. Кусаоцынъ, но къ этому времени у этой деревни уже находилась совершенно свѣжая бригада г.-м. Янжула".

„Потери корпуса хотя, въ общемъ, и достигали до 8%, но особыхъ опасеній вызывать не могли" [2]).

И все-таки, въ полночь командующій арміей приказалъ 10-му корпусу отходить на лѣвый берегъ Танхэ. Одновременно стали отступать и войска Восточнаго отряда, а въ 3 ч. ночи 2-я и 4-я японскія арміи стали тѣснить арріергардъ южной группы. Начался общій отходъ къ Ляояну.

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 2, стр. 371—372.
[2]) Тамъ же, стр. 375.

„Днемъ 15 августа обѣ группы нашей Манчжурской арміи отступали къ Ляоянскимъ укрѣпленнымъ позиціямъ. Арріергарды, почти совершенно лишенные артиллеріи, которую вслѣдствіе плохихъ и распустившихся отъ дождей дорогъ приходилось заблаговременно снимать съ позицій и отправлять въ тылъ вмѣстѣ съ обозами, мужественно отстаивали свои позиціи и, отступая перекатами, задерживали непріятеля и тѣмъ дали возможность всѣмъ частямъ арміи къ вечеру 15 августа вывезти свою артиллерію и обозы и сосредоточиться вокругъ г. Ляояна".

„Арріергарды 1-го, 4-го, 3-го Сибирскихъ и 10-го арм. корпусовъ выдерживали упорные бои, въ которыхъ были убиты два арріергардные начальника—г.-м. Рутковскій и г.-м. Мартсонъ, а войска на нѣкоторыхъ участкахъ въ самые короткіе промежутки времени несли весьма значительныя потери и, отступая шагъ за шагомъ, сильно задерживали наступленіе японцевъ".

„Войска же 2-го Сиб. корпуса и бывшія въ составѣ войскъ 3-го Сиб. корпуса части, отступавшія по дорогѣ Павшогоу—Вейдягоу—Цифантунь, отходили преждевременно, не ввязываясь въ упорные бои съ непріятелемъ, и тѣмъ дали возможность сравнительно небольшимъ фланговымъ частямъ 10-й и гвардейской японскихъ дивизій продвинуться впередъ и вогнуть центръ фронта нашей арміи".

„Выѣхавшій съ утра 15 августа для объѣзда Ляоянскихъ позицій командующій арміей сталъ получать цѣлый рядъ важныхъ донесеній о положеніи дѣлъ въ обѣихъ группахъ".

ГЛАВА VII.

Ляоянъ.

„Главнѣйшія событія Ляоянскаго сраженія разыгрались по обѣимъ сторонамъ р. Тайцзыхэ, отъ д. Сакань до д. Тадзыфанъ“.

„На обоихъ берегахъ этого участка рѣки, длиною въ 40 верстъ (по воздушной линіи—30 верстъ), были охвачены боями полосы мѣстности шириною до 15 верстъ, почему поле Ляоянскаго сраженія можно принять въ 30 верстъ по фронту и до 30 въ глубину“ [1]).

„Одновременно съ выборомъ позицій вокругъ г. Ляояна возникъ вопросъ объ укрѣпленіи высотъ, лежавшихъ къ юго-западу, югу и юго-востоку отъ него, на линіи д.д. Маѣтунь—Цофантунь—Сяпу“.

„Главныя выгоды этихъ позицій заключались въ томъ, что впереди лежащая мѣстность не командовала столь значительно нашими позиціями, какъ при занятіи нами линіи главныхъ Ляоянскихъ позицій; кромѣ того, позиціи на дугѣ Маѣтунь—Цофантунь—Сяпу давали возможность укрыто отъ взоровъ и выстрѣловъ противника передвигать наши сосредоточенные подъ Ляояномъ резервы во всѣхъ направленіяхъ по равнинѣ, пользуясь при томъ кратчайшими разстояніями“ [2]).

„Около полуночи съ 16 на 17 августа пластуны и охотники команды 33-го и 34-го В.-С. стр. полковъ, находившіеся подъ общимъ начальствомъ 34-го В.-С. стр. полка шт.-кап. Ивашкевича, вмѣстѣ съ 12-й ротой 33-го В.-С. стр. полка впереди позицій участка г.-м. Кондратовича, въ окрестностяхъ д. Дава, вступили въ перестрѣлку съ партіями непріятеля, приближавшимися съ юга къ ихъ расположенію. Огнемъ дозоровъ и секретовъ японскія партіи были отброшены, и черезъ полчаса перестрѣлка затихла. Около 4 час. ночи передовыя части 41-го пѣх. японскаго полка, силою до баталіона, развернулись противъ на-

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 1.

[2]) Тамъ же, стр. 9.

званныхъ командъ и открыли по нимъ сильный огонь. Около часа держались команды на своей позиціи, но когда къ ружейному огню присоединился и артиллерійскій и начались замѣтныя потери, команды начали отходить къ д. Синлиньтунь, причемъ начальникъ командъ шт.-кап. Ивашкевичъ былъ тяжело раненъ“.

„Въ это же время противъ позицій 3-го Сиб. арм. корпуса уже разворачивались части японской гвардіи и 10-й дивизіи (4-й арміи); на разсвѣтѣ, около 4½ час. ночи, послышались первые орудійные выстрѣлы японскихъ батарей, снявшихся укрыто около д. Вэйдягоу, и японскіе снаряды начали ложиться въ не оконченные постройкою окопы 24-го В.-С. стр. полка. Одновременно съ этимъ цѣпи японской пѣхоты, пользуясь нескошеннымъ передъ нашими позиціями гаоляномъ, приблизились къ лѣвому флангу 24-го В.-С. стр. полка и открыли по немъ сильный ружейный огонь“.

„Бывшая въ передовыхъ частяхъ 10-й японской дивизіи кавалерія, общею силою до двухъ эскадроновъ, атаковала внезапно съ фронта и съ праваго фланга пѣшую охотничью команду 23-го В.-С. стр. полка, расположенную въ окопѣ правѣе 9-й роты, сѣвернѣе западныхъ дворовъ д. Кудяцзы и прикрывавшую справа (съ запада) позиціи 3-го баталіона своего полка. Понеся значительныя потери отъ огня японцевъ съ фронта и фланга, охотничья команда въ составѣ одного офицера и 95 нижнихъ чиновъ отступила, а спѣшенные японскіе кавалеристы заняли ея окопъ. Нѣсколько устроившись, наши охотники встали и съ крикомъ „ура“ пошли впередъ, чтобы штыками выбить непріятеля. Японцы усилили огонь. Начальникъ команды былъ тотчасъ убитъ, изъ строя выбыло 42 стрѣлка, и остатки команды—53 человѣка отошли къ высотѣ, лежащей къ западу отъ д. Цофантунь, а японцы перенесли свой огонь на окопы 9-й и 10-й ротъ 23-го В.-С. стр. полка“ [1]).

„Мѣткимъ залповымъ огнемъ 9-й, 10-й и 11-й ротъ 23-го В.-С. стр. полка этотъ баталіонъ былъ отброшенъ. Послѣ этого въ атаку пошли два баталіона японцевъ, быстро наступавшихъ подъ прикрытіемъ усилившагося огня японской артиллеріи“.

„Когда непріятель былъ въ 20—30 шагахъ, 9-я, 10-я и 12-я роты не выдержали—встали изъ окоповъ и бросились въ контръ-

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 46—47.

атаку, въ штыки. Передніе ряды японцевъ тотчасъ залегли, а задніе открыли сильный пачечный огонь и отбросили обратно въ окопы наши три роты, понесшія при этомъ большія потери".

„Тогда японцы кинулись въ наши окопы и завязалась рукопашная схватка. Артиллерійскій огонь непріятеля продолжался, нанося потери какъ нашимъ, такъ и своимъ. Къ огню съ фронта присоединился ружейный огонь съ фланга и тыла, изъ окопа, оставленнаго охотничьей командой и занятаго японцами".

„Командующій баталіономъ кап. Чулковъ былъ раненъ, а затѣмъ—убитъ; вскорѣ всѣ офицеры, фельдфебеля и почти всѣ унтеръ-офицеры выбыли изъ строя, и остатки славнаго 3-го баталіона 23-го В.-С. стр. полка, потерявшаго въ теченіе нѣсколькихъ минутъ всѣхъ своихъ офицеровъ, почти всѣхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ и до 304 нижнихъ чиновъ, отошли на позиціи своего полка. Японцы заняли сопку и открыли сильный ружейный огонь по позиціямъ 23-го и 24-го В.-С. стр. полковъ и 3-й батареи 6-й В.-С. стр. арт. бригады".

„Съ 5½ час. ночи канонада загремѣла по всему фронту отъ Маѣтуня до Сяпу",

„Началось Ляоянское сраженіе" [1]).

Прежде всего познакомимся съ дѣйствіями I Сибирскаго корпуса 17 августа на Маѣтунской позиціи.

„Съ ранняго утра наши батареи начали нести серьезныя потери. Фланговый огонь японской конной батареи, дѣйствовавшей отъ д. Ванэршунь, наносилъ значительныя потери стоявшей южнѣе горы 99, 3-й батареѣ 1-й В.-С. стр. арт. бригады. Батарея была вынуждена повернуть фронтъ направо, на 90 градусовъ".

„Для противодѣйствія японской батареѣ, стрѣлявшей отъ д. Ванэршунь, г.-л. бар. Штакельбергъ въ 8 ч. утра приказалъ находившейся въ корпусномъ резервѣ 2-й Забайкальской каз. батареѣ сняться южнѣе д. Хуацзятунь. Надо полагать, что казачья батарея долгое время не могла нащупать мѣста расположенія японской конной батареи, скрытой въ моряхъ гаоляна, такъ какъ она продолжала наносить серьезныя потери въ трехъ батареяхъ 1-й В.-С. стр. арт. бригады. Въ 11 час. 30 мин. утра г.-м. Гернгроссъ доносилъ командиру корпуса: „Три батареи 1-й

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 47.

арт. бригады несутъ потери исключительно отъ флангового артиллерійскаго огня, казачья батарея, повидимому, не приноситъ пользы“.

„Въ 3-ей батареѣ къ 11 ч. утра изъ строя выбыли всѣ офицеры, 19 нижнихъ чиновъ и два орудія. Телефоны были перебиты. Батарея замолкла. Также большія потери понесла и 1-я батарея 9-й В.-С. стр. арт. бригады, въ которой къ 12 час. дня изъ строя выбыли всѣ офицеры, а во второй батареѣ къ концу боя остался всего одинъ офицеръ“.

„Но, несмотря на столь губительный огонь втрое превосходящей числомъ орудій непріятельской артиллеріи, наши батареи (такъ же, какъ и всѣ доблестныя части 1-го Сиб. арм. корпуса) мужественно и спокойно выполняли свой долгъ, нанося огромныя потери храброму непріятелю“ [1]).

„Тѣмъ временемъ бой на позиціяхъ 1-го Сиб. арм. корпуса дѣлался все напряженнѣе. 21-й японскій полкъ, развернувшись изъ с. Сяоянсы, нѣсколько разъ пытался овладѣть наиболѣе выдвинутыми впередъ лѣвофланговыми окопами 3-го баталіона 34-го В.-С. стр. полка, но каждый разъ бывалъ отбиваемъ огнемъ 12-й и 11-й ротъ, а также и двухъ орудій 2-й батареи 9-й В.-С. стр. арт. бригады, выкаченныхъ на высоты, занятыя 33-мъ В.-С. стр. полкомъ и, подъ командою подпоруч. Пущина, наносившихъ огромныя потери въ рядахъ непріятельской пѣхоты. Кромѣ того, командиръ находившагося въ полковомъ резервѣ 1-го баталіона 34-го В.-С. стр. полка подполк. Знамеровскій, замѣтивъ, что части японской пѣхоты продвигаясь отъ д. Дава въ промежутокъ между 33-мъ и 34-мъ В.-С. стр. полками, угрожаютъ тылу послѣдняго, выслалъ впередъ 3-ю и 4-ю роты, которыя, пройдя скрытно по гаоляну, разсыпались и встрѣтили пачками наступавшія части непріятеля, тотчасъ отступившія за ближайшіе холмы, послѣ чего 3-я и 4-я роты, исполнивъ свою задачу, отошли вновь къ своему баталіону“.

„Начавшійся съ ранняго утра бой на участкѣ г.-м. Зыкова также разгорался, но всѣ попытки непріятеля приблизиться къ окопамъ 33-го В.-С. стр. полка отбивались дружными залпами стрѣлковъ при содѣйствіи двухъ орудій подпоруч. Пущина, въ то время, когда остальныя 6 орудій 2-й батареи, подъ командою

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 49.

шт.-кап. Боброва, перенесли свой огонь влѣво, для поддержки войскъ 3-го Сиб. корпуса“ [1]).

„Но, несмотря на столь успѣшное отбитіе атакъ непріятеля, положеніе дѣлъ на участкѣ г.-м. Кондратовича было весьма серьезнымъ. Трудно было упорно оборонять столь растянутыя позиціи, не имѣя резервовъ. Кромѣ того, не занятый нашими войсками и покрытый сплошнымъ гаоляномъ промежутокъ между 1-мъ и 3-мъ Сиб. корпусами давалъ возможность непріятелю скрытно обойти лѣвый флангъ войскъ г.-м. Кондратовича, который, чтобы нѣсколько обезпечить свой лѣвый флангъ, выслалъ въ этомъ направленіи полуроту 5-ой роты 33-го В.-С. стр. полка, а конно-охотничьей командѣ приказалъ направиться въ д. Наньбаличжуанъ, отъ которой двинуться на югъ для выясненія— есть ли тамъ наши части и не занятъ ли этотъ пунктъ непріятелемъ“ [2]).

„Боевыя цѣпи 45-го и 13-го японскихъ полковъ, достигнувъ около 11 час. утра ручья, пересѣкающаго желѣзную дорогу въ 1000 шагахъ впереди позицій участка г.-м. Гернгросса, были остановлены сильнымъ огнемъ 1-го Е. В. и 3-го В.-С. стр. полковъ, а также и 300 пограничниковъ шт.-ротм. Виторскаго, занимавшихъ передовой окопъ западнѣе желѣзной дороги, впереди д. Маѣтунь. Пока 45-й и 13-й японскіе полки вели съ ними перестрѣлку, въ тылу у нихъ двигалась лѣвая колонна 6-й дивизіи и около полудня, достигнувъ д. Байцзялаогуаво, зашла лѣвымъ плечомъ впередъ и, прикрываясь слѣва и съ тыла конницею г.-м. Акіямы, начала наступать на востокъ: 23-й пѣх. полкъ— на д. Маѣтунь, а 48-й пѣх. полкъ—на д. Гуцзяцзы“ [3]).

„Нѣсколько разъ японцы пытались перейти въ атаку, но какъ только они выходили на открытое пространство, пограничная стража и стрѣлки 1-го и 4-го В.-С. стр. полковъ, а также и пулеметы 1-й В.-С. стр. дивизіи открывали дружный огонь, и непріятель, неся огромныя потери, долженъ былъ остановиться противъ д.д. Маѣтунь и Гуцзяцзы, на дистанціи 1200—1500 шаговъ отъ нашихъ окоповъ, и дальше продвинуться не могъ. Лѣвый флангъ 48-го японскаго полка, овладѣвъ безымянной деревней, лежащей между д.д. Байцзялаогуаво и Чжуцзяпуцзы

---

1) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 51.
2) Тамъ же, стр. 52.
3) Тамъ же, стр. 53.

и направляясь на д. Гуцзяцзы, попалъ подъ нашъ фланговый огонь изъ д. Чжуцзяпуцзы, гдѣ находилась охотничья команда 13-го В.-С. стр. полка. Тотчасъ часть 48-го японскаго полка повернула на сѣверъ и безъ особаго труда овладѣла этой деревней. Въ 12 ч. 35 м. дня полк. Лешъ доносилъ командиру 1-го Сиб. корпуса: „Получено донесеніе: „Мищенко отступилъ, флангъ оголенъ. Непріятель большими силами обходитъ на Байцзялаогуаво. Прибывшій баталіонъ направляю вправо жел. дороги“ [1]).

„Всѣ усилія частей 6-й японской дивизіи овладѣть д.д. Маѣтунь и Гуцзяцзы не увѣнчались успѣхомъ, благодаря дружному и мѣткому огню нашихъ стрѣлковъ и пулеметовъ, и только часть 48-го японскаго полка овладѣла д. Чжуцзяпуцзы, но вскорѣ была выбита отсюда подходившимъ изъ общаго резерва арміи 12-мъ пѣх. сиб. Барнаульскимъ полкомъ“ [2]).

„Ни одного окопа, занятаго войсками 1-го Сиб. корпуса, 17 августа не было уступлено непріятелю. Въ теченіе дня корпусъ былъ поддержанъ 8 баталіонами и 8 орудіями изъ 4-го Сиб. корпуса“ [3]).

На участкѣ г.-м. Данилова шелъ кровавый бой съ 10 японскою дивизіею.

„Между 5 и 6 час. утра части правой и средней колоннъ 10-й японской дивизіи овладѣли окопами ротъ 3-го и 1-го баталіоновъ 23-го В.-С. стр. полка, при чемъ остатки сильно пострадавшихъ и лишившихся своихъ офицеровъ ротъ отошли: 3-го баталіона и охотниковъ—на сѣверъ, къ позиціямъ 2-го баталіона своего полка, а остальныя пристроились къ правому флангу 24-го В.-С. стр. полка“ [4]).

„Японцы, занявъ оставленные нами окопы, открыли сильный ружейный огонь, подъ прикрытіемъ котораго всѣ войска 10-й японской дивизіи, поддерживаемыя также усиленнымъ огнемъ своихъ 6 батарей, занявшихъ позиціи у д.д. Шихуэцзы и Сандяцзы и пользуясь перегибами мѣстности, рощами и густымъ гаоляномъ, устремились на позиціи, занятыя войсками г.-м. Данилова, т.-е. двумя батареями, остатками 23-го стр. полка и двумя баталіонами 24-го В.-С. стр. полка. Въ самомъ непродол-

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 56—57.
[2]) Тамъ же, стр. 58.
[3]) Тамъ же, стр. 62.
[4]) Тамъ же, стр. 65.

жительномъ времени японцы были уже въ 400 шагахъ отъ нашихъ окоповъ, при чемъ правая колонна, силою въ 5 бат., направилась съ юга на окопы, занятые двумя баталіонами 24-го полка, средняя колонна—3 баталіона—на участокъ 23-го полка, и лѣвая—на д. Уйдягоу".

„Командиръ 3-й батареи 6-й В.-С. стр. арт. бригады подполк. Покотилло, стоявшій со своею батареею на сѣдловинѣ въ одной верстѣ къ югу отъ д. Цофантунь, видя, что лощины впереди позиціи заняты массами непріятельской пѣхоты, наступленіе которой не могло быть остановлено огнемъ полутора ротъ стрѣлковъ, занимавшихъ окопы около его батареи, не имѣя возможности изъ занимаемыхъ его батареей окоповъ обстрѣливать занятые на днѣ долины непріятелемъ участки гаоляна и видя энергичную атаку непріятеля, приказалъ своимъ людямъ выкатить впередъ орудія, что было произведено подъ сильнымъ огнемъ непріятельской пѣхоты, бывшей уже въ 400 шагахъ отъ батареи. За тѣ нѣсколько минутъ—пока выкатывались орудія—половина личнаго состава батареи выбыла изъ строя, и орудія, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, были вновь убраны за гребень. Въ это время на мѣсто боя прибылъ командующій 6-ю В.-С. стр. дивизіею г.-м. Даниловъ и приказалъ вновь выдвинуть впередъ хотя бы одно орудіе".

„Сначала были выкачены три орудія, и только за время ихъ установки вновь выбыла изъ строя часть прислуги, а командиръ батареи подполк. Покотилло былъ смертельно раненъ и тутъ же скончался".

„Подъ командою шт.-кап. Кострова три орудія 3-й батареи открыли огонь въ упоръ по насѣдавшему непріятелю, но вскорѣ, за убылью людей, два орудія были вновь убраны за перегибъ ската, и шт.-кап. Костровъ продолжалъ командовать орудіемъ и, получивъ вторую рану, былъ вынесенъ съ батареи. Въ командованіе орудіемъ вступилъ фейерверкеръ Андрей Петровъ, который продолжалъ поражать непріятеля, обращаясь къ г.-м. Данилову съ просьбами о доставленіи патроновъ. Наконецъ, и фейерверкеръ Петровъ, будучи дважды раненъ, не имѣя болѣе патроновъ, обезсиленный, съ утомленною прислугою, долженъ былъ прекратить огонь и убрать свое орудіе".

„Благодаря геройскому поведенію 3-й батареи и залповому огню стрѣлковъ, бывшихъ на этомъ участкѣ позиціи, атака

японцевъ была отражена; они отступили за впереди лежащую сопку и сгруппировались сѣвернѣе д. Кудяцзы".

„Тѣмъ временемъ изъ уцѣлѣвшей прислуги 3-й батареи и бывшихъ при зарядныхъ ящикахъ запасныхъ нижнихъ чиновъ былъ образованъ взводъ изъ двухъ орудій, который подъ командою поручика Шаляпина вновь былъ выкаченъ впередъ и открылъ огонь по сопкѣ и рощѣ, занятымъ непріятелемъ, а также и по отступавшей непріятельской пѣхотѣ.

„Взводъ этотъ поддерживалъ огонь до 9 час. вечера, послѣ чего остатки славной 3-й батареи 6-й В.-С. стр. арт. бригады были отправлены къ д. Эфа" [1]).

„Вслѣдъ за атакой лѣваго участка 23-го В.-С. стр. полка, японцы кинулись также и на правый участокъ, гдѣ находилась 4-я батарея 6-й В.-С. стр. арт. бригады, которая также выкатила свои орудія. По сторонамъ и въ промежуткахъ между орудіями выскочили стрѣлки, бывшіе въ прикрытіи къ батареѣ. Дружнымъ огнемъ батареи (шрапнелью съ нулевой установкой трубки) и залпами 4-й, 5-й, 6-й и 8-й ротъ 23-го В.-С. стр. полка атака японцевъ на этомъ участкѣ также была отбита въ нѣсколько минутъ, при чемъ отхлынувшія части непріятеля понесли большія потери, а орудія 4-й батареи были возвращены въ свои окопы".

„Наступленіе непріятельской пѣхоты на позиціи 24-го В.-С. стр. полка было остановлено огнемъ ротъ 1-го и 2-го батальоновъ, успѣвшихъ уже понести значительныя потери отъ артиллерійскаго огня непріятеля, наносившаго особый вредъ ротамъ 2-го баталіона, окопы котораго не были закончены. Поддержавъ 1-й баталіонъ 9-й ротой и имѣя въ полковомъ резервѣ одну (11-ю) роту, командиръ полка полк. Лечицкій просилъ командующаго дивизіей объ усиленіи его участка и резерва".

„По первымъ признакамъ грозившей правому флангу 3-го Сиб. корпуса опасности, командиръ корпуса приказалъ поддержать участокъ г.-м. Данилова изъ резерва".

„Въ 6 час. утра отъ д. Цофантунь были выдвинуты 2 баталіона 21-го В.-С. стр. полка, а въ 7 час. утра командиръ полка полк. Ласскій получилъ приказаніе отъ г.-м. Данилова прибыть съ 3-мъ баталіономъ въ промежутокъ между позиціями 23-го и 24-го В.-С. стр. полковъ.

---

[1]) В.-И.-К., т. III, ч. 3, стр. 66.

„1-й баталіонъ 21-го В.-С. стр. полка подполк. Некрасова прибылъ весьма своевременно на правый флангъ 23-го В.-С. стр. полка, гдѣ совмѣстно съ 4-й батареей 6-й В.-С. стр. арт. бригады и находившимися здѣсь ротами 23-го стр. полка участвовалъ въ отраженіи трехъ атакъ, веденныхъ японцами на этотъ участокъ“.

„2-й баталіонъ кап. Госѣвскаго прибылъ къ лѣвому флангу 23 полка къ 7 час. 20 мин. утра, гдѣ получилъ приказаніе г.-м. Данилова выдѣлить 5-ю и 7-ю роты на поддержку участка полк. Лечицкаго, а съ 6-ю и 7-ю ротами занять позиціи лѣвѣе 1-го баталіона своего полка“.

„Части 21 стр. полка попали подъ сильный огонь непріятеля, занимавшаго гаолянъ въ 600 - 700 шагахъ отъ нашихъ окоповъ. Черезъ нѣсколько минутъ по занятіи окоповъ выбыли изъ строя командиры 6-й и 7-й ротъ и 30 стрѣлковъ“.

„Въ 7 час. утра изъ состава общаго резерва выступилъ и 3-й баталіонъ 21-го В.-С. стр. полка, съ командиромъ полка полк. Ласскимъ. Баталіонъ прибылъ въ промежутокъ между 23-мъ и 24-мъ В.-С. стр. полками, а непріятельская пѣхота наступала по всему фронту участка и особенно — на окопы этого промежутка. Противникъ продвигался впередъ по кустамъ и гаоляну, поддерживаемый пачечнымъ огнемъ своихъ ротъ, занимавшихъ высокую сопку, очищенную утромъ ротами 3-го баталіона 23-го стр. полка. Тотчасъ полк. Ласскій выслалъ двѣ роты впередъ, въ боевыя части, а двѣ роты оставилъ въ резервѣ“.

„9-я рота, подъ начальствомъ своего командира кап. Марковскаго, тотчасъ заняла впереди лежащую высоту и залпами съ постояннымъ прицѣломъ остановила наступленіе двигавшагося по гаоляну непріятеля. Ставшій на вершинѣ сопки кап. Марковскій былъ вскорѣ раненъ, и въ командованіе ротой вступилъ поруч. Виватовскій“.

„Въ отбитіи атакъ на участокъ 9-й роты принимала участіе и 8-я рота 21-го полка. Командующій ротою шт.-кап. Шульга, стоя на сопкѣ во весь ростъ, разсматривалъ въ бинокль дѣйствія непріятеля, былъ пораженъ вражеской пулей въ голову и упалъ мертвымъ. Роту принялъ прапорщикъ Ежевскій“.

„Кап. Волкобой съ 10- ротой подъ сильнымъ ружейнымъ и трапнельнымъ огнемъ быстро занялъ перевалъ на правомъ флангѣ 24-го стр. полка и своими убійственными дружными залпами остановилъ наступленіе непріятеля на этомъ участкѣ“.

„Какъ нижніе чины, такъ и офицеры 21-го В.-С. стр. полка соперничали въ мужествѣ и храбрости. Офицеры, не щадя своей жизни показывались на позиціяхъ во весь свой ростъ. Командиру полка приходилось принимать мѣры, чтобы его офицеры меньше рисковали. „Именемъ Бога—писалъ онъ кап. Госѣвскому—для дѣла и пользы прошу васъ не выступать и беречь себя“.

„Пошлите приказаніе молодцамъ чудо-богатырямъ, чтобы стрѣляли залпами... Только вы сами, ради Бога, берегитесь, да и офицеровъ берегите. Вы—старшій надъ двумя баталіонами. Привѣтъ моимъ чудо-богатырямъ, спасибо имъ“.

„Командиру 1-го баталіона подполк. Некрасову, о которомъ комардиру полка ошибочно было доложено, что онъ раненъ, полк. Ласскій писалъ: „Боже мой, какъ я счастливъ, что Вы здоровы. Доносите—что у васъ. Спасибо чудо-богатырямъ. Передайте людямъ, чтобы стрѣляли залпами, когда японцы показываются, рѣдко да мѣтко, на 600—400... Богъ въ помощь“.

„21-й В.-С. стр. полкъ прибылъ на растянутыя позиціи сильно уже пострадавшаго 23-го стр. полка весьма своевременно и своимъ поведеніемъ способствовалъ отбитію непріятельскихъ атакъ, веденныхъ на этотъ участокъ. Въ 9 час. 15 мин. утра г.-м. Даниловъ писалъ командиру 3-го Сиб. корпуса: „Патроновъ, патроновъ, патроновъ... Госѣвскій молодецъ. Пришелъ Ласскій—спасъ окончательно. 21-го полка Марковскій раненъ“ [1]).

„Съ утра, по занятіи оставленной нами передовой позиціи, открывъ усиленный ружейный огонь по окопамъ 1-го и 2-го баталіоновъ 24-го В.-С. стр. полка, части правой колонны 10-й японской дивизіи, подъ прикрытіемъ усиленнаго шрапнельнаго огня своихъ четырехъ батарей, стоявшихъ на позиціи къ сѣверо-востоку отъ д. Суйчве, начали наступать на участокъ полк. Лечицкаго, несшаго большія потери и поддержаннаго изъ полкового резерва одною ротою. Дружными и мѣткими залпами стрѣлки 24-го В.-С. стр. полка сильно задерживали наступленіе непріятеля, но ряды защитниковъ таяли, и въ резервѣ оставалась только знаменная рота. Получивъ донесеніе о положеніи дѣлъ въ 24-мъ стр. полку и разрѣшеніе воспользоваться двумя баталіонами 9-го В.-С. стр. полка, находившагося въ корпусномъ резервѣ, около 12 час. дня г.-м. Даниловъ приказалъ одинъ баталіонъ этого полка выслать для поддержки 23-го стр. полка, и одинъ

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 67—69.

баталіонъ—для поддержки 24-го полка. Двѣ роты второго баталіона были направлены на наиболѣе обстрѣливаемый участокъ 24-го полка, гдѣ почти всѣ защитники выбыли уже изъ строя. 5-я и 6-я роты 9-го стр. полка съ мѣста же понесли серьезныя потери: всѣ офицеры выбыли изъ строя, и въ командованіе 5-й ротой вступилъ унтеръ-офицеръ Шепель, а 6-ротой—фельдфебель Иващенко“.

„Линіи непріятельскихъ цѣпей подвигались впередъ къ нашимъ окопамъ и приблизились уже на 400 шаговъ, но дальнѣйшее ихъ наступленіе было остановлено огнемъ стрѣлковъ. Но, тѣмъ не менѣе, къ часу дня положеніе дѣлъ у полк. Лечицкаго сдѣлалось серьезнымъ. Къ этому времени всѣ атаки непріятеля на участокъ 23-го и 21-го В.-С. стр. полковъ были съ успѣхомъ отбиты, и г.-м. Даниловъ доносилъ командиру корпуса: „Здѣсь теперь твердо. Оставляю полк. Ласскаго начальникомъ участка между 23-мъ и 24-мъ полками. Самъ ѣду къ Лечицкому—его правому флангу плохо. Я ему послалъ уже одну роту 9-го полка“.

„Въ 2 часа дня г.-м. Даниловъ прибылъ на участокъ 24-го В.-С. стр. полка, куда къ этому времени начали прибывать: 1-й баталіонъ 18-го В.-С. стр. полка подполк. Симонсона, 4-й баталіонъ 283 пѣх. Бугульминскаго полка подполк. Блезе, а также и двѣ роты 10-го В.-С. стр. полка. Съ этими подкрѣпленіями, понесшими въ теченіе боя также серьезныя потери, 24-й В.-С. стр. полкъ отбилъ всѣ атаки непріятеля, который несъ большія потери и въ теченіе дня былъ подкрѣпленъ 39-мъ рез. полкомъ и двумя ротами 20-го пѣх. полка, но, тѣмъ не менѣе, не только былъ отброшенъ, но вынужденъ былъ отойти и очистить высоту, занятую утромъ. Духъ нашихъ войскъ былъ бодрый. Въ 3 часа 55 мин. дня г.-м. Даниловъ доносилъ командиру корпуса: „Передовая сопка японцами очищена. На лѣвомъ флангѣ (1-го и 2-го баталіоновъ 24-го полка) безчисленныя атаки отбиты. Убыль огромная, но бодрость тоже огромная, всѣ убѣждены, что ни за что не отступимъ, потеряли всякую вѣру въ храбрость японцевъ, жалѣемъ только, что мало у насъ орудій. Ночью необходимо усилить и углубить окопы. Всѣмъ на позиціи читаю телеграмму генерала Куропаткина. Всѣ кричатъ „ура“. „Кричу и я“.

„Дѣйствительно, послѣ уничтоженія 3-й батареи 6-й В.-С. стр. арт. бригады, на участкѣ г.-м. Данилова оставались всего 10 ор. дѣйствовавшихъ, главнымъ образомъ, по насѣдавшимъ частямъ непріятельской пѣхоты. Батареи подполк. Криштафовича

были слишкомъ отодвинуты за флангъ и не могли дѣйствовать по всѣмъ батареямъ непріятеля, обстрѣливавшимъ позицію 3-го корпуса съ юга; съ этими послѣдними батареями въ теченіе цѣлаго дня боролись 2-я и 4-я батареи 3-й В.-С. стр. арт. бригады, стоявшія въ окопахъ позади позицій 12-го В.-С. стр. полка, и 1-я и 2-я батареи 9-й арт. бригады 10-го корпуса, стоявшія, подъ командою полк. Слюсаренко позади позицій 11-го В.-С. стр. полка".

„Батареи подполк. Криштафовича нѣсколько разъ открывали огонь по непріятельской артиллеріи, стоявшей у д.д. Сандяцзы и Шихуэцзы, а также въ направленіи по д.д. Цоуйдягоу и Уйдягоу. Когда же части лѣвой колонны 10-й японской дивизіи продвинулись впередъ къ д. Уйдягоу, скрываясь въ растущемъ въ долинѣ гаолянѣ, и пытались атаковать правый флангъ Цофантуньскихъ позицій, то батареи подполк. Криштафовича усиленнымъ шрапнельнымъ огнемъ содѣйствовали отбитію атакъ японцевъ на участокъ г.-м. Данилова и совмѣстно съ двумя лѣвофланговыми батареями 1-го Сиб. арм. корпуса, перенесшими свой огонь на долину Сандяцзы—Уйдягоу, и двумя конно-горными батареями, бывшими при 2-мъ Читинскомъ каз. полку заставили японцевъ отойти обратно и очистить долину. Такимъ образомъ, была устранена опасность, грозившая промежутку между позиціями 1-го и 3-го Сибирскихъ корпусовъ" [1]).

На лѣвомъ флангѣ 3 сибирскаго корпуса, на участкѣ г.-м. Кашталинскаго бой разыгрался такъ.

„Не доходя 1.800—2.200 шаговъ до нашихъ окоповъ, 2-й гвардейскій японскій полкъ открылъ ружейный огонь и далѣе не двигался; 1-й гвардейскій полкъ, наступавшій правѣе 2-го, также не двинулся дальше, и, такимъ образомъ, первая бригада японской гвардіи не выполнила возложенной на нее задачи, ожидая результата дѣйствія своей артиллеріи, подготовлявшей атаку пѣхоты, но такъ какъ въ теченіе всего дня японская гвардейская артиллерія не могла подавить огня нашихъ батарей, то атака 1-й батареи откладывалась съ часа на часъ и, въ концѣ концовъ, не состоялась. Несмотря на то, что бой въ 1-й гвардейской

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 69—71.

бригадѣ не былъ доведенъ до атаки, нѣкоторыя ея части понесли большія потери“ [1]).

„Сосредоточивъ свой огонь на окопахъ лѣваго участка 3-го Сиб. корпуса, эта японская батарея ко времени начала наступленія своей пѣхоты совершенно срыла окопы ротъ 11-го В.-С. стр. полка. Но тѣмъ не менѣе, 11-й стр. полкъ, поддержанный, двумя ротами 36-го Орловскаго, а затѣмъ 2-мъ баталіономъ 35-го Брянскаго полковъ, осыпалъ пулями непріятельскія части наступавшія отъ д. Сюйдягоу. Уже въ 9 час. утра съ позиціи 11-го В.-С. стр. полка наблюдались небольшія колонны непріятельской пѣхоты, силою около взвода, спускающіяся съ горъ въ долину около д. Сюйдягоу, при чемъ когда предыдущая колонна скрывалась внизу, въ складкахъ мѣстности, наверху появлялась слѣдующая колонна. Такимъ образомъ приближались къ нашимъ позиціямъ части 3-го гвардейскаго и 29-го резервнаго полковъ“.

„Около 3 час. дня на лѣвомъ участкѣ 11-го В.-С. стр. полка положеніе дѣлъ сдѣлалось весьма серьезнымъ: командиръ 6-й роты шт.-кап. Антоновичъ былъ смертельно раненъ, 6-я, 11-я и взводъ 9-й роты, лишенные своихъ окоповъ, разрушенныхъ непріятельской артиллеріей, вынуждены были оставить свои позиціи и начали отходить. Видя, что роты лѣваго фланга изнемогаютъ въ неравной борьбѣ и держатся только благодаря выдающейся храбрости и энергіи подполк. Дорохина и его ротныхъ командировъ, командующій полкомъ подполк. Яблочкинъ послалъ полкового адъютанта къ командиру бригады съ просьбою о распоряженіи перенести огонь одной изъ нашихъ батарей на японскую батарею, безнаказанно обстрѣливавшую позиціи 11-го стр. полка. Къ этому времени большая часть офицеровъ 6-й, 9-й, 10-й и 11-й ротъ выбыла изъ строя, командиръ 11-й роты шт.-кап. Александровъ палъ сраженный пулею въ голову, линія непріятельской пѣхоты была уже въ 400 шагахъ отъ нашихъ цѣпей, передовыя ея звенья два раза занимали оставленный нами окопъ 6-й роты, но, вслѣдствіе огромныхъ потерь, должны были уходить изъ него, оставляя груды тѣлъ. Около 4 час. дня полковой адъютантъ поруч. Баленъ-де-Баллю привелъ въ лощину, тянувшуюся между центральнымъ и лѣвымъ участками полка, батарею, послѣ огня которой по японской батареѣ ея огонь сталъ ослабѣвать, а пѣхота непріятеля, осыпаемая шрапнелью,

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 72.

должна была начать отходить. Такимъ образомъ, 11-й В.-С. стр. полкъ отстоялъ свои позиціи, и въ 7 час. вечера было обнаружено отступленіе непріятельской пѣхоты, которое совершалось подъ прикрытіемъ рѣдкихъ цѣпей".

„Къ 5 час. дня на фронтѣ Цофаньтуньскихъ позицій всѣ атаки непріятеля были отбиты, ружейный огонь началъ затихать, японскія батареи ослабили огонь и къ 6 час. вечера замолкли. Всѣ части войскъ 3-го Сиб. корпуса выказали въ теченіе дня примѣрную доблесть. Вечеромъ этого дня г.-м. Даниловъ доносилъ, между прочимъ, командиру корпуса: „Всѣми частями очень доволенъ. Вѣчная память убитымъ. Живымъ—слава. Солдаты—герои. Офицеры исполнили долгъ присяги. Ни одного замѣчанія не могу сдѣлать".

„Наши батареи продолжали до 8 час. вечера обстрѣливать рѣдкимъ огнемъ участки мѣстности, гдѣ находились японскія батареи и предполагалось присутствіе непріятельской пѣхоты".

„Вечеромъ, когда выяснилось, что всѣ атаки японцевъ отбиты и новыхъ, повидимому, не предвидится, командиръ корпуса приказалъ собрать въ общій резервъ всѣ части, израсходованныя изъ него въ теченіе дневного боя, за исключеніемъ 21-го В.-С. стр. полка, оставленнаго на позиціяхъ съ 23-мъ полкомъ.

„Оставшіяся на позиціяхъ войска продолжали занимать свои окопы, углубляя ихъ и приводя въ порядокъ. Впередъ спустились роты, назначенныя въ сторожевое охраненіе, вытянувшееся впереди своихъ позицій на 400—700 шаговъ. Охотники 23-го и 18-го В.-С. стр. полковъ были высланы впередъ подобрать съ передовой сопки оставленныхъ тамъ 3-мъ баталіономъ 23-го стр. полка раненыхъ" [1]).

10-й Сибирскій корпусъ, сомкнувъ свои позиціи съ сосѣдями (3 Сиб. корп.), также подвергся кровавому боевому испытанію. „Три баталіона японцевъ, двинувшись изъ д. Сюйдягоу, обрушились на правофланговыя роты 1-го баталіона 34 пѣх. Сѣвскаго полка, занимавшаго передовые окопы на гребнѣ, тянувшемся къ юго-западу отъ д. Мындяфанъ, и 9-й и 11-й ротамъ 3-го гвардейскаго полка удалось овладѣть окопами 2-й роты Сѣвцевъ, но дальше онѣ продвинуться не могли. Тѣмъ временемъ 1-й баталіонъ Сѣвскаго полка былъ поддержанъ 4-мъ бата-

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 73—74.

ліономъ своего полка, вслѣдъ за которымъ прибыли 2-й баталіонъ 124-го пѣх. Воронежскаго и 1-й баталіонъ 122-го пѣх. Тамбовскаго полковъ".

„Кромѣ того, стоявшая въ тыловомъ окопѣ у д. Кавлицунъ 6-я батарея 9-й арт. бригады получила приказаніе выдвинуться впередъ въ ущелье и поддержать своимъ огнемъ боевыя части Сѣвцевъ. По прибытіи въ ущелье, въ виду тѣсноты мѣстности, три взвода были возвращены обратно въ свои окопы, а взводъ шт.-кап. Исаева, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по непріятелю, получилъ приказаніе возвратиться къ д. Кавлицунъ".

„Вступленіе Тамбовцевъ на поддержку Сѣвцевъ совпало съ объявленіемъ имъ извѣстія объ успѣшномъ отбитіи нашими войсками штурма на Портъ-Артуръ. Баталіонъ двинулся впередъ съ большимъ воодушевленіемъ и своевременно успѣлъ поддержать бывшихъ на передовой позиціи Сѣвцевъ. Брянцы же, посланные на поддержку Орловцевъ, въ 3 часа 35 мин. дня, поднимаясь по склону сопки 148, попали въ полосу попаданія лидитныхъ снарядовъ и начали отходить обратно. Командующій дивизіей г.-м. Гершельманъ приказалъ возвратить ихъ обратно— впередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ командира корпуса поддержать Орловцевъ другою частью" [1]).

Наступившая ночь не принесла переутомленнымъ бойцамъ отдыха и спокойствія. Не достигнувъ никакихъ результатовъ днемъ, японцы продолжали яростныя атаки ночью, но и тутъ наши войска удержались на своихъ мѣстахъ.

„18 августа всѣ усилія японцевъ были направлены къ тому, чтобы сбить съ Маѣтуньскихъ позицій, засыпавшихся въ теченіе цѣлаго дня градомъ артиллерійскихъ снарядовъ, войска 1-го Сиб. арм. корпуса, противъ котораго уже съ ночи развернулось 52 баталіона непріятельской пѣхоты" [2]).

„Какъ только начало свѣтать, всѣ японскія батареи, вытянувшіяся по дугѣ Яньцзячжуанъ—Тучайцзы—Попуцзы—Сяузятай, открыли огонь, осыпая снарядами высоту 99, д. Шоушаньпу и Двугорбую сопку. Цѣпи японской пѣхоты, хотя и отбитыя нами при ночныхъ атакахъ, но не вышедшія изъ сферы дѣйствительнаго ружейнаго огня, охватили полудугою позиціи 1-го

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 76—77.
[2]) Тамъ же, стр. 94.

В.-С. корпуса отъ д. Дава до д. Хоугэхэцзы и осыпали перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ всѣ участки позицій корпуса. Вся мѣстность между д.д. Маѣтунь—Синьлитунь и Фенцзятунь—Шоушаньпу—Гудзяцзы обстрѣливалась артиллерійскимъ, а частью и ружейнымъ огнемъ съ запада, юго-запада и юга. Въ тылу позицій не было люнета, гдѣ бы можно было укрыто расположить резервы, которые уже съ утра все время мѣняли свое мѣстоположеніе, но, наконецъ, послѣ полудня продолжать переводить резервы больше не приходилось, такъ какъ трудно было найти необстрѣливаемое пространство: непріятель осыпалъ снарядами всю мѣстность, нащупывая мѣста расположенія нашихъ батарей и поддержекъ, которыя несли потери, находясь даже въ раіонѣ корпуснаго резерва".

„Около 11 час. утра командиръ 1-го Сиб. корпуса г.-л. бар. Штакельбергъ былъ контуженъ, но командованія корпусомъ не сдалъ, а остался на своемъ посту" [1]).

„По мѣрѣ того, какъ японцы вливали свѣжія части въ свои боевыя линіи и все глубже обходили правый флангъ 1-го Сиб. корпуса, а наши окопы разрушались массою рвавшихся въ нихъ непріятельскихъ снарядовъ, и потери росли съ каждымъ часомъ, положеніе корпуса дѣлалось все тяжелѣе и тяжелѣе"...

„Около 6 час. утра густыя цѣпи 45-го и 13-го пѣх. полковъ бросились на отдѣльный окопъ, бывшій впереди д. Маѣтунь къ западу отъ желѣзной дороги, и окружили его съ трехъ сторонъ" [2]).

„Положеніе совершенно изолированнаго отъ остальныхъ войскъ и уже порѣдѣвшаго отряда шт.-ротм. Виторскаго было очень тяжелое, но въ эту минуту на выручку пограничной стражи подоспѣли двѣ полуроты 1-й и 8-й ротъ 1-го В.-С. стр. Е. В. полка, занявшія насыпь желѣзной дороги; дружными залпами пограничной стражи и стрѣлковъ японцы вновь были отброшены въ заросли гаоляна. Но черезъ нѣкоторое время они вновь кинулись на окопъ занятый остатками пограничной стражи, встрѣтившей ихъ залпами. Послѣ недолгой рукопашной схватки подавляющее число непріятеля одержало верхъ. Шт.-ротм. Бѣляевъ, Севастицкій, Кузьминъ и поруч. Ивановъ были убиты, а шт.-ротм. Виторскій раненъ. Нижнихъ чиновъ оставалось меньше поло-

---

1) В.-И К., т. III, ч. 3, стр. 94.
2) Тамъ же, стр. 95.

вины и небольшая ихъ горсть, пробиваясь штыками, отошли къ д. Маѣтунь. При этомъ рядовые Абдулъ Галимовъ, Крыжановскій и Потапенко, рискуя своею жизнью, вынесли изъ боя находившагося въ безсознательномъ состояніи своего ротнаго командира шт.-ротм. Виторскаго".

„Подготовляя, повидимому, новыя атаки, около 9 час. утра японцы усилили артиллерійскій огонь по участку полк. Леша, причемъ обстрѣливанію подверглись не только наши окопы, но и окопы занятые японскими цѣпями передъ фронтомъ нашихъ позицій, а также и поля гаоляна, гдѣ находилась ихъ пѣхота. Японцы, обстрѣливаемые одновременно и съ фронта, изъ нашихъ окоповъ, и съ тыла—своей артиллеріей, должны были оставить занятыя ими позиціи и быстро отойти изъ сферы огня, наносившаго имъ большія потери" [1]).

„Несмотря на большія потери и неудачи, постигшія полки 3-й японской дивизіи въ ихъ ночныхъ атакахъ, начальникъ дивизіи г.-л. Ошима рѣшилъ вновь атаковать наши позиціи. Объ этомъ онъ донесъ командующему 2-й арміей, который приказалъ всей своей артиллеріи, въ томъ числѣ и тяжелой, начиная съ 10 час. 15 мин. утра, начать подготовку атаки усиленнымъ обстрѣливаніемъ высотъ, лежащихъ къ сѣверо-востоку отъ д.Сяоянсы и занятыхъ войсками г.-м. Краузе: 34-мъ и 35-мъ В.-С. стр. полками. Послѣ 10 час. утра свыше двухсотъ японскихъ орудій обрушились на позиціи г.-м. Краузе, подготовляя новую атаку своимъ 33-му и 6-му пѣх. полкамъ. Въ короткій промежутокъ времени окопы 3-го баталіона 34-го В.-С. стр. полка были сильно повреждены, окопы 5-й роты 34-го полка кап. Горбунцова и 11-й роты 35-го полка кап. Соболева—почти совершенно разрушены, но эти доблестныя части держались на своихъ позиціяхъ. Въ теченіе получаса огонь непріятельской артиллеріи дѣлался все ожесточеннѣе, на нашей позиціи не было квадратной сажени, на которую не падали бы шрапнели или шимозы. Надъ нашими окопами, почти на половину разрушенными и потерявшими свою форму, стояло сплошное облако удушливаго дыма и пыли, поднятой шимозами. Подъ прикрытіемъ этого страшнаго артиллерійскаго огня, массы японской пѣхоты двинулись въ атаку, осыпая защитниковъ градомъ пуль. То двинулись полки 3-й японской дивизіи, смѣшавшіеся съ 21-мъ пѣх. полкомъ (5-й дивизіи),

[1]) В. И.-К., т. III, ч.3 стр. 96.

направляя свой ударъ на позицію 3-го, 34-го и 35-го В.-С. стр. полковъ. Сильно пострадавшіе на разсвѣтѣ 18-й и 34-й японскіе полки были отбиты стрѣлками полк. Земляницына поддержаннаго двумя баталіонами 2-го В.-С. стр. полка. На правомъ флангѣ участка г.-м. Краузе японцы бросились на роты 2-го баталіона 34-го В.-С. и 11-ю и 12-ю роты 35-го В.-С. стр. полковъ, встрѣтившія непріятеля залповымъ огнемъ съ постояннымъ прицѣломъ. Въ эту тяжелую минуту командиръ 2-го баталіона доносилъ командиру 34-го В.-С. стр. полка: „Пришлите резервъ, иначе за послѣдствія не ручаюсь". Командующій полкомъ подполк. Мусхеловъ отвѣтилъ: „Резервовъ нѣтъ, если не ручаетесь, пришлю другого командира баталіона. Командиръ бригады недоволенъ вашими дѣйствіями". Резервовъ больше не было, но и командира баталіона снимать не пришлось—доблестныя роты своимъ мѣткимъ огнемъ отбили атакующаго".

„Иначе обстояло дѣло на лѣвомъ флангѣ, на участкѣ 3-го баталіона. Прикрываясь каменистымъ кряжемъ и прилегающими къ нему холмами, 33-й и 6-й японскіе полки, окруживъ окопы 3-го баталіона и занявъ линію вырытыхъ впереди нашихъ окоповъ лежащихъ волчьихъ ямъ, открыли по защитникамъ самый губительный пачечный огонь, въ то же время и японская артиллерія усилила свой огонь по этому флангу; каждый снарядъ падалъ въ окопъ, разрушая брустверъ, поражая людей. Скоро наши окопы были совершенно срыты, всѣ офицеры 3-го баталіона, кромѣ баталіоннаго адъютанта подпоруч. Бронникова, были убиты или ранены, 9-я и 10-я роты 35-го В.-С. стр. полка были почти истреблены, и наши крайніе окопы опустѣли".

„Въ эту критическую минуту, по иниціативѣ командира 1-го баталіона 34-го В.-С. стр. полка подполк. Знамеровскаго, была произведена контръ-атака, причемъ двѣ роты 34-го В.-С. стр. полка были двинуты впередъ—на поддержку лѣваго фланга 3-го бат-а, а бывшія по сосѣдству съ 1-мъ бат-мъ 34-го стр. полка три роты 35-го В.-С. стр. полка, подъ командой подполк. Подымова, двинулись по гаоляну влѣво—въ промежутокъ между позиціями 34-го и 33-го В.-С. стр. полковъ. Контръ-атака эта не удалась, и перешедшіе въ наступленіе пять ротъ нашихъ стрѣлковъ были отброшены съ большими потерями. Подполк. Знамеровскій, первымъ бросившійся на врага съ крикомъ: „впередъ, ребята, впередъ!" тотчасъ палъ, сраженный нѣсколькими пулями. Одновременно выбыли изъ строя всѣ офицеры и значительное

число нижнихъ чиновъ, и остатки двухъ ротъ 34-го В.-С. стр. полка были отброшены назадъ. Наступавшія лѣвѣе ихъ роты 35-го В.-С. стр. полка точно также лишились своихъ офицеровъ, безъ которыхъ утеряли въ гаолянѣ связь и направленіе и были отброшены сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля".

„Между тѣмъ командиръ 3-го баталіона 34-го В.-С. стр. полка подполк. Козицкій, видя сплошное истребленіе своего лишившагося уже всѣхъ офицеровъ баталіона и подвигавшуюся, многотысячную массу непріятеля, приказалъ взять лежавшихъ здѣсь раненыхъ и отойти за слѣдующій гребень".

Такъ „были оставлены окопы 3-го баталіона 34-го стр. полка и 33-й японскій полкъ, видя очищеніе нашихъ окоповъ, кинулся впередъ и съ криками „банзай" овладѣлъ ими. Лѣвѣе его 6-й японскій полкъ вышелъ изъ мертваго пространства, гдѣ онъ лежалъ съ утра, и тоже кинулся въ опустѣвшіе окопы".

„Приказаніе объ отходѣ не дошло до командира 11-й роты 34-го В.-С. стр. полка шт.-кап. Самойлова, который, будучи уже съ утра раненъ въ ногу и въ челюсть, не покидая своего поста, не покинулъ своей роты, остатки которой, въ числѣ около 20 человѣкъ, оставались въ своихъ окопахъ не зная, что окружены непріятелемъ. Увидя себя отрѣзаннымъ, шт.-кап. Самойловъ приказалъ своимъ стрѣлкамъ идти за нимъ—ударить на непріятеля въ штыки, и 20 русскихъ стрѣлковъ, имѣя впереди себя своего дважды раненаго офицера, пошли въ штыки на сотенныя массы врага".

„Шт.-кап. Самойловъ первымъ выскочилъ изъ окопа и бросился впередъ съ револьверомъ въ одной рукѣ и съ камнемъ въ другой, стрѣлки кинулись за нимъ, тотчасъ шт.-кап. Самойловъ упалъ, потомъ схватился, поднялся, выхватилъ шашку и опять упалъ и мертвымъ покатился въ окопъ. Японцы, не ожидавшіе присутствія въ окопахъ нашихъ стрѣлковъ, лежали за брустверомъ окопа 12-й роты и стрѣляли по отходившимъ за гребень остаткамъ 3-го баталіона 34-го В.-С. стр. полка, поэтому, когда противъ нихъ вышла горсть нашихъ солдатъ, сначала крайніе попятились, но волна подошедшей пѣхоты поглотила кучку нашихъ храбрецовъ, изъ которыхъ остались случайно въ живыхъ и были взяты въ плѣнъ унтеръ-офицеры Иванъ Бычекъ и Тимофей Сосинъ.

„33-й японскій полкъ овладѣлъ лѣвымъ флангомъ участка г.-м. Краузе и началъ обстрѣливать фланговымъ огнемъ тылъ

остальныхъ участковъ позиціи. Минута была критическая: резервы были израсходованы, возможно было ожидать дальнѣйшаго движенія врага въ этомъ направленіи, и опасность угрожала всему корпусу“ [1]).

Въ результатѣ, въ двухдневныхъ бояхъ (17 и 18 авг.) на Ляоянскихъ передовыхъ позиціяхъ „русская армія потеряла убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти всего 6.329 нижн. чиновъ, а японскія арміи убитыми и ранеными 11.899 человѣкъ, и къ 19 августа соотношеніе силъ значительно измѣнилось въ нашу пользу, такъ какъ потери японцевъ превосходили наши на 5.570 бойцовъ, а мы, кромѣ того, получили въ составъ арміи вновь прибывшій изъ Россіи 85-й пѣх. Выборгскій полкъ, вошедшій въ составъ войскъ общаго резерва“.

„Расходъ пушечныхъ и ружейныхъ патроновъ съ обѣихъ сторонъ былъ огромный. Къ началу Ляоянскаго сраженія сверхъ запасовъ, имѣвшихся на людяхъ, батареяхъ и въ паркахъ, въ складѣ на ст. Ляоянъ было до 100.000 пушечныхъ патроновъ, а 18 августа ихъ оставалось 24.000. Поэтому уже 18 августа въ 1 часъ 25 мин. дня инспекторъ артиллеріи арміи предупреждалъ командировъ корпусовъ о бережливомъ расходованіи артиллеріей пушечныхъ патроновъ и немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ ихъ доставкѣ изъ Харбина, откуда 19 августа было выслано 16 вагоновъ, нагруженныхъ пушечными патронами“ [2]).

„Въ то время, какъ шла борьба на передовыхъ позиціяхъ, „маршалъ бар. Куроки рѣшилъ безотлагательно перейти на правый берегъ р. Тайцзыхэ, имѣя, очевидно, намѣреніе отрѣзать нашу ввязавшуюся въ бой армію отъ ея сообщеній или, оказавъ на насъ давленіе съ фланга, ускорить наше отступленіе“ [3]).

„Противъ трехъ бригадъ арміи генерала бар. Куроки, переправившихся на правый берегъ р. Тайцзыхэ на позиціяхъ лѣваго фланга 17-го арм. корпуса, имѣвшихъ по фронту 3½ версты, расположились 5½ бат. и 40 ор., имѣя въ резервахъ 7 бат., 64 ор. и 6½ эск. и сот. Правый флангъ этого отряда обезпечивался непроходимымъ въ бродъ участкомъ р. Тайцзыхэ и отрядомъ г.-м. Янжула, лѣвый флангъ—отрядомъ г.-м. кн. Орбеліани,

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 98—101.

[2]) Тамъ же, стр. 118.

[3]) Тамъ же, стр. 119.

находившимся къ концу дня уступомъ на 2 версты позади обезпечиваемаго имъ фланга“ [1]).

„До полудня на позиціяхъ 17-го арм. корпуса было спокойно. Къ полудню три японскія бригады заняли раіонъ д.д. Фаншэнъ—Сандогоу—Квантунъ. Разъѣзды противника начали появляться на дорогахъ, ведущихъ отъ этого раіона на сѣверъ, къ каменноугольнымъ копямъ“ [2]).

Съ вечера 18 августа началось постепенное стягиваніе къ своимъ участкамъ войскъ, назначенныхъ для обороны главныхъ Ляоянскихъ позицій. Японцы завладѣли оставленными нами позиціями и начали бомбардировку укрѣпленнаго раіона, направляя огонь главнымъ образомъ на жел.-дорожн. станцію, гдѣ шла спѣшная эвакуація раненыхъ и вывозъ желѣзнодорожнаго имущества.

„Въ теченіе ночи на 20-е августа, части японской пѣхоты развернулись передъ лѣвымъ флангомъ позиціи 4-го Сиб. корпуса. Открывъ сильный ружейный огонь, онѣ атаковали редутъ Д и ближайшіе къ нему окопы. Встрѣченные дружными залпами занимавшей редутъ 2-ю ротою 8-го пѣх. сиб. Томскаго полка подъ командою поруч. Жукова, японцы отхлынули въ заросли гаоляна, но затѣмъ, около 4½ час. ночи усилившись до полка пѣхоты, вновь перешли въ наступленіе отъ д. Доуцзягцуанцзы и опять атаковали тѣ же окопы, но, понеся значительныя потери и не доходя 150 шаговъ до редута Д, вновь были отброшены огнемъ Томцевъ и, отойдя на 400 шаговъ, заняли китайское кладбище, гдѣ начали окапываться. Въ это же время наступавшія лѣвѣе этой колонны передовыя части 4-й японской дивизіи въ теченіе ночи потѣснили наши охотничьи команды, бывшія на развѣдкахъ впереди западнаго фронта, а въ 4½ часа ночи пытались атаковать редутъ Е, но и здѣсь были отбиты выдержанными залпами Томцевъ“.

„Передъ южнымъ фронтомъ японцы въ теченіе ночи высылали отдѣльныя развѣдывательныя партіи, которыя приближались иногда довольно близко къ нашимъ окопамъ, поддерживая при этомъ то усиливавшійся, то ослабѣвавшій огонь, на который наши войска отвѣчали залпами. Болѣе энергично японцы подбирались къ форту № 3, передъ которымъ нами была взо-

---

[1]) В.-И. К., т. Ш, ч. 3, стр. 123.

[2]) Тамъ же, стр. 124.

рвана часть фугасовъ, послѣ чего новыхъ попытокъ овладѣть этимъ укрѣпленіемъ до самаго утра проявлено не было".

„Передъ участкомъ 20-го В.-С. стр. полка непріятелю удалось незамѣтно сосредоточиться, въ сравнительно значительныхъ силахъ, въ 600 шагахъ отъ нашихъ окоповъ. Но здѣсь японцы были обнаружены нашими секретами и дружными и выдержанными залпами изъ редута В и ближайшихъ окоповъ они были отбиты съ большимъ урономъ" [1]).

---

20 августа началось наступленіе японцевъ, и закипѣлъ бой въ Ляоянскомъ укрѣпленномъ раіонѣ, гдѣ, въ качествѣ гарнизона, въ распоряженіи ген. Зарубаева оставалось 56 бат., 128 орудій и 10 сотенъ. Изъ нихъ 14 бат., 16 ор. и 2 сотни пришлось выдѣлить для демонстративнаго наступленія, предписаннаго Куропаткинымъ.

„Въ седьмомъ часу утра японцы перешли въ наступленіе въ направленіи на фортъ № 3, засыпавъ его предварительно артиллерійскими снарядами въ такомъ количествѣ, что на правомъ фасѣ не было мѣста, гдѣ бы не падали снаряды; всѣ лошади, стоявшія здѣсь за траверсомъ, были убиты, и защитниковъ пришлось убрать съ этого фаса; окопы 3-й батареи 5-й В.-С. стр. арт. бригады засыпались градомъ свинца. Особымъ геройствомъ отличалась оборонявшая находившійся здѣсь окопъ полурота 11-й роты 19-го В.-С. стр. полка, подъ командою пор. Архипова, который, несмотря на столь адскій огонь, стоялъ во весь ростъ, наблюдая въ бинокль за непріятелемъ, и былъ сраженъ пулей въ високъ".

„Артиллерійскій огонь, открытый японцами, по позиціямъ 5-й В.-С. стр. дивизіи, въ $9^1/_2$ час. утра нѣсколько притихъ съ тѣмъ, чтобы возобновиться въ $2^1/_2$ часа дня, но при этомъ было замѣчено, что огонь противника былъ крайне безпорядоченъ".

„Нѣсколько разъ предпринимавшееся наступленіе противъ позицій 5-й В.-С. стр. дивизіи оканчивалось неудачами; атаки веденныя ими на наши укрѣпленія, отбивались дружными залпами стрѣлковъ, и когда оставшіеся въ живыхъ японцы послѣ атаки принуждены были отходить, наши волчьи ямы оказались наполненными тѣлами ихъ храбрецовъ и ранеными".

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 148—149.

„Тамбовскій полкъ съ 3-й батареей 31-й арт. бригады были цѣлый день подъ ружейнымъ огнемъ японскихъ стрѣлковъ, занявшихъ съ ночи окопъ, вырытый ими въ 300 шагахъ отъ форта № 2“ [1]).

Къ вечеру 20 августа стала стихать ружейная перестрѣлка, а также стихла и артиллерійская канонада.

„Но въ 10-мъ часу вечера японцы вновь открыли усиленный артиллерійскій огонь по линіи нашихъ укрѣпленій отъ форта № 5 до форта № 1“.

„Около 10 час. вечера передъ фронтомъ Воронежскаго полка взвилась японская ракета, и, подъ прикрытіемъ усиленнаго ружейнаго огня, японская пѣхота пошла въ наступленіе на всемъ протяженіи отъ линіи жел. дороги до р. Тайцзыхэ. 10-я японская дивизія пошла въ атаку на фортъ № 2 и д. Юйхуанмяо, 5-я дивизія—на фортъ № 3, 3-я дивизія—на фортъ № 4 и 4-я дивизія на редутъ Д“.

„Ранѣе всего наступленіе японцевъ было обнаружено передъ лѣвымъ флангомъ участка г.-л. Засулича, но наступленіе это было остановлено дружными залпами Воронежцевъ на дистанціи отъ 800 до 1.000 шаговъ, огнемъ Тамбовцевъ и трехъ батарей 31-й арт. бригады. Усиленный огонь продолжался около четверти часа, и къ 11 часамъ вечера здѣсь наступила тишина. На позиціи были подвезены кухни, и былъ розданъ обѣдъ какъ нижнимъ чинамъ, такъ и офицерамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ были подвезены нѣкоторые продукты изъ офицерскихъ лавочекъ, въ томъ числѣ чай и сахаръ, что доставило немалое удовольствіе утомленнымъ бойцамъ“.

„Около полуночи началась атака нашихъ укрѣпленій отъ форта № 3 до линіи жел. дороги. Почти на всѣхъ участкахъ позицій залповый огонь обороняющагося не подпустилъ непріятеля ближе 400 шаговъ и только на участкѣ форта № 3 непріятель дошелъ до форта и сосѣднихъ съ нимъ окоповъ, обходя фортъ съ обоихъ фланговъ“.

„Около 12½ час. ночи правѣе форта № 3 впереди нашихъ окоповъ послышалось мяуканье кошекъ; то наши секреты давали знать о приближеніи непріятеля; затѣмъ въ ночной тишинѣ въ цѣпи дозоровъ раздались три выстрѣла, и тотчасъ безшумно наступавшіе японцы открыли несмолкаемый огонь по форту № 3

[1]) В.-Ист. К., т. III, ч. 3, стр. 157.

и окопамъ, находившимся по обѣимъ сторонамъ форта. Наши стрѣлки отвѣчали выдержанными залпами, ожидая штурма, но по прошествіи 20 минутъ, огонь затихъ, и японцы, понеся, видимо, большія потери, отошли, а около 2 час. ночи атаковали окопы, бывшіе впереди 3-й батареи 5-й В.-С. стр. бригады, но и здѣсь были отбиты; наступила тишина, и утомленные боемъ стрѣлки, чтобы отдохнуть, разошлись по блиндажамъ“ [1]).

„За ночь на 21 августа японцы продвинули всю артиллерію 4-й дивизіи; 14-й арт. полкъ былъ установленъ въ 1.000 саженяхъ отъ форта № 4, точно такъ же была продвинута впередъ и вся артиллерія 4-й арміи, и 342 японскихъ орудія (216 полевыхъ, 72 горныхъ, 48 тяжелыхъ, 6 конныхъ), охватившія полукругомъ съ юга и юго-запада линію нашихъ укрѣпленій отъ р. Тайцзыхэ до форта № 6, сосредоточили свой огонь по позиціямъ г.-л. Засулича и г.-м. Огановскаго, имѣвшимъ всего 82 орудія“.

„Горныя батареи 10-й дивизіи засыпали шрапнелями всю площадь вокругъ форта № 1. Не было здѣсь мѣста, куда бы не падали снаряды. Проведенные въ Воронежскій полкъ телефонные провода были порваны снарядами одновременно въ трехъ мѣстахъ, и телефонъ пришлось замѣнить пѣшими охотниками Воронежскаго полка“.

„Вслѣдъ за артиллерійскимъ огнемъ завязалась и ружейная перестрѣлка. Противъ южнаго фронта, между р. Тайцзыхэ и линіей желѣзной дороги, находились части японской пѣхоты, силою отъ 3 до 4 дивизій. Съ ранняго утра онѣ начали группироваться для атаки нашихъ укрѣпленій. Главный ударъ подготовлялся на позиціи 5-й В.-С. стр. дивизіи г.-м. Алексѣева, противъ котораго развернулось до двухъ японскихъ дивизій“.

„Съ утра этого дня въ нашихъ фортахъ и окопахъ начали вновь, какъ и 17 августа, раздаваться воодушевленные крики „ура“: нашимъ войскамъ сообщались телеграммы о побѣдѣ одержанной г.-ад. Куропаткинымъ надъ арміей Куроки“.

„Радостная вѣсть вызвала значительный подъемъ во всѣхъ войскахъ, стойко оборонявшихъ довѣренные имъ форты и укрѣпленія Ляояна. Впечатлѣніе, произведенное телефонограммою г.-л. Зарубаева, ярко высказывается въ телефонограммѣ, которую послалъ командиру 4-го Спб. корпуса и генераламъ Левестаму и Огановскому комендантъ форта № 5, командующій 2-мъ бата-

---

[1]) В.-Ист. К., т. III, ч. 3, стр. 160—161.

ліономъ Томскаго полка кап. Селянцевъ, который писалъ: „Ваше Превосходительство, не выдержало ретивое командирское сердце. Спѣшу отъ лица всего гарнизона форта № 5 поздравить Васъ съ великою и дорогою радостью побѣды, сообщенною генераломъ Зарубаевымъ. Отъ полноты сердца кричимъ: „ура, ура, ура".

„Подъемъ духа былъ необыкновенный, но не успѣли еще замолкнуть послѣдніе звуки могучаго „ура",—говорится въ журналѣ военныхъ дѣйствій штаба 3-й Сиб. пѣх. дивизіи,—какъ генералъ Коссовичъ и кап. Михаэллисъ были вызваны къ генералу Левестаму въ д. Ваяоцзы, гдѣ и получили сообщеніе о предстоящемъ на сегодня отходѣ отъ Ляояна и всѣ указанія о подробностяхъ исполненія этого отхода" [1]).

Причину такого рѣшенія командующаго арміей надо полагать въ томъ, что происходило на лѣвомъ флангѣ, въ борьбѣ съ Куроки.

Тамъ, еще 19 августа кипѣлъ бой за д. Сыквантунь и за обладаніе сопкой, впослѣдствіи названной Нѣжинской.

„Полк. Истоминъ, видя въ усиленномъ обстрѣливаніи Нѣжинской сопки японской артиллеріей подготовку къ атакѣ и получая донесенія отъ охотничьей команды, бывшей впереди лѣваго фланга его отряда, о скопленіи въ гаолянѣ впереди позицій значительныхъ массъ японцевъ, около 7 час. вечера сдѣлалъ распоряженіе о выдвиженіи съ вершины сопки впередъ въ гаолянъ передовыхъ частей отъ 1-го баталіона своего полка и о занятіи окоповъ остальными ротами 1-го баталіона, а также и 2-мъ баталіономъ, находившимся въ поддержкахъ. Два баталіона 2-й линіи (3-й и 4-й) получили также приказаніе приготовиться къ бою.

„Но исполненіе этихъ распоряженій совпало съ открытіемъ японскими батареями усиленнаго огня по Нѣжинской сопкѣ, продолжавшагося съ 7 час. 20 мин. до 7 час. 55 мин. вечера, послѣ чего батареи противника сразу смолкли, и бригады генераловъ Окасаки и Кигоши пошли въ атаку на Сыквантуньскую позицію".

„24-й полкъ атаковалъ сопку съ сѣверо-востока; въ резервѣ за правымъ флангомъ 24-го полка наступалъ 46-й пѣх. полкъ. Лѣвѣе 30-го полка—на южный склонъ Нѣжинской сопки и на д. Сыквантунь наступалъ 16-й полкъ. Въ резервѣ 15-й бригады

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 163—167.

шелъ прибывшій послѣ обѣда въ распоряженіе г.-м. Окасаки 1-й баталіонъ 4-го пѣх. полка (3-й бригады 2-й дивизіи)".

„Роты японцевъ, обошедшія Нѣжинскую сопку съ сѣвера, подойдя къ мѣсту расположенія резерва (3-й и 4-й баталіоны Нѣжинскаго полка) шаговъ на 600, открыли по нему залповый огонь. Роты 3-го баталіона Нѣжинскаго полка тотчасъ перемѣнили направленіе влѣво и начали отстрѣливаться. Въ 4-мъ баталіонѣ послѣ первыхъ японскихъ залповъ начали падать убитые и раненые, а часть нижнихъ чиновъ растерялась и бросилась бѣжать. Большинство изъ нихъ было остановлено и возвращено въ свои роты энергичными мѣрами, принятыми командиромъ полка и подпоруч. Силинымъ, который въ этомъ дѣлѣ былъ смертельно раненъ".

„Наступавшій на южный склонъ Нѣжинской сопки и на д. Сыквантунь 16-й японскій полкъ сопротивленія съ нашей стороны не встрѣтилъ. Занимавшій этотъ участокъ позиціи командиръ 10-го пѣх. Новоингерманландскаго полка полк. Параделовъ, какъ только японцы развернулись передъ его фронтомъ, приказалъ своимъ ротамъ отступать. Японцы безъ труда захватили д. Сыквантунь и южные скаты Нѣжинской сопки, но тутъ получили приказаніе остановиться".

„Послѣ первой атаки, бывшей между 8 и 9 час. вечера, г.-м. Окасаки, опасаясь безпорядка при ночной атакѣ въ гаолянѣ, отозвалъ свои войска назадъ и приказалъ имъ обождать восхода луны".

„Вечерѣло. Въ сплошныхъ заросляхъ гаоляна уже было совершенно темно. Когда полк. Истомину удалось возстановить порядокъ на лѣвомъ флангѣ позицій Нѣжинскаго полка и огнемъ и штыками остановить дальнѣйшіе успѣхи атакующаго, раздались залпы справа отъ д. Сыквантунь и съ прилегающаго къ ней склона высоты, занятой съ вечера Новоингерманландскимъ полкомъ. Этотъ огонь поражалъ во флангъ роты Нѣжинскаго полка, оборонявшія Нѣжинскую сопку, и въ тылъ—роты 3-го и 4-го баталіоновъ, развернувшихся лѣвѣе, фронтомъ на сѣверъ".

„Послѣ 9 час. вечера совершенно стемнѣло; бой затихъ и, во исполненіе приказанія г.-м. Окасаки, японцы отошли, но частная паника, овладѣвшая 4-мъ баталіономъ Нѣжинцевъ и частями 10-го Новоингерманландскаго полка, получившими отъ своего

командира приказаніе отступать, распространялась, повидимому, и въ тылъ".

„Около 130 человѣкъ Нѣжинскаго полка съ полковымъ знаменемъ отошли за позиціи 3-го Спб. арт. дивизіона, гдѣ около 10 час. вечера были остановлены и приведены въ порядокъ командиромъ 3-го летучаго арт. парка, а затѣмъ, около полуночи, уведены обратно въ свой полкъ присланнымъ отъ полка офицеромъ".

„Точно такъ же около 12 час. ночи на позицію 3-й батареи 35-й арт. бригады, стоявшую со 2-мъ дивизіономъ и 140-мъ Зарайскимъ полкомъ къ сѣверо-западу отъ Нѣжинской сопки, стали прибывать одиночные люди и раненые Нѣжинскаго полка; а къ 2 час. ночи подошла и цѣлая рота, которая въ темнотѣ была отрѣзана отъ своего полка и отошла по гаоляну на позицію 3-й батареи, гдѣ и оставалась до разсвѣта. Отступившія роты полк. Парадѣлова, а затѣмъ бредущіе въ тылъ раненые и одиночные люди проходили мимо батарей 35-й арт. бригады. Командиръ 1-го дивизіона, стоявшій съ 4 батареями на позиціи между с. Сахутунь и Нѣжинской сопкой, видя отступающія въ безпорядкѣ группы людей, слыша безпорядочную пальбу на сопкѣ, потерявъ отъ шальныхъ пуль и осколковъ одного офицера и 11 нижн. чиновъ и опасаясь въ ночное время за участь своихъ орудій, снялъ батареи съ позиціи и увелъ ихъ въ д. Тудаогоу. 1-я батарея 3-й арт. бригады отошла, по приказанію начальника участка полк. Парадѣлова, сначала въ с. Сахутунь, а затѣмъ—къ д. Лудяфанъ".

„Тѣмъ временемъ командиръ Нѣжинскаго полка полк. Истоминъ, узнавъ о непредвидѣнномъ очищеніи Новоингерманландцами д. Сыкватунь и видя опасное положеніе войскъ, остававшихся на ввѣренной ему позиціи, послалъ ординарца въ с. Сахутунь съ докладомъ объ обстановкѣ къ начальнику дивизіи и, не дождавшись его возвращенія и пользуясь затишьемъ боя, рѣшилъ поѣхать лично къ г.-л. Добржинскому, дабы доложить ему о необходимости немедленно поддержать свѣжими силами войска, занимавшія Нѣжинскую сопку, а въ противномъ случаѣ—отойти".

„Наступила совершенная темнота. Японцы очистили вершину горы, но частая стрѣльба на сопкѣ не прекращалась. Черезъ нѣкоторое время японскія батареи вновь открыли ожесточенный огонь по сопкѣ".

„Въ то время, когда полк. Истоминъ находился въ с. Сахутунь, съ докладомъ у начальника дивизіи, взошла луна, и бригада г.-м. Окасаки, поддержанная справа 24-мъ пѣх. полкомъ изъ бригады г.-м. Кигоши и баталіономъ 4-го пѣх. полка, вновь бросилась въ атаку на Нѣжинскую сопку".

„Сначала былъ атакованъ лѣвый флангъ Нѣжинской сопки 30-мъ и 24-мъ японскими полками. Отъ ружейнаго огня дѣло перешло на штыковый бой, завязавшійся по всей сѣверной части сопки. Нѣжинцы, подкрѣпленные баталіономъ второй линіи, продолжали удерживать какъ сопку, такъ и позиціи лѣвѣе ея, но послѣдовавшій затѣмъ ударъ 16-го японскаго полка въ правый флангъ позицій рѣшилъ участь боя этого дня".

„Остановившійся въ д. Сыквантунь и на южныхъ скатахъ Нѣжинской сопки 16-й японскій полкъ съ восходомъ луны также продолжалъ начатую имъ атаку. Онъ двинулся вновь въ томъ же направленіи, съ юго-востока, быстро потѣснилъ передовыя части Нѣжинцевъ и смѣшавшихся съ ними двухъ ротъ Болховского полка. Имъ на поддержку спѣшилъ 2-й баталіонъ 139-го пѣх. Моршанскаго полка, который, обстрѣлявъ атакующихъ японцевъ залпами, во главѣ со своимъ баталіоннымъ командиромъ подполк. Еремѣевымъ бросился въ штыки и сбросилъ съ гребня горы атакующія части японцевъ, которые, тѣмъ не менѣе, удержались въ нашихъ окопахъ, оставленныхъ Нѣжинцами. Подполк. Еремѣевъ въ этой атакѣ былъ убитъ".

„Такимъ образомъ, изъ 18 баталіоновъ, бывшихъ на Сыквантуньской позиціи подъ начальствомъ г.-л. Добржинскаго ($15^1/_2$ бат. 35-й дивизіи и $2^1/_2$ бат. 3-й дивизіи), ударъ 10 баталіоновъ японцевъ приняли только $5^1/_2$ бат. (4 бат. Нѣжинцевъ, 2 роты Болховцевъ и одинъ баталіонъ Моршанцевъ); $2^1/_2$ бат. Новоингерманландцевъ отошли, не оказавъ врагу никакого сопротивленія, а остальные 10 бат. участія въ отраженіи противника не принимали" [1]).

„По докладѣ полк. Истоминымъ обстановки боя, г.-л. Добржинскій приказалъ командиру 139-го Моршанскаго полка, стоявшему съ 5 ротами у д. Хохзинтай, двинуться къ сопкѣ на поддержку Нѣжинцевъ. Не доходя до сопки, командиръ полка послалъ впередъ поруч. Сѣдина съ двумя охотниками, которые, возвратившись, доложили, что сопка осталась за нами, почему

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 179—182.

командиръ полка, отправивъ на поддержку Нѣжинцевъ 3 роты, съ двумя ротами возвратился обратно къ мѣсту резерва".

„Къ полуночи на Нѣжинской сопкѣ смѣшались части Нѣжинскаго, Болховского и Моршанскаго полковъ; на восточной части сопки удерживались части японской бригады генерала Окасаки; въ темнотѣ шла безостановочная перестрѣлка, частичныя штыковыя встрѣчи; японцы бросали ручныя гранаты".

„На руководителей боя обстановка производила впечатлѣніе, что всѣ резервы 35-й пѣх. дивизіи использованы. Опасаясь къ разсвѣту окруженія японцами отряда, занимавшаго Нѣжинскую сопку, въ виду недостатка патроновъ, пополненіе которыхъ въ темнотѣ и благодаря гаоляну представляло огромныя затрудненія, и принимая во вниманіе истощеніе и нервное состояніе людей, а также и отсутствіе артиллерійской поддержки, полк. Истоминъ рѣшилъ очистить позицію и сосредоточиться къ с. Сахутунь".

„Точно такъ же и г.-л. Добржинскій, намѣревавшійся сначала перейти въ наступленіе, ознакомившись изъ доклада полк. Истомина съ обстановкою и въ видахъ сохраненія въ рукахъ частей войскъ и приведенія ихъ въ порядокъ, рѣшилъ со всѣмъ отрядомъ отойти на линію с. Сахутунь, что и было исполнено въ теченіе ночи".

„Японцы остались хозяевами Сыквантуньской позиціи и тотчасъ приступили къ возведенію окоповъ и къ постройкѣ необходимыхъ отъ огня закрытій изъ найденныхъ на мѣстѣ матеріаловъ, а отрядъ г.-л. Добржинскаго собирался на линіи с. Сахутунь. 140-й пѣх. Зарайскій полкъ съ тремя батареями оставался на занимаемыхъ имъ позиціяхъ въ 3 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Нѣжинской сопки".

„Тѣмъ временемъ, въ ночь на 20 число маршалъ бар. Куроки успѣлъ притянуть на правый берегъ р. Тайцзыхэ 3-ю бригаду (2-й дивизіи), и къ утру 20 августа въ треугольникѣ д.д. Таяо—Сыквантунь—Квантунь сосредоточилась полностью 12-я и 2-я дивизіи, 2-й гвардейскій и 29-й рез. пѣх. полки, а всего 27½ баталіоновъ, 60 орудій и 6 эскадроновъ, или до 23.520 штыковъ и 600 сабель".

„Получивъ донесеніе отъ г.-м. Окасаки о взятіи имъ Нѣжинской сопки и деревни Сыквантунь, а изъ штаба главнокомандующаго—свѣдѣнія о дальнѣйшемъ наступленіи 2-й и 4-й армій къ р. Тайцзыхэ, маршалъ бар. Куроки могъ предположить, что

главныя силы русской арміи уже начали отступленіе къ г. Мукдену и что противъ 1-й арміи оставались, очевидно, лишь боковые арріергарды, назначенные для прикрытія отступленія къ Мукдену, почему въ 6 час. 45 мин. утра 20 августа онъ отдалъ приказъ: „Первая армія послѣ занятія высоты 131 предполагаетъ продвинуться на линію Сандопу (Сальдаоба)—Лотатай. Гвардія, если возможно, переходитъ р. Тайцзыхэ около д. Кавчинцзы и овладѣваетъ высотою 151" [1]).

Съ нашей же стороны „для наступательныхъ дѣйствій противъ арміи генерала бар. Куроки г.-ад. Куропаткинъ сосредоточивалъ къ 20 августа на правомъ берегу р. Тайцзыхэ подъ своимъ личнымъ начальствомъ: 92 баталіона, 352 орудія, 79 сотенъ и эскадроновъ и 4 саперныхъ баталіона, не считая 16 баталіоновъ г.-м. Янжула, получившихъ спеціальное назначеніе и не предназначенныхъ для наступленія противъ арміи генерала Куроки".

„Вслѣдствіе значительныхъ потерь, понесенныхъ многими частями войскъ въ теченіе предшествовавшихъ боевъ, боевой составъ нашихъ войскъ, назначенныхъ для наступленія, командующій арміей исчислялъ въ 57.000 штыковъ и до 5.000 шашекъ" [2]).

Для атаки же захваченной японцами Сыквантуньской позиціи, къ 9 ч. утра 20 августа собрались: Болховской, 2 бат. Моршанскаго и Пензенскій полкъ, т.-е. части двухъ различныхъ корпусовъ (17-го и 10-го). Разрозненное наступленіе этихъ частей началось около 10 ч. утра.

„Наступленіе, производимое по сплошнымъ полямъ гаоляна, было очень затруднительно и медленно. Для облегченія движенія впередъ были высланы люди ломать гаолянъ" [3]).

„Послѣ полудня двумъ баталіонамъ Пензенскаго полка удалось, наступая безостановочно подъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ японцевъ, продвинуться впередъ и занять по прирѣчному кряжу сопку сѣвернѣе д. Безыменной. Два другіе баталіона Пензенцевъ къ этому времени заняли восточный скатъ отрога, идущаго отъ высоты 131 въ сѣверо-восточномъ направленіи.

„Лѣвѣе Пензенцевъ наступали по гаоляну, держа направленіе на южную часть Нѣжинской сопки, 3 баталіона 123-го пѣх.

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 173—174.

[2]) Тамъ же, стр. 186.

[3]) Тамъ же, стр. 197.

Козловскаго полка, подъ командою командира полка полк. Меликова".

„Наступленіе отряда г.-м. Васильева, направленнаго лично командующимъ арміей, было совершенно изолированное. Въ то время, когда Пензенцы и Козловцы наступали, пробиваясь подъ огнемъ черезъ гаолянъ, всѣ остальныя силы находившіяся подъ непосредственнымъ руководствомъ генераловъ бар. Бильдерлинга и Случевскаго, общею численностью до 37 баталіоновъ, стояли на мѣстѣ. Г.-м. Васильеву, выдвинутому прямо съ похода по словесному приказанію г.-ад. Куропаткина, не оріентированному въ общей обстановкѣ, не удалось войти въ связь со штабомъ 17-го корпуса, руководившимъ всей операціей. Недостаточно выясненная обстановка и незнаніе мѣстъ расположенія частей 35-й дивизіи затрудняли также и подготовку атаки артиллерійскимъ огнемъ, ибо, изъ опасенія стрѣльбы по своимъ, артиллерія г.-м. Васильева могла обстрѣливать только вершину сопки и скатъ, обращенный къ противнику, между тѣмъ какъ занятый непріятелемъ западный склонъ сопки и его западную подошву наша артиллерія обстрѣливать не рѣшалась" [1]).

„Тѣмъ временемъ ввязавшіеся было въ бой баталіоны Пензенскаго полка пріостановились, а семь ротъ Болховского полка подполк. Ларіонова были уже отброшены отъ устроенныхъ на западныхъ скатахъ Нѣжинской сопки японскихъ окоповъ и, отстрѣливаясь, отходили по направленію къ с. Сахутунь. На этомъ и закончилась такъ называемая 1-я атака Нѣжинской сопки" [2]). „О порядкѣ же предстоящей вечеромъ атаки Сыквантуньской позиціи войска 10-го и 17-го корпусовъ продолжали получать указанія какъ отъ командующаго арміей, такъ и отъ командировъ корпусовъ и начальника 35-й пѣх. дивизіи" [3]).

„Въ 1 часъ дня г.-л. Добржинскій началъ дѣлать распоряженія объ атакѣ Нѣжинской сопки. Отряду, подъ общимъ начальствомъ полк. Истомина, въ составѣ 137-го пѣх. Нѣжинскаго полка, 2 баталіоновъ 139-го пѣх. Моршанскаго и баталіона 10-го пѣх. Новоингерманландскаго полковъ, было приказано занять сопку у д. Сыквантунь, уступленную вчера непріятелю, при чемъ полк. Истоминъ былъ предупрежденъ, что штурму будетъ предшество-

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 197—198.
[3]) Тамъ же, стр. 199.
[3]) Тамъ же, стр. 200.

вать усиленное обстрѣливаніе сопки, деревни и ихъ окрестностей одиннадцатью батареями“ [1]).

Чрезвычайно поучительно прослѣдить за дѣйствіями артиллеріи, подготовлявшей атаку Нѣжинской сопки съ ранняго утра 20 августа.

„Въ теченіе всего дня по Нѣжинской сопкѣ, начиная съ 7 час. утра, стрѣляли съ перерывами 3 батареи 35-й арт. бригады, бывшія въ отрядѣ полк. Мартынова. Эти 3 батареи выпустили за 20 августа по японскимъ позиціямъ 1.888 патроновъ (по 79—78 выстрѣловъ на орудіе); 3-я батарея выпустила 702 патрона“ [2]).

„Стоявшія восточнѣе с. Сахутунь батареи 1-го и 3-го Спб. дивизіоновъ съ утра огня не открывали, вслѣдствіе полученнаго отъ г.-л. Добржинскаго приказанія, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „самимъ боя не начинать, а принятый бой возможно болѣе затягивать“, и открыли огонь лишь послѣ того, какъ начали канонаду другія батареи“ [3]).

„Пять батарей 35-й бригады, получивъ около часу дня приказаніе слѣдовать изъ д. Тудаогоу къ д. Яндянтунь, начали занимать указанныя имъ позиціи послѣ 2 час. 40 мин. дня, послѣ чего открыли огонь. Стрѣльба этихъ батарей была крайне вялая: 7 батарея за весь день боя выпустила всего 64 снаряда, всѣ же пять батарей выпустили всего 448 патроновъ, что составляетъ по 11—12 выстрѣловъ на орудіе“.

„Причину такого слабаго содѣйствія общей атакѣ со стороны батарей 1-го и 3-го дивизіоновъ 35-й арт. бригады надо искать, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ поздно прибыли на позицію, а во-вторыхъ—въ неполученіи точныхъ и ясныхъ указаній о дѣйствіяхъ этого дня и о мѣстѣ нахожденія нашей пѣхоты“ [4]).

„Послѣ $4^1/_2$ час. дня около этой батареи и правѣе батарей 31-й арт. бригады снялись и открыли огонь батареи 1-го дивизіона 9-й арт. бригады полк. Слюсаренко. Огонь велся подъ личнымъ руководствомъ командира дивизіона, устроившаго наблюдательный пунктъ на высотѣ 131“.

„Минутъ черезъ пять послѣ открытія огня всѣ батареи получили сигналъ „вѣрно, хорошо, усилить огонь“. Батареи перешли

---

1) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 201—202.
2) Тамъ же, стр. 202.
3) Тамъ же, стр. 202.
4) Тамъ же, стр. 203.

на бѣглый огонь опредѣленнымъ числомъ патроновъ, но не прошло и 15 минутъ, какъ прибылъ къ командиру дивизіона ординарецъ отъ начальника отряда генерала Васильева съ приказаніемъ немедленно прекратить огонь, т. к. его отрядъ сейчасъ переходитъ въ наступленіе для атаки и что ему невозможно атаковать, если будетъ стрѣльба черезъ головы. Командиръ дивизіона полк. Слюсаренко этому приказанію сопротивлялся; донесъ что съ наблюдательнаго пункта онъ ясно видитъ расположеніе непріятеля и свой огонь въ періодъ атаки нашей своевременно прекратитъ. На это получилъ отъ начальника отряда генерала Васильева, черезъ новаго ординарца, приказаніе немедленно перестать стрѣлять. Командиръ дивизіона исполнилъ приказаніе: прекратилъ свой дѣйствительный, не опасный для своей пѣхоты огонь".

„Къ вечеру въ подготовкѣ къ атакѣ приняли также участіе и двѣ батареи (поршневыя) 3-го Сиб. арт. дивизіона, стоявшія правѣе 1-го дивизіона, выпустившія въ теченіе дня 273 снаряда и оказавшія своимъ огнемъ серьезное содѣйствіе отряду полк. Истомина".

„Такимъ образомъ, 20 августа въ артиллерійской подготовкѣ атаки Сыквантуньской позиціи приняли участіе 138 скорострѣльныхъ и 16 поршневыхъ орудій. Кромѣ того, 3-я и 4-я батареи 3-й арт. бригады, стоявшія на позиціи у д. Цофангоу обстрѣливали въ теченіе дня японскія батареи, виднѣвшіяся у д. Хванкуфэнъ".

„Хотя канонада наша и не удовлетворяла требованіямъ генерала Добржинскаго и полк. Истомина и не была достаточно дружная, но тѣмъ, не менѣе, она въ теченіе всего дня не давала возможности японцамъ прочно утвердиться на Нѣжинской сопкѣ и продолжать работы по усиленію окоповъ" [1]).

„Пока организовалась подготовка атаки артиллерійскимъ огнемъ, части пѣхоты принимали расположеніе для перехода въ атаку тотчасъ по окончаніи канонады" [2]).

„Къ деревнѣ Сыквантунь и Нѣжинской сопкѣ наступали раздѣленныя между собою сплошными зарослями гаоляна и безъ связи между собою двѣ линіи: въ первой—Пензенцы и Козловцы бывшіе уже передъ японскими позиціями, и во 2-й линіи—

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 204.

[2]) Тамъ же, стр. 209.

Выборгцы и Чембарцы, бывшіе въ 4 часа дня въ 1½ верстахъ позади первыхъ".

„Въ это же время отрядъ полк. Истомина развернулся также въ гаолянѣ между с. Сахутунь (сѣв.-вост.) и д. Хоухэинтай (сѣверъ), фронтомъ на юго-востокъ, направляясь на сѣверную часть Нѣжинской сопки. Въ первой линіи были всѣ 4 баталіона Нѣжинцевъ и одинъ баталіонъ Новоингерманладцевъ; за лѣвымъ флангомъ боевого порядка наступалъ резервъ—два баталіона Моршанцевъ" [1]).

„Общій штурмъ Сыквантуньской позиціи начался около семи час. вечера. Уже начинало темнѣть. Люди всѣхъ частей, развернувшихся полукругомъ передъ Нѣжинской сопкой и д. Сыквантунь, уже цѣлый день были въ сферѣ боя, а большинство частей съ полудня были подъ огнемъ. Наступленіе по сплошнымъ зарослямъ гаоляна сильно утомило людей. Тотъ же гаолянъ къ вечеру нарушилъ связь не только между отдѣльными частями войскъ, но даже и между ротами. Полки и роты начали перемѣшиваться. Приводить ихъ въ порядокъ непосредственно передъ атакой было невозможно" [2]).

„По всей линіи отъ р. Тайцзыхэ до д. Мадапу стоялъ неумолкаемый пачечный огонь".

„Японцы, захвативъ въ теченіе предшествовавшей ночи Нѣжинскую сопку и деревню Сыквантунь, съ утра 20 августа своими передовыми частями продвигались по гаоляну впередъ, окапываясь на каждой занятой линіи".

„Такимъ образомъ, первое сопротивленіе было встрѣчено уже у подножья сопки и на вершинахъ къ западу и юго-западу отъ д. Сыквантунь".

„Наши части, двинувшись въ атаку, частью огнемъ, частью штыками выбивали японцевъ изъ ихъ окоповъ; остававшіеся въ живыхъ японцы бѣгомъ отходили къ вершинамъ сопки, отстрѣливаясь изъ гаоляна частымъ огнемъ почти въ упоръ; по всему гаоляну шла неумолкаемая пальба по всѣмъ направленіямъ.

„Наступала ночь. Наступавшіе на правомъ флангѣ три баталіона 85-го пѣх. Выборгскаго полка овладѣли западною окраиною д. Сыквантунь и непріятельскими позиціями, оказавшимися къ югу отъ деревни. 8-я рота Выборгскаго полка, соеди-

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 211.
[2]) Тамъ же, стр. 211—212.

нившись со встрѣтившейся случайно по пути охотничьей командой Пензенскаго полка, пройдя черезъ деревню, пошла по гаоляну въ сѣверномъ направленіи, на южный склонъ Нѣжинской сопки, но, встрѣченная сильнымъ пачечнымъ огнемъ, потерявъ своего ротнаго командира кап. Нецвѣтаева и большое число нижнихъ чиновъ, была отброшена въ гаолянъ, въ западномъ направленіи. Японцы очистили деревню, захваченную нѣсколькими ротами Выборгцевъ и Чембарцевъ, которые поддержали атаку Выборгскаго полка на д. Сыквантунь и частью направились на юго-западные склоны Нѣжинской сопки, смѣшавшись какъ съ Выборгскимъ полкомъ, такъ и съ Пензенскимъ".

„Нѣкоторыя группы Чембарскаго полка, отдѣлившись отъ своихъ ротъ и принявъ впотьмахъ за непріятеля нѣкоторыя прошедшія впередъ роты Пензенцевъ и Выборгцевъ,—пошли на нихъ въ штыки. Усиліями офицеровъ эти отдѣльные случаи были остановлены и не обратились въ катастрофу. На самую сопку атакующіе начали взбираться около 8 час. вечера".

„Продвинувшіяся впередъ охотничьи команды, 1-я и 14-я роты Пензенскаго полка, подвергаясь сильному огню съ фронта, при движеніи по скату были обстрѣляны справа изъ д. Сыквантунь нашими же частями, не знавшими, что Пензенцы идутъ уже на сопку, и отступили" [1]).

„Такимъ образомъ, общая атака Сыквантуньской позиціи приняла такой видъ: къ 6 часамъ вечера, когда по деревнѣ и Нѣжинской сопкѣ дѣйствовали наши 18 батарей, 25 баталіоновъ нашей пѣхоты заняли исходныя для атаки позиціи, расположившись въ гаолянѣ въ 1—1½ верстахъ вокругъ сопки полукругами, имѣя по дугѣ до 3½ верстъ и направленіе на вершину Нѣжинской сопки".

„По окончаніи канонады всѣ части двинулись въ атаку безъ связи между собою. Получился какъ бы шахматный порядокъ. Сначала атаковали части на правомъ флангѣ—Выборгцы и Пензенцы; затѣмъ въ атаку влились Козловцы. Нѣсколько позже былъ нанесенъ ударъ 7 баталіонами полк. Истомина и 33-мъ пѣх. Елецкимъ полкомъ. Чембарцы, шедшіе позади Выборгцевъ, Пензенцевъ и Козловцевъ, дошли только до подножья Нѣжинской сопки, атаковали своихъ и были атакованы своими, участія въ атакѣ непріятеля не принимали и отошли къ д. Эрдаогоу,

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3., стр. 212—213.

потерявъ одного нижняго чина убитымъ, 28 ранеными и пропавшими. Движеніе баталіоновъ происходило какъ бы по радіусамъ—отъ окружности къ центру. Вслѣдствіе густого гаоляна, темноты, отсутствія общаго руководства и связи, движенія баталіоновъ по пересѣкающимся линіямъ, сразу началось перемѣшиваніе частей".

„Но, тѣмъ не менѣе, несмотря на столь неблагопріятныя обстоятельства, на физическое и моральное утомленіе людей, потери, понесенныя въ предшествовавшихъ бояхъ, мужество и упорство врага, руководимаго смѣлымъ и настойчивымъ генераломъ Окасаки, благодаря доблести нашихъ отдѣльныхъ частей, руководимыхъ своими командирами, въ 8½ час. вечера вершина Нѣжинской сопки и д. Сыквантунь были въ рукахъ нашихъ наиболѣе энергичныхъ и отважныхъ ротъ различныхъ полковъ. Оставалось поддержать храбрецовъ и привести разбившіяся части хотя бы въ нѣкоторый порядокъ".

„Но тутъ оказала вліяніе непредвидѣнная случайность. Въ темнотѣ, среди неумолкаемой трескотни, пальбы и раздававшихся въ разныхъ мѣстахъ криковъ „ура" и „банзай", послышались какіе-то сигналы и наши сигналы: „отбой" и „сборъ въ колонну".

„Какъ оказывается, сигналы эти были поданы одновременно и у японцевъ, и у насъ".

„Произведенный въ темнотѣ штурмъ не могъ не произвести безпорядка въ рядахъ японцевъ. Видя, что части его перемѣшались и желая прекратить безцѣльную стрѣльбу и возстановить порядокъ, г.-м. Окасаки приказалъ подать сигналъ „отбой", который тотчасъ же былъ подхваченъ его горнистами, и огонь съ японской стороны началъ прекращаться. Японцы отошли съ вершины и залегли вблизи отъ нея. На вершинѣ же оставались перемѣшанныя и уже сильно пострадавшія наши роты разныхъ полковъ. Но въ это время сигналы „отбоя" и „сбора" раздались и позади нашихъ боевыхъ частей".

„284-й пѣх. Чембарскій полкъ, наступавшій по гаоляну позади бывшихъ въ первой линіи Выборгцевъ, Пензенцевъ и Козловцевъ, уже въ полную темноту приближался къ южному подножью Нѣжинской сопки и къ западной окраинѣ д. Сыквантунь. Впотьмахъ произошли столкновенія съ нѣкоторыми ротами Пензенцевъ и Выборгцевъ" [1]).

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 215—216.

„По звукамъ „отбоя“ и „сбора“ начали отходить къ с. Сахутунь нѣкоторыя отбившіяся отъ полковъ и утерявшія своихъ офицеровъ роты и находившіеся въ послѣднихъ линіяхъ баталіоны. Къ нимъ по пути присоединялись нижніе чины различныхъ частей войскъ (по большей части изъ числа запасныхъ), которые, пользуясь темнотой, гаоляномъ, общимъ безпорядкомъ и сильною убылью офицеровъ, начали покидать строй и сначала поодиночкѣ, а затѣмъ цѣлыми группами уходили назадъ, по направленію къ с. Сахутунь, гдѣ находился начальникъ отряда г.-м. Васильевъ, который, видя картину безпорядочнаго отступленія, послалъ донесеніе командиру 10-го арм. корпуса о томъ, что атака не удалась, а затѣмъ около 9 час. вечера явился лично къ генералу Случевскому и доложилъ, что, несмотря на рядъ энергичныхъ атакъ, сопка осталась за японцами, его полки понесли большія потери и отступаютъ.

„Но, тѣмъ не менѣе, отдѣльныя части нашихъ войскъ кидались въ штыки на непріятеля; въ раіонѣ г.-м. Васильева послѣ 10 час. вечера была произведена еще атака 3-4 баталіонами. Послѣ этого бой затихъ. Русскіе остались на высотѣ, а японцы лежали въ близкомъ отъ нихъ разстояніи. Но ни одна изъ сторонъ не открывала огня“ [1].

„Отрядъ полк. Истомина овладѣлъ сѣверною частью Нѣжинской сопки, и части его оставались на сопкѣ до 2 час. ночи“.

Въ полночь на 21 августа, когда командиръ 17-го арм. корпуса и начальникъ штаба 10-го арм. корпуса были вызваны къ командующему арміей, для полученія указаній на слѣдующій день, Нѣжинская сопка и д. Сыквантунь были еще въ нашихъ рукахъ: ихъ занимали тѣ роты разныхъ полковъ, которыя не поддались паникѣ и послѣ сигналовъ „отбоя“ и „сбора“ не отошли съ занятыхъ позицій въ то время, когда массы нижнихъ чиновъ (въ большинствѣ запасныхъ) цѣлыми группами уходили въ тылъ, увлекая за собою встрѣчаемые на пути роты и баталіоны и своимъ видомъ и разсказами распространяя тревогу въ рядахъ артиллеріи и резервовъ.

„На основаніи этой картины, около 10 час. вечера, г.-м. Васильевъ доложилъ командиру 10-го корпуса о неудачѣ, постигшей насъ при атакѣ Нѣжинской сопки [2]).

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 217.

[2]) Тамъ же, стр. 220—221.

Близокъ былъ къ этимъ событіямъ командиръ Зарайскаго полка Е. И. Мартыновъ; послушаемъ его разсказъ. „Что касается самаго боя на Нѣжинской сопкѣ", говоритъ онъ, то по разспросамъ участниковъ, сдѣланнымъ мною въ ближайшіе дни, пока еще впечатлѣніе не изгладилось, общая картина его представляется въ слѣдующемъ видѣ.

„Въ восьмомъ часу вечера, при наступившей уже темнотѣ, части Нѣжинскаго, Болховскаго, Моршанскаго, Новоингерманландскаго, Елецкаго, Пензенскаго и Козловскаго полковъ, безъ всякаго общаго руководства и управленія, двинулись къ сопкѣ по обширнымъ гаоляновымъ полямъ, совершенно перепутавшись между собою. На сопкѣ разыгрался безпорядочный штыковой бой, послѣ котораго японцы отошли въ гаолянъ, начинавшійся у самаго подножія ея, и оттуда начали осыпать ее пулями.

Положеніе нашихъ перемѣшавшихся частей сдѣлалось очень тяжелымъ, такъ какъ найти на голыхъ скатахъ сопки укрытіе отъ пуль, свиставшихъ по разнымъ направленіямъ, было невозможно, тѣмъ болѣе, что прежніе русскіе окопы оказались засыпанными, а японскіе окопы были съ тыла открыты. Отдѣльныя разрозненныя части сдѣлали нѣсколько отчаянныхъ попытокъ продвинуться дальше, но не имѣли успѣха".

„При такихъ условіяхъ войска, занимавшія сопку, стали быстро таять какъ отъ огромныхъ потерь, такъ и по той причинѣ, что болѣе малодушные люди, пользуясь ночной темнотой, начали попросту уходить въ тылъ, особенно подъ предлогомъ выноса раненыхъ. Въ концѣ концовъ, къ 2 ч. ночи на сопкѣ уже не осталось защитниковъ, и японцы заняли ее снова. Неблагопріятный оборотъ дѣла былъ очевиденъ даже въ тылу для постороннихъ наблюдателей"...

Получивъ приказаніе начальника дивизіи, Е. И. Мартыновъ „немедленно выступилъ черезъ дер. Сахутунь (юго-восточная) къ Нѣжинской сопкѣ, чтобы принять начальство надъ расположенными на ней войсками. Однако множество попадавшихся намъ навстрѣчу солдатъ, именно тѣхъ полковъ, кои предполагались на сопкѣ, наводило на мысль, что тамъ не все должно обстоять благополучно. Какъ разъ въ это время подошелъ поручикъ Черниговскаго драгунскаго полка Ведерниковъ и, отозвавъ меня въ сторону, сказалъ: „Я слышалъ, что вамъ дали свѣдѣніе, будто бы сопка занята нашими войсками. Это ложь. Васъ подводятъ. Она уже давно перешла въ руки японцевъ".

„Пожавъ ему крѣпко руку, я отвѣтилъ: „Не безпокойтесь, я знаю отъ кого получилъ приказаніе, и безъ предварительной рекогносцировки полка на сопку не поведу“.

„Тѣмъ временемъ голова колонны достигла д. Сахутунь (юго-восточная). Приказавъ 2 и 3 баталіонамъ остаться здѣсь, я съ 1 баталіономъ двинулся по глубокой лощинѣ, которая шла извилинами посреди гаоляновыхъ полей по направленію къ сопкѣ. Пройдя по этой лощинѣ около версты, я остановилъ баталіонъ и, разсыпавъ въ цѣпь двѣ головныя роты, направилъ 1-ю роту на дер. Сыквантунь, а 2-ю роту на Нѣжинскую сопку, самъ же съ состоявшими при мнѣ офицерами подошелъ къ находившемуся вблизи грушевому дереву, которое возвышалось надъ гаоляномъ. Влѣзши на это дерево, мы стали разсматривать Нѣжинскую сопку. На ней никого не было видно, и царствовала полная тишина. Точно такъ же все оставалось спокойнымъ и со стороны д. Сыквантунь, которая отъ насъ была скрыта склономъ мѣстности.

„Однако едва наши цѣпи, двигаясь въ густомъ гаолянѣ, приблизились къ этимъ пунктамъ, какъ всѣ онѣ были встрѣчены частымъ ружейнымъ огнемъ. Въ то же время шести-орудійная японская батарея съ Нѣжинской сопки открыла огонь шимозами по предполагаемому мѣсту расположенія нашихъ резервовъ. Стало очевидно, что полученное отъ поручика Ведерникова свѣдѣніе о занятіи непріятелемъ Нѣжинской сопки и дер. Сыквантунь совершенно вѣрно.

„Вслѣдствіе этого я отвелъ назадъ рекогносцирующія части, потерявшія убитыми и ранеными 11 нижнихъ чиновъ, и со всѣми тремя баталіонами занялъ позицію впереди д. Сахутунь (юго-восточная), имѣя резервъ въ самой деревнѣ. Въ этомъ положеніи я рѣшилъ, въ случаѣ ожидаемаго наступленія противника, держаться до послѣдней крайности, чтобы дать другимъ частямъ возможность собраться и устроиться“ [1]).

„На занятой позиціи мы оставались до вечера, все время ожидая атаки непріятеля; но, какъ теперь извѣстно, японцамъ было не до того. Въ распоряженіи Куроки на правомъ берегу Тайцзыхэ находились всего двѣ совершенно измученныя дивизіи. Согласно монографіи Германскаго Генеральнаго Штаба ($^{43}/_{44}$ стр. 99), бригада Окасаки, занимавшая Нѣжинскую сопку, была настолько

---

[1]) Е. И. Мартыновъ, стр. 227—228.

изнурена, что солдаты даже не въ состоянiи были приготовить себѣ пищу и для этого пришлось назначить кавалеристовъ!!

„Вечеромъ я получилъ приказанiе отойти на линiю д.д. Сяйдятунь — Фандятунь, гдѣ вмѣстѣ съ другими полками дивизiи расположиться на позицiи фронтомъ на юго-востокъ. Въ приказѣ по дивизiи этотъ отходъ мотивировался задачей прикрыть сосредоточенiе главныхъ силъ армiи къ Янтаю, но всѣ поняли, что это было попросту начало общаго отступленiя".

„Въ настоящее время безспорно установленъ тотъ фактъ, что подъ Ляояномъ вѣрная побѣда была въ рукахъ Куропаткина, если бы только онъ не прiостановилъ начатаго противъ Куроки наступленiя и не отдалъ приказанiя объ отходѣ къ Мукдену. Съ другой стороны, извѣстно, что эти пагубныя распоряженiя были сдѣланы нашимъ полководцемъ, главнымъ образомъ, вслѣдствiе потери Нѣжинской сопки, долженствовавшей служить осью захожденiя при предположенномъ наступленiи".

„Указанныя обстоятельства придаютъ описаннымъ событiямъ особое стратегическое значенiе. Несомнѣнно, настоящiй полководецъ не смутился бы частной неудачей и не отказался бы изъ-за нея отъ своего рѣшенiя; но во главѣ русской армiи былъ Куропаткинъ, который разъ составивъ себѣ планъ, что нужно вертѣться вокругъ извѣстнаго бугра, иначе уже дѣйствовать не могъ. При такихъ условiяхъ ничтожный самъ по себѣ бой на Нѣжинской сопкѣ оказалъ влiянiе на исходъ Ляоянскаго сраженiя, а можетъ-быть,—и всей кампанiи" [1]).

Не буду утомлять вниманiе читателя пересказомъ тѣхъ же событiй въ академическихъ сообщенiяхъ; обращу лишь вниманiе на заключенiе.

„Печальный результатъ дѣйствiй у Нѣжинской сопки является, главнымъ образомъ, слѣдствiемъ отсутствiя надлежащаго управленiя этими дѣйствiями" [2]). Однимъ изъ послѣдствiй подобнаго явленiя была сбивчивость основныхъ донесенiй, изъ коихъ первое устанавливало „занятiе вновь позицiи, отбитой у противника", второе, одновременно отправленное, утверждало совершенно противоположное и третье, въ коемъ генералъ Бильдерлингъ освѣдомлялъ командующаго армiей о своемъ намѣренiи „перейти въ наступленiе для занятiя Сыквантуньской пози-

---

[1]) Е. И. Мартыновъ, стр. 231—232.

[2]) Р.-Яп. в., въ сообщ. Акад. Ген. Штаба, вып. I, стр. 200.

ціи", не могли не поселить недоумѣнія въ Главной Квартирѣ и вызвали запросъ ген.-лейт. Сахарова по адресу ген. Бильдерлинга: „Изъ Вашего донесенія, отправленнаго сегодня, 20-го августа, въ 8 час. утра, явствуетъ, что позиція, уступленная вчера нами японцамъ, вновь занята нами. Командующій арміей спрашиваетъ, такъ ли это, такъ какъ отъ этого зависятъ дальнѣйшія распоряженія Его Высокопревосходительства" [1]).

Чаша терпѣнія еще не была переполнена. Послѣдней каплей явилась неудача ген. Орлова, о которой намъ совсѣмъ не слѣдуетъ умалчивать, потому что, изучая этотъ грустный эпизодъ кровавой Ляоянской драмы, мы только поучаемся и... быть-можетъ, научимся чему-нибудь къ будущему боевому экзамену. Вотъ какъ это дѣло было.

„Получивъ около 11 час. утра донесеніе г.-м. Орлова объ его намѣреніи перейти въ наступленіе въ направленіи на д.д. Сахутунь и Сыквантунь, командиръ 1-го Сиб. арм. корпуса г.-л. бар. Штакельбергъ тотчасъ рѣшилъ продолжать наступленіе, чтобы, занявъ позицію южнѣе д. Сяодаляньгоу, поддержать правый флангъ г.-м. Орлова и лѣвый флангъ 17-го корпуса, о чемъ въ 12 час. дня сообщилъ обоимъ названнымъ генераламъ и донесъ командующему арміей. Тотчасъ авангардъ полк. Озерскаго (2-й В.-С. стр. полкъ и 2-я Забайкальская каз. батарея) двинулся къ д. Сяодаляньгоу, проходя черезъ которую, столкнулся съ отступавшими частями пѣхоты и артиллеріи изъ состава отряда г.-м. Орлова; прибывшій съ авангардомъ въ д. Сяодаляньгоу г.-л. бар. Штакельбергъ остановилъ отступавшую артиллерію г.-м. Аліева и приказалъ ему занять позицію южнѣе деревни, а для задержанія отступавшихъ частей пѣхоты разослалъ бывшихъ при немъ ген. шт. подполк. Андреева и кап. Ахвердова, а затѣмъ и подъесаула Гартмана, дабы предупредить дрогнувшія части о подходѣ 1-го Сиб. корпуса. Однако, распоряженія эти успѣхомъ не увѣнчались, и только командиръ Псковскаго полка остановилъ одинъ изъ своихъ баталіоновъ и нѣкоторое время держался впереди деревни".

„Шедшій въ авангардѣ 1-го Сиб. корпуса 2-й В.-С. стр. полкъ около часу дня пріостановился на нѣсколько минутъ въ д. Линіенгоу, чтобы отдохнуть. День былъ жаркій, почти безвѣтренный, и въ гаолянѣ было крайне душно".

---

[1]) Р.-Яп. война въ сообщ. Акад. Ген. Штаба, вып. I, стр. 204.

„Офицеры и солдаты были сильно утомлены. По подходѣ къ д. Сяодаляньгоу, слѣдовавшій со своимъ штабомъ въ головѣ полка командиръ 1-го Сиб. корпуса генералъ бар. Штакельбергъ, указавъ командиру полка на виднѣвшуюся впереди въ восточномъ направленіи занятую уже японцами сопку, приказалъ: „атаковать и занять вотъ „эту сопку“. Картъ этой мѣстности въ войскахъ не было. Полкъ обогнулъ съ сѣвера д. Сяодаляньгоу и тотчасъ выдѣлилъ впередъ—прямо на указанную сопку—1-й баталіонъ, 2-й баталіонъ былъ направленъ лѣвѣе, 3-й баталіонъ пошелъ въ резервѣ. По занятіи д. Сяодаляньгоу, генералъ бар. Штакельбергъ получилъ записку отъ бывшаго для связи при штабѣ отряда г.-м. Орлова подпоруч. Добровольскаго о томъ, что генералъ Орловъ принялъ рѣшеніе отойти къ ст. Янтай, такъ какъ не въ силахъ былъ удерживать противника, силы котораго опредѣлялись имъ до двухъ дивизій“.

„Когда подошла колонна главныхъ силъ корпуса, 1-й В.-С. стр. Е. В. полкъ направился черезъ д. Сяодаляньгоу и развернулся правѣе 2-го полка; 3-й и 4-й В.-С. стр. полки получили приказаніе стать въ резервѣ, къ западу отъ деревни. Три батареи стали на позиціи южнѣе деревни, влѣво и вправо отъ батареи 26-й арт. бригады, затѣмъ еще одна батарея стала къ сѣверу отъ деревни. Правый флангъ корпуса прикрывался коннымъ отрядомъ полк. Гурко, который къ 3 ч. дня выдвинулся къ боевымъ частямъ лѣваго фланга Зарайскаго полка, и такимъ образомъ установилъ связь съ 17-мъ арм. корпусомъ. Находясь восточнѣе д. Сяодаляньгоу и узнавъ, что г.-м. Орловъ находится по-близости, бар. Штакельбергъ послалъ за нимъ своего ординарца и, когда онъ прибылъ, приказалъ ему остановить дальнѣйшее отступленіе ввѣреннаго ему отряда и продвинуть впередъ стоявшій тутъ баталіонъ Бузулукскаго полка. На это приказаніе г.-м. Орловъ просилъ разрѣшенія командира 1-го Сиб. корпуса собрать сначала весь свой отрядъ, привести его въ порядокъ и тогда—повести ихъ въ дѣло, но ген. бар. Штакельбергъ настоятельно потребовалъ, чтобы генералъ Орловъ немедленно лично проѣхалъ впередъ и остановилъ отступленіе его частей. Тогда г.-м. Орловъ подъѣхалъ къ баталіону Бузулукскаго полка, при которомъ находился и командиръ 2-й бригады 54-й пѣх. дивизіи г.-м. Фоминъ; г.-м. Орловъ верхомъ, рядомъ съ нимъ г.-м. Фоминъ—пѣшкомъ повели баталіонъ въ атаку на японцевъ, встрѣтившихъ ихъ огнемъ, и тотчасъ оба генерала

были ранены. Тѣмъ временемъ наступленіе японцевъ пріостановилось, части 1-го Спб. арм. корпуса остались на занятыхъ ими позиціяхъ, а разстроенныя и сильно порѣдѣвшія части бригады генерала Орлова находились въ безпорядочномъ отступленіи къ жел.-дорожному полотну, по которому онѣ стягивались къ разъѣзду № 8, гдѣ и приводились въ нѣкоторый порядокъ своими офицерами".

Въ этихъ краткихъ, сухихъ чертахъ недостаточно обрисована картина той боевой страды, которую пришлось понести нашему солдату. Вотъ, съ цѣлью дополнить, развить эту картину, я и обращаю вниманіе на живой разсказъ командира Псковскаго полка М. Грулева, тоже попавшаго въ эту несчастную исторію, но счастливо изъ нея вышедшаго.

„Тронулись впередъ, говоритъ М. Грулевъ, „баталіоны Инсарскаго полка, а вслѣдъ за ними вытянулся и мой полкъ. Черезъ полчаса вся колонна наша, двигавшаяся по узкой пѣшеходной дорогѣ, точно потонула въ гаоляновомъ морѣ. Мы видѣли только небо надъ нашими головами и необозримое море качающихся головокъ гаоляна".

„Тѣмъ временемъ все явственнѣе и сильнѣе доносилась канонада со стороны Сахутуня, гдѣ, повидимому, кипѣлъ жестокій бой. Необходимо было торопиться, а тутъ какъ разъ Инсарскій полкъ почему-то остановился, заставивъ и насъ остановиться. Я нѣсколько разъ напоминалъ командиру Инсарскаго полка черезъ своего полкового адъютанта о необходимости двигаться скорѣй и безостановочно и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, скомандовалъ своей колоннѣ двинуться напроломъ— черезъ инсарцевъ и черезъ гаолянъ. Черезъ четверть часа мы уже обогнули голову колонны Инсарскаго полка, который стоялъ у окраины деревни, приваливъ около колодца. Встрѣтившій меня здѣсь командиръ этого полка полковникъ Л—мъ заявилъ мнѣ, что онъ остановился, не зная дороги на Сахутунь, но двинется вслѣдъ за мной колонной. Не зналъ и я дороги на Сахутунь: мы двигались по компасу, держа направленіе на юго-западъ".

„Не успѣли мы пройти и 1/2 версты отъ колонны инсарцевъ, какъ попали подъ шрапнельный огонь японцевъ, поражавшій нашу колонну во флангъ. Въ это же время мы наткнулись въ гаолянѣ на отступавшія на насъ нѣкоторыя роты Инсарскаго полка, занимавшія, повидимому, дер. Цышань. Встрѣченный мною здѣсь штабъ-офицеръ этого полка обратился ко мнѣ за

помощью, указывая, гдѣ засѣли японцы. Нельзя было пройти мимо и не оказать поддержки своимъ; тѣмъ болѣе, что нельзя было продолжать движеніе фланговымъ маршемъ, выставляя подъ шрапнельный огонь свою колонну во всю ея длину. Надо было повернуть ее лицомъ къ противнику и развернуть боевой порядокъ. Такимъ образомъ, наше движеніе на Сахутунь отступило куда-то на заднiй планъ.

„Я выдвинулъ въ боевую позицію 1-й баталіонъ, давъ ему направленіе правымъ плечомъ впередъ, и начали энергично наступать подъ жестокимъ огнемъ, артиллерійскимъ и ружейнымъ, стремясь охватить то мѣсто, гдѣ, какъ намъ указывали отступившіе инсарцы, засѣли японцы. Не было никакой возможности оріентироваться въ этомъ проклятомъ гаолянѣ. Трудно было опредѣлить даже направленіе—откуда въ насъ стрѣляютъ: мы двигались, какъ въ безпросвѣтномъ лѣсу, видя лишь, какъ падаютъ наши убитые и раненые подъ характернымъ свистомъ и шелестомъ пуль, прорѣзывающихъ гаоляновые стебли, какъ казалось, по всѣмъ направленіямъ. Да и дѣйствительно—насъ поражали и съ фронта и съ лѣваго фланга, чему имѣется у меня документальное доказательство: ружейной пулей пробило у меня переднюю луку сѣдла слѣва направо въ то время, когда я двигался за фронтомъ нашей цѣпи. Это была удачная „рана“—взяла бы пуля на полдюйма вправо, и я получилъ бы смертельную рану въ животъ. Меня ссадили съ лошади, сидя на которой я могъ хоть что-нибудь видѣть на поверхности гаолянового океана, но зато и представлялъ собою кой-какую цѣль. Спѣшившись, я убѣдился, что мы двигаемся и дѣйствуемъ совершенно вслѣпую: офицеры увѣряютъ, что въ насъ стрѣляютъ будто бы наши же“...

„Двигаясь за цѣпью, въ гаолянѣ, я наткнулся на группу деревьевъ и невысокій могильный холмикъ среди нихъ, который давалъ хоть нѣкоторый кругозоръ.

„Тутъ же укрылась немного отъ губительнаго огня 5-я рота, служившая ближайшей поддержкой для боевой части; остальнымъ двумъ ротамъ, 2-го баталіона, я указалъ стать около нашей полубатареи, которая направилась среди гаоляна искать себѣ „позицію“.

„Намъ казалось, что все спасеніе теперь въ артиллеріи: насъ бьютъ перекрестнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, на который мы отвѣчать не можемъ, потому что изъ винтовки

по закрытымъ цѣлямъ можно стрѣлять лишь наугадъ, а современная скорострѣльная пушка можетъ стрѣлять со дна гаоляна. Къ счастью, мнѣ сообщили, что около $^1/_2$ версты отъ насъ направляется куда-то вся 26-я артиллерійская бригада. Я послалъ туда полкового адъютанта, затѣмъ самъ бросился туда вскачь, упросить дать мнѣ одну батарею. Благодаря отзывчивости командира бригады, мнѣ недолго пришлось просить и мнѣ предоставлена была 5-я батарея, которая сейчасъ же отдѣлилась и направилась на позицію около дер. Таяпу" [1]).

„Было около часу пополудни. Посмотрѣлъ я на сопку, у подошвы которой мы стояли сегодня утромъ, находившуюся влѣво (къ востоку) отъ меня въ разстояніи 1—$1^1/_2$ верстъ. На сѣверномъ склонѣ этой сопки, обращенномъ, значитъ, къ нашему тылу и скрытомъ отъ японцевъ лежали наши войска, вѣроятно, Бузулукскій полкъ. Благодаря бѣлоснѣжнымъ гимнастическимъ рубашкамъ, длинные правильные ряды ротъ мнѣ видны были, какъ на ладони. Японская артиллерія буквально засыпала этотъ склонъ горы шрапнельнымъ огнемъ: кудреватые дымки шрапнельныхъ разрывовъ цѣлыми десятками, очевидно, отъ батарейныхъ залповъ, поминутно мелькали надъ бѣлыми линіями нашихъ ротъ, которыя лежали на открытой, голой поверхности сопки".

„Видно было издали, какъ люди лежали, точно притаившись, не шевелясь, видимо, захваченные уже цѣпкими когтями безжалостной смерти. Сердце кровью обливалось, глядя на эту ужасающую картину и видя свое безсиліе помочь какъ-нибудь. Вѣдь никого и ничего не видишь. Что бы, хоть какіе-нибудь окопы были вырыты на этомъ склонѣ заблаговременно! А вѣдь это такъ возможно было. А теперь во всю свою длину, рядъ за рядомъ, точно завѣдомо обреченныя на смерть жертвы, лежатъ эти роты, не будучи въ силахъ со своей стороны отвѣтить хоть ружейнымъ огнемъ.

„О, опытъ,—опытъ великое дѣло! Для 54 дивизіи это была первая встрѣча съ непріятелемъ. И я увѣренъ, что при послѣдующихъ встрѣчахъ Бузулукскія роты навѣрное принимались укрѣпляться, не дожидаясь особыхъ приказаній" [2]).

---

[1]) М. Грулевъ, ч. I, стр. 246—248.
[2]) Тамъ же, стр. 251.

„Капитанъ Ж—тъ быстро поднялъ роту, скомандовалъ цѣль, разстояніе и открылъ огонь. Я въ бинокль слѣдилъ за результатами залповъ, которые, безъ сомнѣнія, были весьма удачны и сразу попали въ точку: тянувшаяся длинная кишка горной батареи порвалась во многихъ мѣстахъ и бросилась многими концами въ разныя стороны, видимо, ища закрытій“.

„Но пѣхота,—пѣхота японская меня поразила своей ловкостью и проворствомъ: по условіямъ мѣстности, какъ батареѣ, такъ и пѣхотѣ, приходилось дебушировать изъ горъ и направиться затѣмъ по нашему гаоляновому полю къ Янтайскимъ копямъ, т.-е. на лѣвый флангъ моей боевой линіи или фронта: позиціей никакъ нельзя было назвать это проклятое гаоляновое поле; дебушируя изъ горнаго ущелья и пересѣкая высокій гребень, отдѣлявшій эти горы отъ гаоляноваго поля, японцы не втягивались длинной кишкой прямо въ гаолянъ, гдѣ легко было потерять всякую связь и разбрестись въ разныя стороны, а выбѣгая изъ ущелья, они цѣлыми ротами, точно изъ-подъ земли, выростали длинными цѣпями на гребнѣ, показываясь во весь ростъ на одну-двѣ секунды, а затѣмъ вся шеренга *ныряла* въ прилегающій гаолянъ, совершенно исчезая изъ виду. Конечно, двигаясь фронтально цѣлыми шеренгами, держа, такъ сказать, другъ друга за руку—значительно легче въ гаолянѣ не терять связь и сохранить данное направленіе“.

„Это дебушированіе, выстраиваніе шеренгъ на гребнѣ и пропаданіе ихъ въ гаолянѣ происходили, однако, такъ быстро, что наша рота не успѣвала залпомъ изловить шеренги при появленіи ихъ на гребнѣ. Точно акробаты на сценѣ, онѣ появлялись и пропадали въ гаолянѣ“.

„Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько залповъ, какъ, точно чудовищнымъ хлыстомъ стеганули по насъ,—понеслись къ намъ откуда-то отвѣтные залпы, которые такъ насъ ударили сразу, что роты шарахнулись назадъ и, можетъ-быть, готовы были исчезнуть въ гаолянѣ. Я разразился—признаюсь, къ моему стыду—отборной площадной руганью, которая, однако, подѣйствовала, должно-быть, отрезвляющимъ образомъ: ко мнѣ присоединились ротные командиры, и мы заставили людей стать на прежнее мѣсто; 5 рота возобновила свои залпы, а намъ откуда-то продолжали отвѣчать“.

„Не прошло и полчаса, какъ насъ стали поражать жестокимъ огнемъ съ лѣваго фланга. Я оглянулся на сопку, на которой ле-

жали бѣлыя линіи ротъ Бузулукскаго полка. Тамъ уже бѣлыхъ линій этихъ не видно было; не видно было и шрапнельныхъ разрывовъ японскихъ. Зато съ этой сопки несется характерная трескотня пулеметовъ; несмолкаемый свистъ и шипѣніе охватываютъ насъ смертельной струей, направляющейся вдоль линіи нашего фронта. Жестокій артиллерійскій огонь смелъ, очевидно, роты Бузулукскаго полка, а подкравшаяся по гаоляну японская пѣхота съ пулеметами сейчасъ же и заняла сопку"... [1])

„Черезъ нѣсколько минутъ является казакъ съ приказаніемъ отъ начальника отряда „отступить за желѣзную дорогу". Но это легко сказать подняться и отступать: когда—лежа въ гаолянѣ, мы несемъ чувствительныя потери, охваченные съ фронта и фланга,—что же съ нами будетъ, если начать отступленіе? Хотя движеніе по гаоляну какъ будто совершается скрытно отъ глазъ противника; но на самомъ дѣлѣ я замѣтилъ, что огонь усиливается какъ разъ въ минуты передвиженія по гаоляну,—что можно объяснить тѣмъ, что при зоркомъ наблюденіи издали, съ высотъ, нетрудно замѣтить усиленное движеніе и качаніе въ разныя стороны тяжеловѣсныхъ макушекъ гаоляна при перебѣжкахъ массы людей; при этомъ пробѣжитъ еще группа людей съ ружьями на плечо, такъ-что издали видны сверкающіе на солнцѣ штыки, покажется голова скачущаго всадника и т. п. Всѣ такіе признаки обнаруживаютъ издали скрытое, повидимому, движеніе по гаоляну, и внимательный противникъ сейчасъ же направляетъ туда огонь" [2]).

„Тѣмъ временемъ огонь японцевъ усиливается. Артиллеріи нашей не слыхать. При этомъ душитъ невыносимая жара. Люди измучены до послѣдней степени. Было около 4 час. пополудни. Люди уже 12 часовъ въ безпрерывной работѣ; почти все время подъ огнемъ. На бѣду, нѣтъ нигдѣ хотя бы лужи съ какой-нибудь жидкостью. Истекающіе кровью раненые молятъ о глоткѣ воды, но гдѣ ее взять?" [3]).

„Начало уже смеркаться. Съ обѣихъ сторонъ огонь ослабѣлъ. Баталіонъ стрѣлковъ, послѣ того, какъ унесли командира полка, все-таки куда-то отступилъ. Сидя въ цѣпи, окруженный офицерами 4 баталіона, я сталъ обдумывать наше положеніе. Не только

---

[1]) М. Грулевъ, ч. 1, стр. 252—254.
[2]) Тамъ-же, стр. 255.
[3]) Тамъ же, стр. 260—263.

во рту, но и въ головѣ, кажется, все пересохло. Напалъ какой-то столбнякъ. Смертельная усталость одолѣваетъ вконецъ; —хочется упасть и заснуть, а тамъ будь—что будетъ; жжетъ жажда. Кто-то досталъ горсточку сухарной трухи. Я вспомнилъ, что можетъ-быть, и у меня въ коробкахъ сѣдла что-нибудь найдется; принесли кусочекъ завалявшагося шоколада“ [1]).

„Стрѣльба ружейная и артиллерійская бушевала какъ ураганъ, но продолжалась недолго—минутъ 10—15; затѣмъ стала затихать, затихли и одиночные, запоздалые выстрѣлы. Водворилась полная тишина. На днѣ гаоляна насъ охватываетъ и сплошной мракъ кругомъ. Мы все продолжаемъ спѣшить куда-то. Хватились,—потеряли въ гаолянѣ и подпоручика И—ва, оторвалась голова колонны;—долго ли потеряться, стоитъ на шагъ взять въ сторону“.

„Было безумно углубляться дальше, завѣдомо въ тѣсной близости съ противникомъ, на котораго можно было напороться неожиданно. Я опять остановился. Составили ружья, и люди тутъ же упали и заснули, какъ убитые“.

„Собрались и мы тутъ, всѣ офицеры, въ одну ямку. Стали обсуждать наше положеніе. Люди уже около 20-ти часовъ безпрерывно были на ногахъ и безъ пищи. Нашъ обозъ и кухни мы оставили на Янтайскихъ копяхъ, которыя теперь въ рукахъ японцевъ и горятъ уже часа три яркимъ пламенемъ. Мы порѣшили раньше всего обезопасить наше положеніе и привалить гдѣ-нибудь около воды. Было безумно оставить полкъ въ гаолянѣ; нервы у людей были напряжены до крайности, и достаточно было какой-нибудь пустой случайности, чтобы вызвать панику“ [2]).

„Подъѣхалъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ въ сопровожденіи огромной свиты, которая казалась еще больше при многочисленномъ конвоѣ. Подъѣхалъ къ полку, и тоже почему-то началъ поносить насъ... Я да, вѣроятно, и многіе офицеры полка не могли отдать себѣ отчетъ,—что это происходитъ съ нами. Вѣдь мы—строевые бойцы,—никакихъ штабныхъ распоряженій не знали. Совершенно не знали и не знаемъ, кто у нихъ тамъ напуталъ и что именно,—нужно было намъ обороняться или наступать. Мы знаемъ одно: когда войска бились на-смерть, истекая кровью, никто изъ начальниковъ не показывался. А те-

---

[1]) М. Грулевъ, ч. 1, стр. 260.
[2]) Тамъ же, стр. 265.

перь, когда бой кончился, появилось такое обиліе начальства; и всѣ ругаются; варварски ругаютъ остатки мучениковъ, случайно пощаженныхъ смертью"...

„Однако за что? Развѣ мы отдали какую-нибудь ввѣренную намъ позицію? Развѣ мы не умирали вчера длинный-длинный день? Развѣ мы не дошли до какого-нибудь указаннаго намъ пункта атаки? Чего отъ насъ хотятъ? За что ругаютъ???"

„— А вы",—обращаясь ко мнѣ, прибавилъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ,—вы должны были умереть вчера, должны были быть убиты...

„Пожалуй, можетъ-быть, дѣйствительно въ томъ моя великая вина, что я живъ...

„Но вѣдь и смерть, большая капризница. Мало ли она вчера заигрывала со мною! Чѣмъ же я виноватъ, что она поиграла да бросила, до другого раза? Неужели мнѣ учинить надъ собою харакири? Вѣдь для Россіи, для арміи-то нашей, моя смерть безразлична"...

„Кончилъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ свою ругань, отпустилъ полкъ. Меня окружили офицеры, крайне взволнованные жестокими словами командующаго арміей:—„Что мы сдѣлали, г. полковникъ? Въ чемъ наша вина?.." Но вѣдь меня также мучитъ тотъ же вопросъ;—что я имъ могъ сказать? „Намъ, господа, нужно было умереть вчера, и мы были бы правы— „бо мертвые срама не имутъ"... На всѣхъ лицахъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ видно было крайнее смущеніе. Намъ больно было смотрѣть въ глаза другъ другу".

„Черезъ нѣсколько минутъ меня потребовали къ генералъ-адъютанту Куропаткину, и онъ началъ меня разспрашивать объ обстоятельствахъ боя въ значительно смягченномъ тонѣ. Я доложилъ, что могъ и затѣмъ прибавилъ, что полкъ крайне смущенъ незаслуженнымъ приговоромъ".

„— Ну, успокойте людей". Вѣдь съ вашимъ полкомъ я поздоровался, въ отличіе отъ этихъ полковъ",—утѣшилъ меня генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, указывая на расположенные недалеко отъ насъ Инсарскій и Бузулукскій полки.

„Повидимому, командующій арміей почувствовалъ свою несправедливость къ Псковскому полку послѣ того, какъ сорвались горячія фразы съ накипѣвшаго сердца. Я утѣшилъ нижнихъ чиновъ словами, сказанными мнѣ генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ, хотя и не въ присутствіи всего полка. И всѣ

мы, кажется, всѣмъ сердцемъ, искренно простили любимаго командующаго арміей, стараясь постигнуть великую драму, которую онъ долженъ переживать душой въ эту минуту, испытывая новую неудачу послѣ того, какъ всѣ надежды возлагались на Ляоянскія укрѣпленія.

„А генералъ-адъютанта Куропаткина долго и упорно любила армія,—любила и вѣрила не менѣе упорно, не переставая вѣрить даже послѣ Мукденской катастрофы“ [1]).

„Поздно вечеромъ 20 августа командующему арміей было извѣстно только объ одной постигшей насъ неудачѣ—объ отступленіи отряда г.-м. Орлова. На остальномъ фронтѣ войскъ правобережной группы обстановка еще не обрисовалась, и г.-ад. Куропаткинъ намѣревался на слѣдующій день продолжать приведеніе въ исполненіе задуманнаго имъ плана: войсками 17-го арм. корпуса удерживаться на Сыквантуньской позиціи, а всѣми остальными корпусами зайти лѣвымъ плечомъ впередъ, ударить въ правый флангъ переправившейся арміи бар. Куроки и припереть ее къ р. Тайцзыхэ“ [2]).

„Поступавшія въ теченіе дня и вечеромъ 20 августа въ Штабъ арміи донесенія не могли внушать особыхъ опасеній. На правомъ флангѣ арміи, въ отрядѣ г.-м. Кондратовича, находившагося у форта № 8, все было спокойно. Связь съ отрядомъ г.-м. Грекова (Владиміра), была установлена. Дѣло обороны Ляоянскихъ укрѣпленій войсками г.-л. Зарубаева шло успѣшно [3]).

А въ ночь на 21 августа ген. Куропаткинъ рѣшилъ очистить Ляоянъ и отступить къ Мукдену.

„Это рѣшеніе у командующаго арміей созрѣло тотчасъ же по полученіи приведеннаго выше донесенія отъ генер. Бильдерлинга. На этомъ донесеніи генер. Куропаткинъ положилъ слѣдующую резолюцію: „Очень печально, въ виду отступленія и Штакельберга, приходится принять рѣшеніе отступить къ Мукдену и далѣе. Тамъ собраться, укомплектоваться и идти впередъ“ [4]).

Въ ночь на 22 августа японцы заняли нашъ укрѣпленный раіонъ отъ р. Тайцзыхэ до редута Е.

---

[1]) М. Грулевъ, ч. I, стр. 275.
[2]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 244.
[3]) Тамъ же, стр. 245.
[4]) Р.-Яп. война въ сообщ. Акад. Ген. Штаба, часть 1, стр. 244.

„Всѣ предшествовавшія атаки упорно нами обороняемыхъ позицій потребовали отъ японцевъ невѣроятныхъ усилій и жертвъ. Начиная съ 12 по 22 августа войска 2-й и 4-й японскихъ армій почти безпрерывно были въ походѣ по труднопроходимымъ дорогамъ или въ упорныхъ бояхъ съ непріятелемъ“.

„Вотъ почему, надо полагать, по захватѣ линіи нашихъ позицій у японцевъ не было ни силъ, ни свѣжихъ частей, чтобы тотчасъ продолжать наступленіе и на плечахъ отходившихъ русскихъ арріергардовъ дойти до р. Тайцзыхэ.

„Около полуночи подъ Ляояномъ все стихло“.

„Утомленныя и удрученныя отступленіемъ, войска г.-л. Зарубаева перешли р. Тайцзыхэ и сожгли за собою всѣ переправы“.

„Не менѣе утомленные и сильно порѣдѣвшіе, японскіе баталіоны заняли брошенныя нами позиціи, ознаменовавъ новую побѣду криками „ура“ и „банзай“, но дальше въ эту ночь не двинулись“.

„22-го августа войска 2-й и 4-й японскихъ армій у г. Ляояна, нашли всѣ переправы черезъ р. Тайцзыхэ уничтоженными и дальше наступать не могли, разбирая свои перемѣшавшіяся части, и только 10-я дивизія, найдя бродъ у д. Эфа, перебросила часть своихъ силъ на правый берегъ рѣки“.

„22 августа не двинулась впередъ и 1-я армія генерала бар. Куроки“ [1]).

„Пока войска 1-го Спб. корпуса сдерживали наступленіе частей 1-й японской арміи „направлявшейся на лѣвый флангъ нашей арміи отъ Янтайскихъ копей, и частей отряда г.-м. Умесавы, всѣ остальные корпуса нашей арміи, не преслѣдуемые противникомъ, продолжали отступленіе къ Мукдену“ [2]).

„Въ своихъ замѣткахъ о войнѣ съ Японіей бывшій начальникъ штаба 5-го Спб. арм. корпуса г.-м. Яковлевъ отступленіе къ Мукдену описываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Распространеннаго мнѣнія, что отступленіе нашей арміи отъ Ляояна къ Мукдену совершено въ примѣрномъ порядкѣ, не могу раздѣлить“.

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 269.

[2]) Тамъ же, стр. 287.

„Отсутствіе потерь орудій, обозовъ и т. д. слѣдуетъ отнести, главнымъ образомъ, къ тому, что японцы насъ совершенно не преслѣдовали, надо полагать, вслѣдствіе отсутствія у нихъ кавалеріи съ конной артиллеріей, утомленія ихъ пѣхоты и, можетъ-быть, израсходованія ими снарядовъ".

„Дѣйствительно, съ 22 по 26 августа, когда шло отступленіе, не было слышно ни одного орудійнаго выстрѣла — японцы какъ-будто куда-то исчезли".

„Я не знаю, какъ отступали аррьергарды — увѣренъ, что въ полномъ порядкѣ, — но главныя силы арміи, въ видѣ лавы изъ войскъ, обозовъ, госпиталей, парковъ, штабовъ, текли на сѣверъ вперемежку. Главной причиной этого было отсутствіе картъ мѣстности между Ляояномъ и Мукденомъ. Была маршрутная 4-верстная съемка желѣзной дороги и Мандаринской дороги приблизительно полосою въ 8 верстъ; но она была очень не точна и не полна и какъ разъ параллельныя Мандаринской дороги нанесены не были. Хотя къ приказанію по арміи объ отступленіи, насколько помню, и было приложено кроки дорогъ, распредѣленныхъ между корпусами, но кроки это было настолько схематично, что по нему оріентироваться нельзя было. Большинство, параллельныхъ Мандаринской дорогъ имѣли выходы на нее; поэтому много войскъ, обозовъ и т. д. въ концѣ концовъ очутились на ней. Напримѣръ, нашъ 5-й Сиб. корпусъ долженъ былъ отступать, кажется, по самой восточной дорогѣ, а, между тѣмъ, уже на второмъ переходѣ, за отсутствіемъ картъ, очутился у Сахэпу на Мандаринской дорогѣ".

„Полагаю, что большая часть войскъ отступила по этой дорогѣ, а не по предназначеннымъ имъ дорогамъ. Впрочемъ, это можетъ-быть, и счастье, такъ какъ это была единственная дорога, гдѣ были прочные каменные мосты. Можетъ-быть, отступая по расписаннымъ дорогамъ, многія части уткнулись бы въ концѣ концовъ въ непроходимыя рѣчки и болота; вѣдь какъ были сдѣланы рекогносцировки этихъ дорогъ—является еще вопросомъ? Дороги были очень тяжелыя, топкія, невылазная грязь—къ счастью нашему, довольно многочисленные образчики такихъ дорогъ мы имѣемъ въ самой Россіи и привыкли къ нимъ".

„22 августа днемъ погода стояла жаркая, хорошая, къ вечеру пошелъ дождикъ, который шелъ ночью. 23 августа день былъ солнечный, очень жаркій. 24 и 25 августа погода была хо-

рошая. Съ 26 на 27 августа ночью была страшная гроза, которая сильно испортила дороги. Черезъ 4 наведенныхъ и 1 желѣзнодорожный мосты на р. Хуньхэ войска и обозы отступали нѣсколько дней; нужно при этомъ отдать справедливость русскому человѣку въ быстротѣ, съ которой онъ разбирается въ самомъ невозможномъ хаосѣ: армія наша, перейдя черезъ р. Хуньхэ, черезъ нѣсколько дней пришла въ относительный порядокъ: наша напримѣръ, 2-я бригада 54-й пѣх. дивизіи, разбитая 20 августа у копей Янтай, пережившая въ тотъ же день страшную панику, потерявшая при этомъ болѣе 1.000 человѣкъ, сдѣлавшая затѣмъ по невылазной грязи походъ, — отдохнувши одинъ день подъ г. Мукденомъ, въ полномъ порядкѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, 27-го августа выступила на позицію у Ты-А-Ши-инза“ [1]).

„23 августа японскія войска послѣ нѣкотораго отдыха продвинулись нѣсколько впередъ, остановились и начали приводить себя въ порядокъ“ [2]).

„Дальнѣйшее преслѣдованіе русской арміи не входило въ планы главной квартиры маршала маркиза Ойямы; японскія арміи получили приказаніе разобраться и развернуться на правомъ берегу р. Тайцзыхэ, на линіи Янтайскія копи — Янтай — Лабатай“.

„Благодаря такому образу дѣйствій японцевъ, 24 и 25 августа наша армія имѣла возможность вполнѣ спокойно совершить предписанныя ей передвиженія и сосредоточиться вокругъ г. Мукдена.

„Ночь на 24 августа на всемъ фронтѣ Манчжурской арміи прошла спокойно“.

„24 августа съ ранняго утра, во исполненіе отданной наканунѣ диспозиціи по Манчжурской арміи, ея корпуса и отряды, а также и колонны обозовъ различныхъ разрядовъ и тыловыя учрежденія продолжали отступленіе къ Мукдену [3]).

„Такъ 25 августа 1904 г. наша Манчжурская армія сосредоточилась къ г. Мукдену, закончивъ на этомъ второй періодъ кампаніи, въ теченіе котораго, превосходя нѣсколько своею численностью три японскія арміи и имѣя конницу втрое многочисленнѣе непріятельской, она все время отступала, выполняя планъ

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 291.
[2]) Тамъ же, стр. 294.
[3]) Тамъ же, стр. 295.

командующаго арміей, рѣшившаго отходить на сѣверъ, пока прибывающія изъ Россіи подкрѣпленія не дали бы ей необходимаго для активныхъ дѣйствій превосходства передъ непріятелемъ, котораго командующій арміей считалъ почти въ полтора раза сильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности [1]).

„Несмотря на сильное утомленіе почти непрерывными десятидневными боями, трудные переходы по распустившимся дорогамъ, безсонныя ночи на фортификаціонныхъ работахъ на позиціяхъ, въ сторожевыхъ охраненіяхъ и въ бояхъ, на огромныя потери и нравственное, вслѣдствіе постоянныхъ отступленій, угнетеніе, наша армія по приходѣ на новые биваки близъ Мукдена быстро оправилась. Уже 29 августа на бивакахъ слышалась музыка, и войска готовы были вновь итти въ упорный бой, что и доказали въ Шахэйскомъ сраженіи“.

„По отступленіи отъ Ляояна командующій арміей, повидимому, пришелъ къ заключенію о преувеличенномъ до того времени подсчетѣ силъ японцевъ, т. к. уже 26 августа въ диспозиціи, своей по арміи предупреждалъ ее, что имѣетъ въ виду подготовить переходъ въ наступленіе“ [2]).

Отходила наша армія къ Мукдену. Шелъ съ ней и М. Грулевъ, ведя свой полкъ. Нельзя же не дать мѣста его впечатлѣніямъ.

„Весь переходъ 23-го августа (и 24-го) нижніе чины украдкой, но тревожно озирались на горы вправо отъ насъ, т.-е. со стороны Янтайскихъ копей; и если при всемъ томъ армія совершила свое отступленіе вполнѣ хладнокровно, то это ей дѣлаетъ честь и славу“.

„Почему подъ Ляояномъ армія справилась съ болѣе трудной задачей, чѣмъ подъ Мукденомъ, можно объяснить лишь тѣмъ, что моральная упругость нашей арміи подъ Ляояномъ была выше, чѣмъ подъ Мукденомъ; подъ вліяніемъ длиннаго ряда неудачъ и пораженій износились постепенно нервы, а прибывшіе запасные изъ Россіи отравили остатки таившейся въ насъ вѣры въ свои силы и въ наше дѣло“.

„Да! Бываютъ, несомнѣнно, „герои проигранныхъ сраженій“, какъ бываютъ также, несомнѣнно, чрезвычайно искусно выполненныя сложныя военныя операціи, которыя, при видимыхъ

---

[1]) В.-И. К., т. III, ч. 3, стр. 301.
[2]) Тамъ же, стр. 304—305.

отрицательныхъ результатахъ, въ дѣйствительности скрываютъ въ себѣ блестящій успѣхъ. Къ такимъ именно операціямъ надо отнести отступленіе нашей арміи изъ Ляояна. Мы такъ привыкли восторгаться боевыми качествами японцевъ,—и я отнюдь не намѣренъ умалять ихъ,—что должны были бы выразить великое удивленіе, какъ это три сосредоточенныхъ арміи, занявъ такое чудовищно-выгодное стратегическое положеніе относительно противника, позволили ему безнаказанно выйти изъ великой бѣды. А между тѣмъ, никто этому не удивляется, точно такъ и должно было быть".

„Говорятъ, что армія Куроки была сильно утомлена почти девятидневнымъ боемъ,—что у японцевъ вышли боевые запасы и т. п. Все это не можетъ служить оправданіемъ при данной обстановкѣ, когда чуть ли не цѣлая непріятельская армія висѣла надъ нашей жизненной артеріей въ разстояніи 3-4 часовъ марша; и если грандіозная военная операція оказалась не использованной японцами, свелась для нихъ въ пустую,—если не считать простое занятіе Ляояна, который все же вѣдь не крѣпость,—то только потому, что со стороны русской арміи были своевременно приняты искусныя мѣры, а также и потому, что японскіе военачальники оказались не на высотѣ сложной задачи. Повторяемъ, что чрезмѣрное утомленіе войскъ не можетъ служить оправданіемъ бездѣятельности при подобной обстановкѣ, когда возможны чрезвычайныя послѣдствія: Наполеонъ I при одной изъ такихъ операцій, за неимѣніемъ войскъ, посадилъ барабанщиковъ на коней, чтобы преслѣдовать отступающаго противника... Маршалъ Ойяма телеграфировалъ даже въ Токіо 23-го—24-го августа, что онъ тѣснитъ русскую армію на сѣверъ; но тутъ очень мало или, вѣрнѣе сказать, вовсе нѣтъ правды; при отступательномъ движеніи нашей арміи изъ Ляояна въ Мукденъ, я шелъ со своимъ полкомъ въ арріергардѣ, смѣняясь съ 12-мъ полкомъ, прикрывая движеніе нашихъ войскъ, и не понесъ почти никакихъ потерь. Вѣдь огромная армія съ многочисленными обозами должна была совершить три перехода при очень невыгодномъ стратегическомъ положеніи; при такой обстановкѣ назначеніе арріергарда—служить цѣликомъ жертвой искупленія для всей арміи... А намъ это обошлось въ нѣсколько человѣкъ раненыхъ. Значитъ, „тѣснили" слабо" [1]).

---

[1]) М. Грулевъ, ч. I, стр. 291.

„Въ свое время печать всего міра громко, и вполнѣ заслуженно, превозносила искусство генералъ-адъютанта Куропаткина, проявленное имъ во время отступленія отъ Ляояна; японцы готовили намъ Седанъ и были совершенно близки къ осуществленію этого плана, и тѣмъ не менѣе, армія наша въ удивительномъ порядкѣ отступила, высвободившись изъ весьма опаснаго положенія. По моему крайнему разумѣнію, основанному на критической оцѣнкѣ всѣхъ операцій минувшей войны, искусное отступленіе нашей арміи отъ Ляояна представляетъ собою лучшую заслугу бывшаго главнокомандующаго передъ Родиной, потому что, повторяю, арміи нашей подъ Ляояномъ грозила гибель. Было бы, конечно, лучше, если бы генералъ-адъютантъ Куропаткинъ далъ намъ побѣду вмѣсто искуснаго отступленія. Но это уже другой вопросъ. Что дѣлать!—бываютъ и герои проигранныхъ сраженій“ [1]).

Ну, конечно лучше, обойтись безъ подобныхъ героевъ. А для этого надо внимательно изучать минувшую войну съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ избѣгнуть повторенія допущенныхъ ошибокъ. Въ этихъ видахъ, въ заключеніе прислушаемся къ выводамъ Академіи Генеральнаго Штаба относительно Ляоянскаго сраженія.

„Какія же причины частныхъ неудачъ нашихъ войскъ въ Ляоянскомъ сраженіи? Главной причиной является пассивность нашихъ дѣйствій“.

„Одной же изъ главныхъ причинъ нашей пассивности—неправильная организація сторожевой службы, которая всегда приводила, съ одной стороны, къ полному незнанію нами обстановки, а съ другой стороны—къ сильному и постоянному утомленію войскъ“.

„Японцы, въ цѣляхъ охраненія, всегда имѣли впереди завѣсу изъ отдѣльныхъ отрядовъ изъ трехъ родовъ войскъ и за этой завѣсой свободно маневрировали, сохраняя постоянную способность къ активнымъ дѣйствіямъ значительными силами“.

„Мы для той же цѣли охраненія неизмѣнно занимали весьма заблаговременно сплошныя позиціи, заранѣе выбранныя, а потому и извѣстныя японцамъ, и на этихъ позиціяхъ располага-

---

[1]) М. Грулевъ, ч. I, стр. 309.

лись сплошными тонкими линіями, лишаясь резервовъ и утрачивая всякую способность къ активности".

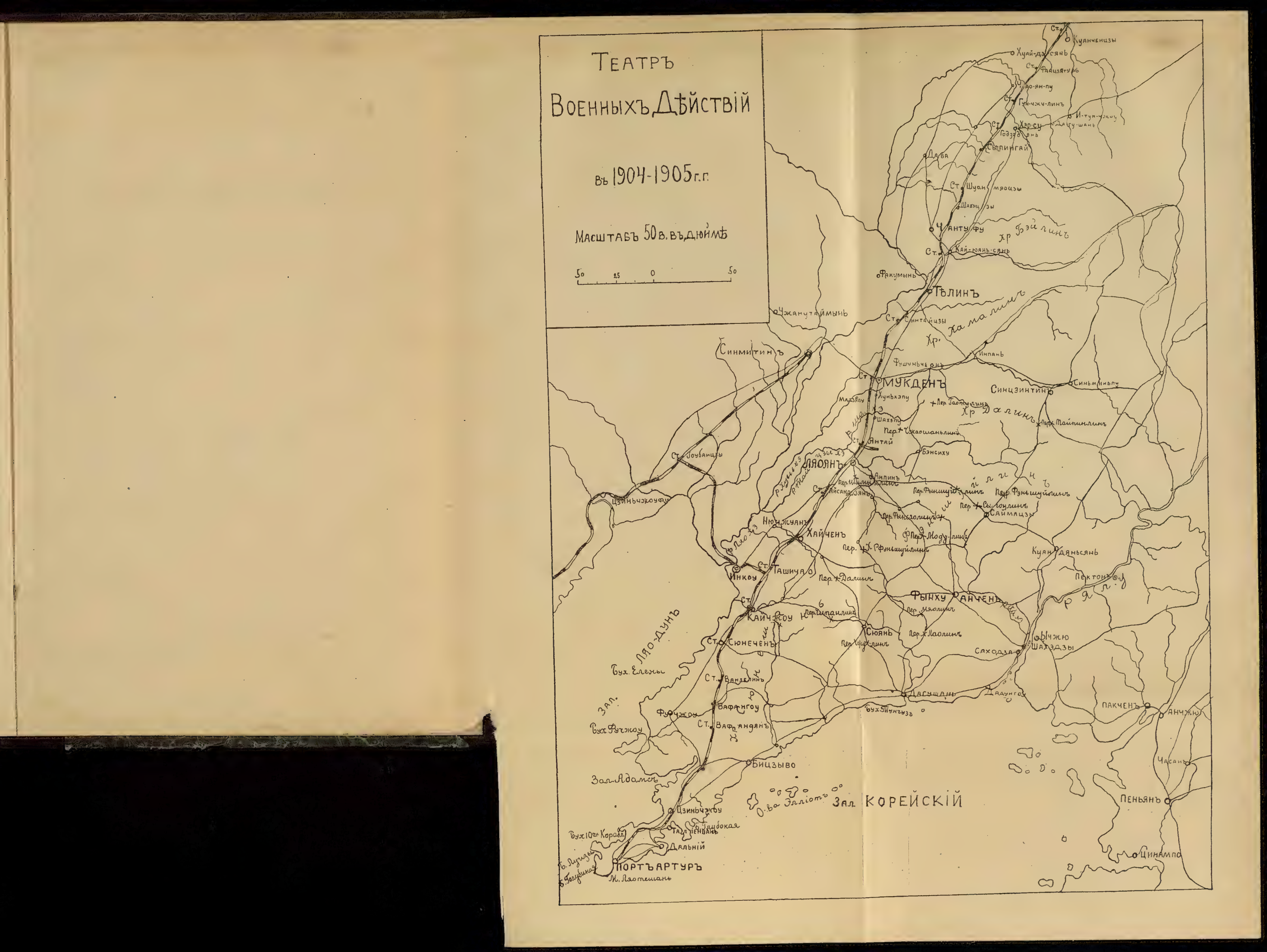
„Такой способъ дѣйствія въ Манчжуріи у насъ практиковали всѣ, а потому винить за него какихъ-либо отдѣльныхъ лицъ нельзя".

„Всѣ же дѣлали то, чему они учились, что они практикокогали въ мирное время. Такимъ образомъ, въ этомъ способѣ дѣйствій виноваты не лица, а система. Виновата школа" [1]).

А. Н. А.

---

[1]) Р.-Яп. война въ сообщ. Акад. Генер. Штаба, ч. I, стр. 245—246.


Театръ
Военныхъ Дѣйствій
въ 1904-1905 г.г.
Масштабъ 50 в. въ дюймѣ
50 25 0 50
Куанченцзы
Хуай-дэ-сянь
Чантуфу
Кай-юань-сянь
Факумынь
Тѣлинъ
Хр. Бэйлинъ
Хр. Хамалинъ
Синмитинъ
Мукденъ
Синцзинтинъ
Хр. Далинъ
Янтай
Ляоянъ
Саймацзы
Нючжуанъ
Хайченъ
Инкоу
Ташичао
Фынхуанченъ
Кайчжоу
Сюнечен
Сюянь
Сахоодза
Шахедзы
Вафангоу
Вафандянь
Бицзыво
Дагушань
Пакченъ
Анчжю
Пеньянъ
Цинампо
Чжаньянъ
Цзиньчжоу
Таліенвань
Дальній
Портъ Артуръ
Зал. Ляо-дунъ
Бух. Елены
Бух. Фучжоу
Зал. Адамсъ
О-ва Эллiотъ
Зал. Корейскій

Расположенiе сторонъ
наканунѣ
Ляоянскаго Сраженiя
Русскiя войска
Японскiя войска
Ст.
Голова I арм. Кор.
приб. по ж. д.
МУКДЕНЪ
Янсытунь
Мадяпу
р. Хуньхэ
р. Схиэ
Ст.
Сахеянъ
Сахепу
Ст. ШАХЕ
Хунлинпу
Двугор. Сопка
Бриг. г.-м. Орлова
8 б. 16 ор.
Лидiэтунь
Цыюто
10 верстъ
Ляохейскiй отр.
Г.-м. Косоговскiй
Обозы
Ст. Янтай
Тамiнзы
Льснс. сопка
Гурлевъ
4 б.
Паньлашаньцзы
пер. Каугулинь
полк.
Ромашевскiй
Шестаковъ
1 б.
ЯНТАЙ
Каменоуг. копи
Феньшень
Дабопу
Цагоу
2 сотни
Спнцзяцзы
Г. м. Любавинъ
Бенсиху
Сыдзяопу
Дайюпуза
Бриг. г.-м. Умесавы
4 бат. 6 ор. 1 эск.
2 Дагестан. кон. п.
Хоухэ
Грековъ
раз. Лихачевъ
IV сиб. корп.
Сахутунь
Сыквантунь
Чжансунтунь
52 др. Нѣжинскiй
Феншанъ
Синчень
Ст.
ЛЯОЯНЪ
р. Тайцзы-хэ
Сигуань
ЭФА
II сиб. корп.
Сибалинчжуанъ
I сиб. корп.
Юйсцутунь
X арм. к.
Ханхвашинъ
Киндятунь
Сетуниць
XII див.
Тайертунь
III сиб. к.
Кавлицунь
Садянсы
Куроки
Г. м. Акiямы
Кон.
Шахе
4 див.
6 див.
3 див.
5 див.
10 див.
Вайдагоу
Гвардiя
II дивизiя
пер. Шымынкэзы
Аньпинъ
Сыфангай
I армiя
Маштабъ 10 вер. въ 1 дюймъ
10
5
0
10
20
Слотайцзы
Савадзо
Чилинцзы
Сыфынтай
Айсандзянъ
Симишэ
Кусанцзы
II арм.
Ген. бар. Оку
IV ар. Гр. Нодзу

415
100
5
520

440
50
490